

МИФЫ И СКАЗКИ БУШМЕНОВ

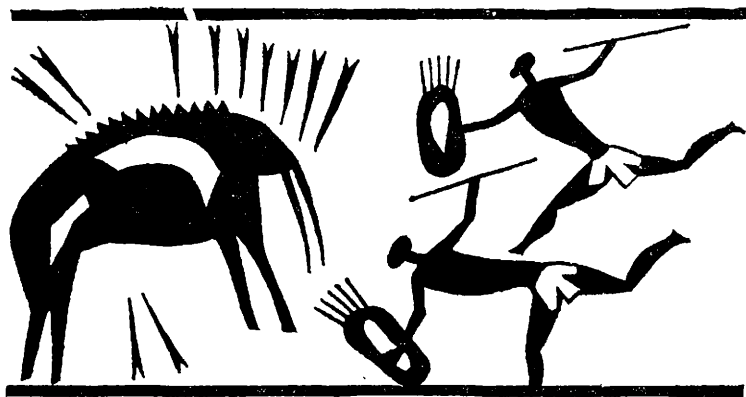
МИФЫ И СКАЗКИ
БУШМЕНОВ

**сказки
и
мифы
народов
востока**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МИФЫ И СКАЗКИ БУШМЕНОВ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

БКК 82.33

М68

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»
И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Е. С. НОВИК,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ, С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Составление, перевод с английского,
предисловие и примечания

Е. С. КОТЛЯР

Ответственный редактор

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

М 470300000—038 204-82
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

О ФОЛЬКЛОРЕ БУШМЕНСКИХ ПЛЕМЕН ЮЖНОЙ АФРИКИ

Бушменские племена, которых многие антропологи считают (наряду с готтентотами) подлинными аборигенами Южной Африки, некогда, как полагают, расселились по всей Южной и значительной части Восточной Африки, откуда их вытеснили в процессе многократных миграций с севера на юг народы негроидной расы, говорящие на языках семьи банту — сото, тсвана, группы нгуни и др.

Бушменская (или готтентотская) топонимика до сих пор преобладает в некоторых регионах Африки, прежде населенных бушменами, например в Ботсване, к югу от нижнего течения р. Окаванго до зоны Калахари, в то время как восточнее этой линии вплоть до Индийского океана встречаются преимущественно названия на языках банту. В Зимбабве до сих пор сохранилось множество сделанных бушменами изображений, техника которых указывает на их более ранний характер по сравнению с изображениями, обнаруженными в Капской области и Натале (в настоящее время входят в территорию ЮАР).

В языках некоторых банту (язык сото, языки группы нгуни), вступивших в результате миграций в контакт с автохтонными бушменскими племенами, обнаруживаются бушменские слова и характерная черта койсанских (бушменских и готтентотских) языков — наличие щелкающих (согласных) звуков¹.

Для обозначения щелкающих звуков, свойственных койсанским языкам, лингвистами приняты условные значки: дентальное щелканье обозначается /; альвеолярное ≠; церебральное !; латеральное //; характерный для южной группы бушменских языков билабиальный щелкающий звук ⊙; отмеченное в языках северной группы (кунг) палатальное щелканье обозначается ///; гортанное †. При передаче названий бушменских племен во избежание

К моменту появления европейцев бушмены населяли район Грикваленда в бассейне Оранжевой реки и районы к востоку от него, откуда затем были вытеснены в пустыни Калахари и Намиб и в значительной степени истреблены. По данным обследований за последние годы, численность бушменов определяется более чем в 70 тыс., из которых примерно половина сохранила свой прежний образ жизни. В Намибии насчитывают около 30 тыс. бушменов, в Ботсване — около 30 тыс. и несколько тысяч на территории Анголы.

Принятое в литературе наименование «бушмены» восходит к первым голландским колонистам Южной Африки и означает «люди буша». Готтентоты называют бушменов «сан», зулу, коса называют бушменов «батва»; басото — «барва»; батсвана — «масарва»; гереро — «оватва».

Бушмены принадлежат к одному из наиболее своеобразных антропологических типов земного шара, обладая одновременно негроидными и монголоидными антропологическими признаками. Волосы на голове скручиваются в узкие спиральные пучки, между которыми видна кожа, лицо плоское, кожа желтая, «цвета подсыхающей листвы», веко имеет особое строение (эпикантус), губы заметно тоньше, чем у негров. К числу специфических признаков бушменов относится часто встречающееся отсутствие мочки уха. Средний рост бушменов — около 150 см.

Бушменские племена, обитающие южнее и западнее, представляют собой наиболее чистый тип, сохраняя специфические бушменские черты, в то время как племена, расположенные севернее и восточнее, имеют признаки большего влияния банту (овамбо, баротсе, батсвана), а также готтентотов и горных дама.

Бушменские племена Южной Африки относятся к народам, ведущим бродячий образ жизни и живущим охотой и собирательством дикорастущих трав и плодов, съедобных насекомых и мелких животных. Для них характерны архаический уклад и первобытнообщинные формы социального строя. Бушмены разбиты на множество изолированных групп, включающих несколько семей. Эти группы (численностью до ста-ста пятидесяти человек, но

разночтений мы транслитерируем форму, принятую или наиболее часто встречающуюся в литературе. Что же касается фигурирующих в текстах сборника бушменских имен, названий растений и животных, отдельных реалий, то мы сочли целесообразным воспроизвести их фонетическое звучание, хотя бы приблизительно, с помощью следующих вариативных русских буквосочетаний: звуки, передаваемые с помощью знака ! как «г, гц, гх»; знака ≠ как «г, гх»; знака / как «тс»; знака // как «ц, кц» (транслитерация Н. В. Охотиной).

встречались и мѣньшие) обитают в пределах своей охотничьей территории, границы которой строго соблюдаются, с несколькими источниками воды. Все источники имеют определенных хозяев и переходят от отца к сыну. Передвижение группы бушменов по их территории регулируется в зависимости от времени года и обеспеченности растительной пищей, миграции дичи, наличия воды и т. п.

Хозяева источника никогда не живут непосредственно у воды, чтобы не отпугнуть дичь от водопоя. Их жилища располагаются в часе или двух ходьбы от источника, и они часто меняют место жительства. Семьи, пьющие из одного источника, могут жить вместе или несколькими группами в разных местах.

В хижине — по двое-пятеро обитателей: муж, жена и одиное детей или престарелая супружеская пара, или взрослые девушки, живущие отдельно от родителей. Если с девушками нет какой-нибудь старухи, то их хижина стоит возле хижины родителей. Вдова с маленькими детьми обыкновенно делит жилье с девушками. Старый вдовец может жить один или с мальчиком. Большие мальчики и молодые холостяки спят под деревом. В холодное время года матери сооружают им хижину, строят всегда женщины, мужчины могут иногда срезать ветви кустарника.

Женщины втыкают в землю полукругом ветви, связывая их верхушки ремнем или полоской коры, затем между ними втыкают небольшие веточки, переплетая все травой. Размеры и надежность жилища зависят от погоды — в сухой сезон достаточно простого укрытия, в дождливый сезон сооружают полукруглую хижину высотой до полутора метров, отверстием к подветренной стороне, а когда начинаются дожди, полукруг расширяют до трех четвертых круга, а место входа меняют в зависимости от ветра. У капских бушменов каркас из веток покрывали циновками из тростника, которые укладывали плотно одну к другой и сшивали.

Вокруг хижины соблюдается чистота, обглоданные кости собирают в кучи, а затем женщины выносят их в кусты; хижины подметают ветвями, а пол хижины устилают травой, которую периодически меняют; иногда поверх травы кладут циновку.

Перед каждой хижинной расположен очаг, а ночами внутри хижины, перед дверным отверстием разжигают второй костер, вокруг которого в выскобленном в земле наподобие гнезда углублении спят обитатели хижины, свернувшись клубком и накрывшись с головой кароссами (накидки из шкур).

Немногочисленную хозяйственную утварь изготавливают из кожи, рба, кости, дерева, растительных волокон, камня, глины, скорлупы страусовых яиц. Употребляют каменные ножи, ложкой

для супа служит кисточка из волос животных (протела). Воду держат в мешке из желудка сернобыка или шкурки зайца-прыгуна и в сосудах из скорлупы страусовых яиц. Тяжести (сосуды с водой, дичь и т. п.) переносят в сетках из сухожилий животных, кожаных ремешков или растительных волокон.

Основным оружием охотника-бушмена является лук (длиной около метра или более) с тетивой из сухожилий животных или растительных волокон. Стрелы (до полуметра длиной, а для больших животных — и до метра) изготовляют из тростника определенного вида с наконечниками из дерева или кости (берцовая кость от передней ноги страуса или антилопы куду); применяют различные яды для отравления наконечников.

Снаряжение охотника дополняет дубинка, или палица, длиной в 60—90 см из твердых пород дерева, с утолщенной верхней частью (15—20 см в окружности при диаметре дубинки в 2,5 см) и заостренным нижним концом. Дубинкой убивают некрупных животных — небольших антилоп, зайцев, используют ее как метательное оружие, пользуются ею в драках. Она служит также палкой-копалкой при собирании кореньев и клубней, «бушменского риса»².

Собственно палка-копалка — заостренная палка (длиной до метра-полтора); на юге, где твердая почва, и в гористой местности на востоке к нижнему концу палки прикрепляют рог антилопы и утяжеляют его круглым камнем с отверстием в середине. Копье — ассегай, употребляющийся некоторыми бушменскими племенами, — длинное деревянное древко с железным наконечником, — видимо, заимствован у банту (как и железные наконечники для стрел). Колчаны для стрел делают из коры, а верх и низ этих колчанов — из кожи.

Отправляясь в путь или на поиски пищи, оружие, палочки для добывания огня, сеть для переноса тяжестей и т. п. складывают в «длинный» мешок из шкуры каменного козла, который носят на

---

² «Бушменский рис», «муравьиные яйца» — личинки термитов («белых муравьев»), с черной широкой головкой и длинным жирным туловищем. Обыкновенно после прошедших обильных дождей — время начала роения термитов — все становище отправляется к гнездам термитов за бушменским рисом. С одной стороны термитника делают отверстие — чтобы открыть доступ к подземным ходам. Выведшиеся в термитнике перед роением крылатые особи, предназначенные для основания новых колоний термитов, устремляются в отверстие, и их собирают в мешки из шкуры и сосуды из скорлупы яиц страуса, а затем просеивают от песка и земли на небольшой циновке, сплетенной из травы или тростника. Едят бушменский рис обжаренным до коричневого цвета на огне, на плоском камне, с небольшим количеством жира.

плече. Лук носят, засунув одним концом в мешок или на плече, тетивой вперед. Наконечники для стрел, яд помещают иногда в маленький кожаный колчан, который кладут затем в длинный мешок; иногда наконечники с ядом втыкают в головную повязку. Дубинку носят, засунув в длинный мешок или держа в руках. Пищу и всякого рода предметы личного обихода складывают в короткий «круглый» кожаный мешок, который вешают наискось через плечо, так чтобы он лежал на противоположном бедре. Круглый мешок носят также и женщины.

Мужская одежда состоит из треугольного передника из шкуры, два конца которого связываются на талии, а третий, пропустив между ног, завязывают сзади. Каросс (из шкуры дукера или побольше — из шкуры молодого сернобыка или самки антилопы каама), который прикрепляют к плечам или привязывают к талии, служит плащом днем и постелью ночью.

Женщины носят свободно висящий спереди передник — кусок шкуры, прикрепленный к кожаному ремню, обвязанному вокруг поясины. Под него надевают передник меньшего размера, прикрывающий только половые органы. Передник девушек часто вместо кожаного лоскута состоит из прикрепленных к пояску кожаных кисточек или бус. Старые женщины носят также большой висящий передник сзади; его завязывают вокруг талии, но иногда он свисает с плеч. Замужние женщины носят большой каросс, который подвязывают над правым плечом, затем пропускают под левым плечом и обвязывают вокруг талии, — в этой своеобразной «сумке» на левом боку переносят тяжести — сосуды с водой из скорлупы яиц страуса, съедобные корни и плоды, траву или топливо, а сверху кладут ребенка.

На ногах носят кожаные сандалии, на голове — кожаный головной убор. Из кожи и скорлупы яиц страуса изготовляют украшения.

Дети до десяти-двенадцати месяцев не носят одежды. Затем мальчикам надевают пояс со свисающим впереди полукруглым куском кожи, а девочкам — передник из кожаных кисточек. Пока детей не отняли от груди (до трех-четырех лет), каросс матери служит им единственной защитой от холода. Затем девочки получают маленький каросс, свисающий с плеч, а мальчики — такой же передник, как у мужчин; больше никакой одежды мальчикам не дают, пока те не станут подростками и их не начнут приучать к охоте.

Одежду из шкур изготовляют мужчины. Перед женитьбой юноша должен подарить своей будущей жене большой каросс, на который идет шесть шкур каменного козла или шкура одного

сернобыка или антилопы каама, обыкновенно самки. Такой каросс служит несколько лет.

У бушменов нет вождей, но обычно самый опытный охотник, а иногда знахарь, колдун считается всеми признанной главой, к которому обращаются за советом. Однако он не имеет особых привилегий или власти. В частности, относительно капских бушменов известно, что в их языке нет слова для обозначения «вождя»; иногда они употребляют готтентотское слово по отношению к белым, но не по отношению к себе. Встречающийся в некоторых текстах сборника термин «старейшина», «вождь» (в оригинале — «captain») указывает на заимствование, влияние соседних, более развитых народов — банту, готтентотов. То же самое можно сказать о слове «бог» в применении к персонажам архаической бушменской мифологии: в тех немногих случаях, когда это слово встречается в текстах, это свидетельствует о заимствовании.

*

Говоря об исследованиях, посвященных бушменам, прежде всего следует назвать имя Вильгельма Блика, ставшего основателем «семейной» традиции бушменоведения, которую продолжили его зюловка и помощница Люси Ллойд и его дочь Доротея Блик.

Вильгельм Генрих Иммануил Блик (W. H. I. Bleek) родился в 1827 г. в Берлине. Получив образование филолога-востоковеда, В. Блик был направлен в 1851 г. в Западную Африку, а в 1852 г. приехал в Южную Африку, в Кейптаун, где и прожил до конца жизни. С 1857 г. В. Блик занялся изучением бушменских языков, начав свои исследования с южной группы бушменов — с языка капских бушменов. В. Блик — автор исследований по бушменским языкам банту, работал над составлением сравнительного словаря бушменских языков, опубликовал материалы по готтентотскому фольклору и фольклору зулу, собрал и обработал уникальный материал по фольклору капских бушменов, лишь частично изданный (собрание В. Блика составляет 84 тома, 3600 страниц двухколонного текста).

После смерти Вильгельма Блика в 1875 г. его труды в области бушменских языков и фольклора были продолжены Люси Ллойд и Доротеей Блик. В 1879—1882 гг. Люси Ллойд занималась изучением бушменов кунг. Доротея Блик в 1910, 1911 гг. собирала материал по бушменам //нг, а затем /ауни, а также масарва (в Ботсване) и батва. После перерыва, вызванного первой мировой войной, с 1920 г. Доротея Блик продолжила свои исследования — на территории Намибии, в районе г. Сандфонтейн, на границе Ботсваны, где она имела возможность произвести обследование на-

рон, ау//эн, а также — /нусан, кунг и хей//кум. В 1925 г. Доротея Блик проводила исследования бушменов Анголы [Buschmäppen, Central Angola], в 1930 г. собирала материал о языке бушменов хадзапи в Танзании. Примерно к этому же времени (30-е годы) относятся и первые записи фольклора хадзапи (т́индига), сделанные немецким ученым профессором Людвигом Коль-Ларсеном [Elefantenspiel, Zauberhorn].

Материалы по языкам, этнографии и фольклору бушменов, собранные благодаря усилиям В. Блика, Л. Ллойд и Д. Блик, очень обширны. Часть фольклорных текстов, записанных В. Бликом и Л. Ллойд в 1870—1884 гг. от капских бушменов, была опубликована (на бушменском и английском языках) Люси Ллойд в 1911 г. [Specimens] (материал представлен в настоящем сборнике: № 19, 27, 34, 38, 50, 52—62, 80—81, 98—101, 135, 138, 140—141). Публикация этого материала была продолжена в 1923 г. Доротеей Блик, издавшей сборник текстов /кам, посвященный фигуре мифологии бушменов — мифологическому трикстеру [Mantis] (материал вошел в настоящий сборник: № 74—79, 82—97). В 1935 г. Доротея Блик опубликовала материалы Люси Ллойд по фольклору бушменов кунг [!Kung] (см. тексты настоящего сборника: № 102—106).

В 1928 г. Доротея Блик публикует монографию, явившуюся результатом ее исследований нарон (и ау//эн) [Naron] (см. тексты настоящего сборника: № 4—5, 12—14, 28, 31—33, 43, 127, 132). В следующем, 1929 г. Доротея Блик издает «Сравнительный словарь бушменских языков» и выходит ее статья о бушменском фольклоре [Africa] (материал использован в настоящем сборнике: № 49, 51, 136—137, 139, 142: [1] — [9]).

Фольклор, собранный В. Бликом у капских бушменов, перекликается с мифами, записанными Дж. М. Орпеном у бушменов гор Малуты [Orpen] (см. тексты: № 63—67). Дж. М. Орпен наряду с Дж. В. Стоу внес ценный вклад в изучение наскального искусства Южной Африки. Оба исследователя отмечали «мифологичность» найденных ими изображений, указывая на связь некоторых наскальных изображений бушменов с определенными мифологическими представлениями, сюжетами и образами, а также танцами и обрядами.

Дж. В. Стоу (1822—1882), геолог и этнограф, приехавший в Южную Африку в 1843 г. в возрасте двадцати одного года, провел там всю жизнь (восточная провинция бывшей Капской колонии, Западный Грикваленд, Оранжевое Свободное Государство, входящее ныне в территорию ЮАР). Материалы, собранные этим ученым-исследователем, частично представлены в настоящем сборнике (тексты: № 1, 3 [Stow 1905]).

В публикуемый сборник включены также материалы этнографов С. С. Дорнана [Dornan] (см. тексты: № 2, 6, 11, 20, 26, 29, 134). И. Шапера [Scharera] (см. текст № 142[10]) и других исследователей.

Из более современных исследователей бушменских племен следует упомянуть датского этнографа Йенса Бьерре, совершившего в 1958 г. экспедицию в Калахарн [Vjette], французского исследователя, уроженца Лесото (прежнее название — Басутоленд), Виктора Элленбергера, изучавшего этнографию бушменов Лесото и их наскальное искусство [Ellenberger], и немецкую исследовательницу Зигрид Шмидт и ее работы по мифологии и фольклору бушменов и готтентотов.

Особо отметим материалы, записанные Меган Бизеле (США) у бушменов кунг в 1970—1972 гг. в Ботсване. Эти тексты, представляющие часть работы М. Бизеле «Фольклор и ритуал кунг — охотников и собирателей» [Bieselee], были любезно предоставлены исследовательницей для публикации в настоящем сборнике (тексты: № 9—10, 15—18, 23—24, 30, 36, 40—42, 44—48, 107—125, 128—131).

Немало исследователей занималось также проблемами изобразительного творчества бушменов. Среди них — А. Брейль, Г. Обермайер, Л. Фробениус, Ван Риет Лове, и в том числе советский исследователь первобытного и традиционного искусства В. Б. Мириманов (из книги которого «Первобытное и традиционное искусство». Малая история искусств. М., 1979 — взяты приводимые ниже сведения). В горных районах Южной Африки — в Драконовых горах, Намибии и др. было обнаружено множество изображений — на стенах и потолках неглубоких пещер, расщелин и гротов, периодически использовавшихся местными жителями в качестве жилищ. Эти многослойные красочные изображения создавались на протяжении столетий. Точное время их создания не установлено, и расхождение в их датировке теми или другими исследователями достаточно велико: древнейшие слои изображений датируются от VII тыс. до н. э. — до середины II тыс. н. э.

Некоторые фрески, изображающие людей с головами животных, — людей-антилоп, людей-лягушек и т. п., по сюжету сопоставимы с соответствующими сюжетами бушменской мифологии и фольклора настолько, что могли бы рассматриваться как «иллюстрации» к ним (ср., например, тексты нашего сборника — № 54, 52, 90 и др.). Наиболее распространенными среди полихромных рисунков являются изображения антилоп (которым и в мифологии бушменов отводится очень большое место). Это и одиночные изображения — от двухметровых фигур в натуральную величину

до фигурок размером около двадцати сантиметров, и живописные группы, часто — длинные шеренги шагающих друг за другом животных, вытянутые по горизонтали.

В более поздних слоях живописи впервые появляются изображения домашних животных, которым сопутствуют фигуры высоких, широкоплечих чернокожих людей (скотоводов банту). Иногда это сцены сражения между низкорослыми вооруженными луками и стрелами бушменами и их высокими, широкоплечими противниками, держащими круглые щиты и копья. На некоторых рисунках обозначена и причина сражения — часть бушменов сражается, а часть угоняет стадо быков.

Изображения отличаются большой реалистичностью, динамизмом и выразительностью, даны в смелых неожиданных ракурсах, рисунок передает точно подмеченное движение или характерную линию силуэта (ср. такую же верность и внимание к деталям, точность в описании животных, отличающие бушменский фольклор).

Среди изображений встречаются также, хотя и сравнительно редко, растения, деревья. Наряду с реалистическими формами довольно часты геометрические фигуры, орнаменты, различные знаки — круги и овалы, заполненные рядами черточек, широкие мазки краски разного цвета и т. п.

Публикуемый сборник мифов и мифологических сказок бушменских племен Южной Африки содержит уникальный фольклорный материал, с отдельными образцами которого наш читатель мог ознакомиться ранее в антологиях сказок Африки, изданных в 1959 и в 1976 гг. (Упомянем также относящуюся к 1962 г. публикацию на русском языке собранного Л. Коль-Ларсеном фольклора бушменов Танзании.)

Настоящее издание ставит целью представить читателю настоящее художественное творчество различных групп бушменов Южной Африки, показать жанровое разнообразие этого фольклора, отличающегося высокой поэтичностью, образностью и эмоциональностью.

В сборник включен разнообразный фольклорный материал: циклы мифов и мифологических сказок, объединенных общим героем: истории о Кагне (№ 63—72) или Цагне (№ 74—97), о Тсуэ (№ 98—106), о Тсума-тсума(не) (№ 107—111), о Хейше, (№ 111—112), о Кауха (№ 113—124), о Цгаунва (№ 124—127), о Гара (№ 127—131), о Гцонцемдима (№ 44—48);

(единичные) мифы и мифологические сказки о происхождении гор; особенностей рельефа (№ 53), о происхождении людей и животных (№ 1—2), о разделении бушменов (или черных) и белых (№ 4—5), о добывании огня (№ 7—9) и воды (№ 10), о том, как мужчины и женщины стали жить вместе (№ 11) и как впервые появились дети (№ 6), о происхождении смерти (№ 12—20); этиологические сказки о животных, объясняющие особенности их внешнего облика и повадки (№ 21—22, 25—26, также см. № 23—24);

мифологизированные былички (№ 132—141);

«молитвы» — просьбы о пище, дожде (№ 142: 1—11).

У бушменских племен, живших самостоятельными «локальными» группами, не было ни единого языка, ни обрядов, ни единых мифологических представлений. Однако в мифологии и фольклоре различных бушменских племен намечаются типологически сопоставимые, а в ряде случаев — идентичные мифологические персонажи и сюжеты. У бушменских племен, отмеченных значительным влиянием бантуязычных народов и готтентотов, встречаются заимствованные представления и мифологические образы, имена персонажей и т. п., что приводит к отличию их мифологических представлений от мифологии бушменов «чистого типа». Элементы заимствования, сходство мотивов и сюжетов, сопоставимость персонажей в материалах настоящего сборника отражены в комментариях к текстам.

Основной мифологический персонаж бушменской мифологии и фольклора — демиург и мифологический трикстер. У южных бушменов и племен, обитающих западнее, это Кагн, Цагн³. У северных бушменов аналогичный мифологический персонаж носит имена Хуве, Уве, Тсуе, Гцуба, Хише и др. У северо-восточных бушменов наряду с Хуве известны имена — Тора, также Дзимо. Кроме Хуве бушмены севера знают Цгаунва, Цгаува, Гануа. Д. Блик считает Хуве и Цгаунва персонификацией природы: Хуве — дух леса, Цгаунва — олицетворение дождя. Ветер, гром и молния — проявления Цгаунва: Цгаунва сверкает, Цгаунва грохочет громом; звезды — огонь Цгаунва и т. п. Иногда говорят, что Цгаунва — это Хише или что Цгаунва — младший брат Хише. У бушменов /кам образу Цгаунва соответствует представление о быке-дожде (см. № 52 и примеч.).

Эти мифологические персонажи не являются объектом куль-

---

³ Написание имен персонажей в текстах сборника соответствует оригиналу — Кагн, или Цагн, Хуве или Уве, Цгаунва или Цгаува или Гануа, Тсуе, Хише и т. п.

та, однако с ними связаны некоторые обряды, церемонии и ритуальные танцы, а также магия и колдовство. Согласно представлениям южных бушменов, Цагн научил людей танцевать мокома и дал им песню. Этот танец исполняется в честь Цагна в серьезных случаях — во время войны, голода, болезни (когда человек болен, вокруг него мужчины и женщины танцуют мокома). Цагн сказал, что люди будут умирать от мокома, и дал им магические средства, чтобы они вновь оживали. Танец длится всю ночь, и те, чья магия была недостаточно сильной, падают, слабеют, некоторые становятся одержимыми, заболевают — кровь течет у них из носа, отчего танец и получил свое название «танец крови». Тогда люди прибегают к магическим снадобьям — и оживают. А о тех, кто лишился здоровья, говорят, что они «испорчены» мокома — они были наказаны Цагном, который уносит их в потайное место под водой, где превращает в животных.

У нарон и ау//эн Хише (переодетый колдун) появляется среди танцующих во время танца, посвященного инициации мальчиков. У кунг Анголы во время этой церемонии фигурирует Хуве, а в танце инициации девочек — Цгаунва. С Цгаунва бушмены Калахары — ау//эн, //анкве (в районе г. Гобапис) связывают появления гадания, магии.

Наиболее богат и разнообразен, судя по имеющимся материалам, фольклор южных бушменов. Обширный цикл посвящен центральному мифологическому персонажу этого фольклора — Цагну (богомолу — *Mantis religiosa*) и его семье (жена Даман, также Кауру, дочь, сыновья Гхауну-тсацау и Цагн-младший, сестра Голубая журавлиха, приемная дочь Дикобраз с мужем Квамманга, их сыновья — Квамманга-младший и Ихневмон). Цагна и Квамманга видят в радуге: в верхней, желтой части радуги — Цагн, так как он желтый, а пониже, в красной части — Квамманга, именем которого называют радугу (на рисунках радугу изображают двумя цветами — желтой и красной полосками).

Цагн — демиург, он создал антилопу канна, антилопу каама, сернобыка и др. (№ 75—77) и дал им окраску (№ 74), он сделал тьму и луну (№ 76—77). Цагн обладает магической силой, он воскрешает своего сына (№ 80), сестру — Голубую журавлиху (№ 78), убитых антилоп (№ 75) и др. В минуту опасности Цагн спасается, надев перья, и улетает (магическое бегство), он может превращаться (№ 75, 81) и превращать (№ 96). Цагн обладает даром всеведения, он видит вещи, магические сны, предвосхищающие развитие событий или объясняющие уже свершившееся.

Благодаря своим снам он узнает о том, что случилось с его сыном (№ 80) и с длинноносими мышами (№ 90—92), и о том, что птица кваи-кван собирается забрать детей (№ 94—95). Наконец Цагн завладевает в магическом сне чужим имуществом — он переносит к себе дома, овец и все вещи: кароссы, дубинки, ножи, горшки, принадлежавшие клещам.

Но Цагн не только участвует в создании и устройении мира, небесных светил, животных (№ 74—77, 96), он характеризуется также как трикстер, совершающий различные проделки, нарушающий (или не знающий) нормы поведения и правила обращения с тем или иным своим партнером по охоте или противником и часто попадающий в затруднительное положение, из которого его выручают члены его семьи (см. № 82—89, 96—97). Зять Цагна — Квамманга и внук Ихневмон, а также его приемная дочь Дикобраз и жена Даман поучают Цагна, упрекая его за жадность и озорство, глупость и лживость, указывают ему на неправильное поведение, послужившее причиной его неудач, и объясняют, как следовало поступить с магической птицей, коротвитеном, Тску-тен-гхауа, процелом, Всепожирающим и другими. Благодаря их советам Цагну удается побороть Неуловимого, глаза у которого были на ногах, kota, прятавшего голову в землю и оставлявшего снаружи хвост, и т. п.

И созидательная деятельность Цагна тоже нередко носит трикстерский характер: так, чтобы наказать Квамманга, Дикобраза и Ихневмона, выследивших и убивших без позволения Цагна созданную им антилопу канна, Цагн прокалывает желчный пузырь антилопы — и тьма накрывает солнце (№ 77). Тогда Цагн подбрасывает вверх свою сандалию и велит ей стать луной, которая светила бы для него, а все остальные должны светить себе факелом. Вот почему луна сияет ночью. Она холодная, так как это кожаная сандалия Цагна. Она красная, так как на нее налипла земля, по которой ходил Цагн.

Трикстерские проделки Цагна, его озорство и «неправильность» поведения могут иметь своим следствием деяния мифологического характера. Так, Цагн отправляется в дом клещей — «чернокожих» (вероятно, банту), застает там лишь маленького ребенка и собирается, воспользовавшись отсутствием взрослых, убить его и наестся досыта. Но ему это не удается. Потом внук Цагна Ихневмон объясняет ему, что не следует ходить в дома чернокожих, так как это сердитые люди и они забивают до смерти тех, кто берет их овец (отголосок взаимоотношений бушменов со скотоводческими племенами банту). Цагн был там избит, но спасся благодаря своим магическим способностям.

Когда домашние стали упрекать его, Цагн рассердился. Он говорит своему внуку Ихневмону: «Ты не должен поучать меня, я стар. А ты всегда бранишь меня. Я не хочу тебя слушать!» Цагн как бы сбрасывает личину смешного, жадного, лживого и глупого старика, которого поучает ребенок, и расправляется со своими обидчиками, превращая их в овечьих клещей: больше эти сердитые люди не будут греться у своего очага. У них не будет огня, и они будут отныне высасывать кровь, прокусывая кожу людей и кусая овец и уши зайцев. Они станут кровососами, а люди будут выскивать их в овечьей шерсти и давить их. Впоследствии мы тоже лишимся огня и будем есть что придется. Ты, Ихневмон, должен жить на холмах и есть мед, а твоя мать превратится в дикобраза. Твоя бабушка будет жить в горном логовище и станет даманом — так как имя ее означает «даман». У меня появятся крылья, и я буду летать, я стану маленьким зеленым существом.

Кагн бушменов гор Малути очень близок к Цагну. Кагн был первым и создал все: солнце, луну, звезды, ветер, горы и животных — антилоп, куропаток, мышей и др. (№ 63, 66). Кагн может вызвать град (№ 71), устроить потоп (№ 67), ему приписывают введение ритуальных танцев (№ 64). В созидании мира участвуют также и члены семьи Кагна — его жена Коти, с которой связывают происхождение антилоп канна (№ 66), сын Гцви (он делает змей, антилоп каама — № 66), дочь Кагна (которая превратилась в созвездие Южного Креста — № 67).

Кагн наделен могущественной магией, он, как и Цагн, узнает обо всем, что происходит (№ 66—67, 69), в частности, магический зуб Кагна подсказывает ему, что случается и как поступить в связи с этим (№ 68). Зуб Кагна делает могущественным того, у кого он находится, — оберегает его сына Когаца от опасности и делает его неуязвимым (№ 67), зуб может вырастать, и тогда его обладатель, взобравшись на него, становится недостижимым для врагов (№ 68).

Кагн умеет передвигаться под землей (погружается и вновь выходит на поверхность в другом месте — № 71), он может превращаться (в антилопу канна — № 71) и превращать (№ 68: превратить в собак разрезанные на куски каросс и сандалии; № 69: превратить в бабуинов убийцу своего сына Когаца). Он воскрешает умерших (№ 69) и воскресает сам (№ 70).

Но при всем своем могуществе Кагн (подобно Цагну) может оказаться и в трудном или смешном положении, и тогда ему на помощь приходит его жена (№ 72) и главным образом его сын (и помощник) Когац: он помог исцелиться убитому и воскресшему

Кагну (№ 70), он дает Кагну советы, помогая победить врагов, с которыми тот не смог сам справиться (№ 70), дает Кагну магическое средство, чтобы тот смог спуститься с отвесной скалы (№ 71), и советует, как освободиться от таинственного существа, схватившего его в воде (№ 71).

Тсуе (также Уве, Хуве), основной мифологический персонаж кунг, отличаются те же черты, что и Цагна (Кагна). Как демиург Тсуе создает (и убивает) людей — бушменов, гереро (№ 103) — и дает им в пищу плоды и животных (№ 102, 106); он создал много других вещей. Тсуе «делает» (и останавливает) дождь (№ 106, 104), он разводит огонь, обогревающий всю страну (см. № 104, 101). Как и Цагн, Тсуе может выступать в смешном виде, его поучает ребенок — его сын (который, так же как и сын Цагна — см. № 97, — вторит мифологическим деяниям отца), сын Тсуе отчитывает его за трусость (№ 103).

Тсуе может превращаться в деревья, растения, воду, животных, птиц, насекомых, в других людей — гереро, макоба (№ 98—101, 103—106) — и устраивает бесчисленные проделки (№ 100—101, 104—105), причем отнюдь не безобидные — он убивает сына (№ 105), его жена умирает (№ 99).

Распространенный в фольклоре многих бушменских племен (а также готтентотских и некоторых банту) мотив о происхождении смерти, связанный с луной и зайцем, в текстах кунг связывается и с Тсуе. Тсуе разбивает зайцу голову дубинкой за то, что тот спорит с луной: луна говорит, что люди должны умирать и воскресать снова, а заяц не соглашается, потому что мертвые бушмены «плохо пахнут» (№ 106). Заяц, согласно текстам кунг, вмешивается и в другие дела устройства и созидания мира: так, он прячет дичь от людей, не хочет давать бушменам пищи, так как они «плохо пахнут», и Тсуе наказывает его: он велит людям убивать зайцев и дает им лук и колчан со стрелами (№ 102).

Наконец и сам Тсуе некоторым образом связывается (отождествляется?) с луной: луна умирает и воскресает в виде луны-ребенка и снова умирает и воскресает как Тсуе, и эта луна-Тсуе снова умирает и воскресает как луна. По-видимому, возможность такого уподобления — в бессмертной, как и у луны, природе Тсуе: ведь Тсуе не умирает навсегда, он умирает и воскресает снова — в любом другом облике — и снова становится Тсуе (№ 101, 106).

Аналогичную характеристику имеет Кауха (также Цанха, Хейше, Цгаунва, Цгаува, Гануа) в фольклоре кунг Ботсваны. Кауха причастен к делам устройства и созидания мира: он создал все — людей и разные вещи — и дал всему имена, он устроил так, чтобы повсюду водились зайцы-прыгуны и люди охотились на них,

извлекая их из нор с помощью крючьев (№ 116, 113, 115); благодаря Кауха у всех людей есть огонь (№ 123); наконец, Кауха дал людям магический колчан и стрелы, магические снадобья и научил их магическому танцу (№ 126, ср. также с Кагном, научившим бушменов танцу мокома, № 64).

Трикстерская природа этого мифологического персонажа очерчена также достаточно ясно: он превращается в плоды гхнгуа и китва, в мертвую антилопу — чтобы обмануть своих жен, овладеть девушкой, которая отказывалась стать его женой (№ 118, 117). Так же как Тсуе, он фигурирует в некоторых сюжетах, типичных для животного трикстера (№ 125 — «обманное предложение» съесть своих детей; ср. № 111, 31—32). Кауха в конечном счете расправляется со своими противниками (№ 122, 124) и обидчиками (№ 115—117, 120), но и он (как и Цагн) бывает глуп, смешон и обманут (№ 113, 115—116, 118, 121).

Фигурирующий в текстах сборника (бушменов кунг Ботсваны) Тсума-тсума(не), или Хейше, также участвует в делах устройства мира, распределении занятий и обязанностей, но скорее как «первый человек» бушменов наряду с «первым человеком» батсвана (банту): поведение и поступки Тсума-тсума(не) явились причиной того, что бушмены занимаются охотой, живут в буше и питаются пищей буша, а батсвана разводят крупный рогатый скот и выращивают сорго (см. № 107, 110). Вместе с тем Тсума-тсума(не) устраивает проделки, типичные для трикстера африканской животной сказки («обманное предложение» — убить своих детей, № 111; ср. также тексты нарон № 31—32; мотив «трикстер нянчит (съедает) чужих детенышей», № 112).

И наконец, Гара в представленных текстах кунг Ботсваны характеризуется главным образом как дурень: Гара не знает, что едят лягушек, а не жаб (№ 129), не знает, как спать с женой (№ 130), и т. д. Мифологические мотивы в связи с Гара (добывание огня, воскрешение) даются в свернутом виде, но тем не менее идентифицируются при сравнении с соответствующими текстами: № 131 — № 7; № 130 — № 113; № 128 — № 124, 71 и № 128 — № 70.

Упомянем также популярный персонаж многих бушменских текстов, близкий к рассматриваемому мифологическому типу, — кори-дрофу (см. № 23, 22: кори-дрофа дает животным их меты; № 31—32: кори-дрофа как трикстер; вероятно, также № 84, где кори-дрофа фигурирует как «магическая птица», одерживающая верх над Цагном, и др.; см. также № 123, 131).

Наряду с названными выше персонажами мифологические деяния в бушменском фольклоре приписываются также часто бе-

зымянным людям «древнего народа»⁴, населявшим страну до бушменов, во времена первотворения. Это животные, растения, небесные тела, дождь, ветер — все они некогда были людьми древнего народа. Они участвуют в сотворении мира — звезд, Млечного Пути и т. п. (см., например, тексты № 58—59), устройстве земли, ее рельефа (№ 53). Вместе с тем они (как и Цаги, Тсуе, Гара и др.) совершают и нелепые, глупые поступки («люди древнего народа всегда делали глупые вещи!» — см. текст № 57); из-за их неправильного поведения, несоблюдения запретов и т. п. нарушается их союз с животными (№ 55), они причиняют себе вред (№ 57) и даже гибнут (№ 54).

К людям древнего народа принадлежит и Гцонцемдима, полусказочный-полумифологический персонаж фольклора кунг (Ботсвана). В некотором отношении образ Гцонцемдима сближается с мифологическими персонажами типа Цагна, Тсуе: способность воскресать, превращать и превращаться, наделение магическими способностями и знанием магии, наконец, отдельные совпадающие детали, мотивы и характеристики.

Гцонцемдима умирает и вновь возрождается — кровь из сердца убитой Гцонцемдима вылетает и летит к бабушке Гцонцемдима, а та прячет ее в мешок, где втайне от всех (ср. № 76—77, — тайный рост антилопы канна Цагна) из нее сначала вырастают два маленьких зуба нижней челюсти, потом появляется вся челюсть целиком. Это существо росло-росло и стало ползать, а потом ребенок вырос, и девочка превратилась в красивую взрослую женщину — она была прекрасна, ведь она была Гцонцемдима! (см. № 45—47, также № 48).

Чтобы уничтожить трупы мужа и матери, Гцонцемдима создает грифов — она подбрасывает в небо сандалии убитых, и те превращаются в грифов (ср. № 76—77: Цаги подбрасывает в небо сандалию (или перо) и велит ей стать луной; Цаги бросает в воду кусок сандалии Квамманга, а потом кормит ее медом — и из нее вырастает антилопа канна).

Чтобы спастись от преследования младших братьев убитого ею мужа, Гцонцемдима просит тучу обрушить на них ливень, а сама убегает в становище своих родственников; ливень чуть не убил ее преследователей и смыл ее следы (см. № 45—46).

Гцонцемдима при помощи магии убила братьев мужа и всю их родню — она стала дуть в свой магический рог, и все люди упали замертво (см. № 45—47).

---

⁴ В мифологических сказках бушменов Калахари, по свидетельству С. С. Дорнана, вместо «древнего народа» говорится о «других», «странных» бушменах.

В варианте история Гцонцемдима связывается с мифологическим персонажем Цгаунва (№ 46), в другой версии в историю приключений Гцонцемдима включен сюжет о появлении у людей воды, претерпевший, однако, известную демифологизацию (ср. № 48 и № 10, см. также соответствующие примечания).

В текстах Гцонцемдима, женщина «древнего народа», может отождествляться с животными: она предстает как жена гиены, а ее братья и отец — львы (см. № 44) или как питон, жена коридрофы и сестра шакала (см. № 40—42), ее дочь — цесарка (см. № 45) и т. п. Согласно одному из вариантов (№ 48), Гцонцемдима превращается в антилопу штейнбок — каменного козла (эта антилопа была когда-то сердцем человека, сердцем Гцонцемдима).

Группы текстов № 40, 42 и № 45—48 и текст № 44, объединенные общим именем героини, в действительности единства не представляют. Характер Гцонцемдима — героини сюжета, разрабатываемого в № 45—48 и в № 44, имеет мало общего с Гцонцемдима — питоном, пассивным действующим лицом сюжета № 40—42. Возможно, имеет место чисто внешняя циклизация популярных сюжетов вокруг имени Гцонцемдима или простое совпадение имени. Однако располагая сравнительно небольшим по объему материалом, с уверенностью этого утверждать нельзя.

*

Тексты сборника неравнозначны: наряду с высокохудожественными образцами фольклора ныне исчезнувших капских бушменов в превосходной записи, сделанной еще в прошлом веке Вильгельмом Бlichem и Люси Ллойд, а также текстами бушменов кунг (Ботсвана), записанными нашей современницей Меган Бизеле, есть и простые пересказы (некоторые тексты из материалов В. Блика и Л. Ллойд, опубликованные в пересказе Доротеи Блик), и недостаточно развернутые и законченные тексты (см. тексты нарон); отметим также этнографический характер некоторых текстов (№ 64—65, 75 и др.). Однако мы сочли нужным включить и такого рода материал, чтобы по возможности более полно отразить сюжетное и тематическое разнообразие бушменского фольклора. Причин такой неравнозначности материалов сборника много — характер и цели записи и публикации, и степень осведомленности информанта, и состояние фольклора у носителей, обусловленное ломкой всего уклада их жизни.

Многие исследователи отмечали быстрое исчезновение фольклора у бушменских племен к началу XX в.: так, в 1910 г. дети и племянники информантов, от которых были записаны фольклорные тексты в 1870—1880 гг. (дистрикт Приска), уже не знали это-

го фольклора. Очень скудные материалы удалось собрать Доротее Блик в 20-х годах у народ: молодежь почти не знала фольклора, кое-что помнили только старики. В отчетах экспедиции Витватерсрандского университета 1936 г. в юго-западной части Калахари [Bushmen] отмечено, что из семидесяти человек одного из бушменских племен только один знал сказки.

Насколько возможно (в первую очередь, разумеется, в зависимости от качества записи, а также сообразуясь с задачами настоящего сборника), мы пытались донести до читателя стилистические и структурные особенности бушменских мифологических сказок. Это, во-первых, детализация изложения, подробность в описании персонажей, эпизодов и ситуаций, приводящие в некоторых случаях к известной растянутости текста. По отношению к животным персонажам такое детальное описание, основанное на наблюдательности, знании природы, можно приравнять к научному. Во-вторых, следует отметить диалогичность изложения и изобилие повторов в текстах. В начале текста обыкновенно вкратце, в одной-двух фразах, дается суть мотива или сюжета, а за этим следует подробное, избыточное повторами изложение хода событий, прерываемое вновь и вновь возвращением к описанным ранее эпизодам и их разъяснением. Часты также повторы сходных мотивов или одного и того же мотива типа двукратных или трехкратных попыток персонажей достичь цели и т. п. О повторах можно говорить и более широко. Так, многочисленные истории о Цагне — это обыкновенно вариации нескольких излюбленных мотивов («Цагн и партнер (противник)», «проделки Цагна в чужом доме», «добывание меда» и др.). Эта однотипность текстов в сюжетном отношении сочетается с относительной простотой их структуры — сюжетная линия нередко ограничивается разработкой одного-двух основных мотивов.

Для удобства изложения в некоторых случаях, оговоренных в комментариях, отдельные комментарии и разъяснения рассказчика включены непосредственно в текст.

Е. Котляр

**МИФЫ И СКАЗКИ
БУШМЕНОВ**

1. О происхождении бушменов и животных и как животные лишились дара речи

Предки бушменов вышли из дыры в земле среди корней огромного дерева, покрывавших страну. Следом за людьми тотчас вышли толпы различных животных — некоторые по двое, по трое и четверо, а другие — стадами. И все они второпях пихали, толкали и давили друг друга. По мере того как они выходили, толпа делалась все гуще и плотнее, и наконец толпы животных стали выходить не только из-под корней, но и из ветвей. Когда солнце село, новые животные больше не появлялись. Те же, кто вышел, оставались под большим деревом и вокруг него. Животные были наделены даром речи.

Когда настала ночь, людям, которые сидели под деревом, было сказано, чтобы этой ночью, до восхода солнца, они не разжигали огня. И долгое время они так и просидели там, а животные мирно спали вокруг. Но вот людям стало очень холодно, и они попытались разжечь огонь, несмотря на предупреждение. Тут же животные в ужасе вскочили и устремились к горам и на равнины, лишившись от страха дара речи. С тех пор они всегда убегают от человека.

Только очень немногие животные остались, и они стали домашними. Но великая семья животных распалась и никогда больше не может быть воссоединена.

2. О происхождении людей и животных

Вот что рассказали мне батсвана о происхождении людей и животных. Возле города Сечеле есть пещера, которую называют Лоове. Она уходит очень глубоко под землю. Никто из нас не отважился пройти в глубь пещеры, так как мы боимся. Она так глубока, что если бросить камень, то потом очень долго слышно, как он падает, но никому еще не удалось услышать, чтобы камень добрался до конца, поэтому никто не знает, насколько глубока эта пещера. Некоторые говорят, что она доходит до дна мира.

Сначала в этой большой пещере все люди и животные были вместе. Но потом пещера стала для них слишком мала, и они постоянно ссорились из-за места, и каждый норовил вытолкнуть соседа. Наконец люди, которые были хитрее животных, стали выгонять их наружу, но животные отказывались выходить, и люди выталкивали их. Животные снова пытались войти в пещеру, пока, наконец, их не выгнали окончательно.

У входа в эту пещеру протекала заросшая тростником река, поэтому земля вокруг пещеры была мягкой и на ней остались отпечатки следов животных, в особенности крупного рогатого скота.

Первое время животные боялись далеко отойти от пещеры и оставались возле входа. Но затем они проголодались. Когда животные жили в пещере, то, как и люди, не нуждались в пище и никогда не умирали. Но теперь они проголодались и стали есть тростник, которым заросла река. Когда они съели весь тростник, они разбрелись в поисках травы и забыли о пещере.

Прошло много времени. Людям в пещере снова стало тесно, и они стали ссориться и выгонять друг друга. Когда люди, в свою очередь, вышли из пещеры, они затоптали следы животных, и теперь вокруг пещеры видны только следы людей. И до сих пор там можно видеть множество следов. Пойдите туда и убедитесь, что я рассказал вам чистую правду.

3. О Хок-кхигане

Вначале все животные были наделены человеческими свойствами и даром речи. Жил в те времена один злобный, вздорный человек по имени Хок-кхиган. Он ссорился со всеми животными, которые ему попадались, и пытался причинить им вред. Потом он исчез. Но перед тем как исчезнуть, он отомстил: животные покинули жилища людей и стали тем, что они сейчас.

4. Как был устроен мир людей и животных

В древние времена деревья и животные были людьми. Но однажды Хише приказал им стать животными и растениями.

Затем он позвал первых старейшин¹, белых и черных, и сказал:

— Возьмите крупный рогатый скот, возьмите коз и кормите этим.

А первому старейшине он сказал:

— Возьми антилоп и кормись этим, возьми веревку, устраивай ловушки и охоться и живи в буже.

5. Как поделили землю

Старейшина¹ сказал людям древнего народа, чтобы они устроили состязание в перетягивании веревки. Там были бушмены, там были белые, там были коровы и овцы и козы. И вот белые схватили веревку и стали тянуть к себе, и веревка разорвалась. Старейший поделил веревку между ними.

Тогда белый человек сказал:

— Берите веревку и делайте ловушки. Ставьте ловушки на каменного козла, ставьте ловушки на антилопу дукера — и ешьте, сделайте кароссы и надевайте их. А я буду носить одежду из ткани, а когда пойдет дождь, завернусь в шерстяные одеяла.

Старейшиной был Гцуба. Белый и бушмен перетягивали веревку, а затем старейший перерезал веревку пополам и сказал бушмену:

— Забирай антилоп!

А белым он сказал:

— Забирайте рогатый скот!

Когда Гцуба разделил веревку, старейший из бушменов взял ее, затем он пошел туда, где растет тсама.

Они договорились:

— Мы должны жить отдельно, один пусть отправляется с коровами, а другой пусть ставит ловушки на антилоп.

— Бушменские женщины должны собирать коренья и другую пищу, а мужчины должны делать ловушки и есть антилоп.

Так Гцуба сказал белому, когда тот спал.

6. О происхождении детей

Сначала мужчины и женщины жили без еды и питья, у них не было детей и они не умирали. Просо и тыквы ежегодно вырастали сами, люди не сажали и не пропалывали их. Хотя люди и видели, как повсюду вырастают эти растения, они не притрагивались к ним, так как не чувствовали голода. Люди не знали, что их можно есть, и никогда не видели, чтобы их ели животные.

Крупный рогатый скот, овцы, козы, буйволы, зебры и все другие животные жили в кустарнике или стадами бродили по всей стране. Люди не обращали внимания на животных, так как они не были им нужны, и животные их не боялись.

В те дни все жили счастливо — не было войн, болезней, плохих людей и плохих вещей. Не было ни споров, ни сражений.

Так продолжалось долгое время. Но вот однажды какая-то женщина пожаловалась на боли в животе и вынуждена была прилечь. Другие женщины были очень добры к ней, но боль становилась все сильнее. Через некоторое время из нее вышел маленький человек, очень похожий на нее. Люди были так изумлены и испуганы, что убежали от этой женщины. Это было что-то непонятное и не пришлось им по нраву.

Но одна женщина из этой же деревни сказала, после того как появился маленький человек:

— Эта женщина приносит несчастье, она колдунья. Дам-ка я ей и этому существу, которое из нее получилось, немного вот этих стеблей (она имела в виду кукурузу и тыквы) и убью ее!

И она отнесла немного кукурузы и тыкв больной женщине. Та поела немного и почувствовала себя лучше, а через некоторое время поднялась. Вместо того чтобы умереть, она стала очень толстой, и маленький человек тоже стал очень толстым. Мало-помалу женщины преодолели свой страх и пришли посмотреть на эту женщину. Они ощупали маленького человека, и он им очень понравился.

Так люди узнали, что кукуруза и тыквы пригодны для еды, и они стали собирать их и хранить. Как-то они убили одну из овец и обнаружили, что ее мясо очень вкусное. Они растолстели, наевшись его, и захотели еще, особенно женщины. Тогда люди решили наловить животных, чтобы их можно было резать, когда им захочется мяса. И вот они стали приручать крупный рогатый скот, овец и коз, но буйволов, зебр и антилоп они не смогли поймать, поэтому по сей день те остаются дикими животными и живут в чаще.

Затем люди начали возделывать тыквы и зерно. Они стали жить в деревнях, и у них появились дети. Так людей стало много.

7. О происхождении огня

У страуса под крылом была головешка. Страус, сова и Хейсеб играли вместе. Страус боялся совы — он думал, что у нее есть рога. Он посоветовал всем немного поспать. Когда сова заснула, страус дунул на нее и увидел, что у нее на голове только хохол из перьев, а никаких рогов нет. Тогда он разбудил их и предложил продолжить игру.

А Хейсеб сказал:

— Дорогой страус, взмахни же крылом!

Тот так и сделал, и тогда головешка упала на землю. Хейсеб схватил ее и забросил на смоковницу.

С тех пор у людей появился огонь.

8. Леопард и огонь

Один человек жил неподалеку от места, где обитала семья леопарда. У них был огонь. Когда жена леопарда куда-нибудь выходила, то муж сторожил, чтобы огонь не украли.

Но человек пустился на хитрость. Он убил бабуина — лакомое блюдо для леопардов, — и положил его так, чтобы леопарды учуяли его. Сбежались все леопарды, а человек тем временем украл огонь и убежал. Но потом он научился высекать огонь из камня и подумал:

— Я умнее леопарда!

9. Как мужчины раздобыли огонь

Первой нашла огонь одна женщина. А у ее мужа огня не было. И вот она и ее маленькие дети ели вкусную еду, а ее муж ел все сырым. Они все ели вареное, а мужчина ел сырое.

Но однажды он сделал игрушку джани, подбросил ее в воздух, и она привела его к огню. Он бежал, подбрасывая джани и следуя за ней. Там, где она опустилась, находился огонь. Мужчина украл его, и вот теперь у мужчин, так же как и у женщин, есть огонь.

10. Как у людей появилась вода

Сначала у людей не было воды. Слон нашел воду и пил ее. Он узнал, где она находится, и вот он ходил туда и пил воду. Но его жена и ее родня страдали от жажды. И только у слона было что пить. Он попьет, а потом отправляется поесть, — возвращается, чтобы поесть снова.

Все остальные каждый вечер ложились спать, мучимые жаждой, и только слон пил воду.

Все же однажды остальные украли у слона воду. Это сделали маленькие птички дождя.

11. Как мужчины и женщины стали жить вместе

Очень давно, в самом начале, когда на земле жили мужчины и женщины древнего народа, людей было немного. В те времена мужчины и женщины жили отдельно. Мужчины охотились на животных, которых было повсюду множество, а женщины собирали семена и зерна. Мужчины жили в пещерах в горах, а женщины — в маленьких травяных хижинах возле рек. Мужчины и женщины не общались друг с другом.

Однажды мужчины отправились охотиться и убили своими отравленными ядом стрелами газель. Но по недосмотру у них погас огонь, поэтому они не могли поджарить мясо газели. Ведь они не такие, как женщины, которые всегда заботливо поддерживают огонь и старательно выполняют всю домашнюю работу.

Мужчины, а их было пятеро, были так голодны, что послали одного из них вниз, к реке, одолжить огонь у женщин. Когда тот спустился к реке и перешел через нее, он обнаружил в тростниках женщину, собиравшую там семена трав, и попросил у нее огня.

Она сказала ему:

— Пойдем ко мне в дом, и я дам тебе огня.

И он отправился с ней.

Когда они добрались до хижины, она сказала ему:

— Ты очень голоден. Подожди, пока я растолку эти семена, я сварю их и дам тебе поесть.

И он уселся и стал ждать. Женщина взяла камень, растерла зерна, положила их в горшок и поставила вариться. Когда каша была готова, женщина дала немного мужчине и поела сама. Он спросил ее, что это такое, и она ответила:

— Это каша.

— О, это прекрасная пища, — сказал он, — поэтому я останусь с тобой.

И он не вернулся к своим товарищам.

Те долго ждали, пока он принесет огонь, и еще больше проголодались. Поэтому они послали за огнем к женщинам второго мужчину. Он также встретил у реки женщину, собиравшую зерна, и сказал ей, что

пришел одолжить огня. Она попросила, чтобы он пошел к ее хижине, где она даст ему огня. Он отправился с ней, но, вместо того чтобы сразу дать ему огня, женщина предложила ему каши, которую он нашел очень вкусной. Мужчина сказал, что останется с ней. Он совсем забыл, что должен был вернуться с огнем к своим товарищам.

Теперь там осталось только трое мужчин, которые к тому времени чуть не умирали от голода. Поэтому они послали еще одного из них вниз, к домам женщин, чтобы одолжить огня.

Когда он пришел к реке, он также встретил в тростниках женщину, собиравшую семена трав.

Он сказал ей, что пришел, чтобы раздобыть огня для мужчин — они хотели поджарить газель, а их огонь потух. Мужчина сказал, что они очень голодны. Но он ничего не сказал ей о других мужчинах, которые ушли за огнем и не вернулись.

Эта женщина предложила ему:

— Если ты придешь в мой дом, я дам тебе огня.

Он пошел с ней, и она растолкла зерна, приготовила кашу и предложила ему поесть. Он сказал, что это вкусная еда, еще вкуснее, чем мясо антилопы, и что он останется с ней. Так он совсем забыл, что должен был вернуться к своим друзьям с огнем.

Теперь там осталось только двое мужчин, и они были очень удивлены и напуганы тем, что ушедшие не возвращаются. Они стали бросать гадальные кости. И хотя кости сказали, что всё в порядке, они очень боялись. В те времена было множество злых духов, и мужчины думали, что их товарищи убиты. Они долго думали и решили, что один из них должен пойти и попытаться раздобыть огонь. Тогда они бросили кости, чтобы узнать, кому из них идти.

Мужчина, который оставался, заставил другого пообещать, что тот вернется обратно, что бы ни случилось.

Когда тот спустился к реке, он обнаружил там женщину, собиравшую семена трав. Он сказал ей, что ему нужен огонь, а она попросила его пойти к ее хижине, где она даст ему огня. И он отправился к ней. Она также сварила кашу из семян и предложила ему отведать. Это было так вкусно, что он остался вместе

с женщиной и совершенно забыл о своем обещании вернуться к другу.

Прошло еще несколько дней. Было очень жарко, и туша газели протухла.

Последний из оставшихся мужчин был ужасно голоден. Он с трудом удерживался, чтобы не съесть газель. Он долго ждал своего товарища, который обещал вернуться с огнем, и наконец так испугался, что взял свой лук и стрелы и бросился бежать. Он погиб в далекой стране.

Вот так случилось, что мужчины и женщины стали жить вместе.

12. Луна и зайчиха (I вариант)

Зайчиха швырнула свой каросс луне в лицо. Она опалила его в огне и бросила в луну.

Луна сказала:

— Люди не должны умирать!

Но зайчиха ответила:

— Люди должны умирать!

Вот как она сказала.

Тогда луна взяла топор и разбила зайчихе рот.

13. Луна и зайчиха (II вариант)

Зайчиха швырнула в луну свой каросс и обожгла ей лицо. Луна закричала, отодрала каросс от лица и отбросила его.

Зайчиха сказала:

— Люди должны умирать!

Но луна возразила ей:

— Люди должны жить!

Затем луна взяла свой топор и разбила зайчихе рот, а та закричала, опалила в огне свой каросс, а потом швырнула его в лицо луне. Луна обтерла лицо — ведь зола горячая.

Затем зайчиха прокляла луну.

— Луна должна умереть! — сказала она.

Так рассказывают.

14. Луна и зайчиха (III вариант)

Зайчиха опалила свой каросс в огне, а потом швырнула его в лицо луны и обожгла ей лицо. От каросса на лице луны остались темные пятна (лунные горы). Луна закричала, схватила каросс и швырнула его прочь.

Зайчиха сказала:

— Мужчина, который женится на многих женщинах, должен быть убит!

Но луна возразила:

— Этот мужчина не должен умереть! Мужчина должен дать каждой жене детей, и женщины породят много людей, родится много мужчин, родится много женщин — много бушменов!

15. О луне и зайце

Эта история о луне и зайце.

Луна сказала зайцу:

— Эй! Пусть будет так, что, когда кто-нибудь умрет, он оживет снова. Он не умрет совсем: он опять вернется к жизни.

Заяц ответил:

— Нет. Когда кто-нибудь умирает, он скверно пахнет. И он никогда больше не встанет снова.

Луна спросила его:

— Ну а как будет с тобой, зайцем, если ты умрешь: ты не считаешь, что ты встанешь снова?

— Да, даже если я умру, я не встану снова, — сказал заяц¹.

И вот они принялись спорить и бороться. Луна взяла сандалию и ударила зайца по верхней губе. И они разошлись. Заяц пошел в одну сторону, а луна пошла в другую сторону — на восток. Луна превратилась в луну и висела в небе. Заяц стал животным. И с тех пор они разделились.

16. О споре луны и зайца

Когда луна умирает, она потом снова возвращается к жизни и снова движется по небу.

— Пусть все делают так, как я,— сказала луна.— Если кто-нибудь умрет, не думайте, что он умер — и все, и будет лежать там и разлагаться. Будьте внимательны и делайте вслед за мной то, что я, луна, делаю: я умираю и оживаю вновь, и умираю только для того, чтобы ожить снова. Все должны делать так, как я.

Но заяц возразил луне:

— Нет! — сказал он.— Тот, кто рождается, должен и умереть. И когда он разлагается, он скверно пахнет.

Луна стала спорить с ним и сказала:

— Следите за мной. Я умру, а потом оживу снова. Следите за мной и учитесь, и тогда мы все сможем делать так.

Луна и заяц спорили друг с другом, то один говорил, то другой.

Луна сказала:

— Послушайте моего совета... человек умрет, но он вернется!

Но заяц отказался. Тогда луна взяла топор и расщепила ему губу. А заяц в ответ на это расцарапал луне лицо. Так они боролись. Они оба разгневались и боролись друг с другом, раздирая рты и царапая когтями лица. Луна расщепила зайцу губу, и заяц стал зайцем с заячьей губой, на которого охотятся люди. А заяц расцарапал луне лицо! И до сих пор можно видеть отметины на лице луны — когда заяц расцарапал луне лицо, царапины загноились. И когда заяц испортил луне лицо, они разошлись. Они не встречались на следующий день и в день, который наступил за этим днем.

17. История о луне и зайце

Луна сказала зайцу:

— Когда кто-нибудь умрет, он уйдет ненадолго, а потом вернется.

А заяц сказал:

— Нет, мне это не нравится. Не может же человек, который вернулся из мертвых, хорошо пахнуть?

Вот что сказал заяц.

Но луна сказала, что умерший будет хорошо пахнуть, когда вернется. Она сказала, что, если человек умрет, он снова вернется к жизни. Подобно луне, он будет умирать, но возвращаться снова, как возвращается луна, когда люди, встав лицом к западу, бросают назад, к востоку, ее лопатку. Вот что сказала луна, она сказала, что когда кто-нибудь умрет, он уйдет и вернется. Он вернется, вернется к своей семье.

Но заяц сказал:

— Люди будут умирать навсегда и не возвращаться!

Луна снова не согласилась и сказала:

— Тела будут хорошо пахнуть после смерти. Умершие умрут, а потом вернутся, как я возвращаюсь.

Так луна и делает — умирает, а потом нарастает снова и висит в небе. Вы сами это видели.

Слова луны были хорошими, а заяц говорил плохо. Луна держит слово и всегда возвращается, когда мы думаем, что она уже умерла. Но заяц с его расщепленной губой — это ужасное существо. В тот день заяц расцарапал луне лицо своими когтями. А луна взяла топор и ударила им зайца по губе так, что она расщепилась. Да, этот маленький заяц плохой.

18. О старике-луне и зайчиче

В давние времена животные были людьми и жили вместе, как люди. И большая луна, которую можно будет увидеть завтра ночью, также была человеком и жила вместе со всеми остальными.

Иногда луна исчезает, и тогда на следующий день мы говорим, что она умерла, но она всегда возвращается.

И вот они жили все вместе, и луна умерла.

Все сказали:

— О-о, наш старик умер! Кто будет заботиться о нас теперь, когда этот старик умер?

Итак, они жили там себе, жили, но в конце концов откочевали. Там было маленькое озерцо, из которого они пили воду, и они жили поблизости от него. А когда вода высохла, они ушли и стали жить в дру-

гом месте. Они устроили на новом месте становище.

А на их покинутой стоянке созрели ягоды нтсн. Когда нтсн созрели, люди ушли из своего нового становища, они вернулись, чтобы собирать нтсн. Они приходили и собирали их, и собирали их, а потом относили их домой. Они собирали их и относили домой.

И вот однажды они собирали нтсн. Одна из женщин была зайчихой: заяц, маленький заяц, был женщиной, которая жила вместе со всеми остальными. Они все вместе пошли собирать нтсн.

Когда они вошли в заросли кустов нтсн, другие женщины обманули зайчиху, сказав ей:

— Вот как мы делаем: мы едим красные нтсн, а собираем белые. И ты тоже делай так же. Не собирай красные плоды и не складывай их в свой каросс.

Вот как они ее обманули. И вот она красные ягоды ела, а неспелые собирала, спелые ела, а неспелые собирала.

Когда их кароссы наполнились, женщины отнесли свою ношу к маленькому озерцу и сели на берегу.

Потом они сказали:

— Зайчиха, сними свой каросс, посмотрим, что ты насобирала.

И она сняла каросс и, обнаружив, что плоды неспелые, ужаснулась.

А другие женщины сказали:

— Но, может, она единственная из всех нас, которая собирала то, что надо, а все остальные собирали плохие ягоды?

Они сняли свои кароссы, а их нтсн были красивые и спелые.

Тогда зайчиха сказала:

— Вы белые, белые, белые гнойные задницы! Зачем вы меня обманули?

Остальные ответили:

— Выброси свои неспелые нтсн, иди назад и на-бери еще, а мы посидим тут и подождем тебя. Ну иди собирай нтсн, а потом возвращайся к нам и мы уйдем отсюда вместе.

И вот зайчиха выбросила свои ягоды и пошла.

Другие женщины сказали:

— Не станем ее ждать, давайте-ка отправимся домой! Почему мы должны сидеть тут и ждать?

Тогда одна из них предложила:

— Ну-ка помочитесь все. И скажите своей моче, чтобы она отвечала зайчихе; моча должна отвечать, когда зайчиха позовет.

Сделав так, они ушли.

А зайчиха тем временем все собирала ягоды. Она выкопала большой корень гцема и вернулась, грызя его.

Она прислушалась, не слышно ли голосов женщин, но ничего не услышала. Тогда она крикнула, а моча ей ответила. Но когда она пришла туда, то никого не увидела. Она крикнула снова, и моча ответила, но она по-прежнему никого не видела. Пока зайчиха оглядывалась вокруг, она услышала удары палки. Старик-луне удалось где-то раздобыть дубинку, и теперь он сидел у выхода из своей могилы, где его похоронили. Он расширял отверстие. Он сидел там и бил своей палкой — «ца! ца! ца! ца!»

— Кто это? — спросила себя зайчиха. — Еще кто-нибудь?

Она оглядывалась вокруг в поисках того, кто стучит, она искала его и не находила. Она чуть было не прошла мимо, но старик-луна позвал: «Эй!». Зайчиха обернулась.

Старик-луна сказал:

— Подойди сюда!

Зайчиха замерла от страха.

А старик-луна крикнул оттуда, где он сидел:

— Быстрее иди сюда и принеси мне то, что ты ешь, этот гцема, который ты несешь.

Зайчиха подумала:

— Кто бы это мог быть? Ведь этот человек давно умер!

Но она подошла ближе и, нацепив гцема на палку, протянула луне.

Старик-луна сказал:

— Подойди поближе, я ничего тебе не сделаю, подойди же и дай его мне. Да и что я могу тебе сделать?!

Но зайчиха не подходила. Ну, а тут как раз проходили мимо какие-то другие люди, они перекочевывали на новую стоянку. Зайчиха осмелела и шагнула вперед, чтобы дать старику гцема. А старик-луна

ухватился за корень и втянул зайчиху в отверстие вместе с корнем.

Старик сказал:

— Ты что, боишься меня? Где же, по-твоему, я был все это время, что ты так меня боишься? Я ведь жив, я тот же, кого ты прежде знала. Я не причиню тебе вреда, я просто хочу сказать тебе кое-что. Я скажу тебе, чтобы ты могла передать мои слова остальным. Вон тем, что только что прошли мимо. Если я отправлю тебя своим посыльным, ты сделаешь это для меня?

Зайчиха ответила:

— Да, конечно.

Тогда старик-луна сказал:

— Ну, беги. Беги к ним и скажи, что тот, кто умрет, так же как и я, вернется к жизни. Он умрет и возродится. Он не умрет навсегда, нет, он умрет и вернется, умрет и снова вернется к жизни. Так люди будут жить вечно и никогда не умрут.

Зайчиха ответила:

— Понимаю, я передам твои слова.

— Все ли ты поняла, сумеешь ли ты сообщить им именно то, что я говорил?

— Да, я все поняла,— ответила зайчиха.

И вот она побежала, побежала следом за людьми. Она подошла к ним довольно близко и крикнула, чтобы они остановились.

Затем зайчиха сказала:

— Старик-луна говорит, что когда вы умрете, то умрете навсегда и никогда больше не оживете снова. И он говорит, что останки умерших будут разлагаться и скверно пахнуть.

Люди спрашивали себя:

— Откуда она взялась, та, что говорит подобные вещи?

Зайчиха сказала:

— Вот что старик-луна велел мне передать вам. Он сказал: вы будете умирать, не смейте возвращаться к жизни!

И зайчиха повернулась и ушла.

Люди спрашивали друг друга:

— Кто это принес нам такую вест?

Тем временем зайчиха побежала к старику-луне.

Она хотела поскорее вернуться и сказать ему, что передала его слова людям. Она вошла в нору и подошла к старику-луне.

— Что ты сказала людям? — спросил старик-луна.

— Я передала им твои слова, что они умрут и не вернуться и что останки умерших будут скверно пахнуть.

Тогда старик-луна подошел к зайчихе и рассек ей губу топором. С тех пор у зайцев губа рассечена.

А зайчиха сняла с себя каросс из шкуры сернобыка, развела костер и подержала каросс над огнем. Испачкав каросс в саже и копоти, зайчиха накрыла им лицо луны и убежала. Вот почему лицо у луны в грязных полосах. Луна сбросила каросс, но полосы на ее лице остались.

Вот что произошло между луной и зайчихой.

19. Происхождение смерти

Когда луна снова оживает и возвращается и мы видим ее, то закрываем глаза руками и обращаемся к ней:

— О луна, там, в вышине! Возьми мое лицо! А мне дай свое лицо! Ты должна взять мое лицо к себе, туда! Дай мне твое лицо, с которым ты умираешь и вновь возвращаешься, чтобы я мог походить на тебя. Ведь там — радость, там у тебя — всегда радость! Ты говорила прежде, что и мы должны возвращаться, после того как умрем. Так было, пока заяц не рассердил тебя.

Вот что сделал заяц. Он сказал, что не перестанет плакать, потому что его мать не вернется, потому что его мать умерла навсегда. И он будет плакать по матери.

Луна же сказала зайцу, чтобы он перестал плакать, так как его мать не умерла навсегда. Она снова оживет и вернется.

А заяц сказал, что он не замолчит, так как он знает, что его мать не оживет и не вернется. Потому что она умерла навсегда¹. Луна рассердилась, что заяц не соглашается с ней. И она ударила его кулаком и рассекла ему губу.

Луна воскликнула:

— Теперь у тебя всегда будет такой рот, даже когда ты станешь зайцем! У тебя всегда будет рубец на губе, и ты будешь скакать, убегая, и, петляя, возвращаться. Собаки будут гнаться за тобой, будут хватать тебя и кусать и рвать на части, и ты умрешь навсегда! И люди будут умирать, уходя навсегда, из-за того, что ты не согласился со мной, когда я говорила тебе, что твоя мать вернется и ты не должен оплакивать ее. Ты сказал мне, что твоя мать не оживет и не вернется. Вот поэтому ты должен навсегда стать зайцем, а люди должны навсегда умирать.

Заяц был человеком, но луна прокляла его, сказав, что он должен навсегда превратиться в зайца. И люди теперь умирают и не возвращаются, не оживают из-за того, что заяц некогда отвечал так луне: он сказал, что его мать не вернется, не оживет.

Наши матери говорили, что заяц прежде был человеком, а когда он поступил так, луна прокляла его. Она сказала, что он навсегда должен стать зайцем. Наши матери говорят, что у зайца есть человечесьё мясо². Когда мы убиваем зайца и собираемся съесть его, то вынимаем это мясо, не едим его — ведь это человечесьё мясо, это не мясо зайца. Оно осталось у зайца с того времени, когда он был человеком. Наши матери не разрешают нам есть этот кусочек мяса. Они говорят, что если мы его съедем, то появится тяжесть в желудке.

И вот луна сказала:

— Вы, люди, когда умрете, исчезнете навсегда. Я думала, что дам вам радость. Ведь я знала, что мать зайца не умерла, а спит. Заяц же сказал, что мать не спит, а умерла насовсем. Вот так все было, и я рассердилась. Ведь я думала, что заяц согласится со мной: «Да, моя мать спит».

И луна сказала, что теперь заяц будет¹ лежать на открытом месте, и там его будут кусать паразиты. Заяц не должен жить в кустарнике, он лежит не под деревьями, а на открытом месте. Потом он вскакивает, мчится и на бегу трясет головой, чтобы стряхнуть с себя паразитов.

20. Почему люди умирают

В давние времена луна призвала черепаху и велела ей передать людям:

— О люди, как я, умирая, снова возвращаюсь к жизни, так и вы, умерев, воскреснете!

Черепаха пустилась в путь, чтобы передать людям слова луны, и чтобы не забыть, все время повторяла их про себя. Но она передвигалась так медленно, что все-таки забыла слова луны и ей пришлось повернуть обратно, чтобы еще раз спросить луну.

Когда луна услышала, что черепаха забыла ее слова, она рассердилась и позвала зайца.

Луна сказала зайцу:

— Ты быстро бегаешь. Передай мои слова людям: «О люди, как я, умирая, снова возвращаюсь к жизни, так и вы, умерев, воскреснете вновь!»

Заяц побежал очень быстро, но вскоре увидел вкусную траву и остановился, чтобы полакомиться. И он тоже забыл слова луны, но побоялся вернуться обратно и передал людям следующее: «О люди, вы умрете, и умрете навсегда!»

Когда он это сказал, пришла наконец черепаха и передала людям слова луны. Тут между зайцем и черепахой разгорелся спор о том, кто из них прав. Заяц сказал, что черепаха лжет. А люди так рассердились на зайца, что один из них поднял камень и швырнул в зайца. Он разбил зайцу губу, так что теперь у всех зайцев расщепленная губа.

Люди отправили к луне своих посыльных, чтобы выяснить, что она сказала, но было слишком поздно — ведь неправильные слова уже были переданы. Поэтому с тех пор все люди умирают.

21. Лев и лягушка

Лев пришел к водоему. Из воды вылезла лягушка и стала над ним насмеяться. Лев хотел убить ее, но только поцарапал ей спину. Лягушка быстро прыгнула в воду, но с тех пор у нее на спине черные полосы.

22. Почему у гиены черные ноги, а у шакала черные полосы на спине

Птица гуи убила каменного козла. А гиена пришла и схватила его.

Гиена встретила шакала.

Шакал сказал:

— Гиена, не ходи туда, а то тебе будет плохо!

Но гиена все же отправилась. Пришла большая птица гуи, связала гиене ступни и опалила их в огне.

С тех пор у гиены черные ноги и она не осмеливается убивать ничто живое.

Шакал тоже пришел, чтобы украсть что-нибудь. Тут большая птица схватила шакала и опалила огнем его спину. С тех пор у шакала на спине черные полосы.

23. Как животные получили свои меты

Кори-дрофа развел огонь. А в огонь положил длинные полоски железа. Своими большими крыльями он раздувал огонь, пока железо не раскалилось докрасна. Потом он взял эти железные полоски и сделал ими отметины на шкуре лошади, а потом отвел ее в сторону: это была лошадь буша, полосатая зебра. Так кори при помощи огня сделал полосы на ее шкуре.

Затем он дал окраску антилопе канна — она стала серовато-коричневой. Он пошел к антилопе каама и сделал то же с ней. Затем он сделал страусу его крылья, и теперь у страуса крылья. Вот так кори создал всех животных.

Он взял сернобыка и его детенышей и сделал на их мордах полоски. Он сделал это на всех них. И дукеров, и всех других животных — он всех их сделал. Все были сделаны так.

Затем кори взял шакала и бурую гиену, он сделал их племянником и дядей друг другу. И бурая гиена была очень некрасивой, и шакал был очень

некрасивым. Обоих их он сделал низшими существами.

Однажды бурая гиена сказала:

— Я собираюсь поставить ловушку.

И она поставила ловушку. А когда пришла проверить ее, то обнаружила, что туда попал каменный козел.

— Возьму-ка я каменного козла и пойду к кори. Я хочу, чтобы он и мне дал красивые меты, как другим животным,— в знак того, что я убила антилопу и я — охотник! — сказала бурая гиена.

А шакал услышал это и сказал, что он опередит бурую гиену и раньше нее отправится к кори.

Когда он пришел в становище, люди были заняты там тем, что варили в горшке испражнения. Они поели тси и теперь варили свои испражнения. Вы знаете тси, бобы, которые жарят люди, пока они не лопаются с треском — кхви!? Бобы тси растут на открытом месте, где нет деревьев. Ну, и когда люди поедят тси, они потом складывают свои испражнения в горшок и варят.

Когда пришел шакал, люди сказали:

— Эге! Шакал явился!

И вот что они с ним сделали. Вы ведь знаете, что шерсть на спине у шакала черная? Так вот как это получилось. Люди размазали эти горячие испражнения по его спине, а потом вывалили на шакала все, что оставалось в горшке. Вареву было горячим, как огонь, и спина шакала обгорела дочерна. Ему было ужасно больно! И тут он завыл.

А люди сказали шакалу: «Убирайся!»

Ведь люди не любят этих тварей и бранят их. Они не захотели сделать ему красивые меты и вместо этого вот так с ним обошлись.

И он стал кататься по земле и подпрыгивать, а потом побежал плача к становищу бурой гиены — своего дяди. Он добрался туда и лег.

Бурая гиена увязывала свою кладь — каменного козла, готовясь отправиться в становище кори. Она встала, взяла каменного козла и перекинула его через плечо.

Она уже собралась уходить, когда шакал сказал:

— Бурая гиена, куда ты идешь? Я побывал в ста-

новище кори, и люди сожгли мне спину. Это плохое место — не ходи туда!

Но бурая гиена не захотела его слушать.

— Ну, со мной-то такого не случится как раз потому, что это случилось с тобой,— сказала она.— Люди могли сжечь спину тебе, но они не станут жечь и мою спину. Я собираюсь пойти туда, чтобы получить красивые меты.

И вот она пришла в становище кори.

Тут дети закричали:

— Отец, отец, посмотри на эту мерзкую тварь, что явилась сюда, на эту бурую гиену, которая осмелилась прийти сюда!

Бурая гиена испугалась и остановилась на месте.

Но кори сказал:

— Не слушай этих сумасшедших мальчишек! Конечно, ты должна была прийти ко мне, позволь, я сделаю тебе красивые меты!

И кори сел и стал раздувать огонь своими крыльями, пока железо не раскалилось, то самое железо, которым он делал меты другим животным.

Люди сказали бурой гиене: «Ну, ложись!»

Бурая гиена сначала положила своего каменного козла, а потом сама растянулась на земле. А люди принялись трудиться над ее шкурой, переделывая ее! Затем они поранили ей ногу, так что она до сих пор ходит с этой раной. Кори принес раскаленную кочергу и ткнул ею в верхнюю часть ноги бурой гиены.

— М-м! — взвыла бурая гиена.

Но люди не позволили ей кричать, сказав:

— Этого не полагается: не жалуйся! Лежи спокойно.

Да уж, они с ней жестоко обошлись! Огонь жег и жег бурую гиену.

Затем люди сказали:

— Давайте-ка еще ткнем кочергой в ее нижнее веко!

И они взяли кочергу и ткнули ею под глазом бурой гиены — прижали кочергу прямо к нижнему веку! Огонь так ужасно жег ее, что она завывала. Затем она нагадила на людей и убежала.

А люди взяли мешок с костями и бросили ей вслед.

— Вон отсюда! Убирайся и грызи эти кости! Отныне ты будешь бродить вокруг и грызть кости! — крикнули они.

Бурая гиена взяла мешок с костями, перекинула его через плечо и захромала прочь.

С тех пор кости стали ее единственной пищей. И вот когда люди уйдут из становища, она приходит туда и бродит, грызя старые кости.

Вот и вся история.

24. История о гиене

Давным-давно случилось так, что гиена убила каменного козла. Она хотела отнести его тем людям, которые сделали бы для нее меты с помощью огня.

Но, придя к себе в становище, гиена обнаружила там шакала. Шакал уже получил свои меты и вот теперь лежал там.

Когда гиена пришла, шакал сказал ей:

— Это становище, что вон там, владеет могущественной магией. Прошу тебя, не ходи туда — эти люди убьют тебя!

Но гиена не послушала его. Она ушла и отправилась в это становище за метами. Когда она пришла туда, люди положили в огонь длинные полоски железа, чтобы раскалить их. Затем они сказали гиене, чтобы она легла. И гиена легла. И тогда люди обожгли ее раскаленным железом. Она вскочила и бросилась бежать. А люди взяли мешок костей и бросили ей вслед. Этот мешок захлестнулся вокруг шеи гиены.

Люди кричали ей вслед:

— Убирайся и будь гиеной! И всегда грызи кости!

И гиена превратилась в гиену и до сих пор бродит вокруг, грызя кости.

25. Лев и страусы

Прежде в стране было много львов. Они убивали маленьких страусят, и страусы объявили им войну. И вот страусы сунули клювы в песок и стали размыш-

лять, как им подготовиться к войне со львами. А лев посмотрел на них издали и подумал, что страусы точат клювы, чтобы убивать львов. Он испугался и убежал прочь.

С тех пор львы всегда сторонятся страусов, и поэтому в стране не стало больше львов.

26. Как лев стал царем животных

Сначала царем животных был страус. Сейчас лев — царь животных, а как это произошло, я расскажу вам. Об этом я узнал от своей матери.

В те дни страус и лев были большими друзьями и обычно они охотились вместе. Во время охоты им встречалось множество различных животных, но убить им никого не удавалось — животных отпугивал шум, который производил страус своими крыльями.

Наконец страус сказал льву:

— Ты оставайся здесь, а я забегу вперед и пригоню животных к тебе. Ты же убьешь для нас обоих.

И страус тут же отправился и, забежав вперед, погнав дичь ко льву, выкрикивая:

— Убей для меня, мой вождь! Ведь у меня нет зубов!

Лев убил антилопу и стал дожидаться страуса — боялся его. Страус подошел ко льву, который стоял возле мертвой антилопы, и сказал ему:

— Разрежь мясо — ведь у меня нет зубов!

Лев разрезал тушу и стал ждать, что будет дальше. Так как у страуса не было зубов, он съел все мягкие части — легкие, сердце, почки и печень.

Затем страус сказал льву:

— Теперь ты тоже можешь поесть мяса!

И лев съел почти все оставшееся мясо. Было жарко, и после еды они разошлись в разные стороны, чтобы поспать. Как только они разошлись, страус стал сильно бить крыльями, и лев очень испугался этого шума.

Они проспали ночь, а на следующий день лев отправился искать страуса, чтобы охотиться вместе. Он нашел страуса спящим. Рот у страуса был приоткрыт, лев заглянул ему в рот и тихо рассмеялся.

Он сказал:

— Мой вождь, у тебя нет зубов!

И, оставив страуса спать, он отправился охотиться один. Страус проснулся, позвал льва, но тот больше не пришел. С тех пор страус стал есть траву. Вот как лев стал царем зверей.

27. О том, как львы убили страуса, позавидовав его голосу

Это рассказ о львах и страусе. В те времена львы и страусы были людьми. Как-то львы сговорились все вместе обмануть страуса. Женщины — и страусов и львов — смотрели только на страусов и только их и хвалили — за их красивый голос, а львов женщины никогда не хвалили.

И львы говорили:

— Как бы нам обмануть страуса?

Один из них сказал:

— Пусть женщины устроят игру гёбби-гү¹, и тогда мы увидим, как они поведут себя, — будут ли они, как всегда, восхищаться только страусом. И мы увидим, что будет делать страус.

А другой лев спросил:

— Как это получается, что крики страуса так красивы?

Ему ответили:

— Страус кричит легкими, поэтому он издает гортанные низкие звуки, а ты кричишь ртом, поэтому у тебя не получается такого красивого крика.

Тогда один из львов предложил:

— Нужно устроить игру гебби-гу и убить страуса. Мы вынем его легкие, съедим их и тогда сможем кричать, как страус.

И львы сказали женщинам:

— Устройте-ка игру гебби-гу!

Им хотелось послушать, действительно ли страусы так замечательно кричат.

И вот женщины устроили игру, и львы принялись кричать. А страус был еще у себя дома. Лев кричит, а женщины стоят и смотрят на него, они не хлопают в ладоши, потому что им не нравится, как

кричит лев,— он кричит некрасиво. Но вот показался страус и начал кричать еще издалека.

И женщины воскликнули:

— Вот если бы лев кричал так же! А то ведь он кричит так, будто у него во рту его хвост. А у страуса звучный голос.

Тогда один из львов сказал остальным:

— Ну вот видите, как женщины относятся к страусу! Только страус нравится им— ведь у него такой сладостный голос. Женщины восхищаются только им одним!

И другой лев очень рассердился— из-за того, что страус был единственным, кто нравился женщинам. Он сделал вид, что собирается уйти, а сам кинулся и стал царапать гхатен-ту² страуса, он царапал и рвал его.

— Это и есть то, что звучит так красиво?!— крикнул он и стал бить ногой по гхатен-ту страуса.

Но страус быстро повернулся и стал царапать его тсванг-ту³, приговаривая:

— Это и есть тот самый человек, что разгневался на меня, а это его тсванг-ту? Он рассердился потому, что он из тех, кто держит во рту свой хвост, когда кричит. А женщинам не нравится, как он кричит, и они не хвалят его. Потому-то женщины и не хотят устраивать для него гебби-гу, женщины чувствуют, что он не умеет кричать так, как я.

Из-за того, что страус лягал льва, его коготь сломался. А рубец на его гхатен-ту— след когтей льва. С тех пор у страусов появились такие рубцы.

Во время гебби-гу льву не удалось убить страуса, но потом он все же убил и съел его. И с тех пор лев стал охотиться на страусов. Старики рассказывают, что, когда лев убьет страуса, его очень трудно отогнать от добычи. Он не уходит, даже если его прогоняют, и люди за это на него сердятся.

Когда мой дедушка рассказывал нам, маленьким детям, историю о львах и страусе, он говорил, что мы должны делать так же, как поступил лев в те давние времена, убив страуса: он съел легкие страуса, потому что хотел научиться кричать, как страус, издавая такие же звуки. Поэтому лев съел его легкие.

Мой дедушка также давал нам есть легкие страуса, чтобы мы могли походить на страуса, а мы спрашивали, нельзя ли сварить их. Но дедушка говорил, что легкие страуса нельзя готовить, поэтому мы ели их сырыми. Ведь если есть легкие страуса приготовленными, то не сможешь кричать, подобно страусу. И еще наш дедушка говорил нам, что легкие страуса нельзя жевать, их надо проглатывать целиком. Если жевать легкие страуса, то не сможешь кричать так, как страус.

И наш дедушка говорил нам:

— Подойдите и станьте вокруг, а я буду отрезать куски от легких страуса и давать их вам, чтобы вы проглатывали их.

А мы говорили:

— О дедушка! Мы не хотим есть легкие страуса сырыми!

И вот дедушка рассказал нам эту историю. Он спрашивал нас, уж не хотим ли мы походить на льва, который в старину так разгневался на страуса из-за его красивого крика. И с нами может быть так же, если мы услышим, как наши товарищи красиво кричат. Мы бы рассердились на наших товарищей, если бы слышали, что они поют красиво. И мы бы тоже стали с ними бороться, если бы женщины не стали нам хлопать. Если женщины нам не хлопают, мы сердимся. И мы боремся с нашими товарищами, потому что сердимся, что женщины не хлопают нам.

28. Лев и гиена

Гиена отправилась в дом льва. Она несла на палке голову каменного козла.

Лев увидел, что идет гиена, и сказал:

— Пожалуйста, входи!

Он сказал так, а сам стал раздувать огонь: бо, бо, бо! Лев раскалил в огне копье, потом схватил его и воткнул гиене в задний проход.

Гиена закричала:

— Нг, нг, нг! Не жги меня, оставь меня в покое!

И гиена убежала прочь.

А гигантская дрофа подобрала кости каменного козла и швырнула их гиене.

Затем лев сказал:

— Убирайся!

Гиена шла, скорчившись от боли,— вот так. Она подошла к водоему и стала пить, потом ушла и поздно вечером добралась до дома и стала грызть кости.

Так рассказывают.

29. Как шакал обманул льва

Шакал и лев отправились однажды охотиться на антилоп канна. Они устроили засаду в густом кустарнике и лежали там со своими луками и стрелами, поджидая антилоп, которые ходили на водопой этой дорогой.

Когда показались антилопы канна, шакал и лев выбрали себе по антилопе. Лев выстрелил первым, но не попал. Затем выстрелил шакал и крикнул:

— Я попал в мою антилопу!

А лев очень рассердился на шакала и сказал:

— Это я выстрелил и убил антилопу, а ты промахнулся!

Шакал испугался и подумал, что будет умнее согласиться со львом. Поэтому он сказал:

— Да, отец мой, это ты убил антилопу.

Потом они вместе отправились домой, так как жили рядом. Солнце палило, и они решили сначала поспать, а потом разрезать мясо и отнести его домой. Но шакал задумал обмануть льва, чтобы все мясо досталось ему.

И вот, когда лев лег спать, шакал тоже улегся и притворился спящим. Но как только он увидел, что лев заснул, он потихоньку поднялся и вернулся к мертвой антилопе. Он разорвал ей живот, залез туда и вытащил весь жир изнутри. На обратном пути, он, чтобы обмануть льва, раскровил себе нос. Кровь капала на землю, и шакал думал, что лев решит, будто антилопа убежала, и отправится по этому следу.

Вскоре лев проснулся и пустился по кровавому

следу. След завел льва далеко в степь, но наконец он все же нашел мертвую антилопу. Сначала лев не заметил шакала, но потом увидел, что из живота антилопы торчит его хвост. Лев очень рассердился, схватил шакала зубами за хвост и вытащил его оттуда.

— Ну, раз ты обманул меня,— сказал лев,— я не дам тебе мяса!

— О отец,— заскулил шакал,— я ведь только хотел отобрать лучшую часть мяса для твоей жены!

Но лев не поверил ему и стал рвать антилопу на части.

Потом он подозвал шакала и дал ему жира с груди антилопы.

— Отнеси это моей жене и детям,— сказал он,— а себе можешь взять вот это!— И он бросил шакалу легкие. Шакал очень рассердился, но взял мясо,— он уже придумал, как поступить. И вот он отнес мясо к логовищу львицы. Увидев, что она играет со львятами, шакал крикнул ей:

— Это от моего отца!

И он стал швырять в львят кусками легких. Они очень испугались и бросились искать защиты у своей матери. Львица была в ярости.

Тогда шакал сказал:

— Я должен вернуться к своему отцу, он ждет меня.

Но вместо того чтобы вернуться, он позвал свою жену и детей, и они убежали далеко в степь. Там он дал им жира антилопы. Жир им так понравился, что они быстро съели его.

Больше они не вернулись туда, где жил лев, и стали жить отдельно.

Вот почему лев никогда не позволяет шакалу есть дичь вместе с ним. Он не подпускает шакала близко, как тот ни скулит, выпрашивая мясо. Пока лев не наестся, он ничего не дает шакалу. Шакал лишь доедает остатки,

30. О шакале и питоне

Шакал и питон прогуливались вместе.

Шакал сказал:

— Дай мне твои сандалии!

А питон ответил:

— Нет, песок очень горячий. Не дам я тебе сандалии!

Но шакал тем не менее забрал их и надел. Они шли и шли, и шакал сказал:

— Не пройти ли нам еще немного? Потом я верну тебе твои сандалии.

И вот они пошли дальше, но вскоре шакал взял да и убежал вместе с сандалиями. Убежал вместе с ними и не вернул их. Он вообще так и не вернул их питону. Шакал просто убежал с ними.

Потом шакал превратился в шакала — а прежде шакал был человеком. А тот, другой человек, превратился в питона.

31. Дрофа и страус (I вариант)

Жили гигантская дрофа и страус. Дрофа убила двоих детей и съела их. Потом она увидела страуса, который возвращался домой, и услышала, как закричали дети страуса.

Ночью дрофа опять услышала, как кричат дети страуса. Она рассердилась, сердце дрофы опечалилось, она сказала:

— Страус обманул меня, и я съела детей!

Двое оставшихся детей дрофы отправились за водой. Они пошли и увидели страуса. Он лежал и кричал, и они дали воды большому страусу.

Затем к водоему пришла дрофа, она сказала:

— Дайте и мне воды, я хочу напиться!

Дрофа напилась, взяла горшок, положила его на землю и бросила в него кости. Страус тем временем лежал там. Потом она унесла горшок и уронила его. Когда же горшок упал, дрофа закричала, схватила палку и стала бить страуса по ногам.

Тогда дрофа и страус были людьми.

32. Дрофа и страус (II вариант)

Гигантская дрофа хотела обмануть страуса и предложила ему:

— Давай поджарим своих детей и съедем их!

И они поджарили детей и поели оба.

Дрофа осталась дома. Вдруг она услышала, как кричат дети страуса, множество детей: «Е, е!»

Дрофа сказала:

— Здесь дети! Значит, страус обманул меня, что поджарил и съел своих детей!

Затем они оба отправились к водоему, чтобы напиться, их мучила жажда. Дрофа напилась, а потом улеглась у воды. А страус сказал:

— Подожди, пока и я напьюсь!

И дрофа спокойно лежала, а страус спустился, чтобы напиться, он спустился к воде и стал пить. И тут дрофа толкнула его, и страус упал в воду. А дрофа схватила палку и стала бить страуса, она била его вот так!

А потом страус погнался за дрофой, а та побежала и скрылась в своей норе. Но страус достал палку-копалку и пришел туда. А дрофа взлетела вверх и сказала:

— Привяжи палку здесь!

Но пока страус привязывал ее, дрофа спустилась под землю.

В те времена они оба были людьми, страус был человеком, и дрофа была человеком. Вот как все было. Все животные были людьми. Так было вначале.

33. Как гиена отомстила льву

К хижине льва пришла гиена. Лев не предложил ей поесть. Ведь гиена кусается, и люди ее боятся.

Гиена сказала льву:

— Теперь ты приходи ко мне в хижину!

И лев пришел к гиене в хижину.

Гиена сказала:

— Я покормлю вот этого маленького ребенка и

положу еду ему прямо в рот. Потом я возьму немного еды и положу ее в рот женщинам, чтобы и они поели. А теперь я возьму немного еды и положу ее тебе в рот, чтобы ты поел.

И гиена взяла горшок и надела его льву на голову. А горшок был горячим, и он обжег льву голову. Лев умер.

34. Месть гиены

Гиена пришла как-то ко льву, и он предложил ей мяса зебры. Но гиена почувствовала, что лев угощает ее неохотно, она рассердилась и решила его обмануть.

Она сказала:

— О лев! Ты тоже должен навестить меня.

И вот лев пришел к гиене в дом, а она как раз варила в горшке мясо страуса. Гиена предложила льву супа, и лев схватил горшок, но горшок был очень горячим.

И тогда гиена сказала:

— О лев, позволь мне налить суп прямо тебе в рот. Я всегда наливаю суп в рот своим детям — это му ребенку и вот тому, да и своей жене тоже.

И вот она налила кипящий суп прямо в пасть льву, а затем опрокинула горшок и надела его льву на голову. Суп обжег ему глаза и горло и все внутренности.

Гиена сказала льву:

— Я — гиена, обманывающая всех.

А льву пришлось согласиться с ней, так как он попался на ее хитрость, хотя он и «лев, убивающий всех».

Затем гиена схватила палку и долго била льва, так что и горшок раскололся. И лев умер. Гиена почувствовала, что она наконец отомщена. Она наказала льва за жадность. Ну, а раз так, эта гиена должна называться «Гнилая рука» — так ведь называют тех, кто скаредничает из-за пищи, а она убила льва своим угощением, чтобы отомстить ему за жадность по отношению к себе.

35. Как шакал убил зайца

Шакал отправился к водоему и по дороге встретил зайца.

Увидел шакал зайца и говорит:

— Подожди-ка немного!

Заяц подошел. Он подошел, пританцовывая.

А шакал опять повторил:

— Подожди-ка немного!

Тут шакал схватил его за шапку и быстро привязал к ней уши зайца. Он схватил и надел ее на зайца.

Ну, а заяц отпрыгнул в сторону, а шакал бросился за ним. Но заяц бежал быстрее шакала, и тогда шакал сказал:

— Ну, подожди же меня!

А сам схватил камень и бросил его в зайца. Тут заяц как перепрыгнет водоем, и они оба припали к земле, глядя друг на друга.

Шакал схватил другой камень и убил им зайца.

36. О том, как львы нашли воду

Великий лев, которому все подчиняется, однажды взял вместе с собой на охоту несколько молодых львов. Они насушили мяса в становище, а потом отправились в путь. Добравшись до места, они устроили там новое становище.

И вот они обнаружили след антилопы канна, стали выслеживать ее и наконец убили — вдалеке от их нового становища. Они так далеко зашли, пока гнались за ней, что не знали, где в этой местности есть источники. И вот они убили антилопу канна, и она оказалась жирной, но они не знали, где найти воду.

Лев сказал:

— О! Мы так далеко забрались! Я совсем не знаю этого места. Где же нам искать воду для питья, раз мы не знаем здешних источников?

Затем он спросил себя:

— Что бы мне сделать? Какую уловку придумать, чтобы мы могли отыскать воду для питья?

Раздумывая над тем, как отыскать воду, лев, а с ним и молодые львы ели тем временем мясо антилопы канна. Они ели-ели и так захотели пить, что чуть не умирали от жажды.

Затем лев сказал себе:

— О! Устрою-ка я одну проделку с помощью кого-нибудь из этих молодых львов!

И он сказал одному льву:

— Друг, я хочу сделать сетку для переноса тяжестей и положить тебя в нее. Затем я отнесу тебя и положу так, чтобы тебя нашла старая бурая гиена. Ну, а она подберет тебя и отнесет туда, где есть вода.

Он так все и сделал. Львы положили одного из своих братьев в сетку из ремешков из шкуры сернобыка и оставили его на дороге. Но когда пришли бурые гиены и понесли его, молодой лев испугался и крикнул: «Кто это?» — а они вырвали его и убежали.

— О! Ну и помощник! — сказал великий лев. — Кого же мне взять вместо него? Кто из вас будет внимательно слушать мои указания?

И он выбрал другого молодого льва.

— Ну а ты не собираешься поступить так же, как тот мой сын, когда появятся бурые гиены? Помни, как мы хотим пить и что мы так еще и не пили. Если я выберу тебя для этой проделки, ты не испугаешься и не закричишь?

Молодой лев сказал:

— Я умираю от жажды! Я не испугаюсь. Или бурая гиена убьет меня, или я спасусь! Приступай — ты можешь на меня положиться.

И старый лев взял сетку для переноса тяжестей и разложил ее на земле. Он положил в нее сосуды для воды и сделанный из шкуры мешок для воды. Он уложил все это в сетку, а потом положил туда немного мяса антилопы канна. А поверх всего этого он взял и положил молодого льва. Он зашил горловину мешка. Он дал молодому льву нож и прорезал для него сбоку дыру в сетке, чтобы тот мог видеть, что происходит, оставаясь невидимым.

Он устроил все это для молодого льва. Потом он положил сетку со львом в кустах.

Ну а бурые гиены отправились пить воду к своему источнику. Напившись, они сидели и разговаривали.

Старая бурая гиена сказала:

— Мне кажется, я чую мясо!

Все они отправились туда, где лежала эта сетка. Но вместо того чтобы съесть ее содержимое, они подобрали сетку и потащили ее назад к источнику. Молодой лев боялся пошевелиться, он так и лежал в сетке, позволяя им нести себя. Бурые гиены шли, пока не спустились к источнику.

Они спустились к источнику и положили его у самой воды. Потом они пошли, чтобы напиться вволю перед тем, как приступить к мясу.

Молодой лев лежал в сетке. Он услышал, что бурые гиены пьют воду. И он распустил сетку и высвободился из нее. Затем он спрятался поблизости. Он лежал, пригнувшись к земле, так что бурые гиены его не видели.

Когда старая бурая гиена напилась, она вместе с другими гиенами вернулась к сетке, чтобы поесть мяса антилопы канна. Они поели немного, а потом отправились на охоту.

Когда они ушли, молодой лев вышел из своего убежища и вволю напился у источника. Он пил, и пил, и пил. Он пил, пока не почувствовал, что напился. Затем он поел немного мяса и отправился спать. Проснувшись, он поел еще, а потом напился воды. Затем он снова улегся спать.

Утром он наполнил все сосуды водой и снова положил их в сетку. Затем он закинул сетку за плечи и понес ее назад, к остальным львам. Когда он добрался туда, солнце уже было близко к закату.

Он дал им всем воды, а своему боязливому брату сказал:

— Ну а ты не рассчитывай, что напьешься! Тебе придется подождать, пока ты сам не отправишься к источнику. А этой воды ты не получишь!

И вот все другие львы пили воду. Храбрый молодой лев указал боязливому брату дорогу к источнику.

— Иди все время по этой дороге и доберешься до воды. Иди и пей там, сколько хочешь, а мы все останемся здесь и будем есть мясо.

И вот боязливый лев поднялся и отправился к ис-

точнику. Когда он ушел, остальные собрались и пошли домой. Вероятно, молодой лев умер от жажды в дороге, когда он попытался пойти за ними следом, но они не хотели больше знать его, они его бросили.

Да, так все и было.

37. Как шакал обманул волка

Волк отправился к девушке. Он прибежал и стал за ней ухаживать, а затем вернулся домой. Тем временем к этой девушке пришел шакал, и он также принался за ней ухаживать.

Но девушка сказала:

— Мой возлюбленный — волк! Я не могу принять твои ухаживания. Мы, мой возлюбленный и я, дали друг другу слово, и я не принимаю твои ухаживания.

А шакал говорит:

— Твой волк — лошадь моего отца!

— Это неправда! — отвечает девушка.

— Я докажу тебе это! Вот увидишь! — сказал шакал ей в ответ.

— Увидим, — сказала девушка.

Шакал отправился к себе домой, он пошел к своей хижине.

Волк вернулся к девушке.

— Так ты лошадь! — сказала ему девушка.

— Кто это сказал? — спросил волк.

— Так говорит шакал, — ответила девушка.

— Но это неправда! — настаивал волк.

— Нет, правда! — повторяла девушка.

— Ну что ж, я пойду, я пойду к шакалу, — сказал волк.

Увидев шакала, волк спросил:

— Что это такое?! Что это такое?! Кто сказал, что я лошадь?

— Да, действительно, кто это говорит?! — спросил шакал.

— Мне сказала об этом девушка, — ответил волк.

— Идем. Идем вместе, и я спрошу девушку, — предложил шакал.

Волк согласился:

— Давай пойдем к девушке!

И они вдвоем пустились вскачь по дороге.

Но вдруг шакал воскликнул:

— Я заболел!

— Давай я тебя понесу,— предложил волк.— Подойди и забирайся ко мне на спину!

— Дай мне удила,— говорил шакал.— Я тебя взнуздаю.

— Ну что ж, давай надевай узду!

— Я так и сделаю!

— Вдень удила мне в пасть! — говорит волк.

— А теперь держи поводья, надо их привязать! — сказал шакал.

— Да, завяжи их!

И вот волк с шакалом поскакал. Они добрались до девушки. А девушка вышла из своей хижины. Она вышла посмотреть, кто там. Но волк, как только ее увидел, тут же бросился со всех ног прочь.

Так девушка досталась шакалу.

38. О грифах, их старшей сестре и ее муже

В давние времена, когда животные были людьми, девушки-грифы взяли себе старшую сестру из древнего народа и жили вместе с ней. Однажды ее муж, который тоже был из древнего народа, принес домой газель, а грифы ее съели. Муж стал их ругать и браниться. А старшая сестра взяла шкуру газели, опалила ее, сварила в горшке, а потом тоже отдала грифам. Они схватили куски шкуры и тут же их проглотили. Муж опять принялся бранить их — мало того, что они съели вместе со своей старшей сестрой мясо, оңи еще съели и шкуру газели. А они, испугавшись его гнева, разлетелись во все стороны, сели и украдкой за ним наблюдали.

Он снова отправился на охоту. Он убил газель и понес ее домой, перекинув за спину. Тогда они снова прилетели в дом и опять съели все мясо. А когда муж их старшей сестры стал бранить их, они улетели и сели в отдалении. Но мясо-то уже было съедено. Потом их старшая сестра опалила шкуру газели, сварила ее и дала им. Они проглотили и шкуру,

Наутро муж велел жене отправляться на охоту вместе с ним. Он хотел, чтобы они сразу съели добычу, потому что иначе все опять достанется его свояченицам. И жена пошла вместе с ним.

Когда они ушли, девушки-грифы вышли из дома, где они жили вместе со своей старшей сестрой, уселись напротив дома и стали думать, как им быть.

Они посоветовались и послали самую младшую:

— Поднимись в небо, осмотришь и выбери подходящее место, а потом расскажешь нам.

Она взлетела и скрылась из виду, а они сидели, ждали ее возвращения и говорили:

— Посмотрим, что ей удастся сделать.

Наконец она прилетела и села среди них.

Они воскликнули:

— Ну, нашла что-нибудь подходящее?

И младшая ответила:

— Да, место очень удобное, но пусть теперь полетит старшая из нас и посмотрит сама.

Та взлетела и скрылась из виду. Потом она вернулась и села среди них.

Ее стали расспрашивать:

— Ну, что это за место?

И она сказала:

— Место выбрано прекрасно, я все осмотрела — деревья там высокие, место открытое и хорошо просматривается, так что сверху можно различить лежащую под деревом газель.

И вот они взлетели и поднялись в небо — теперь они превратились в грифов. Они летали в небе, а их старшая сестра следила за ними, и когда, обнаружив газель, они спускались, она следовала за ними, как это обычно делают люди.

И вот они ели и оглядывались и говорили между собой:

— Ешьте-ка да поглядывайте вокруг. А если увидите, что идет наша старшая сестра, то оставьте для нее самый вкусный кусок.

Заметив, что их старшая сестра подходит, они восклицали:

— Вон она идет сюда, оставим для нее куски мяса и шкуры!

Они оставляли для нее часть добычи, но, увидев,

что она приближается, тут же разлетались в разные стороны.

А их старшая сестра говорила:

— Фи! Ну как вы себя ведете? Разве это я вас бранила?

И она забирала мясо и шкуру и возвращалась домой.

Но когда грифы замечали, что приближается муж их старшей сестры, они поспешно накидывались на свою добычу и говорили друг другу:

— Ешь! Ешь! Давай ешь побыстрее! Вон идет этот отвратительный человек, который нас терпеть не может.

А прикончив газель, они тяжело отлетали прочь и садились там, а мужу их старшей сестры доставались одни кости.

А грифы продолжали летать, они летали повсюду в поисках газелей.

39. О девушке и волке

Я отправился в гости. Я отправился в гости на соседнюю ферму. Отправился я в гости на соседнюю ферму, пришел туда и оставался там до захода солнца.

Там я увидел девушку и заговорил с ней. Я стал за ней ухаживать.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой!

— Нет,— сказала девушка,— я не могу стать женой волка!

— Почему это?! Я, волк, спрашиваю тебя. Почему же? Нет уж, ты станешь моей женой! Я на тебе женюсь! Слушай-ка меня внимательно: сейчас ты станешь моей женой! Ты станешь моей женой! Ты станешь моей женой!

— Нет, о волк! Потому что я человеческого рода, и я отказываюсь быть твоей женой. Так обстоит дело, и я тебе об этом говорю. О волк! Этому не бывать!

— Я возьму в жены девушку!

— Этому не бывать!

— Я возьму тебя в жены. Я чувствую себя человеком. Да, да, я человек. Поэтому я и говорю с тобой, газель! Слушайте все вы, люди! Я заставлю ее стать моей женой! Слушай, что ты должна делать!

— Я ни за что не соглашусь, нет, я не буду твоей женой. Я отказываюсь. Я не могу взять такого мужа. Нет, наша свадьба не состоится. На этом и покончим. Я, газель, не хочу иметь с тобой ничего общего!

— Нет, ты выйдешь за меня! Это так! Это говорю я, волк!

— Я решила твердо, я не согласна стать твоей женой!

— Нет, я тебя заполучу! Я женюсь на тебе, я женюсь на тебе, я женюсь на тебе! Я женюсь на тебе и буду жить вместе с тобой. Ты же видишь, что я мужчина! Ты говоришь, что я не мужчина? Ну а я, как только увидел тебя, решил, что женюсь на тебе. Придется тебе в это поверить, придется поверить, придется! Я женюсь на тебе! И больше я ничего не хочу слышать, я на тебе женюсь!

— А вот что скажу я, газель. Слушай теперь меня, о волк!

— Ну, слушаю!

— Я не могу с тобой согласиться!

— Ты все отказываешься. Но из этого ничего не выйдет. Я мужчина, и я должен решать. Ты говоришь, что я не могу быть человеком? Так слушай. Я мужчина, я настоящий мужчина. Я все равно разыщу тебя и настигну. Я побегу и схвачу тебя! Я схвачу тебя! Я схвачу тебя, да, схвачу тебя! Я это сделаю. Я волк, я больше волк, чем человек. Я позову тебя: «Повернись!» Всех вас, людей, я окликаю: «Повернитесь!» И ты, женщина, ну о чем ты говоришь? Слушай меня, женщина! Я буду с тобой, я буду с тобой, я буду с тобой! Ты же сама не можешь сказать, как ты поступишь. Посиди и подумай. Подумай-ка. Я ведь не ребенок. Это я говорю тебе, я, волк. Я старик, я твой дед!

40. История о Гцонцемдима и ее младшей сестре-шакале (I вариант)

Гцонцемдима и ее младшая сестра отправились к роднику. Гцонцемдима упала в воду, а ее сестра оставила ее там и побежала домой.

Когда она вернулась в становище, кори-дрофа посмотрел удивленно и сказал:

— А моя жена... где моя жена?

Он видел, что от родника вернулась только одна девушка. Чтобы испытать ее и выяснить, не его ли это жена, он провел кисточкой для еды по ее лицу. Но вместо гладкого лица своей жены он ощутил волосатые щеки, так как младшая сестра была шакалом. Жир капал с кисточки, и шакал довольно облизывался.

«Если бы это действительно была Гцонцемдима,— подумал кори,— то она не стала бы облизываться и жир стекал бы по ее гладкой коже, как всегда. Это, должно быть, младшая сестра моей жены».

Ну а сестра-шакал, пытаясь подражать плавной походке своей сестры, проскользнула к очагу их бабушки. Пока она там сидела, кори приготавливал для них постель. Он расстелил шкуры, а потом взял стрелы и воткнул их стоймя в песок в том месте, где должна была спать сестра-шакал. Вскоре сестра-шакал присоединилась к нему. Она прилегла, но тут что-то воткнулось ей в спину.

— Что это... почему я должна спать в таком ужасном месте? Здесь колко!

Но кори ответил:

— О, давай-ка спать. У меня такое же плохое место, а я не жалуясь!

Ночью сестра-шакал умерла от яда, которым были обмазаны наконечники стрел.

На следующее утро маленькая сестра шакала пришла узнать, что с ней: солнце поднималось все выше и выше и повисло в небе, а она все еще не выходила из своей хижины.

— Бабушка! — позвала маленькая девочка, когда она обнаружила мертвую сестру.— Семена нга засохли в заду, в заду старшей сестры!

— Ты что, говоришь, чтобы я пришла и надела на нее передник из бус, передник зрелости¹?

— Нет! Я сказала, что нга засохли в заду, в заду старшей сестры!

В конце концов бабушка пришла сама, чтобы все выяснить. Она подобрала мертвую сестру-шакала, перетащила ее к очагу. Затем она собрала топливо и раз-

вела огонь, чтобы поджарить шакала. Весь этот день до вечера она ела и ела зажаренного шакала. Поест, отдохнет немного и снова ест.

Тем временем все собрались у родника, все: сернобык, антилопа канна, жираф, зебра. Один, затем второй — они сунут переднюю ногу в родник и пытаются дотянуться до Гцонцемдима. Антилопа канна вышла вперед и попробовала, но не смогла до нее дотянуться. Затем попытался сернобык, но его нога была недостаточно длинной. Друг за другом они выходили вперед и совали ноги в родник, но никто не мог до нее дотянуться. Наконец вышел жираф, он опустил туда ногу и достал как раз до того места, где она находилась.

Потом кори потребовал, чтобы расстелили шкуры на всем пути от родника до становища. Жираф вытащил Гцонцемдима из родника и посадил ее на шкуру. Она сидела там и обсыхала. Затем они отвели ее обратно в становище и усадили там.

Вот история о Гцонцемдима.

Гцонцемдима и кори были так счастливы видеть друг друга, и все люди сказали:

— Да, вот наконец наша племянница, а та, другая девушка, та всегда была плохой.

41. История о старшей сестре-питоне и младшей сестре-шакале (II вариант)

Старшая сестра, питон, была беременна. Однажды утром она вместе со своей младшей сестрой, шакалом, отправилась за водой. В то время люди пили воду из родника в скалах, и они отправились туда, чтобы набрать воды. А возле водоема было дерево нга, полное спелых плодов.

Сестра-питон сказала:

— Взбирайся на дерево и потряси вон ту ветку, чтобы мы могли поесть нга.

Но сестра-шакал отказалась:

— У-у! — сказала она. — Взбирайся сама, старшая сестра, натряси плодов, и мы поедем.

И вот старшей сестре пришлось самой взбираться на дерево. А она была беременной и грузной. Подняв-

шись на дерево, она добралась до ветки, которую хотела обтрясти. Но она неловко ухватилась за ветку и упала в воду. Она очутилась в роднике. Она пыталась выбраться оттуда, но берега были слишком крутые. Ей пришлось остаться в роднике. И она родила там.

Родные мужа сестры-питона увидели, как сверху, от родника, бежит сестра-шакал. У нее была смешная вихляющая походка. Родственники сидели и смотрели, как она входит в становище.

— Эй! — сказали они. — А где же наша красавица-невестка? Сестра-шакал вернулась одна. А мы считали, что наша невестка отправилась к роднику вместе с ней. Что же она сделала со своей старшей сестрой?

Когда сестра-шакал подошла к тому месту, где они сидели, родственники взяли кисточку для еды и мазнули ею по ее лицу. Так они обычно делали для старшей сестры-питона — мазнут кисточкой, обмакнутой в жир, по ее лицу, чтобы оно стало гладким и блестящим.

Но сестра-шакал не поняла, для чего это делается: «Жир! Жир! Жир стекает по моему лицу!» — закричала она и стала пить этот жир.

Люди сказали:

— Мы оказались правы — ты действительно не наша невестка! Что ты с ней сделала? На что ты рассчитывала, вернувшись без нее и прикинувшись, будто ты — прекрасный питон?!

Ну а пока все это происходило, кори-дрофа, муж сестры-питона, был на охоте. Когда он пришел домой, то увидел сестру-шакала и спросил:

— Где моя жена?

Ведь сестра-шакал ничего не сказала людям о том, как сестра-питон упала в источник. Она все молчала.

Пока сестра-шакал расхаживала от костра к костру, кори пошел приготовить постель. Он взял иглы дикобраза и воткнул их стоймя в песок, под постелью из шкуры, приготовленной для сестры-шакала. Когда сестра-шакал улеглась спать, иглы вонзились ей в ребра. Они насквозь проткнули ее шкуру.

— Эй! — закричала сестра-шакал. — Уберите эти шипы!

Но кори притворился, что он не слышит. Наконец

сестра-шакал замолчала. Иглы дикобраза убили ее. Она умерла и так осталась лежать в хижине.

Утром кори встал и ушел.

Маленькой сестренке шакала ее бабушка сказала:

— Пойди посмотри, что с твоей сестрой. Может, она не выходит из хижины потому, что стала взрослой? ¹ Почему она до сих пор спит?

Маленькая девочка побежала посмотреть. Сестра-шакал умерла, и из ее заднего прохода торчали семена нга.

Маленькая девочка увидела это и закричала своей бабушке:

— Бабушка! Семена нга, семена засохли, засохли в зад у старшей сестры, в зад у!

Бабушка закричала ей в ответ:

— Внучка! Ты что, сказала, чтобы я принесла передник зрелости ² и завязала его ей?

Внучка покачала головой и закричала погромче:

— У-у! Старшая сестра умерла ночью, и семена нга засохли у нее в зад у, в зад у!

— Ты так говоришь, чтобы я принесла для нее передник зрелости и завязала его ей?

Ну, вот так они и кричали друг другу некоторое время.

Маленькая девочка снова закричала:

— Семена нга, семена засохли, засохли в зад у, в зад у старшей сестры!

В конце концов старая женщина пришла поглядеть. К тому времени внучка обломала нга, торчавшие из заднего прохода ее сестры. Бабушка подошла и сказала: «О! Твоя сестра умерла?» — а потом они обе ее съели.

Тем временем кори пошел, чтобы собрать вместе всех животных. Он позвал жирафа, слона, сернобыка — всех животных. Они все вместе отправились к источнику. Друг за другом они стали опускать в источник ноги. Но их ноги были недостаточно длинными — они доставали ими только до середины. Антилопа канна сунула туда свою ногу. Но не дотянулась до дна. Подошел сернобык и сунул туда свою ногу. Но и он не дотянулся до дна. Гну сунул в родник ногу, но не смог достать до дна. Все животные: антилопы куду, каменный козел, дукер, черепахи — все попыта-

лись дотянуться до питона, но у них были недостаточно длинные ноги.

— Кого же мне позвать на помощь? — спросил кори-дрофа.

— Позови жирафа, — предложил кто-то.

— Да, я позову его.

Жираф вышел вперед и сунул в воду ногу. Ну а сестра-питон, жена кори, уже родила там, в воде. Ее ребенок был с ней, и они лежали вместе на дне родника. Жираф сунул туда свою ногу и стал шарить ею по дну.

Он сказал мужу сестры-питона:

— У нее на спине ребенок. Она родила и лежит там, внизу, вместе со своим ребенком. Я нащупал их обоих.

Тогда кори послал в становище за циновками, чтобы постелить их на землю. Принесли циновки и выложили ими весь путь от родника до становища. Жираф опять сунул в воду ногу. Он вытащил сестру-питона и ребенка. Они оба пошли и сели на циновку.

Затем пришли родственники мужа сестры-питона, чтобы отвести ее домой, к себе в становище. Они все обнимали ее, радуясь.

— Вот наша дорогая невестка, которую мы столько искали! Вот она, это, конечно, она!

Затем кори, его жена и ребенок медленно двинулись домой по расстеленным циновкам.

Вот что рассказали мне старики. Они рассказывали, а я слушал. К чему мне врать?!

42. История о старшей сестре-питоне и младшей сестре-шакале (III вариант)

Старшая сестра-питон была женой кори-дрофы. Кори взял в жены питона, а шакал был младшей сестрой питона.

Обе сестры отправились вдвоем к озерцу, к роднику, и сестра-шакал сказала:

— Взбирайся на это дерево. Давай поедим плодов нга, что висят здесь.

И вот сестра-питон взобралась на дерево, подня-

лась наверх, и тонкие ветви обломились под ее тяжестью. Она упала в родник.

Тогда сестра-шакал сказала:

— Ага! Теперь я пойду и отниму у нее ее мужа.

А сестра-питон осталась на дне родника, она так и лежала там.

Сестра-шакал подобрала вещи сестры-питона, ее одежду и украшения, и надела на себя. Она нацепила все на себя, примеряя и так и этак. К вечеру она возвратилась в становище кори. Сестра-шакал вошла в хижину сестры-питона и села там.

Вскоре вернулся домой муж сестры-питона.

— Где моя жена? — спрашивал он себя. — Кто это сидит здесь вместо нее? Почему я сегодня не вижу моей жены, теперь, когда я уже вернулся домой? Куда это ушла сегодня моя жена? Что случилось?

Стало темнеть. Все сидели вокруг и разговаривали, разговаривали. Когда совсем стемнело, кори взял стрелы и воткнул их в песок. Он воткнул их наконечниками кверху. И когда сестра-шакал отправилась спать, она легла на них и умерла. Когда рассвело, муж встал и ушел. Он превратился в кори-дрофу. А сестра-шакал стала шакалом.

43. Как умерла зайчиха

Так рассказывают.

Один человек убил антилопу канна, вынул из нее кишки и отнес их зайчихе, которая жила с ним в его хижине.

Вместе с зайчихой они отправились к пруду, захватив с собой водяной корень. Они напились из пруда, и зайчиха стала мыть водяной корень, сильно расплескивая воду, а потом бросила его — вот так швырнула его в пруд, и он упал в воду. Потом зайчиха принесла воды и оставалась в хижине, где лежала убитая антилопа канна.

Пришел ее муж, он принес мясо, а кишки отдал зайчихе. Она полизала их, натерла ими шкуру, а муж смотрел, что она делает.

— Жена моя, что ты делаешь? — спросил он и убежал. А зайчиха осталась дома и плакала: «Тшва, тшва, тшва!»

Когда муж заснул, она прислушалась, взяла обломок палки и воткнула его в землю. Она легла на палку. Опять она заплакала:

— Тше, тше, тше! Что это колет меня?

Сказав это, она умерла.

Ее мать сказала:

— Поднимите ее! Она спит смертным сном. Дочь моя уже давно умерла. Возьмите, поджарьте ее на огне, а когда поджарите, съешьте!

44. История о Гцонцемдима, ее братьях-львах и ее муже-гиене

Девушку, о которой я впервые рассказывал вам вчера, Гцонцемдима, увели к себе слоны. А потом ее взяла в жены гиена. И Гцонцемдима стала жить вместе с мужем в его становище. Но слоны взяли с гиены обещание, что та приведет Гцонцемдима навестить их. И вот вскоре она с мужем пустилась в путь к становищу слона.

Когда они подошли к становищу, то увидели множество следов.

— Кто бы это мог бродить здесь, оставляя такие следы, следы, похожие на львиные? — спросил муж-гиена свою жену.

— Это не львиные следы, а следы моих братьев. Не говори так!

— Здесь повсюду вокруг львиные следы. Разве ты не думаешь, что нам следует вернуться и отправиться домой? — спросил муж-гиена, повизгивая от страха.

— Не беспокойся. Это следы моего отца и его сыновей. Они ушли на охоту. Ну, давай пойдем в становище. Перестань говорить глупости! Лев? Какой еще лев? Это всего лишь мои маленькие братья и сестры, — сказала Гцонцемдима.

И они пошли дальше. Шли-шли и наконец добрались до становища. Там они сели и стали беседовать с женщинами. Поговорив немного с ними, Гцонцемдима и гиена пошли устраиваться на ночлег, как вдруг послышался львиный рык. Это были братья Гцонцемдима, они свирепо рычали.

— Ку-ку-ку! — сказал муж-гиена.— Сюда идут львы?

— О-о! — ответила Гцонцемдима.— Да ты же прекрасно знаешь, что это идут домой мои братья, плоть и кровь моего отца. Так зачем же тогда ты называешь их львами?

— Нет, это львы! Ну, давай же...

Но братья уже входили в становище.

Они были хищниками, и они лаяли. Они лаяли, как обычно лают собаки. Они уже давно не виделись со своей старшей сестрой, поэтому они вновь и вновь приветствовали ее. Она побежала им навстречу, и они стали обниматься.

— Видишь, вот мои братья, как я тебе и говорила! А ты что вообразил себе?! — сказала она гиене.— И с самого начала это были мои братья! Так что замолчи и сиди себе спокойно!

— Да?! — сказал муж-гиена.— Я в становище, полном львов, а ты говоришь, чтобы я не боялся?

— Оо-оо, да это же всего-навсего мои братья, глупец! О каких львах ты говоришь?

Ну а отец Гцонцемдима еще не вернулся домой. Приближаясь к становищу, он так заревел, что все вокруг содрогнулось и деревья чуть не повалились.

— Коо! Не жить мне больше! — воскликнул муж-гиена.— И почему я не остался дома? Что я наделал? Попал в дом слона, который ревет так ужасно!

— Да нет же! — сказала Гцонцемдима.— Это просто идет мой отец! Ну, сядь же и терпеливо жди.

И она снова усадила его.

— Вот, поешь нга.

Муж-гиена задрожал от ужаса. Он трясся и дрожал.

Тогда Гцонцемдима пошла за коробочкой из панциря черепахи с порошком са¹. Она сделала вид, что хочет успокоить его порошком са. Но вместо этого она схватила его за нос и оторвала его! Она оторвала нос своему мужу!

— Я сказала, чтобы ты сидел спокойно и дожидался моего отца, но ты не послушался. Вот я и оторвала тебе нос.

45. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (I вариант)

Мать Гцонцемдима жила вместе со своей дочерью и ее мужем. Муж Гцонцемдима охотился, и его охота была удачной.

Однажды он убил дукера. В этот день шел дождь. Рано утром он вышел из становища, где они жили все вместе, и отправился на охоту, и ему удалось убить дукера.

Когда он принес домой мясо, Гцонцемдима сказала ему:

— Ты уже убил столько дукеров, не пора ли нам вернуться к нашим родственникам? Ведь мы так и хотели сделать?

Но ее муж ответил:

— Нет, еще рано возвращаться. Я хочу еще поохотиться здесь на дукеров, чтобы у нас было много мяса для твоей матери. Я хочу еще поохотиться для родственников твоей матери и вернуться домой с большой добычей.

— Хорошо,— сказала Гцонцемдима.— То, что ты говоришь,— разумно. Ты поохотишься еще некоторое время, убьешь еще антилоп и выделаешь их шкуры. У моей матери будет много мяса, а когда ты кончишь выделывать шкуры, ты сможешь сшить для нее передник из шкур.

Когда они так договорились, муж снова отправился на охоту. Ну, как бы там ни было, что бы ни случилось, теперь он обязательно должен убить еще одного дукера! Он отправился утром, погнался за дукером и преследовал его до тех пор, пока наконец ему не удалось убить его.

Как раз к этому времени выросли клубни шон, отличные спелые клубни. Они созрели, налились, и их уже можно было есть. Погоня за дукером завела мужа Гцонцемдима далеко — как раз туда, где росли клубни шон.

Когда он вернулся в становище, то сказал своей маленькой дочери:

— Вчера, когда я преследовал дукера, я видел место, где растут клубни шон — совсем спелые, их уже

можно собирать. Почему бы тебе и твоей бабушке не отправиться за ними?

— Да! — сказала маленькая девочка. — Мы так и сделаем. Мать пусть останется дома, а мы с бабушкой пойдем собирать шон.

И вот старая женщина отправилась вместе с внучкой. Они шли-шли, пока не добрались до того места, где отец ребенка охотился на дукера.

Клубни были совсем спелые и круглые, как мужские яйца. Первой их увидела девочка.

Она закричала:

— Мы пришли! Об этом месте говорил отец? Бабушка, иди выкапывать эти прекрасные клубни шон!

Но когда бабушка увидела их, она воскликнула:

— Гхвой-гхвой-с-а-ка-гхвой, хви-хви-с-а-ка-хви! Не здесь ли вчера твой отец охотился на дукера? Уж не его ли яйца упали на землю?!

— Эй! — закричала девочка. — Что ты такое говоришь, бабушка? Ты сказала, что вчера мой отец здесь... Ты оскорбляешь моего отца?! Ты оскорбляешь отца — говоришь, что это его яйца валяются здесь на земле?!

— Да о чем ты, девочка? Не говори так! О чем ты только думаешь? Ты, верно, не понимаешь, о чем говоришь. Ведь я почитаю своего зятя!

Но девочка только и сказала в ответ:

— Бабушка, иди выкапывать эти клубни, о которых мы говорили. Иди выкапывать эти клубни!

И старая женщина подошла к ней и стала выкапывать шон. Она выкапывала, выкапывала клубни, а потом посмотрела на то, что уже выкопала...

— О! — воскликнула она. — Гхвой-гхвой-с-а-ка-гхвой, хви-хви-с-а-ка-хви! Вчера здесь охотился на дукера мой зять, и его яйца упали на землю! Хее-хее! Вот на что похожи его яйца. Вот так выглядят верхушки его яиц!

— Бабушка! — снова закричала девочка. — Ты оскорбляешь моего отца?!

— Не говори так! — ответила старая женщина. — Ты хочешь сказать, что я не почитаю других? Прекрати эту болтовню! Что это на тебя сегодня нашло?

И они снова принялись выкапывать клубни, а потом отправились домой.

По дороге маленькая девочка сказала:

— Я очень проголодалась. Пойдем скорее домой, ты поджаришь шон, и я поем!

— Хорошо! — ответила бабушка. — Ты пойдешь прямо в становище, пока я соберу немного дров.

И они пошли дальше. Когда они приблизились к становищу, старая женщина стала собирать дрова и складывать их в свой каросс. Она собирала дрова, пока не набрала целую вязанку.

А маленькая девочка пошла вперед.

Когда она вошла в становище, то увидела убитого дукера. Там уже был ее отец — он убил дукера и вернулся в становище, чтобы освежевать его.

Маленькая девочка подбежала к нему.

— Отец! Мы с бабушкой пошли вместе, и она смертельно оскорбила тебя! Она сказала, что там, где ты охотился на дукера, на земле остались лежать твои яйца!

— Что?! Как ты можешь говорить так?! — воскликнул ее отец.

Он продолжал освежевывать дукера. Освежевав, он разрезал тушу, вытащил внутренности и подвесил их на дереве. Затем он вытащил желудок и очистил его от содержимого. Наполнив желудок кровью дукера, он тоже подвесил его на дереве.

— Ну а теперь возьми-ка внутренности и отдай их своей бабушке. Пусть она приготовит их, и вы обе поедите.

— Как? Она так оскорбила тебя, а ты хочешь, чтобы я отдала ей внутренности дукера?

— Уру-у-у! Да что это с тобой, дочка? Ты что, не знаешь, что такое почтение к другим? Как твоя собственная бабушка может кого-то оскорбить?

Но девочка сказала:

— Не пойду я к ней! Если бы она не оскорбила тебя, я бы отнесла ей внутренности.

— Ну хорошо, я сам пойду к ней, — сказал ее отец.

Он снял внутренности с дерева. Затем он взял каросс и закутался в него. Он взял свой топор, топор гоба¹ — большой и острый — и спрятал его под кароссом. Затем он направился через становище к очагу своей тещи.

— Вот, возьми внутренности дукера. Я принес

их тебе сам, потому что твоя внучка отказалась пойти.

Он вынул внутренности и дал ей.

Затем он сказал:

— Отчего люди оскорбляют других?

Старая женщина, вытянув шею, взглянула вверх, в лицо зятю. Ее шея обнажилась, а он как раз стоял над ней.— Дзоп! — он отрубил ей голову топором.

А Гцонцемдима не было там, когда умерла ее мать. С самого раннего утра она отправилась на поиски пищи. И ее муж мог без помех спрятать труп. Он вытащил труп из лужи крови, а затем втащил его в хижину. Там он скрыл все следы преступления. Но из перерубленной шеи не переставая лилась кровь. Он ушел, а кровь все сочилась.

Муж Гцонцемдима вернулся к своему очагу. Он подвесил внутренности дукера возле хижины своей тещи, вернулся и сел у своего очага.

Пока все это происходило, Гцонцемдима собирала пищу: ящериц, мышей, навозных жуков. Часть она ела, а часть собирала. Она собирала и складывала в свой каросс, чтобы отнести домой. Затем она набрала вязанку дров и тоже положила в каросс, и наконец она двинулась обратно к становищу.

Когда она пришла, ее дочь и муж сидели возле очага. Муж жарил дукера. Гцонцемдима взглянула в ту сторону, где была хижина ее матери. Ей показалось, что мать лежит и спит в хижине.

— Эй! — сказала Гцонцемдима.— Что случилось с матерью? Почему она пришла домой и сразу же легла? Почему она не развела огонь и не готовит себе пищу, чтобы поесть? Ей бы надо подняться и приготовить еду. Почему она легла спать на пустой желудок?

И она разделила на кучки пищу, которую принесла,— навозных жуков, мышей, ящериц и все остальное.

Затем она сказала своей маленькой дочери:

— Пойди отдай это своей бабушке. Пусть она встанет, разведет огонь в очаге и приготовит себе поесть. Почему она до сих пор лежит?

Но девочка ответила:

— Нет, я не пойду.

— Не пойдешь? — удивилась Гцонцемдима. Почему?

Когда Гцонцемдима говорила это, она уже почувствовала сердцем, что случилось. Ее сердце сказала ей, что девочка рассказала об оскорблении отцу. Ее сердце сказала ей, что ее муж убил свою тещу и спрятал ее тело. Ее сердце сказала ей, почему девочка отказывается отнести еду в хижину старой женщины.

Тогда она пошла через становище и увидела следы крови.

— Да, я знаю все,— сказала она себе.— Я уже все знаю. Моя дочь передала мужу слова бабушки, и вот что из этого вышло. Ну, я не покажу вида, что все знаю. Я просто положу здесь еду и вернусь к своему очагу.

И она отошла от хижины своей матери и вернулась к своему очагу. Она навалила в огонь дров, и очаг стал дымить. Ветер нес дым то туда, то сюда. И каждый раз, когда ветер менялся, Гцонцемдима пересаживалась — так чтобы дым все время относил к ней,— тогда она могла бы незаметно поплакать. Ее лицо было залито слезами.

Ее муж спросил:

— Эй! О чем это ты плачешь?

— Уру! — громко ответила она. Зачем мне плакать? С чего ты взял, что я плачу — это просто дым ест мне глаза. Ну и огонь! — он все время дымит мне прямо в лицо. Мне совершенно не о чем плакать. Разве не видишь, что это дым ест мне глаза?

И каждый раз, когда муж спрашивал ее, почему она плачет, она говорила, что у нее глаза слезятся из-за дыма.

Наконец стемнело, и они пошли спать. Муж сразу же лег, а Гцонцемдима все сидела на постели и грызла еду, которую она принесла.

Ее муж заснул, а она все продолжала сидеть и думать в ночи. Она думала о том, что ее мать оскорбила ее мужа, а девочка передала это отцу. Она думала об убийстве, которое за этим последовало.

— Ого! Ну, погоди! — прошептала она спящему мужу.— Я до тебя доберусь! Ты убил мою мать, а я убью тебя!

Гцонцемдима все сидела и вновь и вновь думала обо всем этом.

— Куру! — сказала она себе. — А если я возьму одно из его коротких копий и попробую убить его этим копьём, — удастся ли мне самой остаться в живых?

Она обдумывала все это.

Затем она стала вытаскивать из связки одно копьё. Но когда она вытаскивала его, копьё со звоном стукнулось остриями. Этот звон разбудил ее мужа.

— Эй! Что ты там звенишь копьями?

— Ну, вот еще! — резко возразила она. — На что мне сдались копьё? Это ты услышал, как звенят копьё моих братьев, — они должны прийти сегодня вечером. С чего ты взял, что мне понадобились копьё?

Так она старалась успокоить его, чтобы он своими опасениями не расстроил ее замыслы.

— Я подожду! — сказала она себе. — Застану его врасплох и убью!

Но он все не засыпал, и она не могла добраться до копьё во второй раз.

Затем новая мысль пришла ей в голову:

— Не жить ему — ведь у меня есть нож! Вот как я попробую убить его!

И она медленно, осторожно вынула свой нож и сунула его в огонь. Он лежал там, пока не раскалился. Он раскалился докрасна!

И Гцонцемдима сделала со своим мужем то же, что он сделал с ее матерью, — да, она убила его! Оставив труп на месте, она легла спать.

Утром она собрала кровь своей матери и прилепила этот сгусток у себя в паху с левой стороны. Затем она собрала кровь своего мужа и прилепила ее в паху справа. Она оттащила труп мужа в кусты. Затем она вернулась, вытащила труп своей матери из ее хижины и тоже оттащила его в кусты.

Возвратившись, она увидела, что рядом с ее детьми сидят какие-то люди. Это пришли младшие братья ее мужа.

— Зачем пришли мои деверья? — подумала она. — Что они собираются со мной сделать?

И тут ее маленький сын подбежал к одному из них:

— Дядя! Дядя!

Гцонцемдима знала, что он собирается сказать:

«Мать убила моего отца! Теперь вы знаете». Поэтому она схватила маленького мальчика и отвлекла его внимание.

Ну а братья собрались уходить. Они сказали, что-бы Гцонцемдима собрала свои вещи и пошла с ними.

Тогда она набрала всевозможных колючек: колючек «утренней звезды», шипов цгами-цгами — всяких — и была готова.

Она так быстро собралась, что успела раньше их. Вот так она и убежала из становища и побежала к своим родственникам — туда, где жила родня ее матери, родня ее отца, ее старшие братья и все их дети.

Тем временем в небе стали собираться грифы. Младшие братья мужа стали переговариваться между собой:

— Что нужно здесь этим грифам? Что могло привлечь их, из-за чего они все тут собрались? О-ох! Вы только посмотрите, как они хлопают крыльями!

Но вот грифы стали спускаться. Они опустились на труп мужа Гцонцемдима, и они опустились на труп ее матери. Братья побежали туда, куда они спустились, и увидели, как они пируют на трупах.

— Куру! — закричали они. — Вот что она сделала! Так вот что пытался рассказать нам мальчик о своей матери — она убила его отца! Но она не дала ему досказать. Теперь мы должны оставить тут труп брата, а позже вернуться, чтобы похоронить его.

Узнав о том, что случилось, они, не теряя времени, бросились вдогонку за Гцонцемдима. Они шли и шли по ее следам и вскоре почти нагнали ее.

Но Гцонцемдима помог сын. Она сказала ребенку:

— Нас преследуют мои деверья. Помоги мне — последи, не появятся ли они позади. Как только ты их заметишь, скажи мне! А то они хотят нас убить!

Потом Гцонцемдима стала бросать позади себя колючки «утренней звезды».

И вот братья наткнулись на колючки. Шипы искололи их ступни. Братья еле ковыляли и только и думали, как бы им выбраться оттуда.

А тем временем Гцонцемдима и ее сын убежали далеко вперед.

Ноги братьев были исколоты шипами. Наконец им удалось выбраться из этого места. Они сделали боль-

шой крик, и снова стали преследовать Гцонцемдима.

Ну а дочь Гцонцемдима, маленькая цесарка, все смотрела, не появится ли кто позади. И вот она увидела, что братья отца вновь настигают их.

Тогда она закричала:

— Касаса-аа-тсве-тсве! — Они уже совсем близко! — Тсве-тсве!

— Что делать? Что же мне делать? Ведь я умру сейчас, и некому помочь мне! — сказала Гцонцемдима.

Затем она разбросала большие шипы цгами-цгами, у которых такие длинные иглы.

Когда братья добрались до этого места, они ступили прямо на шипы. Шипы были такие огромные, что в клочья разорвали их сандалии.

А Гцонцемдима и ее дочь побежали дальше. Солнце палило, но они продолжали бежать изо всех сил.

В небе висела одна-единственная тучка. Гцонцемдима заговорила с ней, она сказала:

— Что же ты мне ничем не поможешь? Ведь меня вот-вот убьют! Разве ты не видишь, что происходит? Не видишь, что меня сейчас убьют?

Ну, и туча взяла и помогла ей. Дождавшись, пока деверья Гцонцемдима остановятся на ночлег и заберутся в хижины вместе со своими детьми, туча обрушила на них такой ужасный ливень, что он едва не убил всех их. Утром они дрожа выбрались из хижин, чтобы развести огонь и обогреться, и тут туча опять обрушилась на них проливным дождем. Они сбились в кучу и дрожали.

Ну, а как вы думаете, что они сделали потом?

Они сказали:

— Разве наш дедушка не посылает нас вновь следом за ней? Пойдемте, идемте же! Раз она убила нашего брата, она не должна остаться в живых! Уж на этот раз мы ее поймаем! Когда убивают такого человека, как наш старший брат, он должен быть отомщен!

И братья покинули становище и шли, пока не добрались до источника. Тут они собирались убить Гцонцемдима. Они засели в кустарнике возле источника и ждали, когда она придет.

Пока они там дожидались, люди спустились к источнику, чтобы набрать воды. Увидев братьев, они

поспешили назад, к Гцонцемдима, чтобы сказать ей об этом.

— Явились твои деверья! Они уже тут. Будь осторожна, они пришли убить тебя!

— Да,— сказала она,— неужели вы думаете, что я не знаю об этом? Конечно, я уже знаю... Я знаю, что они здесь.

И она сказала своей бабушке:

— Когда я уйду отсюда, бабушка, знаешь, что я попрошу тебя сделать для меня? Ты увидишь, как что-то полетит к тебе от источника. Оно подлетит к тебе и усядется на твой позвоночник, на самый верх. Это «что-то» — кровь из моего сердца. И ты должна тут же засунуть это в мешок! Да, прошу тебя, положи это в мешок!

Затем Гцонцемдима спустилась к источнику. Братья зачерпнули из источника ковш и подали ей напиток — но не воды, а грязи.

— Эй! — сказала она. — Зачем вы это делаете? Раз уж вы решили убить меня, дайте мне по крайней мере напиток чистой воды, чтобы моя кровь легко могла вытечь.

Тогда братья зачерпнули ей чистой воды. Затем они вытащили свои ножи и вонзили в нее.

Кровь из сердца Гцонцемдима вылетела — из верхней части ее позвоночника и полетела — гдеди! — прямо к верхушке позвоночника ее бабушки. Бабушка быстро схватила ее и положила в мешок.

И вот внутри мешка стало расти какое-то существо. Оно росло, росло и росло, пока не стало взрослым человеком. Но оно все еще жило в мешке втайне от всех.

Однажды все женщины становища, кроме бабушки, отправились собирать пищу. Когда они возвращались, то слышали, как кто-то в становище толчет нгхн.

— Эй, послушайте-ка,— сказали они,— кто это толчет нгхн? Кто бы это мог толочь нгхн в нашем становище? Мы уже почти пришли: давайте поспешим и посмотрим, кто это.

Когда они вошли в становище, то закричали:

— О-о-о! Откуда взялась эта красавица? Но ведь это же наша старшая сестра, наша тетка, наша — кем-

бы-она-всем-нам-ни-приходилась — привет нашей родственнице! Она снова с нами!

И они приветствовали ее и радостно обнимали. Она стала жить с ними.

Так прошло некоторое время. Но однажды младшие братья мужа придумали вот что:

— Давайте теперь возьмем ее в жены! — сказали они друг другу. Не стоит больше говорить о том, чтобы убить ее, — ведь она так прекрасна! Таких не убивают — на них женятся.

Но один из братьев не соглашался:

— О! Она, конечно, прекрасна, но разве наш старший брат был безобразен? Он тоже был прекрасен, а она его убила — почему же вы говорите, что мы не должны ее убивать, а должны вместо этого взять ее в жены?

Братья все спорили и спорили: «Давайте возьмем ее в жены!» — «Нет, давайте убьем ее!» — кричали они друг другу.

Но в конце концов они решили жениться на ней. И вот все они — их было очень много — вышли из своего становища и отправились за ней.

И они привели ее с собой в их становище. Когда они добрались, Гцонцемдима вынула свой чудесный рог, который убивает людей.

И вот она дунула в него:

— Н-ааааа! Что вы такое надумали, а? Сначала вы убиваете меня, а теперь вы собираетесь взять меня в жены? Что еще за свадьбу вы задумали? И если уж вы собрались жениться на мне, то я позабочусь, чтобы все вы умерли! Никто из вас не получит меня в жены!

Так все и случилось. Она всех их уничтожила рогом. Все до одного братья умерли. Они были убиты, мертвы, и никто из них больше не ожил.

А Гцонцемдима вернулась домой, в свое становище.

Вот какие истории происходили в давно прошедшие времена.

46. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (II вариант)

Два брата сговорились между собой:

— Давай,— сказал младший,— отправимся сегодня к нашей невестке и убьем ее — жену нашего старшего брата! Пойдем и убьем ее сегодня!

Они шли-шли, пока не добрались до источника. И сели там возле воды. А становище семьи их невестки было неподалеку оттуда.

Так они сидели и поджидали ее у источника. Один из братьев сказал:

— Кто-то там идет. Кто-то идет сюда. Кто это? Уж не она ли?

Но второй брат посмеялся над ним:

— Да нет, глупец! Уж если она появится, ее нельзя не узнать. Ты услышишь, как позвякивают ее украшения — тсади, тсади, тсади, тсади! Это кто-то другой.

Наконец она показалась — она выступала медленно, торжественно, пришла и села у источника. Братья зачерпнули грязи и дали ей вместо воды, хотя в источнике было полно воды.

Она тихо сказала:

— О! Почему вы так со мной обращаетесь? Почему вы не даете мне чистой воды? Если уж вы решили убить меня, то по крайней мере дайте мне напиться, чтобы моя кровь легко вытекла!

А они ответили:

— Но мы дали тебе совсем чистую воду! Зачем ты поднимаешь такой шум и называешь ее грязью? Давай проходи вперед и пей!

Ну а она, перед тем как уйти из становища, сказала своей бабушке:

— Я хочу, чтобы ты знала, что я иду навстречу своей смерти. Скоро я умру. И тогда кровь из моего сердца вылетит — вот отсюда, между лопаток. Ты же должна быстро схватить ее и сунуть в мешок. Ты положишь ее в мешок.

Вот так она предупредила свою бабушку о том, что случится.

И старуха все так и сделала. Братья пронзили копьем свою невестку, но ее кровь вырвалась и поле-

тела к бабушке. А старая женщина схватила ее и сунула в мешок.

Там она росла-росла, пока не стала взрослой женщиной. Сначала выросли два маленьких зуба нижней челюсти. Они стали расти — и появилась вся челюсть целиком, похожая на зубы ребенка. Старая женщина заботилась об этом существе и укрывала его от посторонних глаз. Оно все росло-росло — и вот уже стало ползать. Оно выползло из мешка и ползало вокруг. Старая женщина приходила к девочке и отмывала дочиста маленькое личико на тоненькой шейке. Затем она играла и забавлялась с девочкой, пока не наступало время спать, и та снова забиралась в мешок. Бабушка завязывала мешок, и девочка засыпала там.

Однажды, когда девочка играла, старая женщина сказала:

— Ах дочь моей дочери, смотри-ка, ты весь песок изрыла, пока ползала!

Так она играла с ребенком и нахваливала его и разговаривала с ним, а люди слышали и сказали:

— О! С кем это разговаривает старая женщина?

Но она сказала:

— Да я говорю, что животные изрыли весь песок! Я просто пожаловалась на этих зверей.

Люди ответили:

— Перестань нас дурачить! С кем ты разговаривала?

Но бабушка продолжала держать все в тайне от них, и вот наконец девочка выросла. Она стала совсем взрослой, грудь у нее набухла, и она была очень красива. Она была прекрасна — ведь это была Гцонцемдима!

Она стала взрослой, и вот однажды она сидела и толкла нгхн. Она дробила и растирала ветви нгхн в красный порошок — кобо, кобо, кобо!

А все остальные в это время ушли собирать пищу.

Возвращаясь в становище, они слышали, как кто-то толчет нгхн.

— Эй! Кто это там толчет нгхн? — спрашивали они друг друга.— Кто бы это мог толочь нгхн?

— Вы ошибаетесь,— сказала старуха.— Никто не толчет нгхн, я здесь одна.

Но они сказали:

— Что с тобой такое происходит? Кто эта девушка?

И они побежали вперед и обняли Гцонцемдима. И все они стали с ней здороваться: «О! Моя маленькая племянница, моя тезка, моя сестренка...»

Они приветствовали ее и восхищались ею — все были счастливы, что она опять вместе с ними!

На следующий день они все остались в становище и на другой день тоже.

И так все они там жили.

Муж Гцонцемдима охотился на дукеров. Он убивал дукеров, а она собирала съедобных ящериц, назозных жуков, мышей. Эту пищу она приносила домой, а муж убивал и приносил домой дукеров.

Однажды мать Гцонцемдима взяла с собой внучку — дочку Гцонцемдима, и они отправились выкапывать клубни шон.

Завидев клубни, девочка закричала:

— Бабушка! Иди сюда выкопай этот корень шон!

Бабушка подошла, посмотрела, что там, и сказала:

— Цой-цой-с-а-ка-цой, хви-кви-с-а-ка-хви! Так это здесь охотился вчера мой зять на дукеров — весь песок изрыл своими яйцами!

Девочка сказала:

— Бабушка, а бабушка, зачем ты оскорбляешь моего отца?

— О, что это говорит эта девочка?

И так всю обратную дорогу до становища они не переставали спорить друг с другом.

Когда они добрались туда, отец девочки как раз освеживал дукера. Он вытащил внутренности и сказал ей:

— Вот, отнеси это своей бабушке!

Но девочка ответила:

— Она оскорбляет моего отца, а он говорит, что я должна отнести ей внутренности дукера!

Бабушка сказала:

— Ты что, с ума сошла?! Когда это я оскорбляла твоего отца? Возьми мясо и пойдешь повесить его у моей хижины.

Но девочка опять отказалась, и тогда отец молча встал и взял мясо.

— Раз ты не хочешь, я сам отнесу мясо твоей бабушке,— сказал он.

Он поднял мясо, чтобы его подвесить, но прежде завязал его в шкуру. Затем он взял большой топор и тоже засунул его в шкуру. И вот, завернув вместе с мясом в шкуру топор, он отправился к своей-теще.

Она уже потянулась было принять от него мясо, но он сказал:

— Когда ты принимаешь подарок, то не должна вот так сидеть. Когда ты берешь подарок, ты должна склонить голову и опустить глаза.

И вот его теща сделала так, как он сказал. А он тут же выхватил топор и, встав над нею, ударил ее сзади прямо по шее.

— Хехх! — вырвался у нее из горла хрип, и она умерла.

Хлынула кровь, целое море крови. Муж Гцонцемдима выволок тело из лужи крови, оттащил его в хижину и положил там.

Пока все это происходило, Гцонцемдима не было дома — она ушла собирать пищу. Так она собирала-собирала и наконец вернулась в становище. Она пошла к своей хижине и вывалила все, что набрала. Затем она отделила одну часть и передала ее дочери.

— Возьми это,— сказала она,— и отдай своей бабушке!

— О-о,— пробормотала девочка.— И что это сегодня все посылают меня с поручениями?

Гцонцемдима сказала:

— Ну-ка, живо! Поднимайся и отнеси это своей бабушке! Кому я говорю?!.. И почему мать до сих пор не развела огня, чтобы приготовить то, что она сама набрала, а потом поест и лечь спать?

И вот девочка взяла еду и направилась к хижине. Тело бабушки лежало там, где ее зять бросил его.

Удивившись, что мать совсем не слышно, Гцонцемдима пошла посмотреть, в чем дело.

— О-о! Уж не рассказала ли ты отцу что-то такое, из-за чего он убил твою бабушку? Ее кровь хлынула рекой и разлилась тут, возле очага!

Гцонцемдима вернулась к своему очагу. Она села и принялась есть. Очаг очень дымил, и ее глаза слезились. Она заплакала. А когда дым попадал ей в гла-

за, слезы текли еще сильнее. Муж пристально смотрел на нее.

— Эй! — сказал он. — О чем это ты плачешь?

— С чего это ты взял, что я плачу? Просто у меня слезятся глаза, — ответила она. — Очаг дымит, и у меня слезятся глаза, только и всего. С чего бы мне плакать?

Так они сидели и ели то, что она насобираала. Наконец ее муж кончил есть и отправился спать.

Дождавшись, пока он заснет, Гцонцемдима стала потихоньку вытаскивать одно из его копий. Она хотела перерезать ему горло. Но наконечники копий со звуком ударились друг о друга — гден-гден-гден-гден!

Ее муж услышал шум и проснулся.

— Эй! Кто это звенит моими копьями?

— Ты ошибся, — сказала она. — Сюда идут мои братья, и, видно, это звенят их копья! Они идут навестить меня.

Муж успокоился.

Но Гцонцемдима все думала, как бы ей убить его.

— Коо-оо! — сказала она себе. — А большой нож, тот большой нож, длиной с мою руку? Ну уж от него ему не спастись! Он убил мою мать — неужели после этого я оставлю его в живых?

И она, спрятав большой нож за спиной, незаметно сунула его в огонь. Нож лежал в огне, пока не раскалился.

Ну а муж тем временем опять лег и стал думать о том, что хорошо бы жена легла спать с ним. Он лежал и не спеша думал, как вдруг — р-раз! — Гцонцемдима перерезала ему горло! В те давние времена люди то и дело причиняли друг другу зло.

Затем Гцонцемдима похоронила свою мать.

На следующее утро она собрала кровь своего мужа и спрятала ее у себя в паху с правой стороны. Потом она собрала кровь своей матери и спрятала ее в паху с левой стороны.

Затем она села и стала ждать. Вскоре появились младшие братья ее мужа.

— М-м-м, — сказала она про себя. — Что же мне теперь делать?

Поздоровавшись с братьями, она сказала:

— Ваш старший брат отправился за дукером —

таким, как тот, которого он убил вчера. Если ему попадется дукер, он будет гнаться за ним и вернется позже.

Ребенок Гцонцемдима подбежал и крикнул:

— Дядя! Дядя! Послушай...

Но Гцонцемдима быстро сунула ребенку грудь, чтобы он ничего не сказал.

Братья сказали:

— Ну что ж, раз ты говоришь, что его нет здесь, мы уйдем. Мы уходим, а ты оставайся тут с детьми.

И они покинули становище.

Ну, Гцонцемдима еще рано утром собрала все свои пожитки. Она взяла с собой маленькие колючки «утренней звезды» — те, которые колют нам ступни, и шипы цгами-цгами — большие шипы, которые вонзаются нам в тело. Она набрала всевозможных шипов и колючек и сложила их в свой каросс. Затем она засунула в каросс своих детей — одного вперед лицом, а другого назад — так чтобы он мог видеть, что делается за ее спиной. Она хотела, чтобы этот второй ребенок помог ей следить за братьями мужа, если они погонятся за ней.

Теперь все было готово к уходу. Они покинули становище и отправились. Но последнее, что она сделала перед тем, как уйти оттуда, — взяла сандалию мужа и забросила ее в небо. Затем она взяла сандалию своей матери и тоже забросила в небо. Сандалии превратились в грифов и собрались улететь.

— Как? Вы что, не станете есть это прекрасное мясо?! Разве вы не голодны? Куда же вы? — закричала Гцонцемдима.

И тогда грифы вернулись и стали кружить над двумя трупами.

А Гцонцемдима убежала со своими детьми.

Ну а братья ее мужа еще не успели к тому времени отойти далеко. Они еще были довольно близко от покинутого становища, когда увидели, как грифы спускаются на трупы их брата и матери Гцонцемдима.

Они вернулись посмотреть, в чем дело.

— Коо-оо-оо! Уж не убил ли наш брат свою тещу — и тогда его жена убила его в отместку?!

Они бросились к хижине Гцонцемдима, но ее там.

не было, она уже убежала. Они принялись искать ее повсюду, но нигде не могли ее найти.

— Теперь-то мы понимаем, что пытался сказать нам ребенок! — говорили они. — Теперь мы понимаем, почему она не предложила нам остаться!

И они пошли по ее следам. Они шли-шли по ее следу, все время по ее следу.

Ребенок в кароссе Гцонцемдима, который был повернут лицом назад, выглянул и сказал:

— Вон идут мои дядья!

Тогда Гцонцемдима стала разбрасывать на их пути шипы. Она бросала одну пригоршню за другой, пока шипы не покрыли землю толстым слоем.

Подойдя к этому месту, братья сначала было подумали, что смогут пройти, но им даже ногу некуда было поставить! Они не знали, как быть. Они все же попробовали пройти, но шипы вонзались в их ноги и застревали там. Так они, мучаясь от боли, прокладывали себе путь через шипы и наконец кое-как выбрались.

А Гцонцемдима тем временем набрала еще шипов и пошла дальше.

Братья вновь напали на ее след и шли-шли по ее следам, пока она снова не разбросала шипы. Опять братьям пришлось пробиваться через шипы, и снова они кое-как выбрались.

К тому времени они уже были неподалеку от становища, куда она бежала.

Гцонцемдима хотела добраться до становища родственников своей матери. Когда ей было уже совсем близко, она обратилась к дождю:

— Ну, сделай же что-нибудь! Разве ты не видишь, что меня хотят убить? Пошли хотя бы одну тучу, чтобы выпал дождь и смыл мои следы!

И дождь послал тучу и подвесил ее в небе. Капли дождя, пролившиеся из тучи, смыли следы Гцонцемдима.

А на ее преследователей обрушился ливень, и им пришлось идти всю ночь. Наконец они отыскали укрытие и долго ждали, пока дождь прекратится.

— Что случилось? — говорили они друг другу. — Куда она могла деться? Но она исчезла! Бросим все и вернемся домой.

Когда дождь перестал, они отправились домой.

Там они жили и занимались своими делами. Но в другой раз они пошли и убили ее, убили свою невестку.

Все эти истории случились в давние-давние времена. Тогда жил Цгаува, который и устраивал все это.

47. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (III вариант)

Кровь из сердца Гцонцемдима вытекла.

Она ушла, и ее убили. Кровь из ее сердца полетела обратно в становище и уселась сверху на спинной хребет ее бабушки. Бабушка взяла и положила ее в мешок. Кровь лежала там, в мешке, и подрастала. Она росла-росла, пока снова не стала женщиной. Дети этого селения увидели ее и закричали: «Тетушка! Тетушка!» Племянницы увидели ее и радостно приветствовали.

Когда она совсем выросла, она вышла из мешка и села посреди становища. Вот что было с Гцонцемдима. Она росла, росла, росла, пока наконец не выросла.

И тогда пришел слон — или это был кори-дрофа? — чтобы взять ее в жены. Ну, как бы то ни было, пришел какой-то новый муж и женился на ней.

И вот однажды мать Гцонцемдима взяла свою тезку, дочку Гцонцемдима, и они отправились выкапывать шон. Какое-то время они выкапывали молча.

Затем мать Гцонцемдима сказала:

— У! Эти луковицы шон похожи на яйца моего зятя — он пробегал здесь, гоняясь за каким-то животным, а его яйца мотались — о! о! — и упали на землю!

А ее маленькая внучка была как раз рядом и слышала.

Ну а отец маленькой девочки, муж Гцонцемдима, принес в становище дукера, которого он убил. Он освежевал его и разделал мясо.

Когда старая женщина и ее внучка пришли домой, он сказал маленькой девочке:

— Вот, возьми это мясо для твоей бабушки, пусть она приготовит его для тебя!

Но девочка отказалась.

Ее отец повторил:

— Эй, возьми-ка мясо для твоей бабушки, чтобы она приготовила его для тебя!

Но маленькая девочка сказала:

— Почему я должна давать ей мясо? Ведь она говорит, что, когда мой отец охотится на дукеров, его яйца мотаются — гцох-гцох! — и падают на землю.

Ну а ее отец ничего не сказал на это. Он только взял большой нож и заткнул его за свою набедренную повязку. Затем он взял внутренности дукера. И наконец, он закутался в каросс из шкуры сернобыка, чтобы спрятать нож. Затем он направился к хижине своей тещи.

Старая женщина приподнялась было, чтобы взять у него мясо дукера.

Но он сказал:

— Нет, это делается не так. Когда получаешь подарок, нужно наклонить голову. Сделай так, наклони свою голову и возьми то, что я передаю тебе.

Его теща наклонила голову. Тут же он ударил ножом ее сзади по шее. Она умерла и лежала неподвижно. Ее зять вернулся в хижину и подвесил печень дукера.

Ну а его жена Гцонцемдима уходила собирать съедобные коренья и насекомых. Спустя некоторое время она возвратилась.

— Пойди посмотри, как там бабушка,— сказала она дочери.

— Нет,— сказала девочка,— я не пойду.

— Почему это моей матери совсем не слышно? — удивлялась Гцонцемдима.

В конце концов она пошла посмотреть сама. «Уф-ф!» — вырвалось из ее груди. Кровь вытекла из тела ее матери, она стекла к краю очага и там засохла. «Йи!» — сказала Гцонцемдима. Она прикрыла тело матери и вернулась в свою хижину.

Она раздула огонь. Затем она села так, чтобы на нее шел дым. Когда ветер переменился, она взяла и пересела, чтобы дым снова шел ей в лицо. Слезы бежали из ее глаз.

Ее муж сказал:

— Отодвинься в сторону! У тебя от дыма слезят-

ся глаза! Зачем ты так садишься, что дым идет прямо на тебя?

Но она ответила:

— Нет, просто очаг дымит, и я случайно села так, что дым попадает на меня.

И пока она плакала, она все время садилась так, чтобы дым шел в ее сторону, чтобы скрыть причину своих слез.

Ее муж взял свой лук и заиграл на нем — ва-ва-ва-ва-ва-ва-во, ва-ва-ва-ва-ва-во!

«Да, играй-играй на своем луке, да вытяни-ка хо-рошенько шею», — думала Гцонцемдима.

Ее муж играл на своем большом луке, он лежал на спине и пел. Гцонцемдима положила в огонь шило. Оно лежало там и раскалялось. Она раздула огонь, и шило еще больше раскалилось. Она все раздувала огонь, пока шило не раскалилось докрасна. Шидидиди! — и шило вонзилось ему в шею. «Цгани!» — услышала она его предсмертный хрип.

— А разве моя мать еще раньше тебя не испустила свой предсмертный хрип? Сначала ее дыхание оборвалось предсмертным хрипом у нее в горле, ну а теперь твоя очередь, — сказал Гцонцемдима своему мужу.

Ну вот, он умер, и она прикрыла его тело, как до этого она прикрывала тело своей матери. Ее мать лежала мертвая, и ее муж тоже лежал мертвый.

Утром она поднялась. Она взяла сандалии своего мужа и бросила их в одну сторону, взяла сандалии своей матери и бросила их в другую сторону. Сандалии превратились в грифов. Она подбросила в воздух сандалии своего мужа, а затем подбросила сандалии своей матери — и все сандалии превратились в грифов.

А потом в становище пришли братья ее мужа.

Они огляделись вокруг и спросили:

— Эй! А куда ушел наш старший брат?

— Он ушел куда-то в ту сторону, — ответила Гцонцемдима.

— Он ушел туда? Ну а где же старая женщина?

— А старая женщина ушла в эту сторону. Она пошла посмотреть, что там и как. А муж сказал, что он собирается поискать дукеров в той стороне, — лгала Гцонцемдима.

Ее деверья удивились тому, что она сказала.

— А-а? — сказали они. — Действительно ли он ушел охотиться?

И они снова спросили ее, куда он пошел.

— Он пошел на охоту, он отправился вот туда, — сказала она им.

Ну, они сели и стали ждать. Они посидели некоторое время, а потом они поднялись и ушли.

Когда они отошли немного, то стали говорить между собой:

— Его убили, но как это случилось?

Все это время грифы кружили в небе. И вот они спустились на один труп, а потом — на другой.

— Что это? Почему это грифы тут же спускаются, как только мы пройдем мимо? Вы только посмотрите, что делают эти грифы?! Вот тут стая грифов, а вон там другая стая!

Они никогда не видели ничего подобного.

— А та женщина вон там — она убийца! — сказали они. — Она, должно быть, убила нашего брата. Вот здесь она его убила. Она убила его там, где кружат вон те грифы и вот эти. И то, что она сказала нам, будто он ушел на охоту, — неправда!

— Ну а теперь пойдете узнаем, что же случилось на самом деле!

Братья заставили Гцонцемдима собрать вещи и пойти вместе с ними.

Она взяла свою дочь и спросила:

— В какой стороне ваше становище?

— Если пройти здесь напрямик, то попадем туда, — ответили они.

Они шли, шли, долго шли.

— Когда же мы туда доберемся? — спросила Гцонцемдима.

— Потерпи, мы скоро будем там, — сказали они.

Они прошли еще немного.

— Где же становище? — спросила она.

— Еще довольно далеко, но как только пройдем этот кусок пути, то окажемся там.

— Хорошо.

И вот они шли, шли и шли, и она опять сказала:

— Мы уже зашли так далеко, когда же наконец мы туда доберемся?

— Да мы уже почти пришли,— сказали братья.

Вскоре им повстречались люди, собиравшие коренья.

— Теперь мы уже недалеко от становища. Видишь вон то дерево, что стоит там? Становище возле него.

Так они шли, шли, тащились, тащились и наконец добрались до становища. Но перед тем как они вошли в образованный хижинами круг. Гцонцемдима вынула свой чудесный рог сернобыка.

— Гденг-гденг-гденг-гденг! Кум-кумс-а-ка-кум! — дула она в него.

Все люди в становище упали замертво. Те, кто привел Гцонцемдима, тоже упали замертво. Те, кто собирал в бусе коренья, упали замертво. Она со всеми разделалась!

Потом она убежала из этого становища и вернулась домой.

Ну и женщина! У нее и у ее родичей все время были всякие приключения!

48. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (IV вариант)

Гцонцемдима жила вместе со своей матерью и мужем. Они откочевали, пожили там, а потом снова откочевали в другое место и устроили новое становище. Тещу раздражал ее зять, а его маленький ребенок рассказал отцу, как теща оскорбила его. Тогда зять пошел и убил старуху. В это время Гцонцемдима не было дома, она ушла собирать клубни и растения.

Вернувшись в становище и увидев, что произошло, Гцонцемдима убил своего мужа. Затем она взяла его сандалии и зашвырнула их в небо. Сандалии улетели и превратились в грифов. Они стали грифами, которые машут своими крыльями вверх-вниз, вверх-вниз.

Ну, а младший брат мужа кочевал следом за ними. Он шел по их следам и наконец нагнал их.

— Кто это там машет крыльями и улетает прочь — уж не грифы ли? Пойду-ка погляжу!

Он удивлялся:

— Что им там нужно?!

И вот он подошел к грифам — и вдруг увидел там труп своего брата! А затем он увидел и труп его тещи!

Он спрашивал себя: «Как это могло случиться?!» Снова и снова младший брат и его семья задавали себе этот вопрос.

А Гцонцемдима тем временем забрала ребенка и ушла оттуда. Мальчик отказывался оставить отца и бабушку, но она все же увела его с собой. Гцонцемдима бросила свою старую мать, и та осталась лежать там мертвая, а сама Гцонцемдима убежала к своим деду и бабке. Она с сыном стала жить вместе с ними.

Однажды пришел навестить их младший брат ее мужа. Он сказал, что хочет взять Гцонцемдима в жены, но это была хитрость — он обманул ее, чтобы увести от деда и бабки. Затем он убил Гцонцемдима, чтобы отомстить за смерть своего брата.

Но Гцонцемдима перед уходом сказала своей бабке:

— Взгляни, вот мое сердце! Слушай — мои слова так же верны, как то, что сейчас мы стоим здесь. Как только солнце перейдет за полдень, ты увидишь, как что-то летит к тебе как стрела — это будет мое сердце. И ты схвати его и не говори никому ни слова!

Бабушка сделала так, как она велела, взяла сердце Гцонцемдима и положила его в мешок. Она положила его в мешок, и оно лежало там и подрастало. Когда оно выросло, то снова стало человеком — красивой молодой девушкой. Это была Гцонцемдима, и она опять жила в становище своей бабушки, как и прежде.

Следующим, кто посватался к ней, был слон — он сказал, что хотел бы взять в жены эту красивую девушку, когда она достигнет брачного возраста. И однажды он пришел и увел ее.

Как-то слон нашел воду, но держал это в тайне. Он один пил воду и ничего не говорил Гцонцемдима и ее семье. Но Гцонцемдима узнала и рассказала обо всем своим братьям. Ее братьями были гхашехмси — маленькие птички, которые кричат «шаба! шаба!» перед дождем и «шау!» — после дождя.

И вот Гцонцемдима, окруженная толпой своих братьев, обвинила слона в жадности. Слон кинулся,

выхватил ее из толпы и сказал, что убьет ее. Но ее братья бросились ей на помощь и убили слона.

Снова и снова они пронзали его копьями и кололи ножами, а те, кто смотрел на эту битву, кричали: «А! Копья! Копья! Копья!» Затем они схватили эту громаду и повалили его на землю, мертвого.

Вот так умер слон.

Ну а Гцонцемдима превратилась в антилопу — каменного козла. Ее сердце стало антилопой, эту антилопу люди убили и отнесли домой, чтобы зажарить ее и съесть.

Каменный козел был когда-то сердцем человека, сердцем Гцонцемдима.

Вот что произошло в давние времена. Нам рассказывали об этом старики, а мы слушали и говорили между собой:

— А! Вот какие истории происходили когда-то с людьми древнего народа!

49. О трубкозубе и рыси

Трубкозуб жил вместе с рысью, которую он избаловал, потому что любил рысь за ее красоту и за то, что она играла на музыкальном луке.

Как-то трубкозуб спал, положив голову на лук, как обычно. Но вдруг ночью лук зазвучал и разбудил трубкозуба. Однако рысь сказала, что лук зазвучал, потому что трубкозуб повернулся во сне.

Но на следующее утро, когда трубкозуб проснулся и попросил рысь сыграть для него, ему никто не ответил. Рысь украли люди. Трубкозуб стал преследовать их под землей и, забежав вперед, вырыл яму, в которую они все попадали и убились. А трубкозуб забрал рысь домой.

50. Ди-Церретен, львица и дети

В давние времена одна львица повредила грудную клетку и была больна, она не могла сама делать тяжелую работу. Своих детей у нее не было, поэтому она взяла к себе в дом детей древнего народа, чтобы они ей помогали.

Узнав об этом, один человек древнего народа — Дй-Церретен, у которого была каменная голова, отправился к дому львицы в ее отсутствие, когда та пошла за водой. Львица черпала воду желудком убитого ею сернобыка, а Ди-Церретен пришел тем временем к ней в дом, чтобы застать детей одних.

Он уселся и сказал:

— О дети, сидящие тут! Огонь вашего народа вон там, в верхней части оврага, который спускается с холма!

И двое детей вскочили и убежали к своим.

Ди-Церретен заговорил снова:

— О дети, сидящие здесь! Огонь вашего народа вон там, чуть пониже верхней части оврага, который спускается по эту сторону холма!

И еще трое детей ушли к своим.

Ди-Церретен опять заговорил:

— О малыш, сидящий здесь! Огонь твоего народа вон тот, чуть пониже вершины оврага, что спускается по эту сторону холма!

И ребенок вскочил и пошел к своим.

Ди-Церретен заговорил опять:

— О дети, сидящие здесь! Огонь вашего народа вон там, в кустарнике, пониже верхней части оврага, который спускается с этой стороны холма!

И двое детей встали и отправились к своему народу.

Он сказал снова:

— О дети, сидящие здесь! Огонь вашего народа тот, что в верхней части оврага, который спускается с холма!

Двое детей встали и ушли.

И он снова сказал:

— О дети, сидящие здесь! Огонь вашего народа в верхней части оврага, что спускается с холма!

И еще трое детей встали и убежали к своим.

И он снова сказал:

— О дети, сидящие здесь! Огонь вашего народа вон там, наверху другого оврага, спускающегося с холма!

И двое детей встали и отправились к своим.

А Ди-Церретен остался там, ожидая возвращения львицы.

Львица тем временем набрала воды и пошла к дому. Она шла и смотрела, но детей не было видно.

Тогда она воскликнула, задыхаясь от ярости:

— Почему дети... дети... дети... дети... не делают никакой работы и даже не играют здесь, как всегда? Должно быть, из-за этого человека, который сидит там, у дома, и который, судя по голове, похож на Ди-Церретена?

И она очень рассердилась.

Она воскликнула:

— Действительно, это Ди-Церретен!

Она подошла к дому и закричала:

— Отдай мне моих детей!

А Ди-Церретен сказал:

— наших детей теперь здесь нет!

И львица закричала:

— Вон отсюда! Убирайся! Отдай мне детей!

А Ди-Церретен сказал:

— Их нет!

Львица схватила его за голову и закричала от боли — ведь голова у него была каменной:

— Ох-ох-ох! Бедные мои зубы! Это все из-за этого проклятого большеголового, что уселся тут перед моим домом! Все из-за него!

А Ди-Церретен снова повторил:

— наших детей здесь нет!

И он встал и ушел, он вернулся к себе, а львица осталась дома одна в ярости — ведь он пришел и увел от нее детей, с которыми она хорошо обращалась.

51. О матери-носороге и ее дочерях

У носорога было две дочери. Пока мать-носорог была в поле, к ее старшей дочери приходили по очереди свататься ее поклонники — сначала шакал, потом гиена, а затем рысь. Но, как только являлся очередным поклонником, младшая дочь каждый раз бежала к матери, чтобы сообщить ей о госте.

Мать-носорог говорила ей:

— Принеси мне мой короткий рог!

Затем она надевала этот рог и мчалась к хижине, но серебристый шакал, отец девушек, успевал преду-

предить очередного поклонника, и тот немедленно убежал.

Но вот пришел свататься леопард.

Младшая сестра побежала к матери и сказала ей, что новый гость не похож на всех прежних женихов.

Тогда мать велела:

— Принеси мне мой длинный рог!

Когда она появилась, то застала у себя дома леопарда,— он не убежал, как все до него, хотя тоже был предупрежден об опасности. Мать-носорог бросилась на него, но он даже не пошевелился. Когда мать-носорог толкнула леопарда, старшая дочь набросилась на свою мать. Но та сказала, что только испытывала смелость ее поклонника, и заявила, что этот жених ей подходит,— ведь он не убежал, как все прочие.

52. О женщине древнего народа и быке-дожде

В давние времена одна молодая женщина была больна и лежала в своей хижине, а возле нее, на кароссе, лежал ее ребенок. Бык-дождь вышел из водоема¹, где был его дом, чтобы поесть. Он учуял запах молодой женщины и пожелал ее. Он пустился рысью вперед и приблизился к хижине, окутав ее туманом.

И молодая женщина тоже почувствовала запах дождя, его свежее дыхание. Она почувствовала, как он подошел к хижине, где она лежала, вот он обошел хижину и остановился перед входом, затаившись и припав к земле.

Но она увидела его уши и воскликнула:

— Кто здесь?!

Молодая женщина схватила кустарник бушу² и бросила в лоб быку. Потом она встала и оттолкнула его, не прикасаясь к нему, так что между ее рукой и лбом быка-дождя был бушу. Затем молодая женщина осторожно взяла ребенка, завернула его в каросс и положила в сторонку — чтобы ее муж потом его забрал. Она думала, что больше сюда не вернется, она должна умереть и превратиться в лягушку³. Бык-дождь заберет ее в свое водяное жилище.

Она взобралась на быка-дождя, и он понес ее к водоему. А она сидела на его спине и смотрела по сторонам, выискивая подходящее дерево.

Увидев дерево гхуерритен-гхуерритен, она сказала быку-дождю:

— Пойди к тому большому дереву и усади меня там, так как я больна.

И бык-дождь пустился рысью и принес ее прямо к этому дереву.

А она сказала:

— Встань под деревом, у самого ствола.

И тогда молодая женщина достала бушу, натерла им шею быка-дождя, и дождь сразу же уснул.

Увидев, что бык-дождь спит, она перебралась на дерево гхуерритен-гхуерритен и потом, держась за ветви, слезла с дерева и стала крадучись пробираться к дому.

Она уже добралась до дому, когда бык-дождь проснулся, почувствовав, что стало прохладно. Он вскочил и пошел, думая, что женщина все еще сидит на его спине. Он пришел к водоему и вошел в воду.

А женщина взяла бушу, сожгла его и стала натираться золой, так как она была «зеленая» и пропахла грибом кцху⁴. И вот она натиралась, чтобы отбить этот запах дождя.

Пришли старые женщины, которые собирали коренья, и стали жечь рог, чтобы дождь почувствовал этот запах и не сердился на них. Если бы эта молодая женщина не вела себя так мудро, то все люди погибли бы, они превратились бы в лягушек.

53. Смерть ящерицы

В давние времена Гцау, ящерица агама, был человеком древнего народа. Однажды Гцау отправился в путь, он хотел перейти через горы.

И вот он шел и пел:

Я собираюсь перебраться
Через Гхуру-тсна
По ущелью.

А потом
Я собираюсь перебраться
Через Гце-гцвай
По ущелью.

Я собираюсь перебраться
Через Гхуру-тсна
По ущелью.

Я собираюсь перебраться
Через Гце-гцвай
По ущелью.

Но когда он проходил горы, думая перепрыгнуть их, горы схватили его и разломали. И вот передняя часть его тела опрокинулась и остановилась — она превратилась в гору Гхуру-тсна, а задняя часть опрокинулась, остановилась и превратилась в гору Гце-гцвай.

54. История о лягушках

В давние времена одна девушка заболела, она лежала в отдельной хижине¹ и отказывалась от пищи, которую предлагали ей ее матери². Тайком от всех она убивала детей Воды³ и ела их.

Ее матери решили выяснить, почему девушка отказывается от еды, и вот как-то, когда все женщины и дети отправились на поиски личинок термитов, они велели одной девочке остаться дома и наказали ей следить за ее старшей сестрой, чтобы узнать, что она ест. А девушка ничего об этом не знала.

Девочка, спрятавшись в хижине своей матери, увидела, как ее старшая сестра вышла из дома болезни и спустилась к источнику. Она убила дитя Воды, принесла домой и сварила, а когда она съела все мясо, то снова легла. Но девочка следила за ней и все видела.

Когда вернулась мать девушки, девочка рассказала ей о том, что было, как ее старшая сестра убила какое-то красивое существо, которое было в воде.

Ее мать догадалась, она воскликнула:

— Это было дитя Воды.

И она больше ничего не сказала и снова отправилась на поиски личинок термитов.

Вдруг она увидела, что небо покрылось тучами, поднялся ураган.

Она сказала:

— Видно, дома что-то неладное. Вихрь уносит все к источнику.

И вот из-за того, что ее дочь убивала детей Воды, вихрь всех их унес в воду. А девушку, по вине которой это случилось, вихрь унес первой. Она попала в воду и превратилась в лягушку. Вслед за ней вихрь подхватил ее матерей, которые собирали коренья, он унес их в воду, и они тоже превратились в лягушек. Затем вихрь подхватил ее отца, который охотился там, и унес его к источнику, он также превратился в лягушку. И вот все они превратились в лягушек⁴. И все их вещи: стрелы отца, тростниковые циновки, из которых сделаны хижины,— все оказалось в воде, так как люди стали лягушками. Они теперь растут у воды, это вещи первых людей, которые жили здесь до нас.

55. О Гнерру и ее муже

В давние времена, когда птицы гнерру¹ были людьми, один человек древнего народа женился на Гнерру. Они отправились собирать личинки термитов: ее муж выкапывал их палкой, а она складывала в мешок из шкуры газели. Личинки были все в земле, она вымыла их, и они вернулись домой.

Наутро Гнерру и ее муж снова отправились на поиски пищи. Муж выкапывал личинки — он был внизу, в яме², а Гнерру стояла наверху. Он складывал личинки в мешок, который держала Гнерру. Она утрясала мешок, а он выкапывал еще и еще и накладывал сверху. Потом он пошел в другое место и опять нашел личинки, он выкопал их и тоже положил в мешок. И вот мешок был уже полон доверху.

Но он опять пошел искать личинки, выкопал их и воскликнул:

— Дай мне твой маленький каросс³, я положу в него личинки!

Жена возразила:

— Мы, из рода гнерру, не приучены складывать грязные личинки в наш каросс, который мы надеваем на спину.

Он опять воскликнул:

— Дай же мне твой маленький каросс, я положу в него личинки.

Жена сказала:

— Клади на землю, мы не приучены складывать личинки с землей в кароссы.

А он все твердил:

— Ну, дай мне, дай мне маленький каросс, чтобы положить личинки.

Тогда жена сказала:

— А ты положи их на землю и сверху присыпь землей.

Он опять воскликнул:

— Дай мне каросс, я положу в него личинки,— а сам сорвал с нее каросс. И ее внутренности вывалились.

Увидев это, он заплакал и воскликнул:

— Ох, моя жена! Что мне теперь делать?

А жена встала и запела:

Мы из рода гнерру,
У нас не принято класть грязные личинки
В кароссы, которые носим на спине.
Мы из рода гнерру,
У нас не принято класть грязные личинки
В кароссы, которые носим на спине.

Она положила свои внутренности обратно и пошла к дому своей матери. И вот она шла и пела:

Мы из рода гнерру,
У нас не принято класть грязные личинки
В кароссы, которые носим на спине.

Ее мать была дома, она услышала и сказала одной из своих дочерей:

— Взгляни в ту сторону, куда твоя старшая сестра ушла искать пищу,— мне кажется, будто ветер доносит ее голос. Уж не случилось ли чего — ведь мужья твоих сестер не умеют вести себя как должно.

Ее дочь поднялась, посмотрела и воскликнула:

— Вот идет твоя дочь, она идет и падает!

Тогда мать сказала:

— Видишь, что делают мужья твоих старших сестер! Уж если они берут нас в жены, то им следовало бы вести себя должным образом, а они поступают как сумасшедшие.

Она побежала навстречу своей дочери, захватив с собой новый маленький каросс, который был у нее припрятан на всякий случай. Она надела его на дочь, подхватила ее внутренности, вложила в маленький каросс и обвязала дочь ремешками каросса — их было четыре, так как каросс был сделан из шкуры газели и это полоски кожи с ног газели. И она медленно повела свою дочь домой, она отвела ее в свою хижину.

Она очень рассердилась на мужа своей дочери и, когда он хотел прийти к жене, непустила его. Она сказала, чтобы он вернулся к своему народу. Она сказала, что раз люди древнего народа не понимают, как надо вести себя с гнерру, то пусть уходят.

И вот муж ее дочери пошел обратно, к своим, а гнерру продолжали жить там.

56. Об осе-каменщике и его жене

В давние времена оса-каменщик была человеком. Вот как-то, взяв с собой лук и колчан со стрелами, муж-оса отправился вместе со своей женой. Он шел впереди, а жена — сзади.

Жена попросила:

— О муж мой! Убей для меня этого зайца!

Муж положил свой колчан на землю и спросил:

— Где же заяц?

Жена показала:

— Вон там он лежит.

И муж вынул стрелу и, пригнувшись, двинулся вперед — так, как обычно делают люди, чтобы не спугнуть зайца, когда тот лежит, затаившись.

А жена сказала:

— Сбрось свой каросс! Почему ты его не снимаешь?

И муж, продолжая продвигаться вперед, ослабил завязки своего каросса и сбросил его на землю.

Тогда его жена стала смеяться над ним, над его тонкой талией:

— Как это ты таким уродился? Так вот почему ты не хотел снять каросс!

Тут муж повернулся, прицелился из лука в свою жену и выстрелил, так что наконечник стрелы вонзился ей прямо в грудь. Его жена упала замертво.

Тогда он заплакал:

— И-и, и-и, и-и! О моя жена, и-и!

Он так плакал, как будто это не он же сам ее и подстрелил. Он плакал, потому что вынужден был так поступить и убить свою жену, и вот она умерла.

57. О человеке, который велел жене отрезать ему уши

В прежние времена один человек древнего народа попросил жену отрезать ему уши — он хотел походить на своего младшего брата. На самом же деле жена его младшего брата просто побрила тому голову, сняв волосы, а не кожу.

Жена отказывалась, но он настаивал. И вот его жена отрезала ему уши. Тут он как стал кричать! А ведь он сам просил, чтобы она это сделала.

58. Как дети забросили на небо солнце

Прежде солнце было человеком, который жил на земле, в своем доме, и его звали Солнечная Подмышка — от одной из его подмышек исходило сияние. Днем солнечный свет был белым, а ночью красным, как огонь. Когда он лежал, подняв вверх руку, вокруг становилось светло, как днем. Стоило ему опустить руку, как повсюду наступала тьма. А как только он снова поднимал руку, вокруг его жилища разливалось сияние. Но вся остальная страна была сумеречной, и небо было тогда черным — света было столько, сколько бывает сейчас в пасмурный день, когда небо сплошь затянуло плотными облаками, скрывающими солнце.

И вот люди древнего народа решили заставить солнце подняться в небо, чтобы оно обогривало и освещало всю землю и чтобы они могли сидеть и греться на солнце.

Одна старая женщина, у которой не было своих детей, сказала другой, чтобы та послала своих сыновей к этому старику, Солнечной Подмышке. Она сказала, что дети должны отправиться к нему и дожидаться, пока он заснет. Она сказала этой женщине, что ее дети должны осторожно приблизиться, поднять Солнечную Подмышку и забросить его на небо. И тогда солнце будет ходить по всему небу и будет сиять повсюду, и вся земля будет освещена. А личинки термитов будут сохнуть на солнце.

Мать передала детям все, о чем говорила ей эта старуха. Она сказала детям:

— Дети! Дождитесь, пока солнце ляжет спать, и осторожно приблизьтесь. Потом все вместе схватите спящего, поднимите его и бросьте вверх, в небо.

Так ей говорила старуха, и так она передала все своим детям.

И вот дети собрались идти, а старая женщина сказала им:

— Вы должны пойти и сесть там и наблюдать за ним: если он лежит с открытыми глазами и смотрит, то сидите и ждите, пока он не заснет.

И еще она сказала:

— О дети! Скажите старику, что он должен превратиться в солнце, он должен стать жарким солнцем. Впредь он будет передвигаться по небу, он будет жить вверху, в небе, как жаркое солнце, и тогда личинки термитов будут сохнуть.

А дети слушали эту старую женщину, голова которой была седой, слушали все, что она им говорила. И они слушали свою мать, которая передала им все, что говорила об этом старая женщина.

И вот дети отправились к нему. Они пришли, сели и стали ждать, а он лежал, подняв вверх локоть, и его подмышка освещала все вокруг. Они сидели и ждали. Потом они встали и прошли еще немного, осторожно приближаясь к нему. Они опять остановились и посмотрели на него, потом опять пошли вперед, осторожно подкрались к нему и, схватив его все вместе, подняли его вверх, а он был горячим. И они бросили его, раскаленного, вверх и сказали ему, раскаленному:

— О солнце! Ты должно крепко держаться там, наверху, и двигаться по небу как раскаленное солнце.

Они сделали все так, как им говорила старая женщина.

Их отец сказал:

— Солнечная Подмышка крепко держится там, наверху. Это дети забросили его вверх, когда он лежал и спал.

Дети возвратились. Они пришли и рассказали, как все было. Старший из них сказал:

— Вот этот юноша держал его; я также держал его; мой младший брат держал его; и другой мой младший брат также его держал; и вот этот юноша со своим младшим братом держали его. Я говорил: «Держите его крепче! Крепко держите старика!» Затем я сказал: «Бросайте его вверх! Бросайте старика вверх!» И мы бросили вверх старика-солнце.

Юноша сказал старой женщине:

— О бабушка! Мы бросили его вверх. Мы сказали, что он должен превратиться в солнце, жаркое солнце, потому что мы зябнем. Мы сказали ему: «О дедушка, Солнечная Подмышка! Оставайся там, стань жарким солнцем, чтобы личинки термитов могли высохнуть, чтобы вся земля стала светлой, чтобы вся земля стала теплой, чтобы ты все обогревал. Ты должен всегда сиять, прогоняя тьму. Когда ты будешь приходить, тьма будет уходить».

Солнце приходит — тьма уходит. Солнце садится — приходит тьма, а вместе с ней ночью приходит луна. Когда светает, солнце выходит, а тьма уходит. Ночью же выходит луна, луна освещает тьму, и тьма отступает. Луна сияет, унося тьму, а потом луна заходит и выходит солнце, оно разгоняет тьму и гонит луну. Но луна останавливается, и солнце пронзает луну своим ножом, и луна слабеет и угасает. Тогда луна говорит:

— О солнце! Ради моих детей оставь мне хотя бы спинной хребет!

И солнце уступает ее просьбам, оно оставляет ей спинной хребет ради детей. Так поступает солнце, и больная луна уходит прочь, она с трудом идет дальше и, больная, возвращается домой. Ей кажется, что она умирает.

Но луна вновь оживает и снова становится полной луной. Когда она становится новой луной, у нее опять

вырастает живот, она становится большой, полной лунной. Она оживает и выходит, она движется ночью по небу. Она — сандалия Цагна. Он некогда бросил ее в небо и приказал стать лунной — темнота мешала ему. И вот луна бродит в ночи.

Появляется солнце — и вся земля сияет, появляется солнце и освещает все вокруг — и люди могут везде ходить. Люди видят кустарник, они видят друг друга, они видят мясо, которое едят; они видят газель, они гонят газель, и они стреляют в газель; они гонят страуса. Они подкрадываются к антилопе, они также подкрадываются к антилопе куду, когда светло. Они ходят друг к другу в гости, когда солнце сияет и на земле светло, и солнце освещает им путь. Они странствуют, они охотятся и стреляют, они находят газель, они гонят газель, они устраивают на нее засаду и лежат в укрытии. Они лежат, вырыв в земле ямку и прикрывшись кустарником. Они лежат в этом маленьком домишке из кустарника и ждут, пока появится газель.

59. Как девушка древнего народа сделала звезды

В давние времена девушка древнего народа — это была первая девушка на земле, — притворившись больной, осталась дома. Она лежала в маленькой хижине, которую сделала для нее ее мать¹. Все женщины, ее матери, отправились выкапывать съедобные коренья, а она не пошла с ними, она лежала в своей маленькой хижине, и ее палка-копалка стояла рядом.

И вот она оставалась в хижине, а ее мать приносила ей пищу. Мать следила, чтобы девушка не ела дичь, убитую юношами. Ей можно было есть только дичь, убитую ее отцом, так как он был стариком. Если бы она стала есть дичь, убитую юношами, ее слюна могла бы попасть на мясо газели, а затем перейти на лук. Тогда лук охладает, охладеют руки юношей и охладает стрела, наконечник стрелы.

Мать принесла девушке съедобные коренья гхуин, но девушка рассердилась, что мать дала ей слишком мало кореньев, а она ведь не могла сама отправиться за гхуин, хотя и была голодна. Потому что она лежала в своей хижине.

Тогда девушка встала, запустила руки в древесную золу и забросила ее в небо.

Она сказала древесной золе:

— Пусть эта древесная зола станет Млечным Путем. Пусть она белой полосой простирается по небу, а возле нее пусть будут звезды.

И вот зола стала Млечным Путем.

Для того чтобы сделать звезды, девушка забросила вверх, в воздух, коренья. Это были пахучие съедобные коренья гхуин. Там были зрелые коренья красного цвета, и они превратились в красные звезды, а молодые коренья белого цвета превратились в белые звезды.

Млечный Путь поворачивается вместе со звездами, которые плавно движутся своей дорогой. А когда Млечный Путь в своем движении доходит до земли, он поворачивается и звезды также поворачиваются и идут обратно, потому что они видят, что возвращается солнце, совершающее свой путь. И звезды уходят, а за ними приходит рассвет. И тогда Млечный Путь лежит тихо. И звезды также должны тихо стоять вокруг. А когда приходит их время, звезды снова плывут вперед по своим следам. Этим путем звезды следуют всегда.

А Млечный Путь, приблизившись к тому месту, где девушка подбросила вверх древесную золу, медленно спускается, а затем отправляется дальше и движется по небу. Звезды поворачиваются и свершают свой круг по небу. Небо лежит неподвижно. А звезды плывут по небу, они заходят, выходят снова, они плывут, следуя по своим следам. Когда выходит солнце, они бледнеют. А когда солнце садится, они снова выходят, поворачиваются и следуют за солнцем.

Спускается темнота, и звезды из белых становятся красными. И вот они ярко сияют, так как теперь ночь и они могут плыть дальше по небу. Когда люди отправляются куда-нибудь ночью, они знают, что звезды освещают для них землю. Млечный Путь мягко светится в темноте ночи — как древесная зола. Это девушка сказала, что Млечный Путь должен давать свет людям, чтобы они могли ночью найти дорогу домой. Ночью земля была бы совсем темной, если бы не Млечный Путь и звезды.

Эта же девушка сделала саранчу, подбросив в небо кожуру от корня гцуисси, который она съела.

Она сначала забросила вверх, в небо, древесную золу, а потом подбросила вверх коренья гхуин. Она сделала это, рассердившись на свою мать за то, что та дала ей слишком мало кореньев.

60. О Гхагара и Гхауну, которые боролись друг с другом молниями

В давние времена дождь был человеком — Гхауну. Его женой была младшая сестра птицы Гхагара. И вот Гхагара решил забрать свою младшую сестру у ее мужа Гхауну и отправился за ней, чтобы отвести ее обратно к родителям.

А Гхауну стал преследовать своего шурина, и они увидели, как он прошел возле них, за холмом,— за клубились облака и исчезли.

Гхагара стал торопить сестру:

— Надо идти дальше, до дома еще далеко!

Гхауну прошел возле них — появились облака и снова исчезли.

Гхагара сказал своей младшей сестре:

— Ну, иди дальше, ведь ты же видишь, это Гхауну!

И она шла дальше с тяжелой ношей — она несла вещи мужа. Они были подобны воде и давили ей на спину, пригибая ее к земле, и становились все тяжелее.

Гхауну опять прошел мимо них, за холмом,— они увидели, как снова появились облака и исчезли.

Их дом был уже неподалеку.

Гхагара подождал, пока сестра его нагонит, и воскликнул:

— Да что там за тяжесть ты тащишь с таким трудом?!

Услышав, как Гхагара говорит о его вещах, Гхауну разгневался. Он чихнул, так что кровь брызнула из его ноздрей, и метнул в Гхагара молнию. Но Гхагара, подняв руку, тут же отбил удар и метнул молнию в Гхауну. И они стали метать друг в друга молниями.

Гхагара сказал сестре:

— Не отставай, иди рядом со мной, ты же видишь,

что твой муж не дает нам передохнуть и мечет молнии одну за другой.

Так Гхагара и Гхауну, сердитые друг на друга, всю дорогу метали друг в друга молнии. Гхауну думал, что отгонит Гхагара молниями, но Гхагара не боялся их огня и, в свою очередь, отгонял мужа своей младшей сестры Гхауну. А муж его младшей сестры все метал молнии в своего шурина.

А потом Гхагара метнул в мужа своей младшей сестры черную молнию, и эта смертоносная молния отогнала Гхауну. Он упал и лежал в агонии, громылая громом.

А Гхагара обвязал голову сетью, так как она у него раскалывалась от боли, и вернулся домой. Гхагара натерся бушú¹ и натер бушú также свою младшую сестру. Он лег в своей хижине.

А Гхауну лежал там, где его сразила молния, громылая громом.

Мои бабушки говорили: когда на востоке скапливаются тяжелые облака, которые громоздятся друг на друга, как горы, и сверкает молния,— это Гхагара и Гхауну борются друг с другом.

61. Сын ветра

Ветер прежде был человеком. Он был сыном ветра. Как-то он играл с одним мальчиком по имени Гна-Ка-Ти, они катали по земле шар из кцуарри¹.

Ветер воскликнул:

— О Гна-Ка-Ти, смотри!

А Гна-Ка-Ти катил шар к нему и кричал ему в ответ:

— Приятель! Смотри!

Гна-Ка-Ти не знал его имени. Поэтому Гна-Ка-Ти называл его приятелем.

Ветер же всегда называл его по имени, он говорил:

— О Гна-Ка-Ти! Смотри!

И тогда Гна-Ка-Ти пошел к матери, чтобы узнать у нее имя своего товарища по игре.

Он сказал:

— О мать, скажи мне, как зовут вон того моего приятеля. Он всегда называет меня по имени, а я его

имени не знаю. Я тоже хочу называть его по имени, когда я качу к нему шар.

А мать сказала:

— Я не хочу сейчас называть тебе его имя. Подожди, пусть сначала отец укрепит нашу хижину, чтобы мы могли там укрыться. Тогда только ты узнаешь от меня имя своего приятеля. Но помни: как только задует ветер, тут же беги домой; ты должен скорее добраться до хижины, чтобы тебя не унесло ветром.

Мальчик ушел, и они опять стали играть. А потом он снова пришел к матери, чтобы узнать у нее имя своего товарища.

И тогда его мать назвала имя, повторив его несколько раз:

— Это Тсерритен-Гцуанг-Гцуанг, это Гхау-Гхаубу-Ти! Это Тсерритен-Гцуанг-Гцуанг, это Гхау-Гхаубу-Ти! Это Тсерритен-Гцуанг-Гцуанг!

Гна-Ка-Ти опять пошел гонять шар, и они стали играть, но он не называл друга по имени, он помнил, как мать его предупреждала:

— Ты не должен пока произносить имени твоего товарища, даже если он будет называть тебя по имени. А как только ты произнесешь его имя, сразу же беги домой, иначе тебя унесет ветром!

И они гоняли шар, а его товарищ называл его по имени. Наконец Гна-Ка-Ти увидел, что его отец закончил работу и надежно укрепил хижину, и Гна-Ка-Ти понял, что теперь он может произнести имя своего товарища.

Гна-Ка-Ти покатил шар к своему товарищу и крикнул:

— Смотри, о Тсерритен-Гцуанг-Гцуанг! Смотри, о Гхау-Гхаубу-Ти! Смотри!

И он тут же кинулся бежать, он помчался домой со всех ног, а его товарищ вдруг наклонился и упал в ложбинку. Он лежал, яростно брыкаясь. И вдруг подул ветер — такой сильный, что унесло циновки, из которых были сделаны хижины, и разметало занавесы из кустарника, которым прикрывали хижины, а люди ничего не видели из-за пыли.

Тогда мать ветра вышла из дома — их хижина осталась цела, так как они сами были ветрами. Она подошла к сыну, схватила его и поставила на ноги. Он

не хотел стоять и норовил снова улечься. Но мать удерживала его на ногах. И вот ветер утих, и пыль тоже улеглась.

Поэтому мы говорим:

— Когда ветер лежит, он дует очень сильно. Когда же он стоит прямо, то утихает. Шум, который производит ветер, возникает от того, что он брыкается, и это шум от его коленей.

Теперь сын ветра превратился в птицу, он больше не ходит, как человек, а летает. Он живет в пещере, в горе, выходит оттуда и летает повсюду, а затем возвращается обратно. Он спит в пещере, а рано утром просыпается и вновь улетает на поиски пищи, потом возвращается в пещеру и спит там.

62. О Гцо-Гнуинг-Тара, жене Сердца Утренней Зари

У Сердца Утренней Зари¹ есть дочь — Дитя Сердца Утренней Зари². Он называет ее «мое сердце». Он проглатывает свою дочь, и вот он идет один, теперь это единственная звезда — Сердце Утренней Зари. Когда же его дочь вырастает, он выплевывает ее. И она становится его женой, теперь она тоже — Сердце Утренней Зари, и она выплевывает другое Дитя Сердца Утренней Зари, которое следует за мужем и женой — Сердцами Утренней Зари...

В давние времена жена Сердца Утренней Зари, рысь, была женщиной древнего народа, она была очень красива. Ее звали Гцб-Гнуинг-Тара. Муж Гцо-Гнуинг-Тара спрятал их ребенка под листьями съедобного корня гцуисси — он знал, что жена отыщет его там. Но сначала туда пришли другие животные и птицы — гиены, шакалы, голубые журавли и черные вороны, — и все они выдавали себя за мать ребенка. Но Дитя Сердца Утренней Зари только смеялось над ними, пока наконец не явилась его настоящая мать, и дитя ее сразу узнало. Тогда оскорбленные шакал и гиена, чтобы отомстить, решили околдовать мать и превратить ее в рысь при помощи отравленных личинок термитов.

У Гцо-Гнуинг-Тара была младшая сестра Тсе-Дэ-

Коё, девушка древнего народа, которая носила за ней ее палку-копалку. И вот они бродили вокруг в поисках личинок и копали, выискивая личинки в разрытой земле. Затем они собирали их, не давая им уйти обратно в землю.

А гиена взяла и отравила личинки почерневшим потом своих подмышек. Гцо-Гнуинг-Тара стала есть личинки, и вдруг все ее украшения — серьги, ручные и ножные браслеты, браслеты на лодыжках — стали с нее спадать, и ее каросс сам развязался и упал на землю, и ее кожаная юбка тоже соскользнула с нее и упала на землю, и сандалии тоже развязались сами.

Гцо-Гнуинг-Тара предупредила свою младшую сестру:

— Не трогай эти личинки — у них неприятный запах. Теперь тебе придется заботиться о ребенке.

Она превратилась в хищного зверя, вскочила и бросилась в заросли тростника.

Младшая сестра хотела ее удержать, она побежала за ней и закричала:

— О Гцо-Гнуинг-Тара! Кто же будет кормить твоего ребенка?

Ее старшая сестра ответила:

— Ты будешь приносить его, и я стану давать ему грудь. И пока я буду чувствовать, что я человек, а не хищный зверь, я буду с тобой разговаривать. Но ты приходи с ребенком быстрее, не медли. Принеси его завтра утром.

Младшая сестра вернулась домой, и гиена тоже пришла с ней, надев украшения Гцо-Гнуинг-Тара. Она пробралась в хижину и села на ее место. Сердце Утренней Зари вместе с другими мужчинами — шакалами, квагга, гну, страусами — были на охоте. Когда Сердце Утренней Зари вернулся домой, ребенок плакал и с ним была только его свояченица.

Он воскликнул:

— Почему это ребенок кричит, а Гцо-Гнуинг-Тара не обращает на него внимания?

Но гиена ничего не отвечала, а Тсе-Де-Коё успокаивала ребенка.

Дождавшись, пока муж ее старшей сестры снова отправился на охоту, она положила ребенка за спину и отправилась к своей старшей сестре.

Она шла, пока не добралась до зарослей тростника, и позвала:

— О Гцо-Гнуинг-Тара, дай ребенку грудь.

Ее старшая сестра выпрыгнула из зарослей, подбежала и схватила ее, но она воскликнула: «Это я!» — и отдала ей ребенка.

Старшая сестра дала ребенку грудь и сказала:

— Приноси ребенка снова, да побыстрее, пока я еще чувствую себя человеком. Мне кажется, что я начинаю забывать тебя, я уже не узнаю тебя.

И она укрылась в зарослях тростника, а ее младшая сестра положила ребенка на спину и вернулась домой.

Перед заходом солнца она снова пошла с ребенком к своей старшей сестре.

Дойдя до зарослей тростника, она позвала:

— О Гцо-Гнуинг-Тара, дай ребенку грудь.

Ее старшая сестра выпрыгнула из зарослей, подбежала к ней и схватила ее, а она закричала:

— Это же я, это я!

Мать покормила ребенка грудью и сказала:

— Быстрее приноси его снова, так как я чувствую, что забываю тебя. Я уже не узнаю тебя.

И она скрылась в зарослях, а ее младшая сестра вернулась домой.

Утром младшая сестра снова отправилась к своей старшей сестре, она шла, шла, шла, шла, шла, пока не добралась до зарослей тростника, и позвала:

— О Гцо-Гнуинг-Тара! Дай ребенку грудь.

А ее старшая сестра выпрыгнула из зарослей, подбежала к ней и схватила ее.

Младшая сестра отпрянула и закричала:

— Это я!

А старшая сестра сказала:

— Ты не должна больше приходиться ко мне, так как я уже не чувствую себя человеком.

И младшая сестра вернулась домой.

А люди устроили танец гцу: женщины хлопали в ладоши, а мужчины кивали головами. Но гиена не вышла из хижины, она боялась, что ее узнают, хотя на ней и были надеты украшения Гцо-Гнуинг-Тара. И вот Сердце Утренней Зари, кивая головой подошел к свояченице и положил руку на ее плечо.

А она уклонилась и воскликнула в гневе:

— Оставь меня! Пусть твои жены, старые гиены, хлопают для тебя в ладоши!

Так она выдала гиену, раскрыв ее обман.

Тогда Сердце Утренней Зари, схватив свой ассегай, бросился туда, где сидела гиена, и метнул в нее ассегай, но промахнулся. А гиена выскочила из дома и бросилась бежать, но, оступившись, попала в огонь и обожгла ногу. Гиена убежала, но украшения Гцо-Гнуинг-Тара, которые надевала гиена, остались лежать на том месте, где она сидела.

Сердце Утренней Зари стал бранить свояченицу за то, что она не сразу сказала ему о подмене и скрыла от него, что место его жены заняла гиена. Ведь гиена сидела к нему спиной, и он думал, что это Гцо-Гнуинг-Тара. Если бы она сидела к нему лицом, как это всегда делала его жена, он бы не ошибся. А если человек сидит к тебе спиной — мало ли кто может им оказаться! И вот так получилось, что он женился на гиене! Сердце Утренней Зари попросил свояченицу скорее сказать ему, где теперь его жена.

Но та ответила:

— Подожди, пока не рассветет. Мы пойдем туда, когда встанет солнце. Но не думай, что твоя жена осталась такой, какой она была прежде.

Утром он опять стал торопить свояченицу, чтобы они быстрее отправлялись.

Но она сказала:

— Прежде надо пригнать коз, чтобы выманить ее из зарослей тростника.

И вот они погнали коз к зарослям. Там Тсе-Де-Коё сказала мужу своей старшей сестры, чтобы он встал за ее спиной, а все остальные спрятались у него за спиной, так чтобы возле коз оставалась она одна.

Затем она позвала:

— О Гцо-Гнуинг-Тара, дай ребенку грудь!

Тут ее старшая сестра выпрыгнула из зарослей тростника и подбежала к ней. Но, заметив коз, она повернулась и бросилась на одну из них, а тем временем ее муж, ее младшая сестра и ее братья схватили ее. Потом зарезали коз и стали натирать Гцо-Гнуинг-Тара содержимым козых желудков, и с нее стала сходить ее рысья шкура.

Тогда она сказала:

— Смотрите, не выдергивайте всю шерсть, оставьте немного волос на кончиках моих ушей, а то я перестану слышать.

И вот ее муж оставил кисточки на кончиках ее ушей.

Но хотя братья Гцо-Гнуинг-Тара и вытащили ее из рысей шкуры и она снова превратилась в прекрасную женщину, она уже не могла больше есть личинки термитов — ведь ее околдовали отравленными личинками. И теперь она стала рысью, которая ест мясо.

Сердце Утренней Зари не мог простить гиенам, что они околдовали его жену, и с тех пор, возвращаясь домой, он всегда держал наготове лук и ассегай. Он шел, вонзая ассегай в землю, а его огромные глаза горели, как огонь. И все боялись его из-за его глаз, шакалы разбегались при его приближении.

63. О том, как Кагн создал мир

Первым был Кагн. Все вещи появились и были созданы по его приказанию — солнце, луна, звезды, ветер, горы и животные.

Его жену звали Коти. У него было два сына¹, и старший из них стал вождем, его звали Когац, имя второго — Гцви.

В то время было три великих вождя — Кагн, Когац и Кванцикутшаа. Они все были могущественными, но главным был Кагн, который отдавал свои приказания через этих двоих.

64. О танце уагома

Люди с головами косульей антилопы, Хакве и Канате, и хвостатые люди квеквете живут обычно под водой, они приручают антилоп канна и змей. Животное, которое ловили люди, — змея! Они протягивали ей чудесное снадобье и ловили ее длинной веревкой. Все они находились под водой, и эти удары еще усиливались под водой.

Это были люди, испорченные танцем уагома — их носы кровоточили.

Кагн дал нам песню этого танца и велел нам его танцевать, а если люди умирали от него, он давал чудесное снадобье, чтобы воскресить их снова.

Это танец мужчин и женщин, которые следуют друг за другом по кругу, и его танцуют всю ночь. Некоторые падают, некоторые становятся сумасшедшими и больными, кровь течет из носа у тех, чьи амулеты недостаточно сильные, и они едят чудесное снадобье, в котором содержится пепел сожженной змеи.

Когда какой-нибудь человек заболевает, вокруг него танцуют этот танец, и танцоры, положив обе руки себе под мышку, потом прижимают руки к больному, и, когда он кашляет, посвященные убирают руки, взяв то, что причинило ему вред,— тайные вещи.

Посвященные, которым известны тайные вещи,— это когнке, больной человек — ханг каи.

65. О Кагне и людоеде Кадинтаа

Мы утратили различные ремесла и мастерство. Прежде мы умели сооружать переправы из камня через реки, умели бить рыбу острой.

Прежде рассказывали, что, когда люди умирали, они отправлялись к Кагну, но теперь говорят иначе.

Существует некто с одним огненным глазом, это существо летает ночью и ползает по земле, держа одну руку кверху. Оно выдавливает из людей дыхание, оставляя лишь мертвые тела. Это людоед. Кагн запретил, чтобы его имя часто упоминалось. Его имя — Кадинтаа¹.

66. Как появились антилопы канна и почему они стали дикими

Жена Кагна, Коти, взяла нож своего мужа, чтобы заострить киби — палку-копалку, а потом стала выкапывать съедобные коренья.

Когда Кагн обнаружил, что она испортила его нож, он стал бранить ее и сказал, что ее постигнет несчастье.

После этого она забеременела и родила в поле ма-

ленького детеныша антилопы канна. Она рассказала об этом своему мужу и сказала, что не знает, что это за дитя. А он побежал посмотреть на него и, вернувшись назад, велел Коти растереть магическое снадобье канна, чтобы он мог выяснить, что это такое.

Она так и сделала, и он пошел и окропил животное этим снадобьем и спросил его:

— Ты это животное? Или ты то животное?

Но оно молчало, пока он не спросил его:

— Ты антилопа канна?

И тогда оно сказало:

— Аааа.

Тогда он взял животное на руки, пошел и взял тыкву, положил его туда и отнес в уединенную долину, окруженную со всех сторон горами и пропастями, и оставил, чтобы оно росло там.

А сам он в то время создавал всех животных и все вещи и приспособлял так, чтобы люди могли их использовать, и он сделал ловушки и оружие.

Затем он сделал куропатку и полосатую мышь, и он создал ветер, для того чтобы животные могли приюжиться по ветру, и вот они направляют свой бег по ветру.

Кагн взял три палки и заострил их и бросил одну из них в антилопу канна, и она убежала, а он позвал ее обратно.

А потом он отправился к своему племяннику, чтобы достать яду для стрел, и его не было три дня.

В его отсутствие его сыновья Когац и Гцви вместе с другими юношами отправились на охоту и наткнулись на антилопу канна, которую спрятал их отец. Они не знали о ней. Это было какое-то новое животное. У него только что отросли рога. Они пытались окружить его и убить, но оно всякий раз прорывало цепь, а потом возвращалось и снова ложилось на то же место.

Наконец, когда оно заснуло, Гцви, искусно метавший копья, заколол его, и они разрезали его на куски и взяли с собой мясо и кровь. Но когда они разрезали его, они увидели силки и ловушки Кагна и поняли, что это было его животное, и они испугались.

На третий день вернулся домой Кагн и, увидев кровь на земле — в том месте, где убили антилопу,

очень разгневался. И он пошел домой и сказал Гцви, что накажет его за дерзость и непослушание. Он оторвал ему нос и швырнул в огонь.

Но затем он сказал:

— Нет! Я не стану делать этого!

И вот он снова приставил ему нос и сказал:

— Ну а теперь попробуй исправить зло, которое ты причинил. Ведь ты испортил антилоп канна.

Затем Кагн велел Гцви взять немного крови антилопы канна, положить ее в горшок и взбить мутовкой — маленькой палочкой для размешивания, вращая ее верхний конец между ладонями. И Гцви стал разбрызгивать кровь, а она превратилась в змей, и они расплозились повсюду. Но Кагн сказал, чтобы он не делал таких страшных гадов. Тогда Гцви снова взболтал и разбрызгал кровь, и она превратилась в антилоп каама, и они убежали.

— Я недоволен, это не то, чего я хочу, ты не умеешь ничего делать. Выброси эту кровь! Жена моя, Коти! Вычисти этот горшок и принеси еще крови от этого маленького выпотрошенного животного и взболтай ее.

Коти так и сделала. Они добавили еще жир от сердца антилопы, и Коти взболтала все это. Кагн стал разбрызгивать кровь, и капли превратились в быков антилопы канна, которые окружили их и начали бодать рогами.

И Кагн сказал:

— Ну, видишь, как ты испортил антилоп канна!

И он прогнал этих антилоп канна.

А потом они разболтали кровь — и сделали коров антилоп канна и еще разболтали — и сделали множество антилоп канна, и антилопы покрыли всю землю.

И Кагн сказал Гцви:

— Иди и охоться на них, попробуй убить одну из них. Ты должен это сделать, потому что ты испортил их!

Гцви побежал и старался изо всех сил, но вернулся обратно ни с чем, запыхавшийся, измученный, со сбитыми ногами. На следующий день он снова отправился на охоту, но так и не смог убить ни одной антилопы. Они убегали от него, потому что в их костях был Кагн.

Затем Кагн послал Когаца, чтобы тот пригнал к

нему антилоп. И Кагн закричал, а антилопы канна пробежали совсем близко мимо него, и он бросил в них ассегаи и убил трех быков. Потом он послал охотиться Когаца и благословил его, и тот убил двух антилоп. А потом он послал Гцви, и он убил одну.

В тот день люди получили дичь для еды, но животные были испорчены вот таким образом и стали дикими. Кагн сказал, что должен наказать людей, раз они пытались убить то, что он сделал и чего они не знали.

67. О дочери Кагна и о том, как змеи превратились в людей

Дочь Кагна превратилась в созвездие Южного Креста. Ее отец бранил ее, и она убежала, чтобы умереть, бросившись в скопище кабу — змей. Змеи были людьми, и их вождь женился на ней. Они ели змеиное мясо, но ей давали есть мясо антилопы канна, потому что дитя Кагна не должно есть плохой пищи.

Кагн всегда знал все, что происходит вдали от него, и он послал Когаца привести свою дочь обратно. И вот Когац отправился вместе с другими юношами, а Кагн дал ему с собой свой зуб, чтобы сделать его могущественным.

Когда змеи увидели, что приближается Когац вместе со своими людьми, они рассердились и стали прятать головы, но их вождь сказал:

— Вы не должны сердиться, они идут к своему ребенку.

И вот змеи отправились на охоту, а сестра Когаца дала ему мяса. Юноши велели ей передать мужу, что они пришли за ней. Она собрала еды в дорогу, и на следующее утро они вместе с ней отправились. Из предосторожности они обвязали тела тростником. Три змеи пустились за ними вдогонку. Эти змеи попытались ужалить их, но жалили тростник. Они пробовали бить их, но попадали по тростнику. Тогда они стали бросать в них песком, чтобы поднялся ветер и загнал их в воду, — но им ничего не удавалось. Змеи не знали, что у Когаца был зуб Кагна!

Дети, которые оставались дома, юноши, бывшие

вместе с вождем змей,— все знали, что когда возвратятся эти три змеи, то всю страну зальет водой. И поэтому они начали возводить высокий помост из ивняка, а когда мужья вернулись, женщины-змей взяли и бросили их в воду. И вода поднялась выше гор, но вождь и юноши спаслись на высоком помосте.

И Кагн послал к ним Когаца, чтобы он превратил их в людей. И он велел им лечь и ударил их своей палкой, и, как только он ударял кого-нибудь из них, из змеиной кожи выходил человек, а кожа оставалась на земле. Когац сбрызгивал змеиную кожу чудесным снадобьем канна, и змеи становились людьми.

68. Как Кагн уничтожил людоедов

Кобе — это великаны-людоеды, они носят с собой боевые топоры и отрубают людям головы, они убивают женщин и собирают их кровь через нос.

Кагн послал к ним Когаца, чтобы освободить одну женщину, и дал ему с собой свой зуб. У Кагна заболел зуб, и зубная боль велела ему послать Когаца.

Когац отправился, и, когда он возвращался обратно, Кагн увидел облако пыли. Он послал маленькую птичку коука, или моти, как ее называют на языке сото¹, которая летает в вышине и поет «тии-тии», но та ничего не рассказала. Тогда он послал другую птицу — кинкининьяк — тинтиньяне на языке сото, но и она не принесла никаких известий. Затем он послал третью — кейв, черную с белым птицу, которая поет ранним утром и называется на сото тсканафике. Он натер ее клюв чудесным снадобьем канна, и она полетела к облаку пыли и вернулась с вестью, что идут великаны.

Эти великаны несколько раз нападали на Когаца, но он каждый раз взбирался на зуб Кагна, и тот вырастал и поднимался на такую высоту, что великаны не могли добраться до Когаца. А он там наверху готовил себе пищу, а потом начинал играть на своей флейте из тростника, и это их усыпляло, а он мог идти дальше. Но они просыпались, пускались следом за ним, и он снова забирался на этот зуб.

Великаны продолжали нападать на него, и наконец он убил нескольких из них отравленными стрела-

ми. А Кагн сказал, что ему не нужны эти люди. Он сказал, что прогонит их далеко от этих мест и убьет — ведь они были людоедами.

И Кагн разрезал на части свой каросс и сандалии и превратил их в собак. Он натравил их на великанов кобе и истребил их.

69. О том, как бабуины убили сына Кагна — Когаца

Кагн послал Когаца нарезать ветвей, чтобы надевать луков. Когда Когац пришел в заросли, его схватили бабуины. Они созвали всех других бабуинов, чтобы послушать, что скажет Когац, и стали расспрашивать, кто послал его сюда. Он ответил, что отец послал его нарезать ветвей для луков.

Тогда бабуины сказали:

— Твой отец считает себя умнее всех нас. Ему нужны эти луки, чтобы убивать нас, ну а мы убьем тебя.

И они убили Когаца и привязали его к верхушке дерева и стали плясать и петь вокруг этого дерева, а хор подпевал: «Кагн думает, что он умен!»

Кагн спал, когда убили Когаца. Но, проснувшись, он велел Коти дать ему его чудесное снадобье и положил его в нос. Потом он сказал, что бабуины повесили Когаца.

И вот он отправился к бабуинам, но, когда они увидели, что он приближается, они изменили свою песню, выбросив из нее слова о Кагне.

А одна маленькая девочка-бабуин сказала:

— Не пойте так, а пойте, как вы пели прежде!

И Кагн сказал:

— Пойте так, как хочет эта маленькая девочка.

Тогда они стали петь и плясать так, как до этого.

А Кагн сказал:

— Эта песня, что я слышал, это то, что мне нужно.

Продолжайте танцевать, пока я не вернусь!

Кагн пошел и принес мешок, полный колышков. Он подошел к бабуинам сзади, когда они танцевали, подняв густую пыль. Кагн загнал каждому бабуину колышек в спину, так что она треснула, и прогнал их в горы, чтобы в наказание они ели коренья, жуков и скорпионов.

Прежде бабуины были людьми, но с тех пор у них появились хвосты, и их хвосты подвешены криво.

Затем Кагн снял Когаца с дерева и дал ему чудесного снадобья — канна. Кагн оживил Когаца.

70. О Кагне и людях-колючках

Колючки были людьми — их называли Кагн-кагн, они были карликами. Кагн увидел, что они борются между собой, и пошел, чтобы разнять их. А они набросились на него и убили его. Им помогали термиты, а потом они все вместе съели Кагна.

Через некоторое время термиты вместе с карлика-ми собрали кости Кагна, соединили их вместе, прикрепили его голову, и все это, спотыкаясь, поплелось домой. Когац исцелил Кагна и спросил, что же с ним случилось. Кагн рассказал ему все, и Когац дал ему силу и посоветовал, как можно побороть карликов. Он предложил Кагну притвориться, будто тот хочет ударить их по ногам, а затем стукнуть их по голове!

И Кагн пошел и убил множество карликов, а остальных прогнал в горы.

71. Как Кагн добыл мед

Кагн встретил орла, который доставал мед со скалы над пропастью¹, и попросил:

— Друг мой, дай и мне тоже немного меда!

Орел сказал: «Подожди немного!» — а сам взял соты и снес их вниз, отправился снова и принес еще, а потом сказал Кагну, чтобы тот забрал то, что осталось.

Кагн взобрался наверх и слизал лишь то, что оставалось на скале. А когда он хотел спуститься, то обнаружил, что не может этого сделать.

Тут он вспомнил о своем чудесном снадобье, достал немного из-за пояса и приказал снадобью пойти к Когацу, чтобы попросить совета. А Когац передал ему через это чудесное снадобье: он должен сделать так, чтобы со скалы потекла вниз вода, и тогда он сможет спуститься.

Кагн так и сделал. Когда же он оказался внизу, он спустился под землю, а потом вышел снова на поверхность и проделал так трижды, а на третий раз он поднялся наверх неподалеку от орла — в виде огромного самца антилопы канна.

И орел сказал:

— Какая огромная антилопа!

Орел захотел убить ее. Он бросил ассегай, и тот пролетел справа от антилопы, другой ассегай тоже пролетел мимо нее — слева, а третий прошел между ног антилопы. Орел стал топтать антилопу — и тотчас же выпал град и оглушил орла. А Кагн убил его и отнес немного меду Когацу. Кагн сказал Когацу, что убил орла, который так вероломно поступил с ним.

А Когац сказал:

— У тебя еще будут неприятности из-за всех этих схваток.

Кагн встретил женщину по имени Кгориоинзи, которая поедала людей. Она имела обыкновение хватать людей и бросать их в огонь. Кгориоинзи развела огромный костер и стала танцевать вокруг него, а Кагн начал поджаривать на огне коренья. Кгориоинзи подошла к Кагну и бросила его в огонь, но он выскользнул из огня с другой стороны и продолжал поджаривать и есть свои коренья.

И она снова и снова бросала его в огонь, и он только говорил:

— Подожди немного, пока я не покончу с моими кореньями, и я покажу тебе, каков я.

И когда он сделал это, он швырнул ее в огонь в наказание за то, что она убивала людей.

Затем Кагн вернулся обратно к горе, где он оставил мед, который отобрал у орла. Он положил там свои палки² и спустился к реке.

А в воде стоял некий человек по имени Куниси. Он уже давно стоял там — кто-то схватил его за ногу и удерживал в воде еще с зимы. Куниси позвал Кагна, чтобы тот подошел и помог ему.

Кагн пошел помочь ему и сунул в воду руку, чтобы освободить Куниси. Ему удалось сделать это, но рука Кагна оказалась теперь в ловушке. А Куниси, ковыляя, выбрался из воды — нога его онемела, оттого что так долго была зажата чем-то.

— Ну, теперь тебя будут держать тут до зимы! — крикнул Куниси Кагну.

И он пошел туда, где был мед, и выбросил палки³ Кагна. Тут Кагн вспомнил о своем чудесном снадобье и послал его к Когацу спросить совета. А Когац велел ему опустить в воду, возле своей руки, часть одежды.

Кагн так и сделал, и тогда это нечто отпустило его руку и схватило его одежду, а он обрезал край своей одежды и убежал. Кагн собрал свои палки, погнался за Куниси и убил его. А мед он отнес Когацу.

72. О Кагне и женщине, которая прилипла к его спине

Кагн встретил женщину, которая отстала от людей, и подумал, не взять ли ее в жены. И вот Кагн поднял женщину и положил себе на спину, а она прилипла к его спине, как воск. Кагн прислонился к дереву, чтобы соскоблить женщину со своей спины, и она прилипла и к этому дереву тоже, подобно воску.

Наконец он добрался до дома, и его жена Коти стала бранить его — он, великий вождь, подбирает любую женщину, какую только встретит!

Коти вскипятила воды и растопила эту женщину, смыв ее с мужа. Так Кагн от нее освободился.

Кагн задал женщине хорошую взбучку за то, что она прилипла к нему, как воск, и прогнал ее прочь.

73. О Кванцикутшаа и девушке

Кванцикутшаа, вождь, жил обычно один. У него не было жены — женщины не соглашались выходить за него замуж.

Один человек послал маленьких мальчиков за палками для женщин, чтобы те могли выкапывать личинки термитов. А одна из женщин принялась ворчать — мол, у всех прямые палки, а ей досталась кривая.

В эту ночь ей приснилось, будто какой-то бабун пришел взять в жены молодую девушку, которая отказала Кванцикутшаа. На следующий день, когда она отправилась выкапывать личинки, к ней подошел рас-

серженный бабуин — он был тогда рядом, слышал ее слова о палке и подумал, что она смеется над его кривым хвостом.

— Ты зачем ругала меня? — спросил он и стал бросать в нее камнями, а она побежала домой и рассказала этой девушке о своем сне и о том, что сон сбылся. И сказала, чтобы та убежала к Кванцикутшаа.

Девушка погрузилась в землю и вышла наверх в другом месте и снова погрузилась. Три раза она погружалась, а потом поднялась на поверхность и отправилась к жилищу Кванцикутшаа.

Кванцикутшаа убил косулью антилопу и был занят тем, что свеживал ее, как вдруг увидел, что антилопы канна забегали взад и вперед. Кванцикутшаа удивился: что могло их встревожить? Он оставил мясо, а шкуру взял и отправился домой. Там он увидел девушку и спросил ее, зачем она пришла. Она сказала, что боится бабуина.

Кванцикутшаа велел ей принести воды, чтобы смыть кровь со своих рук. Девушка ушла, но в испуге прибежала назад и облила Кванцикутшаа.

— Что такое с тобой? — спросил он.

— Это все из-за страха перед бабуином, — ответила она.

— Почему ты боишься — он твой муж и пришел за тобой из твоего дома? — спросил он.

— Нет, но я прибежала к тебе, потому что боюсь его, — сказала девушка.

Тогда он поднял ее к себе на голову и спрятал у себя в волосах.

Ну а бабуин тем временем пришел к тем людям. Он спросил о девушке, и они сказали, что не знают, где она. Но он учуял по запаху, где она спустилась под землю, и стал ее преследовать, обнюхивая все вокруг. И когда он направился к жилью Кванцикутшаа, антилопы канна встревожились и стали бегать взад и вперед, глядя на него в изумлении.

Он подошел к Кванцикутшаа со своими дубинками и спросил:

— Где моя жена?

— Нет у меня никаких твоих жен! — ответил Кванцикутшаа.

Бабуин набросился на Кванцикутшаа и стал с ним

боротся, но Кванцикутшаа сбил его с ног и избил своей дубинкой. Он прогнал бабуина в горы и сказал ему:

— Отправляйся, ешь скорпионов и коренья, как пристало бабуинам!

Бабуин пошел прочь с воплями, и эти вопли слышали женщины в том месте, откуда он явился,— и все бабуины последовали за ним, они все были изгнаны.

А Кванцикутшаа убил антилопу канна, очистился — ведь бабуины осквернили его — и велел этой девушке отправляться домой и сообщить людям, что он жив.

Юноши хотели взять в жены эту девушку, но она сказала:

— Нет, я никого не люблю, кроме Кванцикутшаа, который спас меня от бабуина.

И юноши возненавидели Кванцикутшаа.

Однажды Кванцикутшаа убил косулью антилопу и положил мясо на огонь, чтобы зажарить. Тогда юноши взяли жир от убитой ими змеи и окропили им это мясо. Кванцикутшаа отрезал кусочек и положил себе в рот — тот выпал. Он отрезал другой кусочек — и он выпал. И на третий раз кусочек выпал, и кровь хлынула у него из носа.

Тогда Кванцикутшаа взял все свои вещи, свое оружие и одежду и закинул их в небо, а сам бросился в реку. На берегу были жилища, и молодые женщины хотели схватить Кванцикутшаа, но он превратился в змею и сказал:

— Нет, это из-за женщины меня убили.

Кванцикутшаа ускользнул от женщин и стал грозить им. Тогда они разбежались. Осталась только одна девушка — та, которую он спас. Она поставила хижину, собрала травы и приготовила чудесное снадобье канна. Кусочки канна она положила в ряд между берегом реки и этой хижинной. И Кванцикутшаа в облике змеи вышел из воды и съел кусочки канна. Потом он вернулся обратно в реку. На следующий день девушка проделала то же самое. А ночью Кванцикутшаа снова вышел и направился к хижине. Он взял циновку, поднялся в небо, взял там свой каросс и спустился вниз. Потом он лег спать на циновке.

Девушка увидела, что Кванцикутшаа побывал в хижине. Она снова разложила кусочки канна и спря-

талась. Вот Кванцикутшаа в облике змеи вышел из воды, поднял голову и огляделся. Потом он выскользнул из змеиной кожи и направился к хижине, подбирая кусочки канна. Когда Кванцикутшаа заснул, она вошла в хижину и быстро всунула еще несколько кусочков канна в рот Кванцикутшаа. Он хотел убежать, но она крепко держала его. Он изнемог и весь дрожал.

— Зачем ты держишь меня? — Ведь это из-за тебя я мертв,— сказал он.

— Это не моя вина. Я люблю тебя, и только тебя одного! — ответила девушка.

Она накрыла его кароссом, подбежала к змеиной коже, окропила ее канна и сожгла. Девушка оставалась в хижине три дня.

И Кванцикутшаа убил антилопу канна, и он сам и его жена очистились. Он велел ей растереть снадобье канна. Она сделала это, и все антилопы канна, которые уже умерли, ожили снова. А ассегаи, которые вонзили в них те люди, так и торчали. Кванцикутшаа вытащил эти ассегаи, и антилопы остались там, где он жил.

Это место было окружено со всех сторон горами и глубокими ущельями. Лишь единственное ущелье вело туда, в нем постоянно висел леденящий туман, так что никто не мог пройти по нему. Все люди остались по ту сторону гор. Они голодали и наконец стали есть палки и умерли.

Но брат Кванцикутшаа проник в это ущелье, когда гнался за антилопой канна, которую он ранил. Кванцикутшаа увидел раненую антилопу канна с застрявшим в ней ассегаем. Все антилопы канна в испуге разбежались. Тут он вышел и увидел своего брата.

И Кванцикутшаа сказал:

— О брат мой, я был отравлен. Ну, теперь ты знаешь, где я живу.

И на следующее утро он убил антилопу канна для своего брата и велел ему отправиться обратно и позвать мать и друзей. Тот так и сделал. Они пришли и рассказали Кванцикутшаа, что остальные люди умерли от голода. И они остались с ним, и повсюду там пахло мясом.

74. Как Цагн дал антилопам их окраску

Однажды сернобык выпил белого меда, который дал ему Цагн. И вот поэтому у сернобыка теперь светлая окраска.

А антилопе каама Цагн дал сотового меда молодых пчел. Соты молодых пчел красные, и антилопа стала красной. Поэтому теперь ее окраска подобна сотам молодых пчел.

Антилопе канна Цагн дал осинового меда, поэтому она темная — ведь она поела осинового меда.

Квагге Цагн дал меда маленьких пчел, поэтому ее окраска темная — ведь она отведала меда маленьких пчел. Так она стала темной.

Антилопа прыгун красная, потому что Цагн отжал для нее соты с молодыми пчелами и она выпила эту жидкость. Если пожевать этих маленьких пчел, они становятся белыми, как молоко. Но они были в своих красных ячейках, и прыгун выпил жидкость, которую отжал для него Цагн из ячеек вместе с пчелами. Поэтому-то он красный.

75. Об антилопе каама и антилопе канна

Антилопа каама и антилопа канна — создание Цагна, поэтому они обладают чудесной силой.

Если Цагн собирается пойти куда-либо, он отправляется вместе с антилопой каама. И наши родители обычно спрашивали нас, разве мы не видим, что голова этой антилопы напоминает голову Цагна? Это потому, что каама принадлежит Цагну, вот ее голова и напоминает голову Цагна¹.

Женщина, у которой маленький ребенок, не должна есть мясо этой антилопы и не должна перепрыгивать через ее голову. Если она это сделает, Цагн надавит на темечко ее ребенка и тот умрет.

И еще наши родители говорили, что женщины, у которых есть маленькие дети, должны вырезать кусочек копыта антилопы каама в его передней части и, продев через него сухожилие, сделать амулет и надеть

его на ребенка. Тогда Цагн почувствует запах антилопы каама, на которой он обычно сидит, и не станет давить на темечко ребенка.

И еще родители говорили, что Цагн имеет обыкновение также сидеть между рогов антилопы канна. Если какой-нибудь человек подстрелит антилопу канна, он не сразу идет домой. Сначала он бродит вокруг так, будто бы он болен; он хочет, чтобы и антилопа канна поступала так же. Он не идет домой, потому что там будут шуметь дети. Он подходит с наветренной стороны, чтобы не чувствовать запах приготавливаемой пищи. Потому что если человек, застреливший антилопу канна, почувствует запах пищи, то его почувствует и антилопа, и тогда она вскочит и убежит.

Когда подстрелят антилопу канна, Цагн всегда приходит и осматривает ее, пока она корчится от боли, а потом он идет по следу человека, который ее подстрелил,— Цагн хочет знать, кто этот человек. Цагн идет к дому этого человека, он заглядывает в его колчаны, осматривает наконечники стрел, находит в колчане окровавленный наконечник и говорит:

— Вот этот человек подстрелил антилопу канна.

И Цагн не дает этому человеку спать, он щиплет его, он не дает ему лежать спокойно — он хочет, чтобы этот человек попытался схватить его, Цагна. Или же Цагн начинает шипеть, как гадюка,— он хочет, чтобы человек испугался и вскочил, и тогда антилопа тоже сможет подняться. Если Цагн видит, что человек бродит вокруг, он идет сказать об этом антилопе канна. Он говорит ей, что человек, который ее подстрелил, не лежит больной, а мечется вокруг.

Цагн не любит, когда убивают антилопу канна. И вот он приходит, щиплет нас за ухо, он хочет, чтобы мы воскликнули:

— Ф-ф-ф! И-и-и!

Потом он идет к антилопе канна, ударяет ее по рогу — и антилопа вскакивает и отправляется пастись. Она чувствует, что ожила, и сделал это Цагн. А ведь она была почти мертвой и не могла есть, она уже окончена, так как в нее попала стрела с ядом.

Затем Цагн отправляется к человеку, который убил антилопу канна. Люди говорят, что он идет, чтобы посмотреть, туго ли натянута тетива его лука, не ослаб-

ла ли она. Потом он забирается человеку в ухо и щиплет его, но он невидим. Люди не видят его, а он мучает их. Он причиняет боль человеку, который подстрелил антилопу канна, потому что хочет, чтобы тот закричал от боли. Тогда Цагн сможет оживить антилопу канна, чтобы она могла подняться. А она уже совсем окоченела, она умирает — ее убивает яд, которым была смочена стрела, выпущенная в нее этим человеком. Яд поражает антилопу, он кусает сердце антилопы и убивает ее.

Рассказывают, что сначала Цагн сделал антилопу канна, а после смерти антилопы канна он сделал антилопу каама. Вот почему он так любит антилопу канна и антилопу каама. Он их горячо любит — ведь он вложил в них свое сердце.

Сернобыка Цагн любит не так сильно, но все же он любит сернобыка. Поэтому когда мы стреляем в сернобыка, вокруг него всегда полно зайцев: они лежат спокойно и не шевелятся, они хотят, чтобы мы их убили. Это зайцы Цагна, он хочет, чтобы мы убили зайцев, а сернобык остался жив.

И если мы убьем зайца, то сернобык спасется. Ведь мы убиваем Цагна — он превращается в зайца, чтобы мы убили его, а сернобык мог спастись.

А однажды Цагн превратился в раненую антилопу каама — он хотел, чтобы люди ее разрезали.

76. Как Цагн сделал антилопу канна (I вариант)

Вот что сделал Цагн однажды: он подобрал кусок сандалии, выброшенный Квамманга, пошел к заросшему тростником водоему и замочил его в воде. Этот кусок сандалии стал антилопой канна. Цагн ушел, а потом пришел снова, подошел и посмотрел. Он увидел, что антилопа была еще мала, и ушел.

Придя снова, он обнаружил по следам, что антилопа вышла из воды, чтобы щипать траву. Тогда он подошел к воде, сел там, на берегу, возле копы антилопы, и стал ждать, а антилопа кормилась, она ела траву. Потом антилопа пришла к воде напиться. Цагн увидел, как антилопа идет, чтобы напиться, и позвал:

— Кусок сандалии Квамманга!

Она шла, а ее отец звал ее, пуская трели,— он подманивал ее, как делают во время охоты на газелей.

Затем Цагн отправился за медом. Он наполнил мешок сотовым медом, принес его и положил у воды. А потом вернулся домой. Он снова отправился туда до восхода солнца, взял мешок, подошел к зарослям тростника, где была антилопа.

Он позвал:

— Кусок сандалии Квамманга!

И антилопа вышла из тростника и подошла к своему отцу. Он положил мешок с медом на землю, вынул соты, сложил их там и стал натирать ребра антилопы кусками сотов и сбрызгивать антилопу водой, пока ее бока не заблестели.

Затем он ушел с мешком, чтобы принести еще меда. Он нарезал медовых сотов, вернулся, оставил мешок возле водоема и ушел домой. Потом он еще раз пришел к водоему, взял мешок, подошел к тому месту, где была антилопа, и вызвал ее из воды. Он позвал:

— Кусок сандалии Квамманга!

Антилопа пугливо стояла в воде, затем она подошла к отцу. Он увидел, что она выросла, и заплакал, лаская ее. Затем он опять натер ее медовыми сотами и ушел, а антилопа вернулась в воду, она плескалась в воде.

Цагн пришел снова только через три ночи, и антилопа выросла за это время, она стала огромной, как бык. Это был самец. Цагн вышел на рассвете, и, когда он подошел к водоему, солнце уже встало. Он позвал антилопу, она встала и вышла к нему — и земля содрогалась под ней, когда она шла. Цагн запел от радости:

Ах, вот он!

Кусок сандалии Квамманга!

Кусок сандалии моего старшего сына!

Кусок сандалии Квамманга!

Кусок сандалии моего старшего сына!

Он пел и натирал антилопу медом. Потом он ушел, он вернулся домой.

На следующее утро он позвал молодого Ихневмона. Он сказал, чтобы тот пошел с ним, но он обманул его, сказав, что они будут вдвоем. И они отправились

и пришли к водоему, а антилопа в это время паслась. Они сели в тени куста, возле которого стоял ассегай антилопы — она обычно оставляла его там.

Цагн хотел обмануть Ихневмона и сказал:

— Молодой Ихневмон, ложись спать!

И молодой Ихневмон улегся, а антилопа пришла на водопой — солнце стояло над головой и было жарко. Молодой Ихневмон лежал, накрывшись с головой кароссом, как велел ему Цагн, но он не спал. И когда антилопа, напившись, вышла из воды, он сказал:

— Эй, постой-ка! Эй, постой-ка! Постой!

Цагн спросил его:

— Что мой брат думает о том, что видит вон там?

И молодой Ихневмон сказал:

— Там кто-то есть, вон он стоит.

Тогда Цагн сказал:

— Ты думаешь, что это колдовство, но это не колдовство, это маленький кусочек сандалии твоего отца, который он выбросил. Это не колдовство.

И они пошли домой.

Молодой Ихневмон рассказал своему отцу Квамманга об этом. Квамманга сказал, что молодой Ихневмон должен повести его туда и показать ему антилопу: он хочет посмотреть, действительно ли антилопа, которую Цагн натирал медом, так красива. Тогда молодой Ихневмон повел туда своего отца. Цагна там не было — он собирался прийти позже.

И вот Ихневмон с отцом пришли к водоему, где была антилопа. Квамманга посмотрел на нее и сбил с ног. Он сбил ее с ног и стал свежевать до прихода Цагна. Цагн еще не появлялся.

Когда же Цагн пришел, он увидел, что Квамманга и все остальные стояли там и резали антилопу.

— Почему ты не подождал, пока я приду? — спросил Цагн.

Он стал оплакивать антилопу, он бранил семью Квамманга, потому что они не подождали его. Ведь он сам должен был сказать им, чтобы они убили антилопу!

А Квамманга сказал молодому Ихневмону:

— Скажи, чтобы дед перестал браниться. Пусть он пойдет и наберет для нас хворосту, чтобы мы могли приготовить еду, — ведь это мясо.

И Цагн отправился, но сказал им, что они не должны были убивать антилопу без него. Он должен был сначала посмотреть на нее, и тогда бы его сердце было спокойно. Ведь это он сделал антилопу, и вот теперь его сердце не спокойно.

Собирая хворост, Цагн заметил на кустах желчный пузырь антилопы. Он сказал, что он проткнет желчный пузырь, подпрыгнет и проткнет. А желчный пузырь ответил:

— А я разорвусь и накрою тебя.

Молодой Ихневмон спросил Цагна:

— Что ты там увидел, почему ты не собираешь хворост?

Цагн набрал вязанку, отнес ее и снова отправился за хворостом. Он пришел туда, где был желчный пузырь. Он подошел к желчному пузырю и снова сказал, что проткнет его, подпрыгнет и проткнет. А желчный пузырь опять ответил, что тогда он разорвется и накроет его. Но Цагн сказал, что он все равно прыгнет и наступит на желчный пузырь — пусть тот разорвется.

Молодой Ихневмон снова стал бранить Цагна. Он сказал:

— Что ты все туда ходишь, что там такое? Ты все ходишь к этому кусту, вместо того чтобы собирать хворост. Видно, ты собираешься устроить какую-нибудь проделку.

А Квамманга сказал Ихневмону:

— Поторопитесь! Зови деда и пойдем. Там лежит желчный пузырь, а дед увидел его. Поэтому поторопитесь. Когда дед ведет себя так, значит, он что-то затевает. Видно, он собирается устроить какую-то проделку с желчным пузырем. Позовите его, и мы сразу же отправимся. Нам надо уйти подальше от того места, где лежит желчный пузырь.— И они стали укладывать мясо в сеть.

Цагн тем временем развязал свою сандалию, положил ее в мешок для стрел и повесил его через плечо вместе с колчаном.

Они направились к дому и несли мясо. По дороге Цагн сказал:

— У меня порвался ремешок, и я потерял сандалию.

Молодой Ихневмон спросил его:

— А ты не выбросил ее?

Но Цагн возразил:

— Нет, нет, сандалия, видно, осталась там, где мы разрезали антилопу. Мне надо вернуться за сандалией.

— Ты, наверное, положил сандалию в мешок. Пошупай-ка, нет ли ее там, в мешке, в самой середине? — сказал молодой Ихневмон.

Цагн стал ощупывать мешок.

— Посмотри, сандалии здесь нет. Мне придется вернуться и подобрать ее. Я, видно, обронил ее там, — сказал он.

Молодой Ихневмон возразил:

— Нет, нам нужно идти, мы должны идти домой.

— Ну, вы идите, а я должен пойти и найти сандалию, — возразил Цагн.

Тогда Квамманга сказал:

— Оставь его! Пусть возвращается и делает, что хочет.

— Хотел бы я, чтобы Цагн хоть раз послушал нас, — сказала молодой Ихневмон.

— Вы всегда ходите домой по этой дороге, я действительно должен пойти за сандалией, — ответил Цагн и повернул обратно. Он побежал к желчному пузырю. Он проткнул пузырь, так что тот порвался. Пузырь разорвался и накрыл голову Цагна. Как Цагн ни тарачил глаза, он ничего не видел. Тогда он стал пробираться ощупью. Он шел ощупью, все шел и шел, нащупывая дорогу, и нашел перо страуса. Цагн поднял перо, обсосал его и смахнул им желчный пузырь со своих глаз.

Затем он подбросил перо вверх и сказал:

— Теперь ты должно лежать наверху, в небе. С этого времени ты должно стать луной. Ты будешь светить ночью и освещать людям путь, пока не взойдет солнце и не осветит землю, чтобы люди могли охотиться. Так же, как и солнце, ты должно давать людям свет. Когда светит солнце, люди пускаются в путь, они отправляются на охоту и возвращаются домой. Ты — луна, ты должна давать свет людям. Ты будешь умирать и снова возвращаться к жизни и светить людям.

Луна так и делает: она исчезает и снова оживает. И она освещает землю.

77. Как Цагн сделал антилопу канна (II вариант)

Цагн положил сандалию Квамманга в воду. А Квамманга, обнаружив пропажу сандалии, спросил о ней свою жену, Дикобраза.

Его жена сказала ему:

— Я не знаю.

Цагн сделал из сандалии Квамманга антилопу канна. Антилопа росла и ела мед, который приносил ей Цагн.

Так Квамманга лишился своей сандалии, но он молчал.

Как-то Цагн отправился навестить антилопу. Но сначала он пошел, нарезал ножом медовых сотов, а затем пошел к зарослям тростника, где была антилопа, и вызвал ее. Он дал ей меда, положив его в углубление в камне. Антилопа поела и снова вернулась в тростники.

Никто не знал, что Цагн отдавал мед антилопе. Он просто говорил, что меда мало. Каждый раз, приходя домой, он заявлял, что меда было мало.

Тогда Квамманга сказал своему сыну, молодому Ихневмону:

— О Ихневмон! Ты должен пойти с дедом и выяснить, почему дед не приносит домой меда.

Квамманга сказал ему:

— О Ихневмон! Притворись, что ты спишь, и накройся кароссом с головой, но сделай в кароссе дыру и смотри в нее. Делай вид, что спишь, а сам смотри.

И Ихневмон отправился вместе с Цагном. Ихневмон сделал все так, как говорил ему его отец Квамманга. Когда они пришли в заросли тростника, он улегся и притворился спящим, а сам подглядывал через дырку в кароссе.

Цагн размочил мед в воде и позвал антилопу. Антилопа выпрыгнула из зарослей тростника. Это была уже большая антилопа. Когда она вышла, Цагн смочил ее шерсть медовой водой и пригладил ее. А Ихневмон лежал там и видел все это, но Цагн знал, что Ихневмон подглядывает.

Тогда Ихневмон вскочил и воскликнул:

— Эй, постой-ка! Значит, вот это сильное животное приходит и пьет медовую воду!

Цагн прогнал антилопу, она ушла в тростники и легла там. А Цагн взял колчан, повесил его через плечо и сказал:

— О Ихневмон! Пойдем домой.

И они отправились. Дорогой он сказал Ихневмону:

— О Ихневмон! Ты глупец!

Но Ихневмон возразил:

— Я не глупец!

Ихневмон пошел и сказал Квамманга:

— О Квамманга! Там в тростниках живет какое-то животное. Оно-то и ест мед. Оно сильное, большое, оно темное.

А Квамманга сказал:

— Это моя сандалия. Отведи меня, я хочу взглянуть на нее.

Цагн собрался уходить и позвал с собой молодого Ихневмона, но молодой Ихневмон не пошел с ним. Они сговаривались все вместе и шептались между собой: Ихневмон, Квамманга и Дикобраз. Дождавшись, когда Цагн ушел, они отправились к тростникам.

Ихневмон сказал Квамманга:

— О Квамманга! Ты должен пойти и срезать мед, отнести его туда и размочить в воде — тогда ты увидишь, что будет.

Квамманга все так и сделал. Он положил мед в воду и позвал антилопу. Ихневмон сказал ему, что Цагн называл ее Сандалия Квамманга. Квамманга назвал ее также. И тогда антилопа выпрыгнула из зарослей тростника. А Ихневмон сказал:

— Ты должен устроить на нее засаду.

Антилопа выбежала и стала пить воду. А пока она пила, Квамманга выстрелил в нее — антилопа подпрыгнула, отскочила в сторону, побежала прочь и упала на землю.

А Цагн тем временем искал мед, и когда нашел его, то увидел, что мед совсем сухой. Он удивился — что такое сегодня с медом? — и заподозрил, что это из-за молодого Ихневмона; видно, он повел туда людей.

— Кажется, будто течет кровь — поэтому мед такой сухой. Обычно мед бывает сочным. Видимо, какая-то опасность угрожает моему дому. Попробую-ка я

еще достать меда, чтобы выяснить, действительно ли пришла беда.

Он пошел в другое место и вырезал кусок медовых сот, но и этот мед был таким же сухим. Тогда он поднял свой колчан, повесил его через плечо и сказал, что пойдет и посмотрит, не сбылось ли его предчувствие.

Цагн пришел к водоему и позвал антилопу, но она не вышла. Тогда он заплакал, слезы полились из его глаз. Потом он встал и стал искать следы антилопы, увидел кровь и снова заплакал. Он накрыл голову кароссом и вернулся домой, плача. Он пошел и улегся, хотя солнце еще стояло высоко. Он был очень сердит, и вот он улегся.

А Квамманга пошел звать гци-йа-кцое:

— Ты, желтая мангуста, и другая, и вот та, вот эта и та, другая,— все гци-йа-кцое! Вас зовет Квамманга!

Все сбежались к мертвой антилопе и стали ее свежевать, а Квамманга отправился домой.

Тогда Цагн встал, взял свой колчан и побежал по следу антилопы. Он добрался до отмели и увидел, как гци-йа-кцое свежуют антилопу. Цагн вынул стрелу — он собирался биться с ними из-за антилопы. Он побежал к ним и выстрелил, но стрела вернулась и прошла как раз над его головой, так что он едва увернулся.

А гци-йа-кцое продолжали спокойно резать антилопу и есть мясо, которое они приготовили. Ведь они знали, что стрелы Цагна не убьют их.

Цагн крикнул:

— В колчане есть еще стрела, я выстрелю, и она поразит вас.

Он подбежал поближе и выстрелил, но стрела вернулась и прошла возле его головы, так что чуть не убила его. Тогда, оставив стрелы, Цагн подбежал к гци-йа-кцое, чтобы бить их дубинкой. Но тут один из гци-йа-кцое выхватил у него из рук дубинку и стал бить его, а затем швырнул Цагна вниз, на рога антилопы. Потом он сказал, чтобы Цагн пошел за хворостом.

Цагн принес хвороста, и гци-йа-кцое разожгли огонь. Цагн опять отправился за хворостом и увидел на кусте желчный пузырь антилопы. Цагн сказал, что он проколет желчный пузырь, который висит на кусте.

А желчный пузырь сказал, что тогда он разорвется и наступит тьма. Цагн согласился. Он проколол желчный пузырь антилопы — и тут же стало темно. Ведь желчный пузырь говорил, что станет темно. Цагн очутился в такой темноте, что не видел ни кустов, ни земли. И он оставался в кустах, потому что не мог выбраться оттуда. Тут его ум подсказал ему, чтобы он снял свою сандалию и бросил ее в небо; пусть она освещает для него землю. И он быстро сорвал с ноги сандалию и, даже не отряхнув ее от пыли, забросил вверх. Потом он сел и стал вглядываться во тьму.

Он увидел гци-йа-кцое, которые стояли и резали в темноте антилопу. Он встал и пошел к ним. Гци-йа-кцое бранили его:

— Это Цагн устроил проделку с желчным пузырем — тьма накрыла солнце.

Цагн сказал им:

— Вы должны светить себе факелом. А мне светит моя сандалия; она теперь в небе, я бросил ее, чтобы она мне светила, и вот теперь я вижу вас, вижу, как вы тут стоите.

Он пошел и, хотя была ночь, увидел и подобрал свой колчан. Цагн подобрал каросс, повесил через плечо колчан и пошел домой. Он все это сделал ночью — ведь ему светила его сандалия.

Ихневмон спросил его:

— О Цагн, это ты так заколдовал желчный пузырь антилопы, что солнце погрузилось во тьму и теперь сияет луна?

Цагн рассказал:

— Солнце ярко сияло. Я очень рассердился на гци-йа-кцое — он поборол меня и ударил дубинкой. Потом я собирал хворост, но я был очень сердит. Я вырыл яму для огня, но я был сердит. Я положил хворост в огонь, но я был сердит. Я положил на хворост камни, потом принес еще хвороста и положил сверху. Я разжег огонь, но я был сердит. Тогда было светло — был полдень. Но я был сердит, и я проколол желчный пузырь антилопы: я хотел, чтобы солнце погрузилось во тьму. И солнце зашло за гору, темнота накрыла землю. Тьма накрыла всех, и гци-йа-кцое тоже, мы все оказались во тьме. Я подумал, быстро сдернул сандалию, подбросил ее вверх и сказал:

— Я — Цагн, и эта моя сандалия должна стать лунной, которая сияет во тьме.

Вот почему луна сияет ночью. Вот почему луна холодная — ведь это кожаная сандалия. Она красная — на ней налипла земля и пыль, по которой ходил Цагн¹.

Солнце греет, потому что это Солнечная Подмышка. Когда светит солнце, люди испытывают жажду и пьют воду. Когда выходит луна, люди разжигают огонь; они ложатся спать. Когда светит солнце, люди стреляют газелей, они охотятся на них. Солнце освещает всю землю, и люди могут охотиться,

78. История о журавлихе

Журавлиха, ее подруга лягушка и муж лягушки — все они были людьми древнего народа.

Муж лягушки сидел и дулся на жену — она не разговаривала с ним. В это время прилетел жук и пролетел как раз мимо его носа. Он вскочил и побежал. А Журавлиха тоже вскочила и побежала за мужем лягушки, чтобы поймать его. Она хотела схватить его, а он вошел в камень; это был плоский камень.

Журавлиха стала искать его, она все ходила и ходила, пока не обнаружила его след, и пошла по следу.

Она сказала:

— Я здесь проходила, я пыталась поймать мужа моей подруги. Я пыталась его схватить, но не смогла: как раз вот в этом месте он вошел в камень.

Тогда она вернулась назад и обнаружила свои же следы.

И она сказала:

— Вот здесь я пробегала, здесь я пыталась схватить мужа моей подруги!

Она отошала, пока искала мужа лягушки. Она так отошала от огорчения, что от нее остались одни кости.

Она ходила-ходила, и ее слышали львы. Их было двое — по имени Пояс и Циновка. Теперь эти львы стали звездами в созвездии Южного Креста.

Львы пошли туда и увидели журавлиху. Они подкрались к ней, убили ее и съели. Когда они ели журавлиху, Циновка сказал:

— О Пояс! Смотри, чтобы человеческая кость не выскочила у тебя изо рта!

Но грудная кость журавлихи, вилочка, выпрыгнула изо рта Пояса и легла поблизости. Львы пытались отыскать ее, но не смогли. И они ушли.

А Цагн разыскивал свою сестру журавлиху. Он увидел следы львов, стал искать дальше и нашел место, где львы убили журавлиху. Он еще искал и заметил лежавшую там вилочку, потому что она была большая. Он поднял ее, пошел и положил в воду. А потом пошел домой и оставался возле хижин.

Спустя некоторое время он вышел и пошел к тому месту в воде. Журавлиха вскочила и стала плескаться в воде. Тогда Цагн повернул назад, пошел домой и остался там.

Он пошел поглядеть на нее еще раз. Когда он подошел, то увидел, что журавлиха сидит на солнце, она уже выросла. Он повернул назад, чтобы не потревожить ее. Он решил сделать для нее одежду, чтобы дать ей, когда она совсем вырастет.

Снова Цагн пришел поглядеть на нее и опять увидел, что она сидит на солнце. Он оставил ее и повернул назад: он не хотел тревожить журавлиху.

Когда Цагн решил, что журавлиха уже выросла и стала девушкой, он взял одежду для нее и пошел. Он увидел, что журавлиха сидит и греется на солнце. Он положил на землю вещи и подкрался к ней. Журавлиха попыталась убежать в воду, но он схватил ее и натирал ее лицо своим потом — пусть она почувствует его запах. Цагн сказал журавлихе, что он ее брат. Это он, Трутница¹, держит ее, он ее старший брат, и она должна перестать отбиваться.

Тогда журавлиха села. А он надел на нее шапку, которую сделал для нее, каросс и кожаный передник. Журавлиха надела каросс и завязала передник. Цагн забрал журавлиху с собой, и они вернулись домой.

79. Вонючий Рот, журавлиха и девочки

Вонючий Рот, журавлиха и девочки — все это люди древнего народа. Журавлиха была старшей сестрой Цагна.

Как-то девочки древнего народа отправились на поиски пищи, и журавлиха отправилась с ними: когда девочки куда-нибудь шли, их всегда сопровождала старая женщина, а другая старая женщина оставалась дома.

Девочки решили укрыться в тени зонтичного дерева и просеять личинки термитов, которые они выкопали.

А на вершине этого дерева лежал Вонючий Рот. А девочки сидели под деревом, на котором лежал Вонючий Рот, и просеивали личинки.

Тут к ним подошла журавлиха. Она выкапывала личинки, а потом села рядом с девочками. Вдруг Вонючий Рот икнул, и журавлиха воскликнула:

— Хм, хм, ну и гадость! Что это здесь так воняет гнилью?!

А девочки молчали, потому что они увидели на вершине дерева Вонючий Рот.

Вонючий Рот икнул снова.

— Ну и гадость! Что это так отвратительно пахнет? — снова сказала журавлиха.

Девочки продолжали просеивать личинки, потом одни из них ушли, а другие все еще просеивали. Затем они положили личинки в свои мешки, и еще несколько девочек ушло. Тогда журавлиха спросила:

— Почему вы меня не подождете?

Тут ушла еще одна девочка, а потом еще одна взрослая девушка встала и пошла, а журавлиха все еще собирала в мешок муравьиные яйца. А Вонючий Рот лежал на дереве, потому что журавлиха еще оставалась там.

Затем журавлиха встала и пошла, и тогда Вонючий Рот спустился с дерева и пробежал мимо нее. Она воскликнула:

— О Вонючий Рот! Я иду, я иду, я иду, я иду! А-а-а-а!

Журавлиха взмахнула крыльями и обогнала Вонючий Рот, она прикрыла девушку своим телом. А Вонючий Рот вонзил в нее свое копьё. Она лежала на спине, как будто умирала. А Вонючий Рот вытащил копьё и пошел дальше, оставив ее лежать там.

Когда он ушел, журавлиха встала и опять обогнала Вонючий Рот.

— О Вонючий Рот! Я иду, я иду, я иду, я иду!
А-а-а-а! — воскликнула она.

Журавлиха прикрыла девушку. Вонючий Рот вонзил ей в спину копьё. Журавлиха лежала, как умирающая.

Он вытащил копьё и пошел дальше, а она осталась лежать там и смотрела на него.

Когда он ушел, журавлиха снова поднялась и воскликнула:

— О Вонючий Рот! Я иду, я иду, я иду, я иду!
А-а-а-а!

И она распростерла свои крылья над девушкой, а девушка побежала под прикрытием ее крыльев. Но девушка не могла бежать быстро — ведь она была уже взрослой. Вонючий Рот рассердился на журавлиху и отрезал ей одно крыло и отбросил его, потом он отрезал ей другое крыло и отбросил его. Затем он пошел дальше.

Но крылья журавлихи стали на свои места и она воскликнула:

— О Вонючий Рот! Я иду, я иду, я иду, я иду! А-а-а-а! — И она распростерла свои крылья над девушкой.

Вонючий Рот ударил журавлиху копьём в спину, он отрезал ей крыло и отшвырнул его, он отрезал ей голову и отбросил ее. Затем он пошел дальше.

А голова журавлихи снова приросла к шее. Журавлиха встала и воскликнула:

— О Вонючий Рот! Я иду, я иду, я иду, я иду!
А-а-а-а! — И она снова прикрыла девушку крыльями.

Вонючий Рот ударил журавлиху копьём, потом быстро выдернул копьё и пошел обратно — ведь хижины были уже близко.

А журавлиха поднялась и пошла за ним. Она воскликнула:

— О Вонючий Рот! Ударь меня копьём в сердце!
Вонючий Рот продолжал идти, он был сердит.

Журавлиха стала просить:

— О Вонючий Рот! Ударь меня копьём! Ты что, не видишь, что я здесь?! Дай мне копьё, и я сама ударю тебя!

Журавлиха схватила копьё, чтобы ударить его, но Вонючий Рот вырвал копьё. Он вырвал у нее свое копьё, и тогда она повернула обратно и пошла домой.

А он отправился к тому зонтичному дереву, с вершины которого спустился.

Между тем дома люди увидели, что дети возвращаются. Сначала они увидели тех, кто шел впереди. Люди закричали, заплакали, потому что Вонючий Рот хотел убить детей.

Люди говорили:

— Послушайте! Разве бабушка-журавлиха не пошла вместе с детьми? Ведь она должна быть вместе с детьми!

80. Гхауну-Тсацау, сын Цагна, бабуины и Цагн

Как-то сын Цагна Гхауну-Тсацау отправился принести палок¹ для своего отца, чтобы тот мог целиться в людей, которые сидят на пятках. По дороге он встретил бабуинов. Один старый бабуин, проходивший мимо, спросил Гхауну-Тсацау, что он тут делает. Тот рассказал, что должен принести отцу палок, чтобы он мог целиться в людей, которые сидят на пятках.

Тогда бабуин воскликнул:

— Скорее идите сюда, послушайте этого мальчика! Скорее идите сюда, послушайте этого мальчика.

А другой отозвался:

Сейчас я приду
И послушаю
Этого мальчика.
Сейчас я приду
И послушаю
Этого мальчика.

Он подошел к ним и спросил:

— Что говорит этот мальчик?

Гхауну-Тсацау повторил:

— Я должен принести палки для отца, чтобы он мог целиться в людей, которые сидят на пятках.

Тогда бабуин сказал:

— Скажи-ка вот тому старику, чтобы он пришел послушать этого мальчика.

Другой бабуин крикнул:

— Скорее иди и послушай этого мальчика!

И тот откликнулся:

Сейчас я приду
И послушаю
Этого мальчика.

Он подошел к ним и спросил:

— Что говорит этот мальчик?

— Этот мальчик говорит, что собирается набрать палок для своего отца, чтобы тот мог целиться в людей, которые сидят на пятках,— ответили ему.

Услышав это, бабуин сказал:

— Скажи-ка вон тому старику, чтобы он подошел и послушал этого мальчика.

Тогда другой бабуин позвал:

— О ты, идущий там впереди! Приходи послушать этого мальчика.

Тот ответил:

Сейчас я приду
И послушаю
Этого мальчика.

Он подошел к ним и спросил:

— Ну, что говорит этот мальчик?

— Он говорит, что хочет достать палок для своего отца, чтобы тот мог целиться в людей, которые сидят на пятках,— ответили ему.

И тогда этот бабуин воскликнул:

— Эти люди — мы! Скажите вот тому старику, что он должен подойти и послушать этого мальчика.

Они позвали:

— Эй, подойди-ка, послушай этого мальчика!

И он отозвался:

Сейчас я приду
И послушаю
Этого мальчика.

Он присоединился к ним и спросил:

— Ну, что говорит этот мальчик?

— Он говорит, что хочет достать палок для отца, чтобы тот мог целиться в людей, которые сидят на пятках.

И тогда этот бабуин усмехнулся и воскликнул:

— Ого! Это же о нас! Побыстрее идите и скажите

вон тому старику, чтобы он пришел послушать этого мальчика.

Один из них позвал:

— О ты, идущий там впереди! Приходи послушать этого мальчика.

Тот отозвался:

Сейчас я приду
И послушаю
Этого мальчика.

И он подошел к ним и спросил:

— Так что говорит этот мальчик?

— Он говорит, что хочет достать палок для своего отца, чтобы тот мог целиться в людей, сидящих на пятаках,— ответили ему.

Услышав это, старый бабуин — а был он очень мудрый — сказал:

— Что?! Это же относится к нам! Надо избить этого мальчика.

И вот они стали бить Гхауну-Тсацау, они били его кулаками и разбили ему голову. А один ударил и кулаком выбил ему глаз, так что глаз выскочил и покатился. Тогда этот бабуин воскликнул:

— Это мой мяч, мой мяч!

И они стали играть с глазом, а мальчик умер и лежал недвижим.

Они играли в мяч и пели.

Один бабуин пел:

Мой мяч,
Это мой мяч,
Брось его мне.

Другой пел:

Это мяч моего товарища,
Брось его мне.

Третий пел:

Это мяч моего товарища,
Брось его мне.

Брось и мне!
Чей это мяч?

Брось и мне!
Чей это мяч?
Брось и мне!

А другие бабуины отвечали:

Это мяч моего товарища,
Брось его мне!
Это мяч моего товарища,
Брось его мне!

Так они пели и играли глазом мальчика.

А Цагн все ждал сына. В полдень он прилег, и вот он увидел во сне, что бабуины убили мальчика и сделали мяч из его глаза и что сам он пошел к бабуинам, а те играли в мяч глазом мальчика.

Цагн проснулся, взял колчан, повесил его через плечо и сказал:

— Гремите, стрелы, гремите, стрелы!

Он всегда так говорил: «Гремите, стрелы!» — и стрелы в колчане гремели.

Приблизившись, он увидел облако пыли — это бабуины играли в мяч. Тогда Цагн заплакал: он понял, что бабуины действительно убили мальчика, а теперь играют в мяч его глазом. Но он быстро отер слезы и замолчал: он не хотел, чтобы бабуины заметили слезы у него на глазах, заметили, что он плакал, что его глаза в слезах. В его глазах не должно было быть слез — ведь ему нужно было присоединиться к игре бабуинов. И он побежал к ним.

Бабуины в изумлении уставились на него — ведь они не видели его раньше. А Цагн, пока они на него пялились, подбежал к ним, положил свой колчан, снял каросс и положил его рядом, вытащил из своего мешка кисточку из перьев, встряхнул и стал играть ею с мячом.

И он крикнул бабуинам: что это они на него уставились и не играют в мяч и не бросают ему мяча?

Бабуины переглянулись: они заподозрили, что Цагн говорит так неспроста. А он на лету перехватил мяч, который один из бабуинов бросил другому. И глаз мальчика вздрогнул, почувствовав запах отца, и стал носиться вокруг, а бабуины не могли его поймать, как они ни пытались.

Наконец один бабуин схватил мяч и бросил другому, но тут Цагн подпрыгнул, перехватил глаз мальчика и завладел им. Он обмазал его потом своих подмышек, затем бросил глаз бабуинам, а глаз поднялся в небо и летал там, и бабуины смотрели, как он носится высоко в небе.

Вот глаз мальчика остановился над колчаном и как будто бы перепрыгнул через колчан, а на самом деле он вскочил в мешок, который был привязан к колчану сбоку. И вот глаз очутился в мешке, а на этот мешок Цагн положил свой лук.

Бабуины стали искать мяч, и Цагн также искал вместе с ними. Бабуины долго искали глаз мальчика, а затем сказали Цагну:

— Отдай мяч нашему товарищу!

А бабуин, которому принадлежал мяч, сказал:

— Отдай мне мой мяч!

Цагн ответил:

— Смотрите, у меня нет мяча!

Но бабуины настаивали:

— Отдай мяч нашего товарища!

А бабуин, которому принадлежал мяч, сказал:

— Отдай мне мяч!

Потом бабуины велели Цагну вытрясти мешок — им показалось, что мяч в мешке. Цагн схватил глаз мальчика, зажал его в руке и вытряхнул мешок, вывернув его наизнанку:

— Смотрите же, смотрите! — воскликнул он. — Мяча там нет.

Тут один бабуин крикнул:

— Изобьем старика!

А другой закричал:

— Отдай мяч моего товарища! — и ударил Цагна по голове.

Цагн крикнул:

— Я не брал мяча! — и ударил бабуина по голове.

Тут все бабуины бросились бить Цагна по голове кулаками, и, хотя Цагн отбивался, ему пришлось плохо. Тогда он крикнул, обращаясь к своему мешку, сделанному из шкур молодых антилоп:

— О дети антилопы, уходите!

Потом он позвал другие свои вещи и тоже сказал им:

— Уходите!

Бабуины увидели, как Цагн поднялся в воздух, взлетел и полетел к воде² и нырнул. Затем Цагн вышел из воды и сел. Он ощупал мешок и вынул из него глаз мальчика. Он взял его, пошел к траве, которая росла на крутом берегу, и сел там. Цагн засунул указательный палец правой руки в рот, за левую щеку, а затем рывком вытащил палец изо рта. Глаз был зажат в ладони правой руки остальными пальцами. Он положил глаз в воду и воскликнул:

— О-вви-о! Ты должен вырасти и стать таким же, каким был.

Цагн взял свой каросс, перебросил его через плечо, повесил на плечо колчан и отправился домой.

Увидев Цагна, его внук, молодой Ихневмон, воскликнул:

— Кто же это избил моего деда Цагна? Ведь он весь изранен!

— Бабуины убили Гхауну-Тсацау,— ответил Цагн. Он говорил медленно и печально:

— Я пошел к ним, а они играли в мяч глазом мальчика. Я пошел, чтобы поиграть в мяч с ними. Потом глаз мальчика исчез, бабуины сказали, что он у меня. Они стали бороться со мной, и я боролся с ними, а потом я улетел.

Тогда отец Ихневмона, Квамманга, сказал Ихневмону:

— Я хочу, чтобы ты спросил деда, почему это дед все ходит к чужакам.

— Ты что, не понимаешь, что я пошел к ним от тоски,— ответил Цагн.

И он не сказал ни Квамманга, ни другим, что он положил глаз сына в воду.

Цагн оставался дома, а затем пошел к воде, к тому месту, где оставил глаз. Когда он приблизился, то стал ступать очень осторожно, стараясь не производить ни малейшего шума, но мальчик все же услышал его. Он вскочил и бултыхнулся в воду. Цагн рассмеялся и, хотя душа его стремилась к сыну, вернулся.

Мальчик вырос, он стал таким, каким был прежде. А Цагн снова отправился его проведать. Он шел и смотрел вокруг, и вот издали он увидел, что мальчик

сидит на солнце. А Гхауну-Тсацау услышал шум его шагов, вскочил и вошел в воду. Цагн постоял, посмотрел и вернулся обратно. Он сделал для сына передник и другую одежду. Он спрятал все в мешок и снова пошел к мальчику. Теперь он подходил очень тихо и осторожно. Приблизившись, он увидел, что сын лежит на солнце у воды. И вот он очень тихо подошел, но мальчик услышал его шаги и хотел вскочить. А Цагн тогда прыгнул и схватил сына. Он смазал его своим потом, чтобы на мальчика перешел его запах, а затем сказал:

— Почему ты боишься меня? Я — твой отец. Я — Цагн, а ты — мой сын, ты — Гхауну-Тсацау. Ты — мой сын, а я — твой отец; твой отец — это я.

Услышав это, мальчик сел, а Цагн вынул передник и другую одежду и надел на него. Затем он вместе с сыном отправился домой.

Тогда молодой Ихневмон воскликнул:

— Кто это идет там с Цагном?

Квамманга ответил:

— Ты ведь слышал, как дед говорил, что он ходил к бабуинам, когда они играли в мяч глазом его сына? Должно быть, он разыграл нас — вон его сын идет там с ним!

Тем временем Цагн с сыном пришли домой.

— Почему мой дед Цагн сказал, что бабуины убили мальчика? Ведь мальчик здесь! — спросил молодой Ихневмон.

Цагн ответил:

— Разве ты не видишь, как он еще слаб? Я положил его глаз в воду и ждал, пока он оживет. Он вышел из воды, но ты же видишь, что он еще очень слаб. Поэтому я должен заботиться о нем, пока он не окрепнет.

81. Как Цагн превратился в антилопу каама

Дети отправились собирать тскуи, а Цагн забежал вперед и, чтобы обмануть детей, принял вид мертвой антилопы каама. Он лежал, вытянувшись и откинув рога, и дети заметили его. Они сказали друг другу:

— Вон там лежит антилопа, она мертвая.

Дети запрыгали от радости и закричали:

— Это наша антилопа! Мы вдоволь наедемся мяса!

Они сделали каменные ножи, отбив от камней острые обломки, и освеживали антилопу. Но шкура Цагна вырывалась из рук детей. Они говорили друг другу:

— Крепче держи шкуру антилопы!

Одна девочка сказала:

— Шкура антилопы наскакивает на меня.

Ее старшая сестра заметила:

— Кажется, у этой антилопы нет раны, нанесенной людьми. Не похоже, что в нее стреляли из лука. Наверное, она умерла своей смертью. Хотя эта антилопа жирная, но у нее нет стреляной раны.

Старшая сестра отрезала у антилопы одну лопатку и положила ее на куст. Лопатка антилопы сама поднялась и уселась на другой стороне куста, разместившись там поудобнее. Затем девочка отрезала ногу антилопы и положила ее на куст, а нога сама расположилась на кусте, как ей было удобно. Девочка отрезала у антилопы другую лопатку и положила ее на другой куст. Но и эта лопатка поднялась и уселась там, где было больше листьев, — девочка положила ее на колкое место.

Другая сестра отрезала вторую ногу антилопы, и все повторилось снова.

— Мясо этой антилопы как живое. Оно вырывается из наших рук. Подумайте, оно само размещается поудобнее! Мы ее разрезали, а теперь давайте отнесем ее домой. Нам пора возвращаться, — решили девочки.

Они стали распределять между собой поклажу. Одна из девочек сказала другой:

— Перережь антилопе шею, и пусть младшая сестра несет голову антилопы, а та, постарше, что сидит вон там, сможет нести спину антилопы.

И они подняли каждая свой груз и сказали младшей девочке:

— Ты носи голову антилопы, а дома отец поджарит ее для тебя.

Девочка закинула на плечо голову антилопы, но она оказалась такой тяжелой, что перевесила, и де-

вочка опрокинулась на спину. Тогда она позвала своих сестер:

— Помогите мне подняться: голова этой антилопы очень тяжелая!

Сестры, поддерживая ее, помогли ей подняться, и они отправились домой.

По дороге голова антилопы соскользнула вниз, потому что Цагн хотел спуститься на землю. Но девочка поправила свою ношу, подтянув ремень, который помогал ей удерживать груз. Тут голова антилопы, чуть повернувшись, сдвинула ремень со своего глаза и шепотом сказала девочке:

— О дитя, ремень попал мне прямо на глаз. Отдвинь-ка его, а то он закрывает мне глаза.

Девочка обернулась, а Цагн подмигнул ей. Тогда девочка захныкала, а ее старшая сестра оглянулась и сказала:

— Иди побыстрее, мы возвращаемся домой.

Девочка воскликнула:

— Голова этой антилопы умеет разговаривать!

Старшая сестра стала ее бранить:

— Ах ты лгунья! Иди вперед, не отставай от нас. Ты ведь придумала это про голову антилопы?

— Но это правда! Голова антилопы лежит у меня за спиной и смотрит, антилопа подмигивает мне, она просит, чтобы я сдвинула ремень с ее глаза,— ответила девочка.

Она опять обернулась и посмотрела на голову антилопы, а та моргнула. Девочка сказала своей старшей сестре:

— Наверное, голова антилопы живая, раз она моргает.

Девочка пошла дальше, но она ослабила ремень, который поддерживал голову антилопы, и та упала на землю. А Цагн стал ее ругать за то, что она так обошлась с его головой:

— О! О! Моя голова! Ты ушибла мою голову, скверная девчонка!

Тут сестры девочки выронили мясо, и части тела Цагна, прыгая, быстро соединились: голова Цагна срослась с шеей, шея — с верхней частью спинного хребта, верхняя часть хребта — со спиной. Нога Цагна прыгнула вперед и приросла к спине. Другая нога

подбежала с другой стороны и тоже приросла к спине. Грудь побежала и заняла свое место. Лопатка Цагна тоже срослась с ребрами. И другая лопатка подбежала и стала на место, а ребра срослись.

Дети бросились бежать. А Цагн вскочил с земли и погнался за детьми. Голова его стала круглой, так как он превратился в человека. Он быстро бежал за детьми и на бегу двигал левым плечом, потому что был левшой. Но когда дети добрались до дома, Цагн быстро повернулся и, двигая плечом, спустился к реке. Он с шумом двигался вдоль русла реки, загребая песок сандалиями, а потом выбрался оттуда и снова вернулся, пройдя перед домом.

А дети рассказывали дома:

— Мы шли и увидели антилопу каама, она была мертвой. Мы разрезали ее, и ее мясо все время трепетало, как живое, а потом вырвалось из наших рук. Оно само расположилось поудобнее на кустах, а голова антилопы, пока ее несли, шепотом разговаривала. Вот эта девочка, что сидит тут, несла ее, и голова антилопы разговаривала за ее спиной.

Девочка сказала отцу:

— О отец, ты, кажется, не веришь, что голова антилопы говорила со мной? Пока я шла и несла ее, голова антилопы все смотрела мне в затылок, а затем сказала, что я должна сдвинуть ремень с ее глаза.

— Уж не разрезали ли вы старика Цагна, который притворился мертвым и улегся там, у вас на пути? — сказал отец.

Дети ответили:

— Мы думали, что это антилопа каама, у нее были рога антилопы каама, у нее была шкура антилопы каама. Но у этой антилопы не было раны от стрелы, и она разговаривала! Она разговаривала вот с этой девочкой, и та нам потом об этом сказала. Тогда мы бросили мясо антилопы и кинулись бежать изо всех сил, закинув свои кароссы за плечи, чтобы они нам не мешали. А когда мы бросили мясо антилопы, куски соединились и срослись.

И вот он вскочил и погнался за нами, быстро двигая руками. Шкура, которая была на нем раньше, исчезла, а его тело стало красным. Он бежал, размахивая руками, как человек, а когда увидел, что мы до-

бежали до дома, он двинулся в обход. Он побежал так, что только замелькали белые подметки его сандалий, он бежал быстрее ветра, и солнце сверкало на его подошвах. Он бежал изо всех сил и спустился в русло реки, а затем, подбирая хворост, вышел оттуда и прошел вон за тем холмом. А теперь он сидит там, у себя дома, добившись своего — он заставил-таки нас побегать. Ведь мы разрезали его ножами, когда он — подумать только! — улегся перед нами, притворившись мертвым.

Родители сказали детям:

— Ну, конечно же, вы разрезали старого Хозяина трутницы¹.

А дети сказали отцам:

— Он обежал вокруг, он бежал очень быстро. Он, видно, решил перебраться на тот холмик, увидев, что мы уже добрались до дома. Мы устали, убегая от него, пока он гнался за нами, быстро двигая руками. Он для того все это затеял, чтобы мы устали. Он нарочно улегся, притворившись мертвым, чтобы мы его заметили, а потом несли его. И когда вот эта девочка несла его голову, он все смотрел на нее, а потом стал моргать и разговаривать. Теперь же мы так устали, что наши сердца разрываются. Мы больше не пойдем искать пищу, мы все останемся дома.

82. Цагн и Неуловимый

Цагн встретил Неуловимого и спросил, откуда тот идет. Неуловимый сказал, что он охотился поблизости. И пока Неуловимый отвечал ему, Цагн быстро положил на землю свой колчан, вытащил дубинку и стал искать у Неуловимого глаза. Он оглядывал его сверху донизу, ходил вокруг и все искал, где у него глаза.

Наконец Цагн спросил Неуловимого, где же у него глаза.

Неуловимый сказал ему, что у него нет глаз. А Цагн спросил, как же тогда он может ходить повсюду так, будто у него есть глаза. Затем Цагн замахнулся на него дубинкой, но Неуловимый увернулся.

И Цагн спросил:

— Ну а почему ты отпрыгнул в сторону, когда я на тебя замахнулся? Похоже, что у тебя все же есть глаза и ты увидел, что я собирался тебя ударить.

И Цагн опять стал его внимательно рассматривать. Опять он его оглядывал и искал, где у него глаза. Цагн сказал Неуловимому, что собирается с ним бороться. А тот ответил, что он согласен с ним бороться, если Цагн этого хочет.

И вот Цагн замахнулся дубинкой, а Неуловимый увернулся. Тогда Цагн сказал Неуловимому, что, должно быть, он где-то прячет свои глаза, ведь иначе он не мог бы увертываться, как человек, у которого есть глаза.

Затем Цагн набросился на него, но он отскочил, пригнувшись, и Цагн ударил по земле, а Неуловимый стоял в сторонке. Тогда Цагн спросил его, не колдун ли он — Цагн не мог понять, почему он не видит его глаз. Неуловимый сказал, что у него нет глаз. Когда же Цагн ударил его, Неуловимый увернулся от его дубинки. Он вел себя так, как человек, у которого есть глаза.

Затем Неуловимый сказал:

— Теперь моя очередь, — и он вытащил дубинку.

— Ты сказал мне неправду, когда уверял меня только что, что у тебя нет глаз. Ну, где же твои глаза, с помощью которых ты собираешься со мной бороться? — сказал Цагн.

Неуловимый хотел ударить Цагна, но Цагн отбил удар. Потом Неуловимый все же ударил его.

— Ты говоришь, что у тебя нет глаз, как же ты попал мне по голове?! — спросил Цагн.

Цагн снова бросился на него, но он увернулся, пригнувшись, и удар Цагна пришелся по земле. А Неуловимый ударил Цагна по голове, разбил ему голову и ударил его снова. Тогда Цагн отпрыгнул в сторону и побежал — он почувствовал, что больше не сможет этого выдержать.

Цагн позвал свой колчан и сандалии, чтобы его вещи последовали за ним домой. Вещи пришли за ним домой.

Квамманга спросил его:

— С кем это ты боролся, кто разбил тебе голову?

И он ответил:

— Я встретил Неуловимого, и это он так меня от-делал. Я искал его глаза — не знаю, где они могут быть. Я хотел побить его и сбить с ног, а он разбил мне голову.

А Квамманга сказал ему, что глаза Неуловимого должны быть у него на ногах, между большим пальцем и следующим. Тогда Цагн сказал, что хочет вернуться и снова встретиться с Неуловимым.

Квамманга спросил:

— Почему, кого бы ты ни встретил, ты непременно хочешь с ним бороться? Сначала поспи немного, а потом отыщешь Неуловимого и будешь с ним бороться, если ты действительно этого хочешь.

— А как мне его побороть? — спросил Цагн.

— Ты хочешь побороть Неуловимого, а сам не знаешь, как поступают с ним, — сказал Квамманга.

Цагн признался, что не знает, как побороть Неуловимого.

Тогда Квамманга сказал:

— Когда ты его увидишь, замахнись дубинкой и посмотри, увернется ли он, как прежде. Затем взгляни на его ноги и увидишь, что его глаза выглядывают у него между пальцев. Тогда швырни ногой пыль в его глаза и, пока он будет сидеть и протирать глаза, бей его по голове.

Утром Цагн отправился и вскоре увидел Неуловимого и побежал к нему. Затем он швырнул ему в глаза пыль, и, пока он протирал свои глаза, Цагн подпрыгнул, ударил его по голове и разбил ее.

— Это Квамманга рассказал тебе обо мне? Иначе ты не разбил бы мне голову! — сказал Неуловимый.

Цагн ответил:

— Ты лжешь, я всегда знал о тебе. Я просто хотел проверить, действительно ли ты так хитер, поэтому я позволил тебе разбить мою голову. Но на этот раз ты попался. И теперь я разобью твою голову. Кажется, ты вообразил, что ты действительно такой сильный, что можешь разбить мне голову, но я могу тебя побороть. А потом я возьму твои вещи и покажу их Квамманга, потому что он не поверит мне, если я просто скажу, что встретился с тобой.

Неуловимый сказал:

— Возвращайся, иди и расскажи ему, что ты по-

борол меня. Ты-то знаешь, что это Квамманга рассказал тебе, как можно меня побороть, потому что ты не дрался бы со мной так, если бы не узнал.

Но Цагн ответил, что он всегда знал это. Просто он в тот день видел плохой сон.

— Вот почему тебе удалось разбить мне голову. Ты бы не смог побить меня, если бы я тогда не увидел плохой сон.

— Почему же ты с самого начала не боролся со мной так, как ты борешься сейчас? Нет, похоже, что ты действительно не знал. Ведь если бы ты знал, то побил бы меня в прошлый раз, когда мы с тобой впервые встретились,— сказал Неуловимый.

Цагн ответил, что на самом деле он знал и в прошлый раз. Все дело в том, что он видел плохой сон, поэтому он плохо боролся. Обычно он так не борется.

А Неуловимый спросил:

— А кто сказал тебе, что у меня есть глаза?

— Никто мне не говорил, я сам всегда знал, что у тебя есть глаза.

— Это Квамманга сказал тебе, как можно меня побороть. Я знаю, что ты глупец, и ты не знал, как меня побороть,— возразил Неуловимый.

А Цагн ответил:

— Разве я ребенок, что Квамманга должен учить меня? Я не ребенок, чтобы он учил меня, и я умный. Я взрослый, я хитрый и умный.

Но Неуловимый повторил:

— Кто-то сказал тебе, что мои глаза находятся на ногах, между пальцами. Ты вел себя так, будто кто-то рассказал тебе об этом. Я понял это по твоей походке, когда ты вышел из дома. Ты шел не так, как в прошлый раз, когда мы встретились впервые. Похоже было, что ты радуешься, потому что думаешь, что тебе удастся побить меня. Ты шел быстро — ты знал, что нужно делать, чтобы побить меня.

83. Цагн и кот

Цагн поднялся утром и вышел. Он был сердит. Он шел, сердитый. Он встретил кота, который шел напевая. Кот пел о том, как рысь смеялась над ним из-за

того, что он не может бегать так быстро, как она. Так пел кот и шел своей дорогой. Цагн побежал к нему навстречу и спросил:

— О чем это ты поешь?

Кот ответил:

— Ни о чем.

Цагн возразил:

— У тебя дрожит голова — так, будто ты поешь!

Кот сказал:

— У тебя на глазах бородавки! Я ударю тебя по голове и разобью ее!

А Цагн ответил:

— О кот! Бей меня по голове, а я ударю тебя по голове!

Тут кот ударил Цагна по голове, и Цагн отступил. Затем Цагн ударил кота по голове, и кот отступил и спрятал голову в землю. Тогда Цагн ударил кота по хвосту. А кот поднялся и ударил Цагна по голове. Цагн отступил и ударил кота по голове, а кот отступил и спрятал голову в землю. Тогда Цагн ударил кота по хвосту — только хвост и был виден, а голова кота оставалась под землей. А кот ударил Цагна по голове и разбил ее.

Цагн быстро достал перья и улетел. Он позвал мешок из шкуры антилопы каама:

— О дети антилопы каама, уходите отсюда, я улетаю!

Мешок из шкуры антилопы каама сказал:

— Мы последуем за тобой!

Сандалии сказали:

— Да-да, мы последуем за тобой, так как это сказал ты, Цагн.

Колчан сказал:

— Мы отправимся вслед за тобой!

Шапка сказала:

— О каросс, давай и мы пойдем!

Лук сказал:

— О палка, мы должны последовать за Цагном, раз Цагн говорит так.

Они побежали.

А Цагн летел, он влетел в воду и стал плескаться в воде, потом он выскочил из воды. Он радовался:

— Цагн сделал это!

Его вещи пробежали мимо водоема. Цагн быстро окликнул их, он сказал:

— Ложитесь здесь поскорее, вон там наш дом, и Ихневмон будет смеяться над вами. Вы должны скорее лечь здесь, и я вас понесу.

Колчан сказал:

— Цагн бросил нас, мы должны идти домой.

Сандалии сказали:

— Нет, мы должны лечь и подождать Цагна.

Сандалии так и сделали, они ждали Цагна.

— Кто может со мной сравниться? Мое имя — Цагн! — хвастался Цагн.

Он пошел вперед. Он медленно подошел к хижине, так как хромал. Затем он сел.

Ихневмон спросил:

— Кто ударил Цагна палкой по голове?

— Это кот ударил меня по голове! — ответил Цагн.

— О Цагн! Мы всегда делаем вид, что хотим ударить кота по голове, и тогда кот прячет голову в землю, а мы смотрим, где его голова, и тогда бьем по ней и разбиваем ее, — сказал Ихневмон.

— О Ихневмон! Продолжай, ты должен еще рассказать мне об этом, не уходи спать. Скоро рассветет, а рано утром я опять пойду на поиски кота и разобью ему голову, — ответил Цагн.

Вскоре рассвело, и Ихневмон сказал:

— О Цагн! Я пойду спать, а ты должен отыскать след.

Цагн выбежал из дома, он побежал искать кота. И вот он увидел кота. Тот шел и распевал. Цагн побежал ему навстречу. Кот остановился. Цагн сделал вид, что хочет его ударить, и кот быстро сунул голову в землю.

Цагн увидел, где его голова, ударил прямо по ней и попал. Потом он спросил кота, не отдаст ли тот ему свою голову.

Тогда кот поднялся и сказал:

— Это Ихневмон рассказал тебе об этом, иначе ты не нашел бы мою голову.

Цагн сказал:

— Ты лжешь, я просто забыл.

— Ты не забыл, это Ихневмон сказал тебе, — ответил кот.

— Это неправда! Ты стоишь тут и лжешь. Я не то что забыл, а просто не думал об этом. На самом деле я очень хитрый! — возразил Цагн.

Цагн снова сделал вид, что хочет ударить кота по голове. Кот опять сунул голову в землю. Цагн увидел, где находится его голова, и ударил по ней. Затем Цагн отпрыгнул и стал хвалиться:

— Послушай, мое имя — Цагн! Кто может со мной сравниться?!

Кот поднялся и сказал:

— Это Ихневмон сказал тебе!

— Ты заблуждаешься. Я — хитрец. Ихневмон ничего не говорил мне. Я просто забыл тогда, — упорствовал Цагн.

Он пошел вперед, он поднял колчан и повесил его через плечо. Он поднял каросс и завернулся в него. Он поднял мешок и повесил его на плечо. Он поднял лук и повесил его через плечо. Он поднял сандалии и надел их. Он поднял палку. И он вернулся домой, положил колчан, положил лук, положил палку.

Ихневмон спросил его:

— Ну, ты видел кота?

Цагн ответил:

— Да, видел.

— Ну и как все происходило?

— Ничего особенного не происходило, — ответил Цагн. На самом деле ему очень хотелось похвастаться. — Я сделал вид, что хочу ударить этого старика, и он спрятал голову в землю, а я увидел ее.

Ихневмон спросил:

— Ты попал по нему?

— Да, я ударил его по голове, я попал по голове. Тогда старик встал и сказал, что это ты рассказал мне, как найти его голову, что я узнал об этом от тебя. Я же сказал старику, что я просто забыл. А старик сказал, что, конечно, это ты научил меня. А я сказал ему, что он стоит тут передо мной и лжет.

Ихневмон сказал:

— О Цагн! Ты глуп и лжив. Ведь это я научил тебя, я, ребенок, учил тебя, взрослого! Ты глупый, хитрый и лживый!

Так они там говорили между собой, а женщины смеялись над ними.

Ихневмон спросил их:

— Вы не согласны со мной? Разве Цагн не глупец и не лжец?!

84. Цагн и чудесная птица

Цагн вышел на рассвете. Он шел и увидел чудесную птицу, сидевшую на яйцах. Он выстрелил в нее, но стрела вернулась обратно. Цагн увернулся от нее и сказал:

— Что это за страус? Он не убегает!

Чудесная птица сказала Цагну:

— Ты можешь взять это маленькое яйцо, лежащее снаружи, и выпить его.

Цагн опять сказал:

— Что это за страус?

Он подошел, чтобы согнать птицу с гнезда палкой. Он подсунул под птицу палку и опрокинул ее. Птица лежала, беспомощно дрыгая ногами: ведь Цагн опрокинул ее на спину.

А Цагн развязал свою сеть, сложил в нее яйца чудесной птицы и привязал сеть к палке. Одно яйцо Цагн положил на землю и надколол его камнем. Затем он вынул свою ложку-кисточку, сунул ее в надбитую скорлупу и взболтал яйцо. Он сунул кисточку в рот, но когда стал вынимать ее, то вытащил вместе с кисточкой свой язык.

— Что это за страус? Он вытаскивает мой язык — язык приклеился к кисточке,— удивленно сказал Цагн.

Цагн снова взболтал желток, а кисточка приклеилась к его руке.

— Кажется, я даже не могу хорошенько взболтать яйцо,— сказал Цагн.

Он еще раз поднес кисточку ко рту, и тут кисточка накрепко прилипла к языку да так и осталась во рту у Цагна. Цагн съел желток. Он молчал, потому что во рту у него была кисточка. Он выпил яйцо — оно тоже накрепко прилипло к его рту. Он поднял и понес сеть с яйцами — она накрепко прилипла к спине. Он вернулся домой с прилипшим ко рту яйцом и сетью, прилипшей к его спине.

Его внук Ихневмон сказал ему:

— О Цагн! Ты, наверное, унес яйца чудесной птицы! Мы всегда забираем у нее только те маленькие яйца, которые лежат снаружи, выпиваем их и отправляемся на поиски настоящего страуса. Чудесная птица разговаривает, а страус не разговаривает, страус нас боится. А чудесная птица может говорить, это говорящий страус.

Жена Цагна Даман сказала:

— О Цагн, тебе придется лечь здесь, снаружи, и дрожать от холода.

Цагн лег снаружи вместе со своей ношей, во рту у него было яйцо, а через плечо был перекинут колчан, он лежал на своей палке, а завязки колчана накрепко прилипли к его плечам. Цагн молчал: ведь яйцо заткнуло ему рот, а во рту была кисточка!

Он лежал и видел сон. Во сне ему хотелось, чтобы скорее рассвело, потому что его грудь болела, его плечи болели, тело его было холодным, его спина тоже болела, его бедра были холодными, его ноги были холодными. Жена накрыла его шкурой, но ему все равно было холодно, потому что он лежал вытянувшись, он не мог, как обычно, свернуться калачиком.

Наконец рассвело, и рано утром, когда Ихневмон еще лежал и спал и жена его еще лежала, Цагн отправился в путь. Он шел быстро, и вот сеть затряслась, и яйца в ней тряслись, и яйцо, которое было у него во рту, тоже затряслось, и кисточка во рту затряслась. И яйцо как будто стало отлипать и отваливаться, и кисточка как будто стала отваливаться.

Вскоре Цагн пришел туда, где лежала чудесная птица. Он вывалил яйца из сети, и тут яйцо выпало у него изо рта, и кисточка тоже выпала у него изо рта. Он поднял кисточку и положил ее в свой мешок. Затем он взял маленькое яйцо, лежавшее снаружи. Он поднял камень и надколот верхушку яйца. Он сунул в отверстие кисточку, взболтал ею яйцо и обсосал ее. Затем он вынул кисточку изо рта и встряхнул ее. Потом он еще раз обсосал ее и опять вынул кисточку изо рта и встряхнул ее. Цагну показалось, что его язык прилипает к ней. Он испугался. Он надеялся, что кисточка не прилипнет накрепко, поэтому он взбивал желток и обсасывал ее.

Потом Цагн убрал кисточку в мешок, взял свой колчан, повесил его через плечо, взял мешок и тоже повесил его на плечо.

Он ушел и подошел к настоящему страусу, который лежал в гнезде. Страус убежал.

Цагн сказал себе:

— Настоящий страус всегда так делает, он убегает. Он лежит в кустах, и его яйца очень похожи на эти, они белые, это прекрасные яйца.

Цагн взял одно яйцо, положил его на землю. Затем он взял камень и надбил яйцо. Он вынул свою кисточку, сунул ее в желток и быстро взбил его. Он держал свою кисточку кончиками пальцев, чтобы его руки снова не прилипли накрепко к ручке кисточки. Потом он осторожно сунул кончик кисточки в рот, вытащил ее и потрогал свой язык. Он не хотел, чтобы его язык снова накрепко прилип. Он ощупал свои руки. Затем он снова взболтал яйцо и доел желток.

Цагн поднял палку и выкатил еще яйцо. Он выкатил его на землю, ощупал и положил в сеть. Потом он выкатил палкой другое яйцо. Он положил палку и подумал, что обычно он брал яйца руками. И следующее яйцо он вытащил руками. Руки его не прилипали к яйцам.

— Ах, оказывается, я могу брать яйца руками. Теперь я могу идти домой, прежде чем сядет солнце и станет холодно, я уже замерзаю.

Потом Цагн взял яйца, быстро уложил их в сеть, поспешно завязал сеть и поднял ее. Он поднял свой колчан и повесил его через плечо. Он быстро побежал, потом остановился, затем пошел дальше, опять побежал и остановился. Он прилег отдохнуть и пошел дальше медленно — ведь его дом был уже близко.

85. Цагн и птица коротвитен

Коротвитен — маленькая птичка, черная, с белыми перышками на плечах. Некогда она была человеком древнего народа. Она летала, но также ходила, как человек.

Как-то, когда Цагн охотился, он заметил коротвитена, который неподвижно парил в воздухе. Цагн

стоял и смотрел на него, а коротвитен упал вниз и исчез в норке в термитнике. Цагн все смотрел на то место, куда вошел коротвитен, и вдруг коротвитен вытащил каросс из другой норки в термитнике. Да, да, он вытащил каросс, полный личинок термитов, совсем из другого места.

Цагн повернулся лицом к коротвитену и подошел к нему, а тот сидел и крепко завязывал каросс, полный личинок термитов.

Цагн сказал:

— Будь добр, намажь мне лицо потом своих подмышек, чтобы я тоже мог стать таким, как ты¹, и тоже мог делать так. Ведь мне приходится выкапывать личинки палкой. И мои руки болят от этого.

Затем заговорил коротвитен:

— Подойди к какому-нибудь из этих термитников и смотри, что я делаю,— сказал он.

А Цагн сказал:

— Покажи мне.

Тогда коротвитен поднялся и полетел и стал парить в воздухе, потом он нырнул в норку в термитнике, а Цагн стоял и смотрел. И вот коротвитен вытащил полный каросс личинок из другой норки в термитнике.

И Цагн сказал:

— Мы можем делать так же. Я больше не буду выкапывать личинки палкой.

Обычно женщины выкапывают личинки, мужчины же выкапывают личинки, когда не охотятся на газелей.

Цагн переломил об ногу свой лук, разломал стрелу, разорвал колчан, расколол камень, надетый на палку-копалку, а затем разломал и саму палку-копалку, которой он выкапывал личинки. Он чувствовал, что стал подобен коротвитену, и он тоже войдет в норку в термитнике, набросив каросс, в который сгребет личинки.

Он взлетел в воздух, парил-парил, а потом нырнул в норку в термитнике, и вот он действительно вытащил каросс, полный личинок, через другую дыру. Он пошел и сел, крепко держа свой каросс, наполненный личинками.

Он сказал:

— Ну, скажите, почему же мы всегда считали, что должны копать? У нас болели руки из-за того, что мы копали, а ведь мы могли бы делать вот так.

Он поднялся и опять стал парить в воздухе, он снова нырнул в норку в термитнике, а потом выскочил с кароссом из другой дырки в термитнике. Он завязал каросс и понес личинки к воде.

Когда он добрался до водоема, коротвитен уже ел там. И Цагн тоже пришел туда, чтобы поесть.

И коротвитен сказал:

— Будь завтра вон у того термитника и помни, что ты должен отдать мне часть личинок, которые соберешь. Ты должен поделиться со мной.

Тогда Цагн сказал:

— Почему же мой брат ничего не сказал мне об этом раньше? Ведь я считал, что я собираю личинки для сына моей сестры, Квамманга, а на самом деле собирал для него!

А коротвитен ответил:

— Ты должен отдать мне часть — ведь это я показал тебе, как добывать личинки. Вспомни, как ты жаловался, какие неудобства ты терпишь, оттого что должен копать землю!

Тогда Цагн сказал:

— Я всегда так делал. Мы входили в норку в термитнике.

Так сказал Цагн, он сказал, что всегда умел это.

Коротвитен помолчал, а потом сказал:

— Я собираюсь домой, да и тебе пора домой.

А Цагн сказал:

— Я сделаю так же, как и ты.

Цагн поднял мешок с личинками и повесил его через плечо.

Коротвитен сказал:

— Приходи сюда завтра за личинками, и мы поговорим, когда спустимся к воде.

И Цагн пошел обратно, он добрался до дома.

Кауру, его жена, сказала:

— Ох! Где это Цагн оставил свои вещи, которые он взял с собой? Ведь у него были колчан и палка-копалка!

А Цагн сказал:

— Я там встретил одного человека, он входит в

норку в термитнике, а потом вытаскивает полный каросс личинок — из другого места.

Тут молодой Ихневмон спросил:

— О Цагн! Где ты оставил свои вещи?

Тогда Цагн объяснил молодому Ихневмону, что разломал все вещи.

Тут вступил в разговор Квамманга, он сказал молодому Ихневмону:

— Дитя, скажи моему отцу, что это был коротвитен. Когда мы с ним встречаемся, мы остаемся спокойны, мы не ломаем и не выбрасываем свои вещи. А коротвитен всегда поступает так, когда мы на него смотрим.

А Цагн сказал:

— Почему сын моей сестры, Квамманга, говорит так? Он бы должен знать, что это очень хороший человек. Он просил меня прийти к нему завтра, и я снова смогу парить и нырять в это прекрасное, ни с чем не сравнимое место!

Тогда Квамманга сказал:

— Оставь деда. Кажется, дед не поделился с коротвитеном, а мы всегда это делаем. Если он хорошо обращается с нами, мы всегда даем ему еду.

Тогда Цагн сказал:

— Он говорил мне об этом, но я думаю, что у него достаточно личинок.

А Квамманга сказал:

— Дитя, скажи деду, что мы всегда оставляем еду для коротвитена, тогда земля становится для нас мягкой. Но если мы не поделимся с коротвитеном, тогда земля станет твердой — коротвитен рассердится, и земля станет для нас твердой.

Рано утром Цагн снова отправился, чтобы встретиться с коротвитеном и достать личинки. Он еще шел, а коротвитен был уже в небе, он парил там. Потом он ринулся вниз, исчез в норке в термитнике и вытащил каросс из другой норки.

Тогда Цагн подошел к термитнику, который он увидел. Он стал парить над ним, потом нырнул в одну норку, а из другой норки вытащил каросс. Он отнес каросс к кусту и положил там. Он сел, хорошенько завязал его и пошел дальше. Он подошел к другому термитнику и стал парить над ним, потом нырнул в

норку в термитнике и вытащил каросс из другой норки. Он пошел, положил каросс. Он сел и завязал его хорошенько.

Затем Цагн пересыпал личинки в мешок.

После этого он спустился к воде. Коротвитен увидел, что он спустился, и сам пошел туда. Коротвитен подошел к тому месту, где лежал его мешок, и сказал:

— Ну а теперь, я думаю, ты должен сделать это, ты должен положить передо мной еду.

— Вы только послушайте моего брата! Почему мой брат говорит так?! Ведь у него полно личинок, а он говорит так! — воскликнул Цагн.

А Коротвитен сказал:

— О человек! Ты должен поделиться со мной. Ведь это ты просил меня объяснить тебе все хорошенько, когда ты чувствовал себя несчастным оттого, что, как ты говорил, тебе неприятно копать землю.

Тогда Цагн сказал:

— Этот человек говорит так, будто он опьянен ядом. Ну а мне надо пойти и положить личинки сушиться.

А коротвитен сказал:

— Что же, делай как знаешь. Но ты увидишь завтра, как ты здесь ушибешься. Тебе следовало бы вести себя с нами по-другому — ведь мы одарили тебя.

Цагн пошел обратно, он вернулся в дом родственников.

А молодой Ихневмон сказал:

— О! О! Мешок моего деда Цагна полон!

Тут заговорил Квамманга, он сказал:

— Перестань! Спроси лучше своего деда, сделал ли он то, о чем я ему говорил? Поделился ли дед с коротвитеном?

И Цагн сказал, что он не сделал этого, так как полагал, что мешок коротвитена полон.

А Квамманга сказал:

— Дитя, поговори с дедом и объясни ему, что мы должны делиться с коротвитеном. Даже если мешок коротвитена полон, мы все равно делимся с ним. Иначе он рассердится и земля не откроется.

Тогда Цагн сказал:

— Нет, это место не такое, чтобы там можно было погибнуть.

Он ведь нырял там в норку в термитнике.

Квамманга замолчал. Он понял, что Цагн снова собирается поступить по-своему.

А Цагн встал рано. Он отправился на поиски термитника и нашел его. Он пошел к нему и стал парить над ним. Он парил-парил, а потом ринулся вниз и попытался нырнуть в термитник, но погрузился только до лба. Он ушибся и закричал от боли. Цагн решил, что нырнул мимо норки. Он поднялся снова и опять стал парить в воздухе, а потом ринулся вниз и снова разбил лоб, так что полилась кровь. Он встал и пополз домой.

А молодой Ихневмон воскликнул:

— О! О! Кто это разбил лоб моему деду Цагну?

И Цагн рассказал ему, что это он нырнул в землю лицом, когда хотел попасть в норку в термитнике.

Тогда заговорил Квамманга, он сказал молодому Ихневмону:

— Дитя, скажи деду, что я хотел, чтобы он поделился с коротвитеном. Он, видно, не поверил, что земля станет твердой для нас, если коротвитен рассердится, потому что мы не поделились с ним.

И молодой Ихневмон заговорил с Цагном, он сказал:

— Отец просит передать тебе, что он говорил, чтобы ты поделился с коротвитеном, потому что земля станет твердой для нас, если коротвитен рассердится.

Квамманга чувствовал, что он должен был сказать это молодому Ихневмону, а молодой Ихневмон передал его слова Цагну. Цагн же молчал. Он не станет говорить второпях. Он поговорил с молодым Ихневмоном и замолчал, он совсем замолчал.

86. Тску-тен-гхауа и Цагн

Тску-тен-гхауа обычно поджигал норы диких котов. Затем он входил в огонь и выносил диких котов, и этим котам не было равных по красоте.

Возьмет Тску-тен-гхауа головешку, подойдет к норе, подожжет нору, войдет в пылающий огонь, но

огонь будет для него холодным, а не горячим, потому что огонь знает, что Тску-тен-гхауа — хозяин огня. Поэтому огонь не обожжет его, огонь даже не подпалит его передника — ведь Тску-тен-гхауа одет в кошачью шкуру, черную кошачью шкуру — обожженную, как приносимые западным ветром облака.

Он обыкновенно говорил, когда поджигал нору:

— Тску-тен-гхауа, н баген, баген, гхауа! Тску-тен-гхауа, н баген, баген, гхауа!

Затем он проскакивал сквозь пламя и выносил котов. Он клал их, вынимал нож, свеживал и очищал их, затем насыпал земли на их шкуры.

Затем он брал головешку, шел к другой норе и поджигал ее. Он снова напевал:

— Тску-тен-гхауа, н баген, баген, гхауа! Тску-тен-гхауа, н баген, баген, гхауа!

Так он пел и проходил сквозь пламя, а затем выходил из огня и выносил котов, и не было котов более прекрасных, чем те, которых он выносил из огня. Он клал их, свеживал, очищал их, насыпал земли на шкуры. Затем он брал головню и подходил к другой норе. Он снова поджигал ее, снова пел, снова прыгал в огонь, снова выносил котов, снова свеживал их. Он собирал их, собирал шкуры котов, потом он их скатывал, клал на плечо и отправлялся домой. Он шел домой, так как солнце садилось и он собирался лечь спать.

Рано утром на следующий день Тску-тен-гхауа взял головню и пошел искать норы, которые он заметил накануне. Он отыскивал эти норы.

В это время мимо проходил Цагн. Цагн заметил, что он разжигает там огонь, и пошел прямо к нему. И тут Цагн увидел, что Тску-тен-гхауа прыгнул в огонь.

И Цагн воскликнул:

— Волдыри! Он покроется волдырями! Эй, там! Кто бы это мог так делать?! Он входит в огонь!

И только Цагн подошел и воскликнул это, как Тску-тен-гхауа вытащил котов, несравненных по красоте!

И Цагн сказал:

— Хотел бы я знать, как это возможно?!

Потом Цагн сказал:

— Нет, ты должен достать мне кота — у тебя уже столько шкур! Ты должен достать мне кота.

Тогда Тску-тен-гхауа сказал:

— Пойди вон к той норе, подожги ее.

Но Цагн говорил:

— Хорошо бы ты достал мне кота, потому что меня огонь обжигает.

А Тску-тен-гхауа сказал:

— Эй! Иди обратно! Иди и разожги огонь — и ты почувствуешь, будет ли он жечь тебя.

Тогда Цагн взял головешку и пошел к норе. Он поджег нору и сказал:

— Тску-тен-гхауа, н баген, баген, гхауа! Тску-тен-гхауа, н баген, баген, гхауа!

Он подражал Тску-тен-гхауа, потому что Тску-тен-гхауа всегда говорил: «Тску-тен-гхауа, н баген, баген, гхауа!».

Цагн прыгнул в огонь и вытащил котов. Он взял головешку, пошел к другой норе, снова поджег ее, снова запел, как Тску-тен-гхауа. Он прыгнул в огонь. Снова он вытащил котов и положил их.

Он радовался, что огонь не обжигает его, и опять взял головешку. Он вытащил котов, положил их, он не стал даже свежевать их, взял головешку и пошел к другой норе. Он был очень рад и поэтому не свежевал их.

Он снова вытащил котов, положил их, он взял головешку, так как он был рад, что огонь не обжег его и что огонь оказался холодным. Затем он подобрал котов, чтобы освежевать их.

Тут к нему подошел Тску-тен-гхауа, он пришел поглядеть, сколько котов добыл Цагн. И Тску-тен-гхауа попросил у Цагна часть котов, которых он там увидел.

Он сказал:

— Отдай мне этих двух котов!

Тогда Цагн сказал:

— Я не могу этого сделать. Этих котов я собирался отнести Квамманга.

На следующий день он пошел снова, поджег норы и прыгнул в огонь. Он вытащил котов, унес их и положил. Он взял головешку, пошел к другой норе и поджег ее. Снова он прыгнул в огонь, снова вытащил

котов, положил их, снова пошел к другой норе. Затем, когда он увидел, что у него множество котов, он собрал их, чтобы освежевать.

Тут к нему подошел Тску-тен-гхауа. Тску-тен-гхауа увидел, что Цагн собирается освежевать котов. И Тску-тен-гхауа подошел к нему и сказал:

— Ты должен дать мне часть кошачьих шкур, которые лежат тут,—ведь я простил тебе вчерашних котов. А от этих котов ты должен дать мне часть.

Тогда Цагн ответил:

— Из этих котов я собираюсь сделать каросс, видишь, какой у меня каросс.

Тогда Тску-тен-гхауа сказал:

— Ты должен со мной поделиться этими котами. Тогда на новых котов, чьи норы ты подожжешь, я просто взгляну — и все.

Цагн сказал, что не даст котов: ведь он еще не сделал каросс. Он собирался сделать каросс, но еще не сделал его.

Тогда Тску-тен-гхауа сказал:

— Отдай мне часть этих котов, ты уже отказал мне раньше, когда я просил у тебя, и продолжаешь поступать так же. Ты должен дать мне часть этих котов!

— Ты так говоришь, будто собираешься настаивать. Ведь я объяснял тебе, что еще не сделал каросс! — возразил Цагн.

Тогда Тску-тен-гхауа воскликнул:

— О человек! Ты должен поделиться со мной этими котами! А иначе ты узнаешь, что собой представляет огонь. Мы обычно делимся друг с другом.

Но Цагн сказал, что он всегда знал, как входить в огонь.

Тску-тен-гхауа заговорил снова и сказал:

— погоди, завтра ты почувствуешь, что такое огонь! Ты, кажется, вообразил, что огонь не может обжечь тебя?!

И Цагн сказал:

— Это неправда, ты знаешь, что огонь холодный!

Тогда Тску-тен-гхауа сказал:

— погоди, ты еще увидишь! Вот заберешь этих котов, ляжешь спать, проснешься рано утром и отправишься с утра за котами. Начнешь разжигать огонь,

думая, что войдешь в него невредимым. Но как только ты попытаешься войти в огонь, пламя обожжет тебя.

Тогда Цагн сказал:

— Этот, кажется, хочет обмануть меня.

Затем он ушел, он пошел спать. Рано утром он взял головешку и пошел к норам, которые заметил накануне. Он пошел туда рано, а Тску-тен-гхауа оставался дома. Он был сердит на Цагна и поэтому оставался дома.

И вот Цагн дошел до норы, поджег нору, он запел, как это делал Тску-тен-гхауа, он запел его песню. Затем он прыгнул в огонь — и огонь обжег его.

Он воскликнул:

— Дети антилопы каама!¹ Вы должны идти!

И он полетел и плюхнулся в воду.

И он воскликнул:

— Друг наш! Лежи на старом месте! Тот человек сделал это!

Сказав это, он закричал:

— О волдыри! Ох! Ох! Ох!

Он стонал из-за волдырей — ведь огонь обжег его.

Он сказал, что не будет больше поджигать норы. Огонь обжег его, а вчера огонь не обжигал его. И он взял свои вещи и вернулся домой.

А молодой Ихневмон воскликнул:

— Кто сделал это? Кто обжег моего деда Цагна?

Тогда Цагн рассказал молодому Ихневмону, что он сам обжегся, прыгая в огонь. Вчера огонь казался холодным, и вот он прыгнул в огонь.

Заговорил Квамманга, он сказал молодому Ихневмону:

— Дитя! Объясни деду, он, кажется, не отдавал Тску-тен-гхауа каждого второго кота. А мы обыкновенно делаем так, если хотим, чтобы огонь был спокойным и казался нам холодным. Тогда мы можем спокойно войти в огонь. Если же мы не отдаем Тску-тен-гхауа каждого второго кота, пламя обжигает нашу кожу, потому что Тску-тен-гхауа сердится. Потому мы обыкновенно отдаем ему каждого второго кота.

Тогда Цагн ответил, что он думал, будто у Тску-тен-гхауа много кошачьих шкур.

А Квамманга сказал:

— Мы обыкновенно даем ему шкуры, даже если их у него много. Тогда огонь спокойный и кажется нам холодным, и мы входим в огонь. Но огонь всегда обжигает нас, если мы не отдаем Тску-тен-гхауа каждого второго кота.

87. Как Цагн ходил в дом льва вместе с Квамманга и Ихневмоном

Квамманга сказал:

— О Ихневмон, пойдем в дом льва, там нас угостят жареным мясом квагги!

Ихневмон согласился и сказал:

— Хорошо, пойдем.

И Цагн согласился и сказал:

— Давайте пойдем.

Но Ихневмон возразил:

— О Цагн, ты оставайся. Ведь мы собираемся пойти в дом льва, и ты испугаешься львов. Поэтому ты должен остаться здесь.

— Но я хочу пойти с вами, чтобы посидеть там и поговорить с ними. Я потолкую со своим старым другом,— сказал Цагн.

И Ихневмон согласился, он сказал:

— Да, дедушка, так и сделаем.

И вот они отправились. Они наткнулись на следы львов.

— Это следы моих братьев,— сказал Ихневмон.— Вот здесь след одного брата, а вон там — след другого брата. Вот след моего деда, а вот здесь — след другого деда. Они несут мясо квагги.

Квамманга сказал:

— Пойдемте к источнику.

Так они и сделали. Они шли по следу львов.

Ихневмон сказал:

— Вот кровь квагги. Они, должно быть, идут нагруженные. Мы поедим мяса квагги.

Они пришли к водоему. Один из львов встал. Ихневмон сказал:

— Вот моя бабушка поднимается.

Квамманга сказал:

— Вон встала дочь, а там поднимается еще одна старая женщина, ее голова — седая.

А один львенок сказал:

— О Седая Голова! Вон идет Квамманга и с ним Ихневмон.

Тут Цагн стал просить:

— О Ихневмон, положи меня в свой мешок!

Ихневмон остановился и сказал:

— Я хотел, чтобы ты остался дома. Ведь я знал, что ты испугаешься львов.

Цагн снова попросил:

— Положи меня скорее в мешок, о Ихневмон! Быстрее положи меня туда, чтобы львы меня не увидели! Засунь в мешок мои ноги, но не завязывай его. Пусть моя голова будет свободной. А ты клади в мешок мясо для меня. Я буду есть и выглядывать из мешка.

Цагн заговорил снова и сказал:

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я сидел тихо.

— Конечно, я хочу, чтобы ты вел себя тихо,— ответил Ихневмон.

Цагн сказал:

— О Ихневмон, ты должен накрыть меня кароссом.

Ихневмон накрыл его кароссом.

Потом Цагн попросил:

— Положи внутрь скорлупу страусиного яйца с водой, чтобы я мог пить.

Ихневмон сделал и это.

Цагн сказал:

— Положи скорлупу возле моей головы, чтобы я мог напиться.

Скорлупу положили возле головы Цагна, и он напился.

В это время к ним подошел львенок. Он заметил Цагна и бросился назад с криком. Он бежал и звал свою мать. Затем львенок вернулся и остановился перед Квамманга. Он смотрел на мешок Ихневмона и увидел глаз Цагна, когда тот выглядывал из мешка, Цагн все выглядывал, и тогда львенок опять закричал, отпрянул и с криком бросился к своей матери. Мать успокоила его, и он замолчал.

— О мамочка, вытащи мне зайчонка из мешка Ихневмона! — стал просить львенок.

Он пошел снова поглядеть на Цагна. Он стоял у ног Квамманга и смотрел на Цагна. А Цагн подмигнул львенку и шепнул:

— Мне бы хотелось вырвать твой глаз.

Львенок с криком кинулся к матери. Мать подошла к ним. Она шла, топоча ногами, так как была сердита. Она наступила на Цагна, чтобы раздавить его.

— Буу, что это такое принесли ко мне? Почему ребенок кричит?

Тогда Цагн выпрыгнул из мешка, схватил перья и взлетел в небо. Ихневмон подбросил его вверх, и он полетел и позвал свой мешок, сделанный из шкурки теленка антилопы каама:

— О дети антилопы каама, приходите!

Он сказал, поднимаясь в небо:

— О сандалии, приходите, вы должны прийти! О колчан, приходи! О каросс, приходи! Шапка, приходи!

Затем он вошел в воду и сказал:

— Ха, поглядите! Мое имя — Цагн! Кто может быть мне равен?

Он вышел из воды, встал на берегу и позвал:

— О дети антилопы каама, подождите меня! О сандалии, подождите меня! О палка, подожди меня! О лук, подожди меня! Тетива лука, подожди меня! Каросс, подожди меня! Шапка, подожди меня! Сеть, подожди меня! Я мокрый, я все еще мокрый, я должен высохнуть.

Мешок из шкуры антилопы каама сказал:

— Этот человек бросил нас, а теперь вот как он заговорил!

А сандалии предложили:

— Давайте уйдем и оставим его, пусть он поговорит с нами в другом месте, потому что он смеется над нами и обманывает нас.

Каросс сказал:

— Мы так и сделаем, давайте так и сделаем.

Но Цагн сказал им:

— О каросс, сиди тут! О колчан, лежи там! О палка, лежи тут! О лук, лежи там! О сандалии, лежите здесь! О шапка, сиди тут!

Он обсох и пошел дальше пешком: вода смыла его перья. Он поднял каросс и надел его. Он подобрал колчан и понес его. Он поднял лук и повесил его на руку. Он сел и надел свои сандалии. Затем он встал и взял палку. Он пошел дальше, пока не пришел домой.

Там он сел и сказал своей жене-даману:

— Мы пошли в дом льва, и лев убил Квамманга.
Он обманул жену, он обманул ее, так как он лжец.
Он также сказал:

— Лев проглотил Ихневмона.

Так он обманул свою жену. Он солгал жене. Его жена сказала:

— Да, муж мой.

Затем они оба обманули дикобраза, жену Квамманга, и она поверила им.

Она встала и вышла. Тут жена Квамманга увидела, что ее муж идет вместе с другими, нагруженный мясом квагги. Она остановилась и сказала:

— Разве не Квамманга и его людей я вижу там? Вон они идут с поклажей!

Тогда жена Цагна встала и тоже вышла:

— Не Квамманга ли идет там с поклажей?

А Цагн все лгал и лгал дальше.

Тогда жена Цагна сказала мужу:

— Ты солгал мне, а я из-за этого сказала неправду жене Квамманга.

Цагн сказал:

— Я знал, что Квамманга придет и принесет мясо квагги.

— Ты сидишь тут и лжешь,— сказала жена Квамманга.

Тут Ихневмон подошел к хижине, положил мясо и сел. Подошел Квамманга, положил мясо квагги, которое он нес, и тоже сел. Он молчал. Он был сердит на деда Цагна. И тогда, раз Квамманга молчал, заговорил Ихневмон.

Ихневмон сказал:

— Цагн попросил меня спрятать его. А львенок подумал, что это зайчонок, и попросил свою мать вытащить для него зайчонка.

Так говорил молодой Ихневмон, сидя там.

Жена Квамманга сказала молодому Ихневмону:

— Я была уверена, что дед обманывает меня.

Она была очень сердита, когда сказала это молодому Ихневмону.

И Цагн был сердит. Он улегся,

88. О том, как Цагна и Квамманга завалило камнями

Однажды Квамманга отправился в гости. Он был вдвоем с Цагном, и они пришли к дому пчел, которые жили вместе с даманами.

Юноша-пчела предложил Квамманга выпить из своей скорлупы яйца страуса, а юноша-даман предложил свою скорлупу яйца страуса Цагну, но налил в нее грязную воду. И Цагн напился из скорлупы дамана. Но, распробовав, что вода грязная, он проклял юношу-дамана.

В это время мать-даман, которая была тогда на своей охотничьей территории, чихнула, и из ее ноздрей выскочили капли крови. И от этого покатались камни. Падая, камни сказали «В-в-в-в-в-в-в», потому что с трудом отрывались: они держались крепко.

Тогда юноша-пчела обратился к своему деду Квамманга:

— Ты должен отправиться к огурцу-гамбро, мать проделала в нем дыру. Войди в нее. Из-за Цагна, который пришел с тобой, этого человека, который всех раздражает, камни покатаются на вас. Потому что с тобой пришел этот Цагн, который дразнится.

Квамманга встал. Он благополучно добрался до норы, сделанной в гамбро, и расположился там, а Цагн остался снаружи, потому что он пришел позже. И его забросало камнями. Камни плотно завалили его, а Квамманга остался цел и невредим.

Женщины у них дома сказали:

— Что могло случиться? Нужно послать ворону с куском жира на шею, чтобы она пошла и поглядела, где они.

И ворона с куском жира на шее отправилась. Кусочек жира был очень маленький, и на полпути ворона съела жир и повернула обратно. А маленький кусочек жира до сих пор белеет у нее на шее.

Люди послали другую ворону и тоже повесили ей на шею кусок жира. Она отправилась, но на полпути съела жир и повернула назад.

Тогда люди повесили кусок жира на шею пестрой вороне. И пестрая ворона отнесла жир туда, где был Квамманга. Она добралась до того места, где лежал

Квамманга, где его придавило камнями, и стала парить над ним.

— Га! Га! Идет ли Квамманга? Когда ты отправишься? — сказала она.

Тогда заговорил Квамманга, он сказал:

— Иди и скажи людям деда, чтобы они пришли и вытащили меня, так как я проголодался, пока лежу здесь.

И пестрая ворона улетела; у нее на шее до сих пор еще виден жир, который люди тогда ей повесили. Она принесла жир обратно. И люди увидели, что жир еще там, на шее вороны. С тех пор жир навсегда остался у нее на шее. Шея вороны белая — ведь она принесла жир домой. Жир, который был у нее на груди, остался там навсегда — грудь у нее белая, а часть, которая была у нее на шее, осталась белым пятном на шее. Поэтому мы называем ее «пестрая ворона». Мы думаем, что белое оперение у нее на шее покрывает то место, где некогда висел жир.

Слон, жираф и носорог отправились вызволять Квамманга и Цагна. И Кауру, жена Цагна, тоже пошла, и Дикобраз, жена Квамманга. Они пошли, чтобы посмотреть, можно ли их вытащить из завала. Вот почему они отправились посмотреть.

Они увидели, что там навалены камни, огромные камни. Тогда они подумали, что Цагн и Квамманга смогут выбраться, так как камни большие. Жена Квамманга стояла и смотрела — показалось лицо мужа. И она подумала, что Квамманга сможет выбраться, потому что, как только люди сбросили сверху камни, показалось его лицо. Она стояла и глядела, как постепенно показывается тело Квамманга. Она подумала, что людям удастся вытащить его, ведь уже показалось его тело.

Наконец она увидела, что Квамманга вытащили. Она поблагодарила людей за то, что они вытащили Квамманга.

Кауру тоже стояла и смотрела, но Цагна не было видно — камни совершенно завалили его. Поэтому Кауру все стояла и глядела, но не видела его. Когда она поняла, что люди собираются бросить там Цагна, она попросила, чтобы они вытащили его. А люди хотели оставить его там погребенным под камнями. И Кауру

принялась просить людей вытащить для нее Цагна — ведь он был ее мужем.

Она сказала:

— Цагн всегда был таким. Он расхаживает, устраивает разные проделки, когда меня нет с ним. Вы должны вытащить его ради меня. Я всегда наставляла его. Я говорила ему: «Ты не должен проказничать, когда ты идешь с Квамманга».

Цагн же поступал так, как будто он не слышал ее. Он продолжал свои проделки в домах чужих людей, хотя она говорила:

— Ты не должен проказничать.

Цагн должен был бы подумать о том, к чему приведет его поддразнивание. А он все дразнился, как маленький ребенок; он все играет, как будто он ребенок, а не взрослый. Он ходит в дома чужих людей и проказничает, совсем не думая, что с ним Квамманга.

Поэтому-то, из-за его выходок, и Квамманга завалило камнями. А ведь это только Цагн проказничал, а Квамманга вел себя спокойно. Он понимал, что они в гостях у чужих людей. Поэтому Квамманга вел себя спокойно, он просто разговаривал, он беседовал.

Люди стали разбирать и оттаскивать камни, и вот они вытащили Цагна. Они грубо обращались с ним и ушибли его: ведь они были сердиты на него за то, что из-за него пострадал Квамманга.

Поэтому люди грубо выволокли его из-под камней. Они видели, что причиняют ему боль, потому что камни накрепко зажали его, но они были на него сердиты.

Тогда Цагн стал жаловаться, что у него болит кожа от ударов камней. И Кауру сказала:

— О люди! Прошу вас хорошо обращаться с Цагном ради меня.

А люди хватали камни и отшвыривали их в сторону и тащили Цагна. Цагн стонал, вскрикивал — ведь ему и правда было больно кожу. Он вопил, потому что камнями ему ободрало всю кожу. Он пронзительно кричал.

Прихрамывая, Цагн вместе со всеми двинулся к дому. Он шел, пошатываясь. Люди смазали ему лицо, чтобы облегчить боль, а ему очень хотелось есть. Поэтому он шел и покачивался от голода. Но люди все же смазали ему лицо; они хотели, чтобы его раны исцели-

лись, чтобы он мог спокойно идти вместе с ними и вернуться домой. И он пришел домой.

Тогда его сестра-журавлиха¹ заплакала от жалости. Цагн был покрыт ранами, и сестра жалела его за то, что он, Цагн, так пострадал. А люди бранили его за его поведение.

Люди бранили его, потому что он не слушал, что ему говорят. Ведь молодой Ихневмон часто говорил с ним. Квамманга говорил молодому Ихневмону, а молодой Ихневмон передавал своему деду Цагну.

Молодой Ихневмон говорил:

— О мой дед! Отец хочет, чтобы я сказал тебе, что мы не должны проказничать в домах чужих людей. Вот что отец велел передать тебе. Но ты не позволяешь нам говорить с тобой об этом, а продолжаешь проказничать в домах чужих людей. Поэтому отец хотел, чтобы я поговорил с тобой и сказал тебе, что ты не должен проказничать в чужих домах. Но ты не хочешь помолчать и не даешь нам поговорить с тобой. Ты ведешь себя так, будто ты никогда не слышал наших слов.

89. Цагн и протел

Квамманга со своей семьей отправился навестить своих родственников. Он собрался навестить тетку-протела. Цагн сказал, что пойдет с ними. Квамманга сказал Ихневмону:

— Дитя, скажи деду, что мы собираемся навестить тетку-протела.

Молодой Ихневмон сказал:

— О мой дед Цагн! Отец говорит, что мы собираемся навестить тетку-протела, а ее дом не близко, поэтому оставайся дома.

Но Цагн сказал, что он должен быть вместе с Квамманга, он должен сопровождать Квамманга, куда бы он ни пошел.

А молодой Ихневмон сказал:

✕ — Ты должен остаться.

Тогда Квамманга сказал:

— Ну ладно, пусть дед идет с нами, раз он не хочет нас слушать.

И вот Цагн пошел с Квамманга. Они шли, пока не

добрались до дома протела. Квамманга попросил свою тетку-протела отдать ему малыша.

Тут подошел к ним Цагн и увидел следы протела.

— Погоди, погоди, внук! Квамманга, должно быть, знает, что здесь протел! — воскликнул Цагн.

Квамманга взглянул на молодого Ихневмона. Он хотел, чтобы тот велел Цагну помолчать.

Молодой Ихневмон сказал:

— О мой дед Цагн! Ты всегда ведешь себя подобным образом, когда приходишь к кому-нибудь в гости.

Затем Квамманга положил на землю свои вещи и сел там.

Цагн спросил:

— Где же эти люди, чьи следы видны здесь?

Квамманга сказал:

— О моя тетка! Выйди и дай мне одного из своих детей, чтобы я мог поджарить его для себя.

Тут тетка-протел вышла, села перед норой и стала смотреть на Цагна — ведь она никогда не видела его раньше. Поэтому она пристально смотрела на него.

Тогда Квамманга напомнил:

— Я просил тебя дать мне одного из твоих детей, чтобы я мог счистить с себя пыль. Ведь ты видишь, что я весь белый от пыли.

А мать-протел сказала:

— О, знаешь ли, мои дети еще не выросли, они еще малы!

Квамманга сказал:

— Что же, ты не видишь, что я весь в пыли? Ведь пыль жжется!

Тогда мать-протел вошла в нору, но долго не выходила. Она раздумывала там, в норе, ей не хотелось отдавать ребенка. Потом она взяла малыша и вытащила его из норы. Он был тощий, и она дала его Квамманга.

Квамманга схватил малыша, разрезал его и положил. Затем он принес хвороста. Он выкопал яму, бросил туда хворост, сверху положил камни и разжег огонь с помощью трутницы. Он подождал, пока огонь разгорится, и опалил малыша протела. Затем он вытащил его оттуда и ободрал с него шкурку. Он подошел к огню, отгреб в сторону угли и положил в яму малыша протела и стал ждать, пока он поджарится.

Затем Квамманга встал, вытащил из ямы тушку,

отряхнул ее от углей и положил ее стынуть. А потом он разрезал тушку и отдал сердце Цагну. Они поели. Часть мяса они отложили для женщин, которые остались дома голодными. Затем они вернулись домой.

Цагн был жадный. Поэтому он вернулся обратно к норе. Он подошел к норе, положил свои вещи, набрал хвороста, разгреб угли, подбросил в огонь хвороста, а сверху положил камни, чтобы они раскалились. Он разжег огонь с помощью трутницы, дал ему разгореться. А когда огонь разгорелся, он сказал.

— О моя тетка! Выйди и дай мне малыша, я его разрежу.

Тетка-протел была в норе и не собиралась выходить. Цагн сидел и ждал ее. Он был один — ведь Квамманга ушел домой.

Он снова сказал:

— О моя тетка! Выйди и дай мне малыша, я его разрежу, чтобы счистить с себя пыль.

Тогда тетка-протел высунула голову из норы, а ее туловище оставалось внутри. Она сидела и смотрела на Цагна. И Цагн тоже сидел и смотрел. Он сидел-сидел и сказал:

— Что ты так пристально смотришь на меня? Я хочу, чтобы ты дала мне малыша, чтобы очиститься от пыли.

Тетка-протел не ответила ему. Она взяла маленькую девочку-протела и вытащила ее. Она протянула девочку Цагну, а сама крепко держала ее. Она думала, что, когда Цагн схватит девочку, она в это время попробует схватить его самого. И вот она крепко держала малышку за руку. Затем тетка-протел схватила свободной рукой Цагна и потащила его к огню. Она швырнула Цагна в огонь, тот самый, что он разжег.

Тогда Цагн воскликнул:

— О мои волдыри!

Он хотел вылететь из огня и потому сказал своим вещам:

— Дети антилопы каама! ¹ Вы должны идти!

Затем он вылетел из огня и полетел к воде. Увидев, что вода близко, он спустился. Он опустился и шлепнулся в воду.

Он воскликнул:

— О мои волдыри! Вот те на. Огонь, в который мать-протел сунула меня, оказался горячим!

И он вышел из воды, он подобрал свой каросс и набросил его на плечи, он поднял колчан и повесил его через плечо. Он пошел к дому. Он шел и стонал из-за ожогов. Он говорил:

— Хнг, хнг, хнг, хнг!

Так со стонами он добрался наконец до хижины.

Тогда Квамманга сказал:

— Дитя, скажи деду, что я хочу, чтобы он успокоился. Он, кажется, решил, что к тетке-протелу можно ходить снова и снова. А ведь она уже дала нам одного малыша. Мы никогда не ходим к тетке-протелу второй раз, потому что тогда она ведет себя вот так.

Тогда молодой Ихневмон сказал:

— О мой дед Цагн, отец хочет, чтобы ты успокоился. Ведь тетка-протел всегда ведет себя с нами таким образом.

90. Полосатая мышь и жук

Длинноносые мыши некогда были людьми. Но они не были сильными, и поэтому жук убивал их. А Цагн увидел сон об этом. Тогда Цагн сказал, что юноша-полосатая мышь должен отправиться на поиски пищи в ту часть русла реки, где охотятся длинноносые мыши. Ведь Цагн видел сон, что там вместе с ними находится жук.

И вот юноша-полосатая мышь встал рано утром. Он пошел в ту сторону, где, как говорил Цагн, был жук. А жена полосатой мыши сделала вот что: она вышла из норы и уселась наверху, греясь на солнце, чтобы следить за своим мужем. Тут она заметила, что идет жук.

Она сказала:

— О муж мой, выходи! Ты видишь, сюда идет какой-то человек!

Тогда муж вышел, он вышел из норы.

— Почему это жук ходит здесь?! — спросил он.

Муж-полосатая мышь вытащил две дубинки. А жук вел себя, как обычно, когда он обманывал длинноносых мышей.

Жук сказал:

— Прочь с дороги! Жук бросает!

И он метнул палку — хаббу, пу, пу, пу, пу, пу! — а палка была большая!

Тогда полосатая мышь повторил:

— Жук бросает! Прочь с дороги!

И он бросил в жука дубинку — ксет, те, те, те, те!

А жук сказал:

— Прочь с дороги! Жук бросает!

И жук метнул в него палку — хаббу, пу, пу, пу, пу!

Тогда муж-полосатая мышь сказал:

— Прочь с дороги! Жук бросает!

И он метнул дубинку — ксет, те, те, те, те! — и сбил жука с ног.

Муж-полосатая мышь сказал:

— Я убиваю сам, чтобы спасти моих друзей!

А длинноносые мыши, те, которых убил жук, снова ожили. Они вскакивали и говорили:

— Я здесь! Я здесь!

И они подняли свои кисти. Затем они собрались все вместе и последовали за полосатой мышью. А он взял себе из них еще одну жену.

91. Почему у гну светлый хвост

Вот что проделывал обычно белохвостый гну: когда длинноносые мыши устраивали охоту на квагг и втыкали пучки страусовых перьев на своей охотничьей территории, чтобы загнать квагг, а потом подстрелить их из засады, он подходил к мыши, которая сидела в засаде, отвязывал тетиву лука мыши, проглатывал тетиву, а вместо нее натягивал свои кишки и заступлял наконечники стрел мыши.

Длинноносые мыши были глупыми людьми. Гну хотел вот чего: пусть мышь схватит свой лук, чтобы выстрелить, и тогда кишки бы разорвались.

И он вставал, шел и срывал пучок травы, делал себе из нее хвост и отправлялся к кваггам. Когда мыши вспугивали квагг и квагги пускались бежать, гну бежал впереди них. Он бежал и смотрел, где мышь устроила себе укрытие из кустарника. Он подбегал туда и топтал укрытие, пока не давил мышь. Мышь погибала, а квагги бежали мимо и убегали прочь.

А гну шел и срывал свой травяной хвост — ведь он был человеком.

Вот так он и делал обычно всякий раз, когда хотел убить кого-нибудь. Он шел и срывал пучок этой травы, которая становилась белой, когда высохнет, и делал себе из нее хвост. Когда он собирался убить кого-нибудь, он превращался в кваггу, приделав себе этот хвост, такой же, как у квагг. Он делал так, когда хотел убить кого-нибудь.

А мыши загоняли квагг, огородив участок пучками перьев, воткнутыми в землю. Гну подходил к мыши и затуплял наконечники стрел мыши. Он отвязывал тетиву лука мыши и натягивал вместо нее свои кишки. Затем он шел, срывал пучок травы и делал себе из нее хвост. Он бежал впереди, он бежал и смотрел, обнаруживал укрытие из кустарника, где мышь сидела в засаде, подбегал. Добравшись до укрытия, он топтал кустарник, пока не раздавит мышь. А квагги бежали туда, где никого не было и мышь лежала мертвой.

Тогда он шел, срывал свой травяной хвост и выбрасывал его.

Цагн увидел об этом сон. Он сказал юноше-полосатой мыши, что тот должен пойти охотиться там, откуда длинноносые мыши не возвращаются. Длинноносые мыши остаются там навсегда, они не приходят домой. Поэтому должен охотиться юноша-полосатая мышь, который не позволит гну снять острия у всех наконечников своих стрел, он должен припрятать часть наконечников стрел и тетиву для лука.

И вот юноша-полосатая мышь отправился охотиться вместе с длинноносыми мышами. Они пошли и обнаружили квагг. Они воткнули пучки страусовых перьев, чтобы загнать квагг. Тут к полосатой мыши подошел гну. Он пришел и снял все острия у наконечников стрел полосатой мыши. Он отвязал тетиву лука полосатой мыши и натянул свои кишки. Затем он встал, взял пучок травы и сделал себе из нее хвост. А юноша-полосатая мышь тем временем вынул новую тетиву для лука, отвязал и бросил кишки гну и натянул новую тетиву для лука. Он вытащил из своего мешка для стрел спрятанные там наконечники и прикрепил их к деревянным стерженькам, которые потом надел на древко стрелы из тростника. А колчан он оставил

дома, его стрелы были в мешке для стрел, потому что колчан берут, когда идет дождь.

Юноша-полосатая мышь сделал себе укрытие из кустарника, это было большое укрытие, и его было хорошо видно. Затем он сделал маленькое укрытие из кустарника, которое было совсем незаметно.

Гну бежал и смотрел, и вот он заметил то большое укрытие из кустарника. Он подбежал к нему, а юноша-полосатая мышь выстрелил в него и прострелил ему подмышки. Тогда гну сорвал свой травяной хвост и отшвырнул его. Он пошел, лег и умер, а тем временем юноша-полосатая мышь стрелял из лука в квагг, лежа в засаде, пока квагги бежали мимо него.

Юноша-полосатая мышь был человеком. Этот человек сделал длинноносых мышей своей семьей. Он был умным и поэтому сильным.

Но это Цагн увидел сон, что гну убивает длинноносых мышей и длинноносые мыши не приходят домой.

92. Ящерица, мыши и Цагн

Отец-ящерица расположился однажды на дереве. Он лежал на покрытом колючками дереве и пел. Вот что он пел:

О! О!

Ящерица лежит на колючем дереве.

О! О!

Ящерица лежит на колючем дереве.

А дочь ящерицы услышала крик юноши-длинноносой мыши. Тот шел и кричал, преследуя раненую газель.

Дочь сказала отцу-ящерице:

— Эй, перестань! Прислушайся, кажется, там кто-то кричит!

— Погляди и скажи мне, кто там! — ответил отец-ящерица.

Его дочь сказала:

— Ну перестань! Посмотри, похоже, там какой-то человек. Он преследует газель.

Тогда отец-ящерица сказал:

— Эй, кто там! Подойди сюда! Пойди и вытащи из норы мешок для моей дочери — жены твоего брата. Ведь ты можешь видеть тех, кто поет в норе. Ты должен войти и вытащить мешок для своей невестки.

А юноша-мышь ответил:

— Дай мне сначала напиться!

Отец-ящерица сказал:

— Пей из этого мешка для воды¹.

И юноша-мышь напился из гнилого мешка для воды.

Затем отец-ящерица сказал:

— Вот что ты должен сделать: быстро войди в нору и вытащи мешок для невестки. Когда же ты будешь выходить, поверни голову назад, вот так, как мы, и закрой глаза.

Юноша-мышь вошел в нору, а когда выходил, сказал:

— Поворачиваю голову назад, вот так. Делаю, как ты говоришь.

Тогда отец-ящерица сказал:

— Теперь закрой глаза.

Юноша-мышь закрыл глаза, а отец-ящерица взял палку и ждал, пока выйдет юноша-мышь. Как только тот вышел, отец-ящерица — дзап-п! — ударил его по лицу палкой. Он оттащил его прочь, а потом пошел и спрятал палку. Отец-ящерица направился к газели, бросил в нее дубинкой и убил ее.

Он притащил газель и, пока его дочь разрезала тушу, взобрался на колючее дерево.

— Может, ты сначала поешь, а потом уже влезешь наверх? — спросила дочь.

Отец-ящерица сказал:

— Ты положи для меня еду, я собираюсь поесть.

Затем он снова взобрался наверх и запел:

О! О!

Ящерица лежит на колючем дереве.

О! О!

Ящерица лежит на колючем дереве.

О! О!

Ящерица лежит на колючем дереве.

Его дочь сказала:

— Перестань! Прислушайся, кажется, там кто-то кричит.

А он сказал:

— Погляди и Расскажи мне.

Его дочь взглянула и сказала:

— Там идет какой-то человек, он преследует газель.

Тогда он спросил:

— А он далеко?

Его дочь сказала:

— Нет, он приближается.

— Скажи ему, чтобы шел сюда,— велел отец.

И его дочь позвала:

— Иди сюда, мой отец хочет, чтобы ты подошел.

И юноша-мышь приблизился. Отец-ящерица спустился с колючего дерева и сказал мыши:

— Ты должен войти в нору и вытащить мешок для невестки; ведь ты можешь видеть тех, кто поет в норе. Быстро вытащи мешок для невестки!

И юноша-мышь вошел в нору.

А отец-ящерица сказал:

— Мы всегда поворачиваем головы назад, вот таким образом, мы делаем вот так.

Юноша-мышь согласился:

— Ну, что ж, повернем голову назад, вот так. Как ты скажешь, так и сделаем.

Отец-ящерица стоял наверху, у выхода из норы. Он приготовился и, когда юноша-мышь вышел, он — дзап-п — ударил его палкой по лицу и сбил с ног. Затем он вытащил мышь из норы и положил. Он спрятал палку и отправился за газелью. Он убил газель и притащил ее дочери, чтобы та ее разрезала.

Затем отец-ящерица взобрался на колючее дерево, он лежал, напевая, на колючем дереве. Он слез, поел. Затем снова взобрался на колючее дерево и лежал там, напевая.

Он пел:

О! О!

Ящерица лежит на колючем дереве.

О! О!

Ящерица лежит на колючем дереве.

Его дочь сказала:

— Перестань! Прислушайся, кажется, там кто-то кричит.

И он сказал:

— Погляди и скажи мне.

И его дочь сказала:

— Там идет какой-то человек, он преследует газель. А ты тут знай веселишься, не можешь помолчать!

Тогда он сказал:

— Перестань! Скорее скажи ему, чтобы он шел сюда, а то он пройдет мимо.

И девушка позвала:

— Иди сюда, мой отец хочет, чтобы ты подошел.

И юноша-мышь подошел и попросил:

— Дай мне напиток!

Отец-ящерица сказал:

— Пей вон из этого мешка с водой.

Юноша-мышь напился из гнилого мешка с водой.

Отец-ящерица сказал:

— Пей быстрее, ты должен быстро зайти в нору и вытащить мешок для невестки, ведь ты можешь видеть, кто поет в норе. Ты должен вытащить мешок для невестки.

Юноша-мышь быстро напился и вошел в нору.

Тогда отец-ящерица сказал:

— Мы всегда поворачиваем головы назад, вот так, мы делаем так, а сами закрываем глаза.

— Ну что ж, повернем голову назад, вот так.

Тем временем отец-ящерица пошел и взял палку. Он подошел и стал у входа в нору, ожидая. Потом он сбил мышь с ног, вытащил, положил и спрятал свою палку. Он направился к газели, подошел и пристрелил газель из лука и притащил дочери. И, пока его дочь разрезала тушу, он взобрался на колючее дерево.

А Цагн увидел об этом сон. На следующий день рано утром он сказал, что юноша-полосатая мышь должен пойти охотиться в том месте, где обычно охотились длинноносые мыши. Они часто не возвращаются оттуда с охоты. И он увидел во сне, что это отец-ящерица убивает длинноносых мышей.

Поэтому, когда рассвело, юноша-полосатая мышь отправился охотиться в те места, где обычно охотились длинноносые мыши.

И вот девушка услышала крик полосатой мыши. Она сказала отцу:

— Перестань! Прислушайся, кажется, там кто-то кричит.

— Погляди и скажи мне, и я быстро позову его, чтобы он подошел,— ответил отец-ящерица.

Его дочь сказала:

— Там идет какой-то человек, он преследует газель.

Отец-ящерица спустился вниз, с колючего дерева, он сказал:

— Эй, кто там? Иди сюда!

Юноша-полосатая мышь стал озиаться, он смотрел в другую сторону.

Ящерица воскликнула:

— Дурень, дурень, ну и дурень! Я его зову, а он смотрит совсем в другую сторону! Эй, ты! Иди сюда!

Юноша-полосатая мышь сказал:

— Подожди! Я убью газель, а потом приду!

Но отец-ящерица сказал:

— Эй, ты! Прекрати! Иди сюда!

Его дочь попросила:

— О отец! Пусть этот человек сначала добудет пищу. Ведь он не похож на тех, которые приходили раньше. Видишь, он не остановился, когда ты его позвал.

Отец-ящерица сказал:

— Неправда! Скоро я и его собью с ног!

Юноша-полосатая мышь пошел и убил газель. Затем он разрезал газель, положил в мешок ногу газели, а потом взял остаток туши и пошел. Он присмотрел место, где ее положить, пошел туда и положил газель.

Отец-ящерица позвал полосатую мышь. Он сказал:

— Скорее войди в нору и вытащи мешок для невестки.

— Сначала дай мне напиться! — ответил юноша-полосатая мышь.

— Нет, сначала войди в нору, ты должен сначала вытащить мешок для невестки, а потом напьешься!

Но тот сказал:

— Сначала я напьюсь, я хочу пить!

Отец-ящерица уступил.

— Напейся из этого мешка и быстро иди в нору!— сказал он.

Но юноша-полосатая мышь прошел мимо гнилого мешка с водой, он нашел новый мешок и напился из него. Затем он встал и завязал мешок с водой.

Отец-ящерица сказал:

— Эй, ты! Ты, кажется, отдыхаешь? Что-то ты не торопишься. Скорее войди в нору и вытащи мешок для невестки!

А юноша-полосатая мышь встал, вынул ногу гавели и стал есть. Отец-ящерица сказал:

— Теперь ты, видимо, будешь есть, пока не наешься!

— Да, а что? И вообще объясни мне, почему это я должен сначала лезть в твою нору? — спросил юноша-полосатая мышь.

— Я хочу, чтобы ты быстрее вошел в нору, чтобы вытащить мешок для невестки, а не сидел тут и ел! — ответил отец-ящерица.

Тогда юноша-полосатая мышь встал, подошел к норе и сказал:

— Я не хочу входить, сначала войди ты!

— Прекрати! И входи в нору побыстрее!

— Но я не хочу входить, это ты должен войти первым, ты знаешь, как туда входить!

Отец-ящерица закричал:

— Ну, входи, входи же! Почему ты споришь со мной вместо того, чтобы быстрее войти?!

Юноша-полосатая мышь сказал:

— Как я войду? Ты же видишь, что я не смогу пролезть туда. Вход маленький, и я могу застрять.

Но отец-ящерица говорил:

— Ну, входи же, входи!

Юноша-полосатая мышь замолчал. Он пошел вперед и встал перед входом в нору. Его лопатки мешали ему пройти, и он сказал:

— Ну вот видишь! Ты должен войти, чтобы я поглядел, как ты это делаешь, ты ведь знаешь эту нору!

Отец-ящерица сказал:

— Убирайся! Садись напротив и запоминай, как мы входим. И ты должен посмотреть, что мы делаем, когда выходим оттуда. Слушай, что мы говорим, когда выходим!

И отец-ящерица, извиваясь, вполз в нору.

А девушка пошла и достала палку. Она подошла к юноше-полосатой мыши, дала ему палку. Она сказала:

— Этой палкой он убивал твоих товарищей.

Юноша-полосатая мышь взял палку, он держал ее наготове. Отец-ящерица между тем говорил:

— Голову надо поворачивать назад, вот так. Мы делаем вот так, мы поворачиваем головы назад таким образом. Мы делаем вот так, мы поворачиваем голову назад таким образом.

Он стал выходить из норы и закрыл глаза, а юноша-полосатая мышь ударил его — дзап-п — и сбил его с ног, у самого входа.

— Чтобы спасти моих друзей, я убиваю сам! — сказал юноша-полосатая мышь.

А длинноносые мыши говорили:

— Я здесь! Я здесь!

И они махали кистями, сделанными из хвостов гиен и пучков травы, насаженных на палки, — так они отгоняли мух.

Затем они все вместе взяли газель и понесли ее. Они собирались разрезать ее и дать девушке, чтобы она провялила мясо. Потом они взяли мясо и понесли его домой.

А юноша-полосатая мышь шел рядом с девушкой — ведь он стал ее мужем.

Когда они спускались по холму к дому и жены длинноносых мышей вышли встречать своих мужей, Цагн сказал:

— Поглядите, вы, кажется, думали, что я обманываю вас, а я говорил правду. Поэтому я хочу, чтобы вы посмотрели, как эти люди идут вместе с полосатой мышью. Я ведь говорил вам, что они придут вместе, они и полосатая мышь. И я видел во сне, как идет девушка, рядом с ней идет полосатая мышь. Девушка пришла вместе с полосатой мышью.

93. Цагн и слоны

Как-то Цагн отправился за медом диких пчел. Он взял с собой маленькую газель, ребенка своей сестры.

Цагн выкапывал мед диких пчел, а маленькая га-

зель сидела наверху, на куче земли, выброшенной из ямы. Мимо проходили слоны, и одна слониха посадила себе на спину маленькую газель и унесла ее. А у норы остался слоненок.

Цагн стоял в норе, доставал мед диких пчел и бросал его маленькой газели.

— Я ем мед, а ты ешь? — спросил он.

Но маленькая газель не ответила Цагну.

Цагн сказал:

— Что случилось? Почему этот ребенок не отвечает мне, когда я спрашиваю его, ест ли он мед, как и я?

И Цагн вынул еще меда. Он спросил:

— Я ем мед, а ты ешь?

Тогда слоненок сказал:

— Курру!

Цагн удивился:

— Послушайте! В чем дело? Мое дитя никогда не говорило так, я не могу понять, что говорит ребенок. Выну-ка я еще меда и выброшу его наружу снова, чтобы послушать, мое ли дитя это разговаривает. Потому что я не понимаю, что это дитя отвечает, оно говорит неразборчиво. Что могло случиться с горлом ребенка? Я должен выяснить все это, и поэтому выброшу-ка я наверх еще меда.

Цагн выбросил из норы мед и спросил:

— Ну, ты ешь мед, как и я?

А слоненок сказал:

— Курру!

Цагн тщетно вслушивался.

— Может, землей поцарапало ребенку горло? Вылезу-ка я и погляжу, что случилось с горлом ребенка.

Когда Цагн вылез из норы, он увидел, что там сидит слоненок, весь засыпанный землей.

Цагн подумал: «Должно быть, это он мне отвечал».

И он поднял свою палку-копалку с насаженным на нее камнем, которой он выкапывал мед, и сбил слоненка с ног.

Затем он сказал:

— Он, должно быть, сидел здесь, а его уши похожи на циновки. Так вот почему я не получал ответа, когда звал свое дитя! — И он убил слоненка.

Слоненок лежал мертвый, а Цагн спрашивал себя, как случилось, что слоненок оказался здесь. Он стал смотреть вокруг и увидел след стада слонов.

Он сказал:

— Должно быть, это стадо увело у меня ребенка.

И он повернулся, поднял свой колчан и побежал по следу слонов.

Но потом он сказал:

— Я думаю, мне следует вернуться и отправиться домой. Надо сказать сестре о ребенке, чтобы она знала, что случилось, а то она будет ждать меня.

Он пошел домой и сказал своей сестре:

— Слоны, видимо, забрали ребенка, пока я копал в норе.

А его сестра сказала:

— А разве ты не слышал, как пришли слоны и стояли там над тобой?

Он ответил:

— Я действительно ничего не слышал. Я не слышал слонов, ведь я оставался в норе.

Тогда его сестра сказала:

— Верни мне ребенка! Видно, ты заснул там в норе, поэтому ты не услышал слонов. Ведь ты сам сказал мне, что это было большое стадо, оно пришло туда и стояло над тобой.

И Цагн ответил:

— Сестра моя, положи в маленький мешок мяса мне в дорогу, потому что я хочу пойти по следу слонов и попытаться найти ребенка.

Сказав это, Цагн отправился. И он велел сестре следить за травой, как только начнет дуть ветер. Потому что ветер будет наклонять траву вот так, от дома, пока он будет идти в этом направлении. Ветер будет дуть вот так, и трава будет клониться в эту сторону. А когда он будет возвращаться, ветер будет дуть и наклонять траву в другую сторону, к дому. Это будет восточный ветер, и по нему она узнает, что Цагн возвращается и что ребенок с ним.

Сказав все это своей сестре, Цагн отправился. Он нашел след слонов и пошел по следу. Он поднялся на холм, увидел дома слонов и заметил маленькую газель, играющую с детьми слонов.

И он обрадовался и воскликнул:

— Вот моя Каттау, мой дружок! Она играет там с детьми слонов.

Но слоны заметили его, когда он спускался с холма. Слониха вскочила и бросилась к маленькой газели. Она подняла маленькую газель и проглотила ее. Затем она села возле дома и стала ждать Цагна.

Цагн подошел к ней и спросил, где маленькая газель. Слониха ответила, что здесь нет маленькой газели. Но Цагн сказал, что он видел, как маленькая газель играла с детьми слонов, и видел, как слониха проглотила маленькую газель. Слониха должна отдать ребенка его сестры — ведь та сильно бранила его из-за ребенка.

Слониха сказала, что он не должен уносить ребенка, но Цагн ответил, что он собирается вытащить ребенка.

Она сказала:

— Как же ты ухитришься вытащить ребенка?

Цагн сказал:

— Я войду в твой рот.

Но слониха ответила, что она его выплюнет. Тогда Цагн сказал, что заберется ей под коготь, а слониха ответила, что она его вытащит оттуда.

Пока Цагн сидел и разговаривал, слоны обступили его. Он вошел в пупок слонихи, а слоны кололи его своими копьями. Цагн добрался до маленькой газели, которая была в животе слонихи, и там, внутри, завернул маленькую газель в шкуру и перекинул ее за спину.

А слоны все стояли вокруг слонихи и ждали, когда Цагн будет вытаскивать маленькую газель, чтобы заколоть его до смерти. Цагн разрезал внутренности слонихи на куски, и, пока слоны ждали его у пупка слонихи, куда он вошел, он вышел через ее хобот и взобрался на ее голову с маленькой газелью на спине. А слониха упала мертвой.

Тогда один из слонов сказал:

— Цагн уже вышел, он на голове нашей подруги.

И все они побежали и окружили Цагна. Слоны хотели заколоть его до смерти.

Тогда Цагн взлетел вместе с маленькой газелью и сказал:

— Разве вы можете со мной сравниться? Ведь я —

Цагн, у которого вы хотели украсть его ребенка. Вы не можете с ним соперничать — ведь он колдун, а вы пытались украсть у него ребенка!

С этими словами Цагн отправился домой.

Между тем его сестра посмотрела на траву — трава клонилась в сторону дома, и ветер дул с востока.

Его сестра воскликнула:

— О люди, глядите! Почему это трава клонится в эту сторону? Ветер дует с востока. Цагн говорил мне, что ветер будет дуть с востока, когда он будет возвращаться, когда он направится к дому. Все так, как он мне говорил, и я вижу по ветру и траве, что он еще ищет моего ребенка. А теперь похоже, что он уже идет домой, теперь все так, как он говорил. Трава клонится так, как он говорил, и ветер дует так, как он говорил. Так все было, пока он приближался, а теперь ветер утих, и трава не шелохнется — верно, он уже близко. Теперь мы должны выглянуть и, наверное, увидим его.

И они увидели, что Цагн идет и несет газель.

И мать маленькой газели сказала:

— Кажется, это идет Цагн.

Она обрадовалась и пошла ему навстречу. Она вынула из шкуры маленькую газель, подняла ее и стала целовать. А Цагн пошел к хижине. Он сел, а мать-газель все целовала маленькую газель и радовалась.

94. Птица кваи-кваи, Цагн и дети (I вариант)

Некогда птица кваи-кваи была человеком. Кваи-кваи положил детей в сеть. А дети стали петь. Дети остались дома с Цагном, они сунули кваи-кваи в огонь. И они пели о кваи-кваи. Вот что они пели:

Мать, мать!
Нас схватил кваи-кваи!
Он собирается убить нас,
Нас, оставшихся дома!
Мать, мать!
Нас схватил кваи-кваи!
Он собирается убить нас,
Нас, оставшихся дома!

А дед Цагн сказал:

— Кричите громко, кричите, кричите громко! Кричите громко, кричите, кричите громко!

Он хотел, чтобы дети пели громко.

Матери детей сказали:

— Послушайте! Это кричат наши дети! Кажется, они кричат, что к нам пришел кваи-кваи. Обычно, когда мы уходим из дома и прислушиваемся, они не кричат так, они вообще спокойные, и они не поют. А вот голос деда Цагна, да, мы слышим его. Он говорит низким голосом, а дети поют. Дети говорят тихими голосами, а дед Цагн — низким голосом. Верно, он направляется к нам, он идет и прислушивается, где мы. Давайте вернемся и посмотрим, почему дети поют так. Как будто к ним пришел кваи-кваи, потому-то они и кричат там дома. Мы должны пойти и послушать, что скажет дед Цагн. Он остался с детьми, он взрослый. Давайте пойдем и послушаем, что он скажет.

95. Птица кваи-кваи, Цагн и дети (II вариант)

Цагн увидел сон, будто пришел разгневанный кваи-кваи и хотел забрать детей. На другой день Цагн сказал людям, что он видел сон, будто кваи-кваи пришел, когда дети играли, и положил детей в сеть. Поэтому он, Цагн, должен остаться с детьми, ведь он взрослый. Он взрослый и мудрый, и он останется с детьми дома — ведь дети неразумны, они ничего не понимают. Кваи-кваи придет, чтобы их зажарить. Поэтому он, Цагн, должен остаться дома, ведь он все понимает. И он вытащит их из огня и сунет в огонь кваи-кваи.

Затем Цагн обратился к детям, он сказал:

— Дети! Поджарьте кваи-кваи, ведь это просто птица.

Дети стали жарить кваи-кваи на раскаленных камнях, вот как они его поджарили. А кваи-кваи пронзительно кричал от ожогов.

И кваи-кваи сказал:

— В-в-в-в-в-в, надо всегда смотреть, нет ли Цагна поблизости.

А Цагн сказал:

— Я — Цагн, я здесь! Ты, кажется, решил, что ты так же умен, как и я?! Но я — Цагн! Это я поджариваю тебя! Я — тот, кто умен!

Затем Цагн заговорил с детьми, он сказал, чтобы дети поджаривали кваи-кваи, а не смотрели в изумлении, как он поджаривает кваи-кваи, потому что это всего лишь птица кваи-кваи. И дети поджарили вместе с ним кваи-кваи.

Цагн говорил с детьми, он хотел, чтобы они узнали о кваи-кваи. Ведь кваи-кваи собирался сунуть их в огонь, самого маленького из них. Но он, Цагн, взрослый, и он остался с детьми, он не позволил, чтобы один из малышей был сожжен.

До сих пор его жена часто говорила ему, что он не похож на взрослого, кажется, будто он неразумен. Он имеет привычку надевать перья и улетать в случае опасности, когда ему кажется, что люди собираются убить его¹. Потом он входит в водоем, вот здесь, напротив хижины. Он выходит из воды, куда он влетел, чтобы обмыть раны, он идет, повесив колчан через плечо, и направляется к хижине.

Молодой Ихневмон закричит, узнав Цагна. Цагн покрыт ранами, он идет домой. И молодой Ихневмон закричит, увидев его.

96. Как Цагн отобрал овец у клещей

Цагн отправился к жилищам клещей. Они его увидели и стали говорить:

— Что это за человек идет вон там?

А один сказал:

— Это Цагн идет там. Давайте заползем в шерсть овец, а этого малыша оставим присматривать за горшками на огне. Тогда старик, видя, что здесь один ребенок, подойдет к краалю¹. А мы будем держать дубинки наготове. Мы послушаем, о чем он будет говорить с ребенком, когда он подойдет. Увидя, что нас нет, он будет спрашивать ребенка.

Они забрались в шерсть овец. Цагн подошел к ребенку и сказал:

— Неужели у меня такой воинственный вид, что

все люди в страхе разбежались, хотя я иду спокойно? Здесь остался только один черный ребенок, он пробует что-то из горшка, а все остальные ушли, оставив его одного дома. И в хижинах больше никого нет.

А люди, забравшись в шерсть овец, внимательно слушали.

Цагн сказал:

— Ну а теперь я положу мой колчан, выну из горшка жир и съем его — ведь люди в страхе разбежались. Ну а что касается этого неразумного ребенка, то вначале я наемся досыта, а потом собью его с ног.

Тут один из клещей упал вниз. Цагн увидел, что он упал, и спросил его:

— Откуда ты взялся?

Но юноша-клещ не ответил, он молча отобрал у него горшок и поставил его на огонь. За ним упала его сестра, затем упал его старший брат и унес горшок подальше. И еще несколько клещей упало возле других очагов. А клещи, оставшиеся в овечьей шерсти, шептались между собой:

— Ну теперь падайте друг за другом.

И вот один высокий юноша-клещ соскользнул вниз возле Цагна. Он сел, держа Цагна за каросс. А его брат соскользнул вниз возле другого бока Цагна. Он тоже подступил к Цагну, схватил его за другой бок каросса и прижал к земле. Тут раздалось «в-в-в-в», и еще один клещ свалился вниз.

Их отец, старый клещ, сидел еще в шерсти. Он сказал клещу, который был с ним:

— Ты пока подожди и держи свою палку наготове. Внизу уже много народа. Люди обступили его со всех сторон. Мы собьем его с ног, а они бросятся его бить.

Цагн отступил назад. Он сказал себе:

— Отодвинусь-ка я немного подальше.

Он потянул за свой каросс, но тот был крепко прижат к земле. Тут старый клещ упал на него сверху и сбил его с ног. И другой клещ свалился на Цагна, прямо ему на плечи, и ударил его дубинкой. Один клещ наскочил на него вот отсюда, с этой стороны, и ударил Цагна в бок. Другой клещ спрыгнул на Цагна сверху и ударил его в другой бок, так что Цагн взвизгнул. Тогда Цагн выскользнул из каросса. А клещи

все вместе набросились на него. Он кричал, а они его избивали.

И вот он пошел, он позвал мешок из шкуры антилопы каама. Пришел и каросс. Колчан сам поднялся и пришел. Пришла палка, пришел мешок. Он ушел первым, а его вещи последовали за ним.

Он полетел и влетел в воду, переплыл водоем и вышел на берег. Он сказал детям антилопы каама²:

— Подождите меня там, пока я доберусь к вам, чтобы понести вас. Я еле двигаюсь, ведь люди избивали меня, и я пойду домой медленно.

И он взял детей антилопы каама, все свои вещи, и понес их. Он медленно направился к дому.

Ихневмон увидел его. Ихневмон сказал:

— Вот идет Цагн, он еле плетется. Кажется, его избивали клещи, как они делают всегда. Ведь это сердитый народ. Хорошо, что он вспомнил, что у него есть крылья,— потому только мы сейчас его и видим, но сегодня ночью он будет плохо спать.

Цагн сел и стал рассказывать:

— Люди, к которым я ходил, должно быть, спрятались — ведь я их не видел. А потом они стали появляться откуда-то сверху, они соскальзывали вниз. Они меня избивали, а их овцы были в краале.

Ихневмон сказал Цагну:

— Ты пошел в дом, в который не следует ходить. Мимо него просто проходят и идут по своим домам, если их овцы находятся в краале. Потому что эти люди — чернокожие, они имеют обыкновение забивать человека до смерти из-за своих овец. Они забираются в овечью шерсть, и мы их не видим. Но они следят и первыми замечают человека, когда он еще далеко. Они прячутся в овечьих кароссах, свисая оттуда. А потом они начинают падать вниз, набрасываются на человека со всех сторон и избивают его.

Цагн согласился с ним:

— Да, так они и сделали. Один из них сбил меня с ног, а потом попадали вниз другие и избивали меня. А я не стал подбирать свою палку и давать им сдачи. Я вскочил, оставив палку, и все мои вещи остались на кусте, а я полетел вон к тому водоему, чтобы смыть кровь. Тем временем колчан пришел туда следом за мной, и все мои вещи тоже последовали за мной.

Ихневмон сказал ему:

— Вот ты сидишь и дрожишь, потому что, получив раны, ты вошел в холодную воду. Ты мог даже умереть, а мы бы и не узнали. А в холодную воду тебе пришлось войти из-за твоих же проделок, которые ты затеял с этими людьми, даже не зная их. Никто не ходит к ним — ведь они пьют кровь. Они — чернокожие, с окровавленными руками. И их дома тоже черные. Это сердитый народ.

Цагн сказал ему:

— О Ихневмон, ты не должен поучать меня — ведь я стар. Если бы мне хотелось посидеть и послушать, я бы тебя послушал. Ты всегда меня бранишь. Но я думаю, что вправе рассердиться. Я больше не хочу сидеть тут и разговаривать, я хочу лечь. У меня болит голова. И ты не должен говорить, что я буду спать плохо, но я действительно болен, я буду мучиться от боли.

Цагн лег спать и накрылся с головой.

Ихневмон сказал:

— Вот ты всегда так.

А Цагн лежит и стонет. Он видит сон, что все дома клещей поднялись и пришли. И овцы поднялись и пришли и стоят перед его домом, а дома клещей — по обе стороны от его домов. Тем временем Ихневмон все еще спит. Когда же Ихневмон проснется, он увидит, что кароссы здесь, все вещи здесь, дубинки, которыми те люди били Цагна, здесь. Те люди спят, но вскоре они почувствуют холод. Они будут спать глубоким сном, им кажется, что они закутаны, но это не так, они остались на холоде. Им кажется, будто они спят в домах, но они проснутся и не обнаружат их. Они не увидят даже следов своих овец — ведь следы ведут вверх, крааль понимется вверх вместе с овцами.

Затем они обнаружат отсутствие огня — огонь уйдет вместе с домами, и все горшки исчезнут. Тогда те люди не смогут готовить себе пищу, ведь и их ножи уйдут. Этими ножами он, Цагн, будет резать овец, а те люди будут бродить раздетыми, лишившись всего, что им принадлежало. И они будут вынуждены пить кровь, так как у них больше не будет огня, как раньше. С этого времени готовить пищу будут настоящие

люди, а эти будут бродить во тьме. Они должны будут существовать тем, что будут кусать других, пить их кровь, и никогда больше не будут есть приготовленную пищу.

Когда Ихневмон проснулся, Цагн сказал ему:

— О Ихневмон, если ты уже проснулся, взгляни, кто там, снаружи, блеет? Кажется, овцы пришли к нам рано утром, когда мы спали.

Цагн спрашивал Ихневмона, а сам лежал, накрывшись с головой.

Ихневмон встал и вышел. Он увидел овец и сказал:

— О люди, вставайте! Вставайте и поглядите на овец, которые стоят в этом краале, что принес мой дед Цагн. Овцы здесь, и дома пришли вместе с ними. Взгляните на эти горшки, которые принес дед. Взгляните на кароссы клещей, теперь мы будем спать, завернувшись в них. Я смогу наконец уберечься от холода, от которого так страдаю. Здесь дубинки, которыми они били моего деда, и я возьму их себе, чтобы я мог бить других. Когда мой дед Цагн возьмет себе дубинку старого клеща, я заберу дубинки моих ровесников, которые помогали своим родителям бить моего деда Цагна.

Тут встала жена Цагна Даман. Она сказала Цагну:

— О Цагн, почему ты увел чужих овец?

Цагн, не вставая, ответил ей:

— Мне кажется, это справедливо, потому что эти люди напали на меня. Они так рассердились, что хотели убить меня. И я почувствовал, что хочу, чтобы вот эти сердитые люди больше не грелись у огня, потому что они побили меня возле своего очага. Теперь они будут вынуждены пить сырую кровь, потому что у них нет огня и они не смогут готовить и жарить мясо. А в этих горшках теперь будут готовить свою пищу жители равнины, потому что у них должен быть огонь. Когда-нибудь потом мы тоже станем как клещи, мы лишимся огня и будем есть что попадется. Ты, Ихневмон, будешь жить на холмах вместе со своей матерью. Она станет настоящим дикобразом и будет жить в норе. А бабушка Даман будет жить в горном логовище — ведь ее имя означает даман. У меня появятся крылья, и я буду летать, я стану маленьким зеленым существом. Ты, Ихневмон, будешь

есть мед, потому что будешь жить на холмах. А твоей женой станет тоже Ихневмон.

Жена Квамманга позвала мужа:

— О Ква! Взгляни на овец, стоящих здесь, которых привел Цагн. Нам не обязательно съесть их всех сразу — ведь никто не видел, как они пришли, и люди никогда не узнают, куда они ушли. Овцы поднялись вверх прямо вместе с краалем, в котором они находились. И вещи поднялись вместе с овцами. Овцы пришли с неба и теперь стоят тут. Вещи также пришли с неба и расположились здесь, пока люди спали.

Ихневмон сказал:

— О Цагн, оставь нам только вещи этих людей, а дома пусть останутся у них.

Цагн ответил:

— Разве ты не понимаешь, почему я считаю это справедливым? Эти люди плохо обошлись со мной, они хотели, чтобы я дрожал от боли. И я хочу, чтобы теперь они увидели, на что я способен, и признали это. Они бы накормили меня, чтобы я мог сытым вернуться домой. И я не поступил бы так с ними, если бы вернулся довольный. А теперь, раз они навсегда лишены огня, им придется высасывать кровь. Они будут бродить раздетыми, в одной своей черной шкуре, потому что не смогут найти кароссы. Они всегда будут бродить по ночам обнаженными и станут терпеть муки холода, потому что у них нет домов. Им придется кусать уши зайца, чтобы пить его кровь. Старому клещу теперь всегда придется прокусывать кожу людей и высасывать кровь — ведь у него нет ножа. Клещи станут питаться кровью, они будут настоящими кровососами. И они станут кусать овец. А люди будут искать их в овечьей шерсти, бросать на землю и давить их, этих овечьих клещей.

97. Цагн и Всепожирающий (продолжение № 96)

Цагн сказал:

— Ну вот, а теперь ты, Ихневмон, поймай несколько жирных овец, и пусть твой отец зарежет их для нас и повесит мясо вялиться возле дома. Мне не хочется

резать мясо самому — ведь я все еще мучаюсь от боли. Пусть сначала спадет опухоль, а потом и я смогу резать мясо. Тогда и я повешу мясо вялиться у своего дома, чтобы овечий жир высох и женщины могли перетопить его. Мы станем смазывать этим жиром вяленое мясо квагги и грызть его. Оно будет хрустеть на зубах — ведь мясо старой квагги белое и жесткое. Зарежешь старых овец, а ягнят пока оставь, ведь нам не съесть всех этих овец, их слишком много.

А жена Квамманга пусть приготовит и уберет вяленое мясо, а утром она должна позвать вон того человека. Пусть тот придет и съест вместе со мной этих овец — я пересчитал их и вижу, что их очень много.

Жена Квамманга сказала:

— Неужели ты действительно хочешь, чтобы я пошла за Человеком-Который-Ест-Кустарник? Если он придет, то проглотит всех овец, что стоят в краале. Он и нас проглотит вместе с овцами, и не думай, что хотя бы эти кусты останутся. Он — Человек-Который-Все-Пожирает, он идет и все поедает на своем пути, даже кустарник.

Цагн сказал ей:

— Ты должна пойти к своему родному отцу — Всепожирающему. Пусть он поможет мне съесть этих овец и этот суп. Я уже вылил часть супа, потому что у меня болит сердце. Жир схватил меня за сердце, я не хочу больше супа. Поэтому я хочу, чтобы тот старик пришел. Пусть он съест суп, и тогда я смогу говорить, а теперь у меня нет сил. Наполни этот мешок вяленным мясом и возьми его с собой, тогда тот человек придет. А иначе он может отказаться.

Жена Квамманга сказала:

— Никто не живет с этим человеком, он одинок. Люди не могут давать ему пищу из своих рук, потому что его язык подобен огню. Он сжигает руки людей своим языком. И не думай, что нам удастся накормить его из своих рук. Нам придется увертываться, отпрыгивать в сторону. Горшки будут проглочены вместе с супом, который в них налит. И вон те овцы точно так же будут проглочены. Этот человек всегда поступает так. Он не часто отправляется в дальний путь — тяжесть набитого живота не пускает его. Он мой отец, а я живу вместе с тобой. Я боюсь, что он сожрет меня,

ты же не станешь этого делать. Все же я приведу его завтра, пусть он придет, и ты увидишь его сам, своими собственными глазами.

Жена Квамманга взяла с собой вяленое мясо и утром вышла из дому. Она пришла к своему отцу, Всепожиряющему, и сняла с плеча мешок с мясом.

Она сказала своему отцу:

— Отправляйся! Вон тот двоюродный брат просит тебя прийти и съесть его овец. Он хочет, чтобы ты пришел. Я все сказала, а теперь я пойду вперед — ведь я не могу идти быстро.

Она вытряхнула мясо из мешка на кустарник. Всепожиряющий слизал мясо и кусты вместе с ним, он проглотил и кусты также. А жена Квамманга перекинула мешок через плечо и быстро пошла вперед. Она шла и указывала дорогу:

— Ты должен подняться туда, откуда я пришла, и увидишь стоящих там овец.

Всю дорогу она боялась, что Всепожиряющий съест ее. Она первой добралась до хижины.

Цагн спросил ее:

— А где твой отец?

— Он еще в пути. Следи за этим кустом вон там, наверху, и смотри, не скользнет ли сверху тень. Тогда ты увидишь, что куст вырван. Проследи за тенью — и увидишь, что кусты там, наверху, исчезли. Он еще только подходит к холму, а его язык уже унес кустарник. Затем появится он сам, и когда он достигнет нашего дома, у нас уже не останется больше кустарника, и нам негде будет прятаться. Ну а теперь пусть Ихневмон поест вдосталь — этого мяса он больше не увидит. Человек уже идет вон там, тех кустов больше нет, и овец он проглотит точно так же.

Всепожиряющий шел по следу жены Квамманга и по дороге поедал весь кустарник. Он поднялся на холм и сожрал там кустарник, и вот его тень скользнула к дому Цагна. Она упала на Цагна. Цагн взглянул на солнце и ему показалось, что солнце спряталось в облака.

— Где же облака? — спросил Цагн.

Жена Квамманга ответила ему:

— Никаких облаков нет. Пусть Ихневмон пойдет и припрячет для меня вот этот горшок. Он ведь видит

вон там тень этого человека, она уже накрывает нас. Когда он до нас доберется, то нам покажется, что солнце село. Вон там чернеет его рот, это не тень, это рот, и деревья входят туда.

Тут Цагн увидел язык Всепожирающего.

— Разве твой отец держит в руке огонь? Я вижу, что там полыхает пламя!

Жена Квамманга ответила ему:

— Это сюда идет человек с огненным языком. Он уже близко, вот ты и видишь его язык. Нам надо уйти отсюда. Нам не следует давать ему что-либо самим, надо просто положить это для него на землю, иначе его язык опалит нам руки. И пусть жена Цагна спрячет другой горшок, чтобы и у нее остался суп. Ведь теперь и она видит живот Всепожирающего, вон он протянулся по обе стороны от нас. Мы не чувствуем ветра, потому что этот человек приближается. Когда он стоит, то заслоняет собой ветер. Он не садится, а всегда стоит. Сначала он съест все вещи. Он уже положил слой кустарника на дно живота и частично его наполнил, но еще не совсем. Поэтому он все еще ищет пищу. Потому что он Человек-Который-Набивает-Себя-Доверху. Когда он оглядится и не найдет больше еды, он проглотит тех людей, которые пригласили его поесть, но не запасли достаточно пищи.

Когда пришел Всепожирающий, Цагн поставил перед ним еду. Всепожирающий быстро ее проглотил. Цагн налил супа в ковш. Всепожирающий проглотил ковш.

Цагн взял мешок с вяленным мясом, вынул мясо, положил его в ковш и придвинул ковш к Всепожирающему. Тот высунул язык, лизнул и обжег руки Цагна. Цагн быстро отдернул руки и отскочил в сторону, натолкнувшись на жену.

Та сказала:

— Почему это Цагн отскакивает от человека, которого он пригласил? Ведь жена Квамманга говорила ему, чтобы он ничего не подавал ему из своих рук, а клал мясо для Всепожирающего на кусты.

Цагн взял еще мяса и положил его в горшок. Он сказал молодому Цагну:

— О дитя! Разожги-ка огонь, чтобы поставить горшок. Мои руки обожжены, и мне приходится сидеть

там, где дед обжег меня. Ведь ты чувствуешь его жаркое дыхание? И его язык тоже источает жар.

Жена сказала Цагну:

— Вынь мясо овцы из горшка ковшом и положи его на кусты.

Но Цагн не слышал, он сидел и плевал на свои руки, чтобы охладить их. Он зачерпнул полный ковш и снова протянул его Всепожирающему. Всепожирающий лизнул его руки. Цагн отскочил, зашатался и ввалился в дом. Он поднялся и сел, облизывая свои руки, чтобы охладить их.

Он сказал Ихневмону:

— О Ихневмон, дай мне еще мяса, я его приготовлю. Ты видишь, все идет так, как говорила твоя мать. И ковшей уже, кажется, не осталось.

Ихневмон сказал Цагну:

— Мать ведь говорила тебе, что все так и будет. А ты не послушал и пригласил этого великана, двоюродного брата. Ведь его все знают и не приглашают, так как его язык подобен огню.

Цагн позвал молодого Цагна:

— Пойди принеси мне мясо, которое спрятала жена Квамманга. Ты видишь, он уже сожрал этот ковш с мясом. Взгляни только на его живот!

Цагн принес еще два ковша, он зачерпнул мяса. Жена слегка подтолкнула его локтем, а он подмигнул ей. Он швырнул вперед ковш с мясом, а затем рядом с ним швырнул другой ковш. Язык Всепожирающего коснулся его уха, и он бросился в дом. Жена заговорила с ним, а он подмигнул ей.

Она сказала:

— О Цагн, перестань мне подмигивать! Ты должен накормить двоюродного брата, которого ты пригласил. Ты должен дать ему много еды. Ведь жена Квамманга говорила тебе, что она не хочет его приводить, потому что его язык всегда был таким.

Всепожирающий с жадностью пожрал оба ковша. Он слизал мясо, которое вялилось на стенах дома, он пожрал его вместе с кустарником.

Цагн сказал Ихневмону:

— О Ихневмон! Принеси мясо, которое разложено на кустах. Ковши он уже проглотил. Я дам старику горшок, он слишком горяч, чтобы он мог его прогло-

тить. А кусты, как видишь, уже проглочены, и мне уже нигде будет сидеть и готовить, когда задует ветер.

Всепожирающий отступил назад, он лизнул кустарник, из которого было сделано жилище Квамманга, он быстро пожрал его вместе с мясом, которое вялилось на кустарнике.

Цагн сказал Ихневмону:

— О Ихневмон! Быстрей приведи овцу, быстрей зарежь ее, видишь, он уже проглотил кусты вместе с мясом.

Всепожирающий попросил воды. Цагн поднял полный мешок с водой и поставил его перед ним. Язык Всепожирающего подхватил мешок с водой, и он проглотил его вместе с водой. Затем он проглотил колючий кустарник.

Цагн сказал молодому Цагну:

— Видишь, нам не придется больше есть, ведь он пожирает даже этот колючий кустарник, хотя на нем шипы.

Цагн сказал Ихневмону:

— О Ихневмон! Принеси вон тот мешок с водой. Этот мешок он уже проглотил. Твой дед повернул голову в поисках воды. Он уже пожрал все. Кажется, он собирается теперь пожрать наши постели, и мне придется сидеть прямо на земле, если дед пожрет все вещи в моей хижине.

Всепожирающий слизал вещи жены Квамманга, он быстро их проглотил.

Цагн сказал своему сыну, молодому Цагну:

— Смотри, все вещи твоей сестры пожраны, сестра сидит тут на голом месте. Скоро будут пожраны овцы.

Всепожирающий посмотрел на овец, подхватил всех овец своим языком и быстро проглотил их прямо живьем.

Цагн сказал:

— Он проглотил овец, не дождавшись, пока я их зарежу! Увы, и кустов уже нет, он проглотил их! Мы сидим на голом месте. Увы! Я лишился всех вещей, которые принес для себя.

Жена Квамманга подмигнула Ихневмону:

— О Ихневмон, говорю тебе, пусть твой младший брат отпрыгнет в сторону. Если твой отец будет и даль-

ше выказывать храбрость, то он будет проглочен. И дед Цагн, конечно, будет проглочен.

Всепожирающий сказал Цагну, который его пригласил:

— О Цагн, вынеси мне то, ради чего ты пригласил меня,— настоящую еду, которую я должен съесть.

Он двинулся вперед и обжег Цагна своим языком.

Цагн сказал:

— Я, Цагн, пригласил тебя, пожирателя всего, в мой дом. Ты пришел и проглотил все мои вещи. Ты не должен просить «настоящей еды», ради которой я пригласил тебя. Ведь те овцы, которых ты пожрал, и были этой едой. Никакой другой еды здесь нет.

Тут Всепожирающий сожрал Цагна, и тот уже больше не разговаривал.

Молодой Цагн отскочил, он взял лук. Всепожирающий взглянул в сторону Квамманга. Молодой Квамманга отскочил, он убежал. А Цагн молчал — ведь он был в животе Всепожирающего.

Теперь Всепожирающий встал против Квамманга, он сказал, что собирается проглотить мужа своей дочери. Хотя тот красив, он все же его проглотит, ему хочется проглотить его. Он быстро двинулся вперед и проглотил мужа своей дочери вместе с постелью, на которой тот сидел. Его живот свесился почти до земли.

Жена Квамманга стала плакать и вздыхать. Дети подошли к ней. Она спросила молодого Цагна:

— Ты свирепый?

Он молчал.

Она спросила его:

— Ты сердитый?

Молодой Цагн молчал — он был сердит.

Она также расспросила своего сына, молодого Квамманга. Она повернулась к огню, возле которого сидела, раскалила копые и спросила сына:

— Ты сердитый? Ты должен помнить, что язык твоего деда похож на огонь. Я бы не хотела, чтобы ты отступил, если твое сердце подобно сердцу отца.

Молодой Квамманга сидел молча.

Они решили разрезать деду живот.

Жена Квамманга вынула копые из огня и приставила раскаленное копые к виску своего младшего брата, молодого Цагна. Огонь обжег ему ухо, но он сидел

спокойно. Она снова раскалила копые, так что оно стало красным. Она сунула пышущее жаром копые в нос своему младшему брату. Слезы медленно выступили у него на глазах.

Она сказала ему:

— Человек, у которого на глазах медленно собираются слезы,— это кроткий человек.

Она раскалила копые и приложила его, пышущее жаром, к мочке уха своего сына. Сын не шелохнулся. Она снова раскалила копые.

Она сказала сыну:

— Язык твоего деда подобен раскаленному копыю. Я не хочу, чтобы ты уклонялся от него, если у тебя такое же сердце, как у твоего отца.

Когда копые раскалилось, она вынула его и сунула в нос своему сыну. Она посмотрела ему в глаза — они были сухими.

Она сказала себе:

— Да, этот — свирепый человек, а тот — кроткий. Этот свирепый, он похож на отца. Тот же — мягкий, он напоминает своего отца, Цагна, тот убегает.

Она сказала своему сыну:

— Помни, язык твоего деда подобен этому копыю. Ты должен держаться стойко, когда пойдешь к деду.

И вот дети, разгневавшись на деда, отправились. Они подошли к нему, а он лежал на солнце. Он встал, он стоял и ждал. Молодой Квамманга сказал молодому Цагну:

— Мать говорила, чтобы я сел по одну сторону от деда, а ты — по другую. Ты, как и твой отец, левша, поэтому садись слева от деда и держи копые в левой руке. А я сяду напротив, с правой стороны, и буду держать копые в правой руке.

Всепожиряющий обжег языком висок молодого Цагна. Он шагнул вперед и обжег языком мочку уха своего внука, молодого Квамманга. Он сказал, что этот маленький ребенок выглядит очень сердитым. Он шагнул и обжег языком мочку уха молодому Цагну, но тот сидел спокойно. Он шагнул и снова обжег языком другое ухо молодого Цагна. Молодой Квамманга пристально посмотрел на молодого Цагна, он подал ему знак, чтобы он крепко держал копые, и сам он тоже крепко держал свое копые. И молодой Цагн крепко

держал копьё, как они договаривались; молодой Квамманга предупредил тогда молодого Цагна:

— Ты должен будешь резать его с одного бока, а я — с другого. Когда проглоченные люди вывалятся наружу, мы убежим.

Молодой Квамманга прыгнул вперед и разрезал Всепожирающего копьем, а молодой Цагн тоже разрезал. И они побежали, а их отцы вывалились из живота Всепожирающего. Квамманга так и сидел на постели. И овцы тоже вывалились, и ковши вывалились, горшки вывалились, вещи вывалились. Всепожирающий скорчился и умер.

Дети сказали:

— О кусты! Мы вас выпустили, вы должны стать кустарником, вы должны вырасти там, где вы были, вы должны стать тем, чем были прежде. Все здесь должно снова стать таким, как было, и эти овцы должны снова бродить здесь и снова возвращаться к краю, который должен стать таким, как прежде. Этот человек, который теперь лежит здесь, тот, кто съел кусты, должен умереть и исчезнуть, чтобы люди снова могли собирать сухой кустарник для костра и обогреться.

Молодой Цагн говорил так и чувствовал, как он похож на своего отца. Его речь напоминала речь его отца, это так и было.

Жена Цагна дала мужу воды, она сказала ему:

— О Цагн! Отпей совсем немного.

Цагн ответил:

— Я умираю от жажды, я должен выпить полную скорлупу воды.

Он проглотил всю воду и упал. А Квамманга ждал. Его жена сказала жене Цагна:

— Возьми эту длинную палку, что лежит здесь, и бей своего мужа по голени этой палкой, пока он не встанет. И разотри хорошенько ему лицо.

Жена Цагна подняла длинную палку и ударила мужа по голени. Он быстро вскочил и сел, дрожа.

Жена стала упрекать его:

— Я же говорила, чтобы ты отпил лишь немного, потому что знала, что случится, если ты выпьешь всю воду. Но ты все же выпил столько, что чуть не погубил себя, ты упал замертво.

Жена Квамманга дала мужу воды, она сказала ему: — О Квамманга! Отпей чуть-чуть, чтобы только смочить рот, а потом отставь воду. Посиди и помойся, ведь ты только что вышел из живота Всепожиряющего. А потом ты можешь пить вдоволь, когда почувствуешь, что твое тело согрелось.

Квамманга отпил немного и отставил воду, он не стал выпивать ее всю. Затем он помылся, попил еще, и лишь потом напился вдоволь.

Его жена приготовила ему мясо, которое она припрятала. Ведь она попросила Ихневмона спрятать для нее часть мяса, чтобы они могли съесть его потом, когда дети одолеют человека, который пожирал их, и он умрет.

— Мы должны поесть. Вон там лежит он, там, где дети его убили. Затем мы уйдем отсюда и оставим его лежать перед этим домом. Мы должны уйти прочь отсюда в поисках нового дома — ведь перед нашим домом лежит этот человек. Мы будем жить в другой хижине, которая станет нашим домом.

Они двинулись прочь, к новому дому, бросив хижину, у которой лежал Человек-Который-Пожирал-Людей.

В этом новом доме они всегда жили в мире.

98. Как Тсуе превратился в гнацане

О проделках Тсуе можно рассказать не одну, а множество историй — ведь проказы его не перечечь.

Когда взошло солнце, Тсуе превратился в кустарник гнацане, и его клевали птицы. Но как только солнце село, спустилась ночь и стало темно, Тсуе снова стал Тсуе, он улегся спать. С восходом солнца Тсуе снова превратился — на этот раз в другой вид гнацане, в дерево гнацане. Но вот наступила ночь — и Тсуе уже больше не дерево, а снова — Тсуе, он улегся спать.

99. Другие превращения Тсуе

С восходом солнца Тсуе превратился в растение дуи, а когда солнце село, Тсуе стал человеком, гереро, и улегся спать. Когда же солнце снова взошло, Тсуе

был Тсуе, и он отправился в другую страну, а там превратился в высокое дерево шао, но после захода солнца он стал человеком, макоба, и улегся спать. Когда снова взошло солнце, Тсуе превратился в гнацане.

100. О том, как Тсуе превращался в дерево цгуи и в муху

После захода солнца Тсуе стал Тсуе, он улегся на земле и спал, он был там один и спал прямо на земле. Но едва показалось солнце, как Тсуе проснулся, он поднялся, увидел, что солнце взошло, и превратился в дерево цгуи.

Жена Тсуе увидела цгуи и направилась к нему, чтобы сорвать плод, но дерево вдруг исчезло, а Тсуе превратился в муху, уселся на траву гоо, и она под ним подломилась. Жена Тсуе бросилась на землю и заплакала об исчезнувшем цгуи. Так она лежала на земле и плакала, пока не умерла.

101. Как Тсуе превращался в воду, ящерицу, птицу и о том, как Тсуе добывал огонь и умер

Однажды Тсуе превратился в ящерицу и лежал среди засохших листьев дерева тскуи. Прилетели дикие голуби и стали есть плоды тскуи. Увидев их, Тсуе стал маленьким озерцом в тени дерева. Дикие голуби слетелись к воде и уселись на берегу, они хотели напиться воды. Тсуе выпустил из себя травку го и тростник; тростник схватил одного дикого голубя и опутал его, а травка го подступила ближе и колола его клюв. Голубь закричал — и все голуби улетели, оставив его там.

Тогда Тсуе стал Тсуе, а вода исчезла. Тсуе взял пойманного дикого голубя, ошипал его, положил тушку в горячие угли, а перья воткнул себе в волосы и улегся на земле. Так он лежал, пока мясо не было готово, а потом встал, вынул тушку голубя и съел.

Услышав голоса людей гереро, он поднялся и отправился к ним. Гереро увидели его, но он тут же спрятался от них. Гереро стали его искать, искали, но не могли найти — он превратился в стайку маленьких птичек ну-ерре. Один мальчик гереро увидел на кусте ну-ерре, а потом и еще один, а Тсуе смотрел на детей гереро и кричал: «Тсуай! Тсуай! Тсуай!» Затем он превратился в слезу бушмена, упал на землю и сказал: «Йе-хе! Йе-хе! Йе-хе!» Гереро слышали, искали, искали, искали его, но никак не могли его найти. А Тсуе стал птичкой ну-ерре и улетел.

И вот он полетел в страну своей матери, но по пути встретил отца. Увидев отца, он тут же превратился из ну-ерре в Тсуе и умер. Отец подошел к нему, посмотрел, что он лежит там мертвый, с мешком из шкуры антилопы через плечо, и отошел. Но как только отец ушел, Тсуе поднялся, он уже не был мертв, и позвал отца: «Мой отец! О!» И его отец отозвался: «Мое дитя! О!» Тогда он крикнул отцу: «Но! Но!» — и пошел в страну своей матери.

Отец увидел его и стал к нему незаметно подкрадываться, но Тсуе все же услышал его шаги. Он оглянулся, увидел отца и умер. Он превратился в ящерицу и лежал на земле. Его отец стоял и смотрел на него, он сказал:

— Это, конечно, мое дитя, Тсуе! Это может быть только он, и никто другой. Я шел в свою страну, она далеко отсюда, до нее нужно идти несколько лун, ее не видно отсюда, это дальняя страна. И вот я вижу своего ребенка, Тсуе — это мой ребенок. Он трет одной палочкой о другую, чтобы добыть огонь¹, он есть плоды и трет палочками, он повредил руки и закричал... Потом он увидел меня, увидел мою голову, украшенную голубиными перьями, перьев много — это перья от двух голубей, он увидел меня и умер. Я — Тсе-цну, а мое дитя — Тсуе, он увидел меня и умер. Я боюсь своего ребенка — ведь он умер. Я боюсь его и ухожу в свою страну, которая далеко отсюда.

И он пошел в свою страну, которая называется Цноа. Это гора, большая гора. И вот он ушел.

Тсуе умирает, он исчезает и снова появляется в виде другого человека. Он умирает и воскресает, потому что он не умирает навсегда. Луна подобна Тсуе².

102. Тсуе и заяц

Это история о Тсуе. У нас Хуве называют Тсуе.

Вторым был заяц. Заяц собирался сделать бушменов. А две антилопы сказали зайцу, что они — бушмены, но они вовсе не были бушменами.

Они сказали зайцу:

— Давайте станем дичью, пусть нас ловят капканами и варят в горшках, чтобы съесть!

Но заяц был с этим не согласен. Он поймал их веревкой из сухожилий и забросил далеко, в лесную страну, спрятал их там. Он стоял и смеялся, а антилопы убежали.

Заяц пошел домой, сел и взял гадальные кости. Они у него были не из дерева, а из шкуры жирафа. Вон он сел, взял их и бросил, он смотрел, а гадальные кости говорили с ним и соглашались. Он сидел, смотрел и смеялся. Затем он убрал их в свой мешок, это был маленький мешочек из шкурки мыши.

Потом он взял бушменов — это были другие бушмены, говорившие на своем языке, — и положил их в маленький мешок, это был мешок из шкуры антилопы.

Потом он взял мешочек, на дне которого лежали гадальные кости, и забросил его далеко прочь. Он взял другой мешок с бушменами и тоже забросил его. Всего было четыре мешка с бушменами.

Потом он взял сетку, сплетенную из веревок, и тоже отбросил ее далеко прочь.

Он сказал:

— Эти веревки я бросил для бушменов, чтобы они могли есть антилоп.

Он пошел и лег. Он смеялся. Солнце село, он лежал и спал.

Когда солнце взошло, к нему пришел Тсуе. Он был недоволен. Он пришел и сказал:

— Ты — заяц, а я — Тсуе. Ты должен добывать себе пищу, лежа на земле, а не в хижине. Ты должен лежать на земле, на голой земле, и щипать траву и листья, ведь ты — заяц. А я — Тсуе, я — бушмен, я должен лежать в хижине, в маленькой травяной хижине, но ты — заяц и потому лежи на земле!

А заяц возразил и сказал:

— Я не просто заяц, а заяц-бушмен, и я — Тсуе, не ты один Тсуе, мы оба — Тсуе, оба — бушмены!

Так заяц говорил Тсуе, а тот не отвечал ему ничего, он молчал. Он стоял и смеялся, он слушал зайца и смеялся.

Затем он сказал:

— Ты просто заяц и потому лежи на земле и кормись, ты не должен есть, лежа в хижине. Это я — Тсуе и бушмен, я сижу в хижине и ем, сидя в хижине.

Но заяц возразил:

— Я не простой заяц, а Тсуе, мы оба — Тсуе, нас двое Тсуе!

Тогда Тсуе сказал зайцу:

— Я понимаю бушменскую речь. Раз ты — Великий Тсуе, поговори, а я послушаю!

Заяц заговорил на бушменском языке, он говорил раздраженно.

— Поговорить? Ну что же! Я могу говорить на бушменском языке.

А Тсуе стоял, слушал зайца и смеялся. Потом он пошел, сел и сказал:

— Раз ты — Великий Тсуе, достань какую-нибудь еду, положи в мешок и забрось его в страну бушменов.

Но заяц возразил, он сказал:

— Я не люблю бушменов и не дам бушменам еды! Давай сам бушменам еду!

Выслушав его, Тсуе рассердился, он стал кричать, кричал, кричал, а потом замолчал. У него были с собой плоды гно и та. Он положил плод та в один мешок, а плод гно в другой мешок и забросил эти два мешка в страну бушменов. А заяц сидел и смотрел на Тсуе.

А Тсуе бросил мешки и сказал:

— Эй, эй! Вот ваша пища! Ешьте!

Тогда заяц пошел, взял веревку из травы гное и положил ее в мешок. Но Тсуе возразил и сказал:

— Ты же не любишь бушменов, так и не давай бушменам веревку!

А Тсуе сделал колчан и сделал лук и забросил их.

Он сказал:

— Эй, эй! Вот колчан, а вот стрелы, стреляйте в зайца, так как заяц не любит вас и говорит, что вы плохо пахнете. Как только увидите зайца, стреляйте в него!

Заяц сидел и слушал, и он стал кричать, он закричал от страха. А Тсуе стоял и смеялся. Он громко смеялся и говорил: «Ого!»

Затем он заговорил с зайцем и сказал:

— Я даю бушменам лук и стрелы, чтобы они могли стрелять в тебя.

Заяц сидел и слушал, трепеща от страха перед Тсуе, и кричал. А Тсуе стоял, смотрел на него и бранил его.

Тсуе сказал:

— Перестань меня бояться и кричать, замолчи!

Тогда заяц заговорил с ним и попросил:

— Не давай лук бушменам, а то они убьют меня!

Но Тсуе отказал ему и сказал.

— Раз ты не любишь бушменов, я дал им лук, чтобы они убивали тебя.

Тогда заяц замолчал. Он сидел, слушал, что говорил Тсуе, и смотрел на него. Затем он попросил снова:

— Не давай лук бушменам!

Но Тсуе отказал ему и сказал:

— Я дам бушменам лук, перестань бояться смерти и кричать.

А заяц сидел, слушал его и не переставал кричать.

Тсуе был недоволен, он сказал:

— Замолчи, я дал бушменам лук, чтобы они могли стрелять в тебя!

И тогда заяц замолчал, он молча сидел и слушал.

103. Тсуе и его сын

Тсуе убивал людей, и Тсуе делал людей, множество людей, а других он убивал. А они убивали других людей.

Тсуе был вдвоем с сыном, его сын был растением бобо, а сам он был растением шао. Его сын делал бушменов. Его сын нес большой мешок, а Тсуе нес маленький мешок. Его сын нес много бушменов в мешке, он сделал их и положил в мешок.

Тсуе сделал овагереро; четырех овагереро, державших ружья. И Тсуе сам испугался, увидев столько людей вместе, поэтому он положил этих четырех в свой мешок.

А бушмены держали простые луки, они повесили

на плечо колчаны, положили в колчаны множество стрел и повесили их на плечо.

Многие бушмены носили передники из обезьяньих шкур, но они при этом отрезали хвосты обезьян, они не носили обезьяньих хвостов.

А Тсуе надел передник, сделанный из шкуры, содранной с головы обезьяны, и в шкуре остались кости. Сзади же он надел передник из шкуры, содранной с четырех лап обезьяны. Вокруг головы Тсуе обвязал хвост обезьяны, его голова была обвязана хвостом обезьяны.

Тсуе сказал людям:

— Сегодня у меня очень болит сердце, поэтому я надел передник из головы обезьяны, перестаньте надо мной смеяться. Я собираюсь выйти, я хочу убить много других людей. Потом я вернусь домой, надену хороший передник и выброшу голову обезьяны. Перестаньте надо мной смеяться!

Его сын сделал множество людей, отец увидел их и испугался, он лег в тени дерева, в тени дерева тскуи. Он лежал и кричал от страха перед ними:

— Люди убьют меня, о! Люди убьют меня, о!

И больше не было Тсуе, а была обезьяна, она смотрела и прохаживалась по земле на руках и ногах. Но сын Тсуе был недоволен. Он сказал:

— Нет, отец, поднимайся! Не лежи и не ходи на руках, поднимайся, ходи на ногах. Перестань ходить на руках!

Отец выслушал его и засмеялся: «Ха-ха!» — и сказал ему:

— Я боюсь бушменов. Ты сделал так много бушменов, что я их боюсь.

А его сын возразил:

— Нет, бушмены не убьют тебя. Давай вставай-ка, перестань бояться бушменов. Бушмены сами тебя боятся, и они не станут тебя убивать.

Тсуе выслушал его, но возразил:

— Бушмены убьют меня! Ох! Бушмены убьют меня! Ох!

104. Огонь Тсуе

Тсуе отправился в свою страну, страну своей матери, а дойдя до страны своего отца, он стал разыскивать своего отца.

Солнце село, и он лег. Когда же солнце встало, Тсуе услышал голоса людей, а люди увидели огонь, разожженный Тсуе, и стали искать Тсуе. Они искали-искали Тсуе и говорили:

— Чей это огонь?

А Тсуе услышал и превратился в плод гнацане. Люди увидели плод гнацане и сказали:

— Это гнацане, давайте съедим его!

Тогда гнацане исчез, и они увидели множество бабочек. Они испугались бабочек и убежали.

А Тсуе опять превратился в Тсуе, он лег и стал кричать. Он был не взрослым, а ребенком Тсуе, он был маленьким. Он лежал и кричал:

— Возьмите меня, придите и возьмите меня, ох, придите и возьмите меня, ох!

Но люди отказывались:

— Нет, мы не станем брать тебя, потому что ты вовсе не маленький ребенок!

Тсуе был маленьким и некрасивым, он был похож на луну, но он был красный, очень красный, как солнце, и люди боялись Тсуе.

И люди закричали, уткнувшись лицом в землю, из страха перед Тсуе:

— Мы умрем из-за Тсуе, увы! Тсуе убьет нас, увы!

И они замолчали, уткнувшись лицом в землю. Они были малы, как дети, и ходили на четвереньках из страха перед Тсуе, а Тсуе смотрел на них. Они боялись Тсуе, они ходили на руках, они тихо вошли в траву, которая росла поодаль.

Люди стали взрослыми, их было много. Они находились поодаль и кричали:

— О мать моя, Тсуе убивает нас, ох! Мать моя, Тсуе убивает нас, ох! Совершенно убивает нас, ох!

Но Тсуе уже не был солнцем, он был мухой, а услышав людей, он превратился в бабочку, большую черную бабочку.

И он осторожно приблизился к людям, тихо подкрался к людям и сел на траву, а травинка под ним

сломалась. И бабочка упала и стала бить крыльями о землю, а трава проткнула ей глаз.

Тогда Тсуе превратился из бабочки в Тсуе и сказал людям:

— О вы, женщины, налейте грудного молока мне в глаз!

Женщины услышали и подбежали к нему. Но вместо того чтобы осторожно налить молоко ему в глаз, они лили слишком сильно и налили ему в глаз слишком много молока. Он видел только одним глазом, и он закричал от страха, а женщины побежали, они убежали прочь.

А Тсуе поднялся, он увидел водяные пузыри, большие водяные пузыри. Тогда он сделал дождь, небесный дождь, и тот ливнем обрушился на женщин. Затем Тсуе остановил дождь:

— Дождь, перестань, эй, эй, эй!

Он замолчал, потом дунул в рог антилопы и запел. И дождь прекратился.

Тогда Тсуе развел огонь, он добыл огонь трением, поджег траву, он разжигал, разжигал, разжигал, разжигал, разжигал много месяцев, и огонь был огромным. А женщины увидели огонь и побежали, побежали в страхе перед огнем.

Но он сказал:

— Женщины, не бойтесь моего огня, мой огонь приятно греет, он обогревает мою страну, не убегайте в страхе от моего огня!

Но женщины возразили:

— Нет, Тсуе, ты убьешь нас огнем, это большой огонь, он сжигает траву. Он обогревает страну, но мы бежим в страхе перед огнем — ведь огонь обжигает.

А Тсуе слушал и смеялся:

— Ого! Не бойтесь огня Тсуе! Ого! Не бойтесь огня Тсуе, ведь Тсуе — сын Ку-цна-тсгаасинг¹, не бойтесь огня Тсуе! Перестаньте бояться — огонь Тсуе обогревает страну.

105. Как Тсуе убил своего ребенка

Как-то Тсуе превратился в духа¹ и убил своего ребенка.

Он кричал: «Наааа!» Настала ночь, а он все кри-

чал: «Наааа!» Тсуе вошел в деревья, он кричал: «Наааа!»

Настала ночь, Тсуе подкрался к своему ребенку, а ребенок лежал, и Тсуе схватил его за шею и скрутил ему шею. Ребенок лежал, а когда солнце встало, ребенок заболел и умер, он лежал мертвым.

Вернулась жена Тсуе, увидела мертвого ребенка. Она взяла палочки для огня, добыла огонь и обожгла своего мужа. Тогда Тсуе убежал.

А жена Тсуе позвала своего отца, чтобы тот поймал Тсуе. Но Тсуе опять превратился — в другого человека.

106. Луна, заяц и Тсуе

Уве был бушмен. Он сделал много вещей, он сделал животных, которых едят. Мы называем его Уве, и мы называем его Тсуе.

Заяц говорил нехорошо. А луна говорила хорошо, она сказала, что бушмены должны, подобно ей самой, возвращаться, а не умирать насовсем.

Но заяц возразил ей:

— Нет, мертвые бушмены плохо пахнут!

Луна обратилась к зайцу и сказала, что бушмены должны возвращаться, они не должны умирать насовсем.

Но заяц заговорил с луной и сказал:

— Когда ты умираешь, ты не пахнешь плохо.

Заяц не соглашался, он говорил:

— Я не хочу тебя слушать, нет, от бушменов плохо пахнет!

И он взял мешки умерших бушменов и отбросил их прочь, он отбросил их далеко прочь, они упали в стране бушменов.

Заяц взял свои мешки и положил в них бушменские болезни, болезни, от которых умирают бушмены, и выбросил их. Потом заяц положил в один из мешков легкие болезни, сел на него, бросил свои гадальные кости и сказал им:

— Если бушмены больны легко, то они должны подняться.

Его гадальные кости заговорили с ним и сказали:
— Если бушмены больны легко, то они должны подняться.

А заяц взглянул на свои гадальные кости, сел и стал смеяться над ними.

Луна заговорила с зайцем и сказала:

— Твое умершее дитя должно вернуться, оно не должно умереть насовсем!

Но заяц ответил луне, он сказал:

— Мой сын плохо пахнет!

Он встал, взял тело своего сына, положил его в мешок и отбросил его далеко прочь, в другую страну.

А Тсуе сидел и смеялся над зайцем. Заяц пошел лег и плакал о своем сыне.

Тогда Тсуе взял палку и стал бить зайца, он разбил ему голову, хлынула кровь, а заяц лежал и плакал.

Но луна возразила:

— Оставь зайца в покое!

А Тсуе не слушал, он бил зайца. Потом он заговорил с луной и сказал:

— Заяц возражает против того, чтобы подобно нам обоим, умирать и возвращаться снова, а сам оплакивает одного из тех, кто умирает насовсем¹.

Тогда жена зайца сказала:

— Когда мы умираем, мы умираем совсем, потому что от нас плохой дух. Тсуе! Вот ты бил моего мужа дубинкой по голове. Но ведь мой муж не походит на тебя, он совсем другой. Твоя мать — Ку-цна-тсгаасинг и твой отец — Тсе-цну. Мы живем в разных странах, у нас совсем другая страна, и наша мать — другая, наша мать — зайчиха. А у тебя другая мать, и твоя страна тоже другая.

Тсуе услышал и испугался, он лег и заплакал. Он плакал и приговаривал:

— Нет, эта женщина не должна говорить со мной, я боюсь, когда говорит женщина.

И он плакал, плакал, он ослабел и лежал на земле.

А жена зайца взяла палку и стала бить Тсуе. Это была палка-копалка, и жена зайца проткнула заостренным концом палки живот и глаза Тсуе. Она била Тсуе, пока он лежал там без памяти, и все била его, пока он так лежал, а потом она ушла. Она добралась

до своей хижины, села там, нагрела воды и пошла, чтобы вылить горячую воду на Тсуе.

А Тсуе закричал, он боялся горячей воды и закричал. И жена зайца сказала Тсуе:

— Тсуе, я убиваю тебя, замолчи!

Но Тсуе все кричал, он сказал:

— Перестань убивать меня, ох!

А жена зайца сказала:

— Сегодня я убью Тсуе!

Тогда луна заговорила с женой зайца, она сказала:

— Оставь Тсуе в покое!

Но жена зайца возразила:

— Но ведь Тсуе бил моего мужа, а я хочу убить Тсуе!

Луна возразила и сказала:

— Оставь Тсуе в покое!

А Тсуе услышал и закричал:

— Оставь меня в живых, и я уйду в страну моего отца!

Жена зайца сказала Тсуе:

— Нет, сегодня ты не уйдешь в страну своего отца. Сегодня я не стану слушать луну, я не боюсь ее, и мы убьем тебя!

А заяц, который лежал там, встал и убил Тсуе.

Но Тсуе не умер насовсем, он умер ненадолго, и он воскрес и засмеялся.

— Ха-ха! Сын Ку-цна-тсгаасинг, сын Тсе-цну не умирает насовсем, у Тсуе большой живот! — сказал он.

А луна подошла и стала бить Тсуе, пока он не заплакал, она била, била, била Тсуе и убила его. И вот Тсуе лежит, Тсуе лежит и лежит, но он не умер насовсем, он сел и засмеялся. Он заговорил, смеясь.

Когда взошло солнце, Тсуе отправился к луне, он вошел в дом луны и сел. А луна заговорила с ним и сказала:

— Тсуе, я убью тебя, уходи лучше, иди в страну своей матери!

А Тсуе закричал и лег на землю, он кричал-кричал и умер. Тогда луна взяла палку и стала бить мертвого Тсуе. А Тсуе лежал-лежал на земле и закричал, он попросил воды.

Луна сказала Тсуе:

— Тсуе, иди в свою страну, проси воды в своей стране.

Но Тсуе возразил:

— Увы, мать, моя страна далеко, увы! Луна, не убивай меня, увы! Луна, не убивай меня, увы!

Луна опять сказала, что Тсуе должен отправляться в свою страну. А Тсуе возразил и сказал:

— Моя страна далеко!

И он сел и стал плакать:

— Когда солнце взойдет, я отправлюсь в свою страну, увы!

Тогда луна встала, взяла нож и направилась к Тсуе. А Тсуе сел, он смотрел на нее и смеялся. «Ха-ха!» — смеялся он.

Тогда луна подошла к нему и сказала:

— Тсуе, убирайся в свою страну!

Но Тсуе возразил и сказал:

— Нет, я не хочу идти в свою страну, я боюсь — ведь моя страна далеко!

Тогда луна схватила Тсуе, а Тсуе засмеялся и сказал:

— Ха-ха, держи! Я лягу, чтобы луна могла убить меня!

И он лег, он смеялся, а луна убила его.

И луна сказала Тсуе:

— Тсуе, я хочу убить тебя, замолчи!

Но Тсуе сказал луне:

— Я не боюсь тебя, я буду говорить, хотя ты и убиваешь меня.

И Тсуе кричал: «Ах, ах, ах!», — а луна убила Тсуе. Потом луна встала, она пошла, села и стала смеяться, смеяться над Тсуе!

Тсуе умер и лежал на земле, но он умер не насовсем, а ненадолго. Он лежал, лежал, лежал, однако он не умер насовсем, и он воскрес, поднялся и сел, смеясь.

Он сказал луне:

— Луна, убей меня!

Но луна отказалась.

— Я боюсь тебя, — сказала она. — Хотя я убиваю тебя, ты не умираешь насовсем, поэтому я боюсь тебя.

Тсуе услышал эти слова, он лег и засмеялся.

Затем луна дала Тсуе воды, и Тсуе вскрикнул, уви-

дев воду, он сел и засмеялся. И луна дала ему еды, он поел.

Он поел, сел и сказал луне:

— Когда взойдет солнце, я отправлюсь в страну моей матери. Дай мне плод чана, я положу его в мешок, в два мешка, дай мне его, чтобы я отнес его в страну моей матери.

Но луна отказала, сказав:

— Я не хочу давать тебе чана!

А Тсуе, услышав это, заплакал, он плакал из-за чана.

Тогда луна взяла стрелу и выстрелила в Тсуе. А Тсуе лежал на земле и кричал, потом он встал и превратился в маленького ребенка, он снова лег и стал плакать.

Луна сказала своей жене:

— Нагрей мне воды, я вылью ее на Тсуе!

А когда жена отказалась, луна стала бить ее и била, пока жена не заплакала. Тогда жена взяла палку и била луну, пока та не завопила.

Затем луна сказала своей жене:

— Я же не убиваю тебя! Говорю тебе, перестань убивать меня, оставь меня в покое!

А женщина возразила:

— Я не убиваю тебя, так как я женщина. Тсуе убьет тебя, Тсуе — мужчина, он убьет тебя, подстрелит тебя, и ты умрешь. Убей Тсуе!

Тогда луна сказала жене:

— Я уже убивала Тсуе, но он не умер, а превратился в другого человека, и я боюсь. Я никогда не видела страну Тсуе! Но Тсуе видел мою страну.

Тогда женщина сказала ему:

— Тсуе не видел твоей большой страны, он видел только твою маленькую страну. Убей Тсуе и отправляйся в свою страну!

Но луна отказалась:

— Я боюсь Тсуе, Тсуе делает дождь, дождь убивает меня, поэтому я боюсь Тсуе, не убивай Тсуе!

Но жена опять сказала:

— Убей Тсуе!

Луна отказалась:

— Я боюсь Тсуе. Ведь мать Тсуе — Вырву Глаза, а отец — Тсе-цну. Я боюсь Тсуе: младший брат Тсуе —

Ме-ше-дза, и я боюсь его младшего брата. Я боюсь его отца, я боюсь его мать, и я боюсь самого Тсуе!

Но жена все настаивала:

— Убей Тсуе!

Луна отказалась, она сказала:

— Нет, я боюсь Тсуе — ведь Тсуе умеет многое!

А женщина сказала:

— Убей Тсуе.

— Нет, Тсуе придумает еще что-нибудь и убьет меня. Я боюсь Тсуе!

Тогда женщина сказала:

— Если ты так боишься Тсуе, то как-нибудь я убью тебя!

Услышав это, луна забралась в глубокую нору и заплакала.

А жена луны пришла, села и забросала ее землей. Луна сидела в глубине норы, а жена засыпала ее землей. Луна лежала и кричала:

— Жена моя, не хорони меня, ох! Жена моя, вытащи меня, ох!

И вот луна лежала в глубине норы и кричала, а жена взяла дубинку макаба и направилась к луне. Тогда луна побежала по подземному переходу и добралась до домика, в котором она спала, до своего маленького домика; это был земляной домик.

А жена взяла дубинку, вошла в нору, прошла в глубь норы и схватила луну. Луна укусила жену за большой палец и сломала его. Хлынула кровь, и женщина закричала. Она стала бить луну и поранила ей голову. Луна лежала в глубине норы и кричала. Затем жена встала, схватила луну и вытащила из норы, положила на землю и взяла нож. Она перерезала луне горло, и та умерла.

Встало солнце, а луна не умерла совсем. Она встала, пошла к дому своей жены и заговорила с ней. Она уже не была большой луной, она была маленькой луной, луной-ребенком. Она села возле огня жены, она боялась своей жены.

— Мать моя, дай еды, дай мне еды! — сказала луна.

А мать дала луне совсем немного, маленький плод чана. Луна не стала есть его, она бросила плод и стала плакать, а мать бранила луну.

Затем мать подняла плод и дала луне, но та отказалась. Тогда мать ударила луну плодом чана по печени, она поранила ей печень, и та умерла.

Но мать не хотела этого, она сказала:

— Нет, сын мой, не умирай в моем доме!

Луна послушалась ее и воскресла.

Настала ночь, и луна уже не была ребенком, а стала большой луной. Женщина увидела ее и сказала:

— Ты не маленький ребенок, ты кто-то другой, уходи!

Луна возразила:

— Я не взрослый, я маленький ребенок, не прогоняй меня, дай мне обогреться у огня.

Тогда женщина схватила ребенка, а он закричал:

— Мать моя, не убивай меня!

Женщина сказала своим родственникам:

— Убейте луну, бегите и убейте луну, чтобы луна умерла и исчезла!

Она держала луну, а они убивали ее, и она кричала. Она кричала, а потом замолкла, и люди убили ее.

Когда солнце встало, луна была не луной, а змейкой, она лежала на земле. Люди взяли ее, сунули в огонь, а потом выбросили. Она лежала там, пока не настала ночь, и уже была не луной, а Тсуе. Тсуе взял себе другую жену.

Люди увидели Тсуе и сказали ему:

— Тсуе, мы хотим убить луну!

И луна заговорила, луна, которая была Тсуе. Она сказала:

— Нет, я не луна, это кто-то другой, кто-то из вас, это не я. Потому что сегодня я — Тсуе, а луна — это кто-то другой. Мы, я и луна, владеем разными странами, моя страна совсем другая. И он сел и засмеялся.

А люди сказали ему:

— Нет, ты — луна, потому что вы — ты и луна — не умираете насовсем, а мы умираем насовсем.

И он слушал и лежал на земле, он плакал, потом он умер и лежал мертвый. Люди сделали могилу, положили его в могилу, а он, лежа в могиле, разрыл землю и убежал.

Когда солнце встало, люди стали искать его, они видели могилу, но его не видели, они повернулись и ушли. Тут они увидели луну, луна лежала на земле.

Люди подняли его вверх, а он лежал не на циновке, а на голой земле и дрожал. Люди стали бить его, а он кричал.

Когда солнце снова встало, он превратился в героро, он убил много людей, и убил Тсуе, и убил Тсе-цну, и убил Ку-цна-тсга-асинг, и убил Ме-ше-дза, и убил сына Тсуе — Тсума-гхиньян, и Тсума-гхиньян лежал мертвый. Он убил много женщин, он убил много детей.

А Ку-цна-тсгаасинг не умерла насовсем, она умерла только ненадолго, она воскресла и сказала: «Ага, о!» Она села у огня, обогрелась и засмеялась.

И ее сын не умер насовсем, он воскрес, засмеялся и сказал: «Ага, ага!» — он сел у огня, обогреваясь.

И Тсе-цну не умер насовсем, он воскрес, сел и сказал: «Ого!»

А Тсуе взял дубинку и пошел, чтобы убить своего отца, он забил его насмерть, его отец лежал мертвый. Но его отец не умер насовсем, он воскрес.

И Тсуе увидел отца и сказал ему:

— Отец мой! Умри насовсем, хи!

Но его отец сказал ему:

— Я не умираю насовсем, хи!

Тсуе услышал это и умер, он умер насовсем.

И луна умирает, другая луна умирает, и та, другая, луна умирает. И другая луна тоже умирает. И эта луна мертва. Но луна всегда воскресает, она не умирает насовсем, она становится Тсуе. Она уходит ночью, а потом ложится на землю и спит, она лежит не на траве, а на голой земле. Она боится солнца и ходит ночью. Когда солнце встает и луна видит солнце, она идет и ложится на землю и кричит. А когда солнце поднимается выше, луна уходит в хижину своего отца. Отец видит луну и кричит:

— Мой сын не умер насовсем!

И живот у Тсуе большой, но тело у него маленькое, его ступни маленькие, и ноги у него маленькие, и руки у него маленькие, и кисти рук у него небольшие, и его голова маленькая, она не похожа на головы других людей, она напоминает мышиную голову. И только его живот большой и черный, а тело у него желтое, и кисти его рук желтые. Он лежит, он вот такой² — он похож на слона.

107. Тсума-тсума и крупный рогатый скот

Первым обнаружил крупный рогатый скот один человек, которого люди называли Тсума-тсума. Когда он увидел их, то подумал, что это дикие животные. Он увидел телят, лежавших там, где оставили их матери, когда пошли пастись. Он убил одного из этих телят и принес домой, чтобы показать всем.

— О! — сказали родственники Тсума-тсума. — Какие странные существа убил Тсума-тсума! Он говорит, что, когда убиваешь этих маленьких животных, они не убегают от тебя. Они так и лежат там, и остается только подойти к ним вплотную и убивать их.

Люди жили там и говорили об этих странных животных.

Затем однажды в это становище пришел один батсвана и сказал Тсума-тсума:

— Пойдем, покажешь мне этих маленьких животных, которые не убегают, когда на них охотишься. Я впервые слышу о таких животных.

И вот они оба отправились и шли, пока не пришли туда, где находились телята. Матери-коровы ушли пастись и оставили своих телят лежать на траве. Тсума-тсума и этот батсвана понаблюдали за ними некоторое время, а потом сели и стали ждать их матерей. Они целый день просидели там, поджидая возвращения коров. Когда солнце стало садиться, они услышали, что приближаются коровы. Они подзывали к себе телят, лежавших в траве.

Батсвана прошептал:

— Это возвращаются их матери?

Да, вернулись коровы. Телята встали возле их ног и стали сосать материнское молоко.

— Ты видишь это? — спросил батсвана. — Посмотрим-ка, что мы можем с ними сделать!

Он свистнул. Коровы только повернули головы и посмотрели на них.

Тсума-тсума боялся их, но батсвана сказал:

— Знаешь, я думаю, что если мы все сделаем как следует, то сможем устроить так, чтобы они никогда не убежали от нас.

И они решили расположиться поблизости. Они раз-

вели огонь. Коровы увидели огонь и легли там, где стояли.

Батсвана сказал:

— Видишь? Если мы будем хорошо заботиться об этих животных, то у нас их будет сколько угодно, пока нам это будет нужно.

Эти двое оставались возле скота и продолжали стечать его.

Однажды батсвана предложил:

— Давай устроим загон, чтобы коровы там спали.

И они срезали ветви колючего кустарника и устроили загон для своего скота.

Тсума-тсума и батсвана долгое время оставались в этом месте. Они были там, пока длились темные безлунные ночи, и они были там, когда родился молодой месяц и сиял в ночи.

Однажды утром батсвана подоил корову. Он вскипятил молоко и позвал:

— Эй, Тсума-тсума! Иди, давай поедим.

Тсума-тсума ответил:

— Ты ешь первый, а мне дай вылизать горшок.

— Что ты такое болтаешь?! Почему нам обоим не поесть вместе? Мы же оба — люди!

Но Тсума-тсума отказался и снова сказал:

— Ты ешь, а я вылижу горшок!

И вот батсвана поел, а Тсума-тсума вылизал горшок. Тогда тот, кто ел первым, велел Тсума-тсума вычистить горшок. Он велел ему пасти скот. Тсума-тсума стал слугой того другого человека. А тот, другой, человек стал хозяином скота.

Итак, они стали хозяином и слугой и так жили вместе. Они жили в этом месте как хозяин и слуга. Коровы телились, а они пили их молоко.

И вот хозяином коров был батсвана. Батсвана стал богатым. Он и Тсума-тсума пасли скот и стерегли его. Скот размножился, так что многие люди смогли владеть им.

108. Тсума-тсума и сорго

Однажды Тсума-тсума и батсвана увидели сорго. Тсума-тсума сказал:

— Тьфу! Что за ужасные волосатые растения?! Я не хочу, чтобы они росли здесь.

И он стал поджигать поле, чтобы уничтожить сорго.
Но батсвана сказал:

— Я — батсвана! Эти растения сорго я буду охранять и возделывать. Так же как я охраняю скот и забочусь о нем, я собираюсь заботиться об этих растениях и использовать их в пищу.

109. Как Тсума-тсума и батсвана разделились

Батсвана и Тсума-тсума устроили перетягивание веревки. Один конец веревки был сплетен из волокон, а другим концом был кожаный ремень. Тсума-тсума взялся за веревочный конец, а батсвана взялся за ремень. Они тянули-тянули. Веревка разорвалась надвое. Тсума-тсума взял конец из веревки. И с того времени он использует эту веревку, чтобы ставить силки на животных. А батсвана взял кожаный ремень. С тех пор он привязывает им коров, когда доит их.

110. Как Тсума-тсумане лишился своих коров

Тсума-тсумане и гоба увидели коров. Гоба был богат, и он сказал, что эти коровы принадлежат ему. Ну а у коров не было загона. И вот гоба сказал, чтобы Тсума-тсумане стерег этих коров. Тсума-тсумане уселся в тени, чтобы стеречь их.

Спустя некоторое время мимо проходил второй гоба.

— Чьи это животные? — спросил он.

— Они принадлежат мне, — ответил Тсума-тсумане.

— О! Ну а не лучше ли нам отогнать твоих животных в деревню, чем оставлять их здесь, в зарослях?

Тсума-тсумане согласился, что это было бы неплохо. И они пригнали коров домой, в деревню.

Когда они добрались туда, одна из коров отелилась.

Гоба сказал:

— Давай подоим это животное и попробуем, как ково молоко на вкус!

Но Тсума-тсумане боялся коровы.

— Привяжи ее — я боюсь, — сказал он.

И вот гоба взял кожаный ремень и привязал корову. Затем он сел и стал доить ее, пока не наполнил свою бадью. Потом он отнес молоко к костру.

— Вымой вон тот горшок, что стоит здесь, — сказал он Тсума-тсумане. — Теперь вскипяти молоко и давай его попробуем. Ты когда-нибудь раньше пил такое молоко?

— Нет, я никогда его не пробовал, — сказал Тсума-тсумане.

И вот он вымыл горшок, как велел ему гоба, и стал кипятить молоко. Молоко створожилось. Тсума-тсумане снял его с огня и отставил в сторону, чтобы остудить.

Затем гоба позвал:

— Иди, давай поедим!

Но Тсума-тсумане сказал:

— Нет, ты ешь первым, а потом дай мне вылизать горшок.

И вот гоба ел-ел, а потом поднял горшок и передал его Тсума-тсумане. Тсума-тсумане сел и стал выскребать остатки со стенок горшка.

Потом они поднялись.

Тсума-тсумане сказал:

— Вот возьми этот кожаный конец, а я ухвачусь за веревочный. Посмотрим, кто из нас перетянет другого.

Тсума-тсумане взял веревочный конец, а гоба схватил кожаный ремень. Они стали тянуть веревку с такой силой, что она лопнула и разорвалась на две части. Тсума-тсумане свалился в заросли. А гоба упал в другом направлении, к востоку.

Когда он упал, он крикнул вслед Тсума-тсумане:

— Тем лучше! Отныне эти коровы будут принадлежать мне. А ты будешь подчиняться мне и станешь моим слугой.

С того дня пути Тсума-тсумане и гоба разошлись. Гоба ест мясо и пьет молоко. Он сажает сорго и зерно и тоже ест их. А Тсума-тсумане ест только пищу зарослей — ягоды нтсн, комако и гва.

Вот история о том, как Тсума-тсумане потерял своих коров и стал низшим существом.

111. Как Хейше обманул страуса

Это история о Хейше, которого называли также Тсума-тсумане. В те времена, когда жил Хейше, страус был человеком. И вот у страуса было множество детей. Однажды он собрал их всех и отправился в становище Тсума-тсумане.

Тсума-тсумане сказал:

— Коо! Сколько же у тебя детей! А вот у меня нет ни одного. Я всех их съел.

(Хейше, конечно, обманывал страуса.)

— Я съел всех своих детей. Не съесть ли нам и твоих тоже?

На это страус сказал: «Разве?» — и стал думать о том, что тот ему предложил сделать.

Ну а дети Хейше тем временем ушли куда-то поиграть. Хейше отослал их поиграть в заросли, с тем чтобы, когда придет страус со своими детьми, обмануть его, будто он убил их.

— Эй! — сказал Хейше страусу. — У тебя такое множество детей и ты не хочешь поделиться со мной! Ведь прошлой ночью я съел всех своих детей до единого!

А страус спросил:

— Правда? Я должен убить одного из своих детей?

— Да, — сказал Хейше.

И вот они взяли и убили одного ребенка. Затем они стали жарить его. Он лежал в огне и поджаривался, пока не был готов. Затем они съели его целиком.

Когда с ним было покончено, они взяли и убили другого. Он поджаривался, пока не был готов. Потом они убили еще одного и еще, пока никого из них больше не осталось. Они съели их всех. Они ели и ели, пока всех их не съели.

Тогда Хейше сказал:

— Эй! Это я тебя испытывал! Я обманул тебя! Вон бегают все мои дети, погляди-ка! А твои все умерли! Я обманул тебя и съел всех твоих детей.

Страус воскликнул:

— Ох! Что со мной сделал этот человек?! Я пришел к нему в становище, а он погубил всех моих детей и съел их всех до одного!

Затем Хейше поднялся, взял свои горшки для воды

и повесил их через плечо. Он отправился за водой. А страус остался один.

Когда Хейше возвращался с водой, страус уселся прямо у него на пути. Он сидел, вытянув ноги поперек дороги.

Хейше подошел к нему.

— Отодвинь ноги, чтобы я мог пройти! — сказал он.

Но страус возразил:

— Нет, я устал. Я сижу отдыхаю на дороге.

Хейше спросил:

— Ты хочешь, чтобы я обошел вокруг тебя!

И страус ответил:

— Да, пройди-ка стороной.

И вот Хейше стал обходить его. Но страус схватил его за ногу и внезапно дернул ее вверх, так что он упал. Его горшки для воды разбились, и вся вода вытекла. Хейше вскочил на ноги и побежал домой за новыми горшками.

А страус все еще сидел там, потому что на сердце у него было тяжело из-за детей.

Хейше опять наполнил свои горшки водой и снова добрался до того места, где на дороге сидел страус.

— Отодвинься и дай мне пройти, — сказал он.

— Нет, обойди стороной, — возразил страус.

Когда Хейше попытался пройти, страус схватил его за ногу и так рванул, что тот не удержался и упал. Его горшки с водой опять разбились.

Хейше в ярости схватил палку и стал бить страуса по ногам. Он бил его до тех пор, пока не переломал их. Тогда он оставил его и ушел. А страус лежал там и плакал.

Хейше ушел и превратился в маленькую птичку. Он превратился в маленькую птичку с красными глазами, которую люди называют красноглазым соловьем. А страус тоже превратился в птицу. И с того дня они расстались.

Вот чем кончилась эта история.

112. Прodelки Хейше

Жил некогда человек по имени Хейше, и вот что он сделал.

Он жил в некоем месте, где много охотился. Однажды, отправившись на охоту, он увидел какую-то нору в земле. Подошел взглянуть на нее и обнаружил, что там живут какие-то животные. Это были детеныши дикобраза. «Теперь я глаз не спущу с этих детей,— подумал Хейше.— Я буду каждый день присматривать за ними, до тех пор, пока не увижу их мать. Ведь должна же у этих детенышей быть мать, не так ли?»

Он поиграл с ними немного, но мать не возвращалась, и он ушел.

На следующий день он снова заботился о них, так как они опять были одни в своем логове, без матери. «Эй! Сегодня я собираюсь взять одного из этих детенышей домой, чтобы попробовать, каковы они на вкус. Ведь это животные?!» — вот о чем он думал, глядя на них.

Затем он взял одного из детенышей и пошел домой. Он съел его, а потом лег спать. «Да! — подумал он.— Я останусь жить тут, потому что у меня всегда будет мясо для еды. Ведь, наверное же, мать-дикобраз еще раз принесет потомство, столь же многочисленное, как и у собаки».

Потом он пошел и забрал еще одного детеныша дикобраза. Он приготовил его и принес еду своей семье. Его жены даже вздрогнули, как от озноба, увидев это мясо.

Они ели и говорили друг другу:

— Ох уж этот наш муж... Ну и хитер же этот папень! Ведь он никогда не принесет домой сырого мяса, чтобы мы видели, что это. А приносит вместо этого немного уже приготовленного мяса, и все.

Жены сидели и толковали об этом все вместе. Они говорили и удивлялись, а Хейше ходил взад-вперед и приносил домой кусочки вареного мяса.

Как-то мать-дикобраз сказала детям:

— Говорила же я вам, чтобы вы были осторожны! Что это?! Я отлучилась ненадолго, и один из вас исчез!

— Мы... гм... когда тебя нет, кто-то приходит и говорит: «Дети, выходите, я хочу посмотреть на вас!»

Когда мы выходим, он заботится о нас и играет, играет с нами, а потом берет одного из нас и убегает.

Их мать выслушала их. Затем она снова ушла, опять оставив детенышей одних. Хейше снова пришел к логову, пришел, чтобы посмотреть на них.

— Выходите, я хочу на вас поглядеть!

Детеныши дикобраза вышли из логовища. Хейше заботился о них и поиграл с ними, а потом он взял еще одного из них и ушел. Осталось только два детеныша.

Затем пришла домой мать-дикобраз. Она сказала:

— Сегодня вас осталось только двое. Завтра я никуда не пойду. Я не хочу больше слушать этих глупостей о том, что Хейше заботится о вас, когда меня нет. Пусть он только попробует прийти снова! Он увидит, как в глубине логова сверкают мои глаза, и спросит: «Чьи это большие глаза?» А вы, дети, скажете ему обо мне — вы скажете, что это глаза вашей старшей сестры. Скажете, что она заболела и лежит в логове. Вот что вы ему скажете.

Детеныши дикобраза выслушали свою мать и обещали сделать так, как она сказала.

И вот они немного подождали, и опять явился Хейше. Он поиграл с двумя детенышами и уже собрался сделать так, как он поступал прежде. Но тут он заметил большие глаза, горящие в глубине логова.

— Чьи это глаза? — спросил он.

Детеныши дикобраза сказали:

— О, это глаза нашей старшей сестры!

— Почему ваша старшая сестра лежит там больная — почему она не выходит, чтобы мы поговорили?

Детеныши вошли в нору, как будто затем, чтобы привести свою сестру. Они передали матери то, что сказал Хейше. Она выскочила из логовища и, схватив Хейше, содрала с него скальп, так что кожа свисала сзади ему на шею. Хейше закричал и убежал оттуда так быстро, как только мог.

Удирая, он натолкнулся на зайца-прыгуна. Тот был занят приготовлением го. Он жарил го. Заяц-прыгун готовил, а Хейше смотрел. Приготовление го заняло много времени. Хейше стал раздражаться.

В конце концов он сказал:

— Ай! Этот парень заставляет меня слишком долго ждать.

И он схватил зайца-прыгуна. Он содрал с него шкуру целиком. Затем он взял шкуру и прикрыл ею большую рану на голове, которую нанесла ему мать-дикобраз.

Он прикрыл свою голову и ушел. Он пошел домой к своим женам. Так они жили некоторое время.

А потом голова Хейше стала гноиться. Он прикрыл голову шкурой шерстью кверху, так что в рану попало мясо зайца-прыгуна с внутренней стороны шкуры. И из-за того, что он смешал вместе два вида мяса — свое и зайца-прыгуна, — рана стала гноиться.

Ну, они жили там. А голова у Хейше гноилась. Они все жили. Рана гноилась. В ней завелись черви.

Однажды Хейше стал пить жир птиц кваинше. Он пил и пил, пока жир не стал капать у него из-под ногтей. Когда у него все руки были в жире, он пошел и сел.

— Чтобы от человека так дурно пахло, как от него, и он еще осмеливался думать, что может иметь жен?! — фыркали его жены. — Да что у него такое, что так ужасно воняет сегодня?

— Ну-ка, поглядите, вот что значит, когда человек богат! — сказал Хейше. — Я так богат, что жир капает у меня из-под ногтей. А вы еще говорите о каком-то зловонии?! Поглядите-ка лучше на мои ногти! — сказал он им.

И он стал стряхивать с них жир в огонь, стряхивал, стряхивал, а потом отдернул руки от огня.

Но женщины чувствовали, как дурно от него пахнет, они чувствовали зловоние от его гниющей раны.

— Конечно, с этим парнем что-то неладно! — говорили они.

Они все пошли спать. И пока они спали, две жены умерли от его зловония. Он убил их, убил их.

Когда рассвело, жены сказали друг другу:

— Давайте последуем за ним и посмотрим, чем он занимается!

А он в тот день только то и сделал, что отправился к дереву тсама и собрал его плоды.

Вернувшись домой, он сказал:

— На дереве тсама спелые плоды, но оно очень

далеко отсюда. Давайте перейдем поближе к нему, чтобы у нас было много еды.

И они собрались в дорогу.

Жены отвели в сторону одного из детей и сговорились с ним.

— Дитя мое! — сказала одна из женщин. — Я, твоя мать, прошу тебя, сделай это для меня. Сегодня, когда мы отправимся, я хочу, чтобы тебя нес твой отец. Не проси, чтобы тебя несла мать! А когда мы доберемся до дерева тсама, сдерни-ка шкуру у него с головы. Сдери ее, чтобы мы могли увидеть, что там так скверно пахнет. Мы хотим знать это, потому что мы сомневаемся в том, может ли он оставаться нашим мужем.

Жены Хейше говорили обо всем этом по секрету с ребенком, это был ребенок Хейше от одной из них.

И вот они покинули свое старое становище. Ребенок не захотел, чтобы его несла мать.

— Я хочу, чтобы сегодня меня нес мой отец! — сказал он.

Отец пытался уговорить его пойти к матери, но он отказывался. Он отказался наотрез. В конце концов Хейше взял ребенка и понес его. Они долго шли. Когда они добрались до дерева, ребенок содрал с головы своего отца шкуру зайца-прыгуна. Как только он отбросил шкуру, из раны извиваясь стали выползать черви. Хейше сбросил с себя ребенка и даже не посмотрел, куда он упал.

Затем он убежал.

113. Как благодаря Кауха появились люди и все остальное

Вначале люди были совсем другими. Мы совсем не были похожи на людей. Мы были похожи на животных, мы были сделаны так же, как и животные. А животные были созданы так же, как и люди.

Когда впервые появился Гара, на земле жил Кауха. Он хотел спать с женой, но не знал, как. Сначала он пытался засунуть член ей в нос, потом он пытался всунуть его ей в уши. Он делал так и эдак, пока наконец люди не сказали ему: «Разве ты не знаешь, как это полагается делать?»

Как-то Кауха сидел со своей женой и мельком увидел ее промежность. Он стал пристально смотреть, смотрел-смотрел и удивлялся: «Что это такое? Что бы это могло быть?»

Люди сказали ему, что это такое.

Тогда Кауха послушался их и наконец овладел женой так, как полагается.

Она родила, и у Гара появились дети. Они продолжали спать вместе, и у них стало множество детей. Потом они все вышли из их норы в земле, где они жили.

— Да, ты овладел женщиной,— сказали ему люди.

Оттуда он отправился создавать вещи. Он стал ходить там и сям, делал разные вещи и давал им имена. Он назвал своих двух сыновей Канца и Гцома. Затем он сделал всех остальных людей. Вначале мы были не людьми, а чем-то иным.

114. О том, как Кауха отыскал своих сыновей

Канца и Гцома, два брата, были сыновьями Кауха. Однажды они оба отправились на охоту. Они шли и шли, а ночь провели там, где она их застала. Утром они снова пустились в путь, прошли еще дальше и устроили себе стоянку в другом месте. Они спали там. Утром они встали, взвалили на плечи свое охотничье снаряжение и отправились дальше. Они шли, пока не нашли места для стоянки.

Ну, и вот эти двое так провели две ночи. На третий день они вспугнули антилопу канна. Они загнали ее, убили и остались там, чтобы освежевать ее и разделывать тушу. Они разрезали все мясо на тонкие полоски и подвесили их сушить.

Ну а львы — в те времена часть людей уже превратилась в животных,— львы тут и появились. Они появились там, где были мальчики, и увидели их. Затем львы их убили и закопали их в содержимом желудка мертвой антилопы. Они зарыли их в остатках пережеванной пищи из желудка антилопы канна. Львы запрятали их там, этих мальчиков, которые убили антилопу канна. Когда они сделали это, они ушли. Они опять превратились в людей.

Затем их отец отправился разыскивать своих сыновей. Он все искал и искал, но не мог их найти. Ведь львы уже убили их. И вот отец решил убить своих слуг, львов. Раз его дети умерли, он решил убить своих слуг.

И он пошел по следам мальчиков. Он пошел по их следам и взял с собой сухопутную черепаху зем. А также он взял с собой водяную черепаху цгва. И зем, и цгва в те времена были людьми.

И вот они шли, шли и шли по следам мальчиков. Спустя некоторое время они пришли к тому месту, где спали мальчики. И зем сунул голову в золу от их костра.

Он сказал:

— Этот огонь уже остыл!

Вот что он сказал.

И они ушли от этого кострища и снова пошли по следам мальчиков, пока не добрались до того места, где мальчики спали на второй день.

Кауха сказал зем:

— Сунь голову в кострище!

И тот сунул туда голову и на этот раз обжег ее. Он стал плакать, плакал и бегал взад-вперед и терся головой о песок.

А Кауха сказал:

— Гм-гм! Заткни свой грязный рот! — Ведь зем все бегал туда-сюда и плакал и терся головой о землю.

— Гм-гм! Закрой свой гнилой рот и помолчи, чтобы мы могли поискать этих детей. Тебе говорят?!

Вот что сказал Кауха.

Тут зем замолчал. И они пошли дальше по следам мальчиков, шли-шли и в конце концов они пришли туда, где умерла антилопа канна. Когда они осмотрели это место, они поняли, что это львы убили мальчиков.

— Так вот как умерли мои дети?! — сказал Кауха.

Он стал устраиваться там на стоянку и спал там, где они умерли.

И там он стал собирать птиц. Он собирал, собирал и собирал их. И он привел туда птиц, которых называют ксаушехмс и которые кричат «чауко, чауко, чауко, чауко». И они все закричали.

Кауха сказал:

— Гм! Что за гам?! Как бы мне разузнать что-ни-

будь от этих птиц? Мои дети — где мне искать моих сыновей? Мои дети уже давно умерли. Как бы мне их отыскать?

Потом он привел птиц чу. Но и чу так же громко болтали. И Кауха прогнал их. Затем он привел птицу гдворе. Гдворе был человеком. Но и он тоже болтал. Поэтому Кауха прогнал и гдворе.

Так он приводил всех птиц по очереди. Но все они болтали чепуху и не говорили ему того, что он хотел узнать, поэтому он прогонял их.

Наконец он отправился за птицами ксаушехмс, которые усядутся и кричат «чококо, чококо, чоко». Все ксаушехмс пришли и расселись там. Он привел их туда, и они расселись и начали кричать. Кауха стал танцевать. Они стали по кругу, и Кауха начал танцевать. Он танцевал и танцевал, и зем вошел в круг и раскачивался из стороны в сторону. Цгва танцевал в кругу, ковыляя на своих коротких ногах.

Все они танцевали и танцевали, и вскоре танец разошелся вовсю!

И Кауха сказал:

— Гм-гм! Выходите!

Он обращался к своим детям, зарытым в куче пищевых остатков.

— Ура молнии! Ура нам! — закричал Кауха.

И вот Канца и Гцома выползли из кучи остатков пережеванной пищи. Кауха был очень счастлив, и он забрал своих детей и пошел домой.

Вот что я слышал от стариков, рассказывавших о цаиха давних времен.

115. История о Кауха и зайце-прыгуне (I вариант)

Теперь я хочу рассказать вам свои истории. Вот послушайте. Эта история о Кауха и о том, что с ним произошло.

Однажды он был в зарослях — не знаю, может, он отправился поохотиться, и встретил зайца-прыгуна. А заяц-прыгун ел гдеди возле озера. Он ел и танцевал.

Он танцевал так прекрасно, что Кауха долго стоял

и смотрел на него. Он смотрел и смотрел, а когда солнце село, он собрался идти спать.

Уходя, Кауха сказал:

— Завтра я попрошу у Канца и Гцома набедренную повязку и принесу тебе, чтобы ты надел ее, когда станешь танцевать. А я буду смотреть.

На следующее утро он забрал набедренную повязку у своих сыновей. Как только он встал утром, он сразу же взял набедренную повязку. Затем он вернулся к этому озерцу.

Он вернулся и отдал набедренную повязку зайцу-прыгуну, а заяц-прыгун обвязался ею. Потом он стал танцевать. Кауха смотрел, а заяц-прыгун танцевал, и Кауха смотрел, и заяц-прыгун танцевал.

Похоже было, что собирается дождь.

Тогда Кауха сказал:

— Давай мне набедренную повязку Гцома и Канца, и я пойду домой.

Но заяц-прыгун все продолжал и продолжал себе танцевать. Кауха возмутился. Вот-вот пойдет дождь, на него уже упали первые капли.

— Коо! — сказал он. — Почему этот парень не отдает мне набедренную повязку, чтобы я мог уйти? На меня уже капает, а он все танцует!

Кауха бросился, чтобы схватить зайца-прыгуна, но тот убежал. Кауха погнался за ним, а он вскочил в свою нору. Кауха снова пытался схватить его, но ему удалось только оторвать ему хвост. Заяц-прыгун забрался в свою нору и был таков.

Кауха пошел домой.

— Я доберусь до этого парня завтра! — сказал он.

Он пошел домой и на следующий день сделал крючок¹. Он сделал крючок на зайца-прыгуна и вернулся к этому озерцу.

— Ну, сегодня я действительно разделаюсь с этим парнем! — сказал он.

И вот он вернулся к озерцу, и там был заяц-прыгун. Он опять танцевал. Он танцевал и танцевал в сухой набедренной повязке — дождь намочил ее, но она уже высохла.

Кауха подкрался к нему и уже чуть было не схватил его, но заяц-прыгун увидел его. Он бросился к

своей норе, а Кауха — за ним! Заяц-прыгун забрался в нору, но Кауха всунул туда крючок и подцепил его. Подцепил его крючком и крепко привязал крючок к другой палке, а сам в это время раскапывал нору.

Он вытащил из норы зайца-прыгуна и забил его до смерти. Когда он убил его, он разорвал его шкуру и растерзал его в клочья.

Затем он разбросал повсюду эти клочья и сказал:

— Пусть зайцы-прыгуны живут повсюду и пусть будут повсюду крючья на зайца-прыгуна, чтобы люди могли есть зайцев-прыгунов. И что только думал заяц-прыгун, обойдясь вот так с набедренной повязкой моих сыновей!

Поэтому теперь зайцы-прыгуны водятся повсюду, чтобы люди могли их есть.

Вот история о Кауха и зайце-прыгуне.

116. История о Цаиха и зайце-прыгуне (II вариант)

Да, я знаю: конечно, мне известна история о зайце-прыгуне и Цаиха.

Цаиха, как вы знаете, создал все, он все сделал сам. И была у него красивая набедренная повязка. Она была расшита бусинами, до чего же она была красивой! Он любил надевать ее и танцевать в ней, танцевать в ней, когда пели песни для танца.

И вот однажды он вышел прогуляться в своей набедренной повязке. А там, куда он пошел, был заяц-прыгун.

Заяц-прыгун взглянул на его набедренную повязку и сказал:

— Что за прекрасная вещь у тебя! Одолжи мне ее на время: позволь мне ее примерить. Неужели ты не дашь ее мне надеть?! Дай ее мне, я хочу потанцевать в ней.

И Цаиха снял с себя эту набедренную повязку. Он дал ее примерить зайцу-прыгуну.

Заяц-прыгун обвязал ее вокруг талии и стал танцевать в ней. Он все танцевал и танцевал. Он сразу стал очень красив в ней. Набедренная повязка так красиво выглядела, раскачиваясь в танце! Цаиха смотрел, как

зачарованный. Он стоял там и смотрел, как танцует заяц-прыгун. Он все смотрел и смотрел. Заяц-прыгун танцевал, а Цаиха смотрел на него. И никто из них не заметил, что собираются дождевые облака и движутся прямо на них.

Когда облака оказались уже почти над ними, Цаиха сказал:

— Эй, заяц-прыгун! Отдай мне мою набедренную повязку, я пойду домой. Видишь, вот-вот пойдет дождь.

Но заяц-прыгун не обращал на него никакого внимания и продолжал танцевать. Он все танцевал и танцевал.

Цаиха опять сказал:

— Эй, заяц-прыгун! Отдай мне мою набедренную повязку, я собираюсь домой! Сейчас пойдет дождь!

Но заяц-прыгун отказался и продолжал себе танцевать. Он танцевал здесь, и он танцевал там, а дождь был уже совсем близко.

Цаиха подпрыгнул и сказал:

— Что же мне делать с этим парнем?! Я сказал ему, чтобы он отдал мне мою набедренную повязку, я сказал ему, что собирается дождь, а он все продолжает танцевать!

И он набросился на зайца-прыгуна и пытался схватить его. Он гонялся-гонялся за ним. В конце концов он оказался так близко, что чуть было не схватил его руками, но тут заяц-прыгун быстро нырнул в свою нору.

Он удрал вместе с набедренной повязкой, вот и все.

Цаиха ничего не оставалось, как пойти домой. В раздражении он вскинул руки и отправился. А прекрасная набедренная повязка стала хвостом зайца-прыгуна.

И с тех пор заяц-прыгун рассказывает с этим хвостом, хвостом, который некогда был набедренной повязкой Цаиха.

Вот какая история.

117. История о Кауха и девушке

Кауха хотел жениться. Но девушки, кого бы он ни просил стать его женой,— все ему отказывали.

Тогда он сказал себе:

— Ну, хорошо. Погодите, вы еще увидите, что я с вами собираюсь сделать!

И вот он ушел и превратился в антилопу-прыгуна. Потом он умер и лежал где-то там в зарослях.

А женщины отправились в ту сторону собирать пищу. И натолкнулись на лежавшую на дороге мертвую антилопу.

— О-о, о-о, о-о! Я нашла прыгуна! — закричала девушка, которую Кауха больше всего хотел взять в жены.— Эй, послушайте, я нашла прыгуна! Идите сюда, давайте возьмем его и отнесем домой.

Все девушки сбежались посмотреть.

— Но ведь у нас нет веревок, как же мы его понесем? Разве мы можем нести такую большую антилопу на плечах!

— Не беспокойтесь,— ответила первая девушка.— Мы будем нести его в кароссе. Донесем до становища, а потом возьмем у кого-нибудь нож и освежаем его.

Ну а среди этих девушек была одна, на которой Кауха не захотел жениться. Эта девушка вызвалась понести прыгуна первой. Она крепко увязала его в свой каросс. Тяжелая ноша раскачивалась на ее спине, и она двигалась медленно. Но, пока они так шли, Кауха стал все тяжелеть и тяжелеть. Каросс совсем провис, и вскоре тяжесть совершенно придавила девушку.

И она положила узел на землю и крикнула первой девушке:

— Иди сюда, ты нашла это мясо — ну и неси его сама!

Первая девушка сказала:

— А разве я отказываюсь? Давай его мне и помоги положить на спину!

Девушки отправились дальше.

А Кауха стал соскальзывать в кароссе все ниже и ниже, пока не оказался прямо на ее ягодицах. И вот что он сделал: он «женился» на ней. Он соскользнул прямо ей в промежность, а она крикнула:

— Ай! Что же вы так положили мясо, что оно соскальзывает вниз — вот так?! В чем дело? Может, я слишком мала ростом, чтобы нести его? Наверное, так получилось потому, что я слишком мала,

Другие девушки устало сказали:

— Да ты подними его снова кверху и пойдем дальше, а? Он, конечно, тяжелый, но ведь не только же нам одним нести его!

Все же они выручили ее: другая девушка подошла к ней и понесла его немного. С ней ничего не случилось, и они еще долго шли своей дорогой.

Когда снова наступила очередь первой девушки, она положила прыгуна к себе в каросс. Но как только она двинулась дальше, Кауха опять соскользнул вниз — и «женился» на ней. Сколько она ни поднимала его снова вверх, он все соскальзывал вниз, и ей снова и снова приходилось подтягивать его обратно вверх.

— Эй! — удивлялась она. — Что за мясо?!

Она все продолжала с ним бороться, и наконец они добрались до становища.

Люди были озадачены.

— Что это за мясо, которое умерло, но все еще живое?!

— Мы нашли это мясо в буше. Мы принесли его домой. Но мы не знаем, что у него на уме: когда его нес кто-нибудь из нас, все было в порядке, но как только его пыталась нести вот эта девушка, мясо делало с ней что-то ужасное. Это какое-то необычное мясо!

— А может, это вовсе не мясо? — спрашивали друг друга люди. — Разве это обычное мясо?!

Все сидели вокруг и толковали об этом.

Наконец они решили освежевать прыгуна. Но когда они его освежевали, оказалось, что нет ни крови, ни внутренностей, — одно мясо. Оно было неприятным на вкус, поэтому люди не стали его есть.

— Нет, — сказали они. — Наверное, это животное умерло от какой-то лихорадки. Его убило что-то ужасное, потому-то у него такой отвратительный вкус! Мы ведь не знаем, что было с этим мясом!

И они выбросили его. Вот что они сделали с мясом, которое нашли девушки.

118. Как Кауха превратился в гхнгдуа и китва, чтобы обмануть девушку

Как-то Кауха вышел прогуляться. Он взял и превратился в плоды гхнгдуа, кусты гхнгдуа были усыпаны плодами, которые раскачивались от легкого ветерка. Но это не были обычные гхнгдуа, на самом деле это был Кауха.

Когда он вот так превратился в гхнгдуа, мимо проходила девушка, которая ему нравилась. Она стала собирать плоды. Она собирала и собирала гхнгдуа, но ведь с самого начала это были не гхнгдуа, а Кауха, превратившийся в плоды гхнгдуа. Он вошел в стручки гхнгдуа — и превратился в гхнгдуа!

Ну, значит, девушка проходила мимо, собрала плоды и съела их.

Когда она вместе с другими женщинами отправилась дальше, Кауха крикнул своим шепелявым голосом — тскси-тскси! — из ее живота:

— Е-е! Как мне отсюда выбраться?!

Услышав голос, девушка сказала:

— Кси! Что бы это могло быть у меня в животе, что хочет выскочить?

Тут Кауха сказал:

— Е-е! Попробую-ка я выйти отсюда вот так!

И, когда женщины пошли дальше, он засмеялся: «Хом!» — и спустился пониже в животе девушки.

Девушка испугалась:

— Что такое делается со мной сегодня?!

Затем Кауха успокоился на время. Женщины шли себе дальше. Тут он снова сказал: «Хом!» — и девушка удивилась: «Что это со мной?!» Затем она пошла дальше.

Она шла, пока Кауха снова не крикнул:

— Е-е! Ура мне!

Девушка была вне себя. Она никогда не слыхала ни о чем подобном!

— Эй! — закричала она. — Да что это?! Что такое делается со мной?

Наконец Кауха вышел. «Кса!» — он прошел через стенки живота, выпрыгнул и был таков.

Ну а знаете, что устроила ему за это девушка?

Она ушла оттуда, пошла в другое место и оставила там кучу испражнений.

Когда Кауха проходил мимо, он увидел эту сочащуюся кучку и сказал:

— Коо, коо, коо! Что это такое?

Он приблизился, подпрыгнул, но потерял равновесие и — гви! — упал прямо в середину кучки!

Ну, тут он начал плакать! Он вопил и стонал, так что чуть не умер.

— Куда это я попал? — удивлялся он.

Когда Кауха наконец выбрался оттуда, он пошел и устроил другую проделку!

Он превратился в китва. Он свисал с плетей и раскачивался на ветру. Эта девушка проходила мимо и стала собирать китва. Она ела китва, пока ее живот не раздулся, как у беременной. Но это же были вовсе не китва — на самом деле это был Кауха!

Он уже был у нее в животе и сказал:

— Хом!

— Что это? — спросила она себя.

Снова:

— Хом!

Наконец он вышел из ее живота, выпрыгнув через стенки.

119. Кауха и его жены

Некогда кусты гхнгдуа были женами Кауха. Они делали все то, что обычно делают женщины, но это были кусты гхнгдуа. И они искали случая, как бы им вернуться к мужу. Когда Кауха как-то оказался возле зарослей гхнгдуа, кусты набросились на него и стали бить. Они колотили его и били по голове. Он просто шел мимо — и вдруг кусты разбили ему голову!

В конце концов Кауха заставил кусты успокоиться, снова воткнул их в песок, и они опять стали просто обычными гхнгдуа.

Затем он забрался в самые заросли.

— Здесь полно спелых гхнгдуа! — закричал он своим женам.— Идите и поешьте вместе со мной!

Когда жены прибежали и вошли в заросли, он велел кустам побить их. И гхнгдуа стали бить их, пока они не убежали, плача.

120. Как Кауха убил свою жену

У Кауха было две жены, и одной из них была птица гемша. У нее был большой живот, и она пела «чи, чи, чи, чи, чи», как птица-носорог. В те времена она была женщиной, и ее имя было Цуше.

Кауха выкапывал луковицы кцару. Он выкапывал кцару с большими, крупными луковицами и пек их. Он доверху набил свой охотничий мешок печеными луковицами. Кауха вовсе не собирался съесть их вместе с женщинами — он был не из тех, кто делится едой с другими. Затем он повесил свой мешок.

Люди собрались вместе и стали танцевать. Пока Кауха танцевал, его жена с большим животом проскользнула тайком к мешку с кцару и все их съела. Потом она нагребла песку и наполнила им пустой мешок. Сверху на песок она положила три оставшиеся луковицы кцару. Затем она положила мешок и вернулась к танцующим.

Потанцевав немного, Кауха пошел к своему охотничьему мешку, чтобы поесть кцару. Он съел три лежавшие сверху луковицы, но когда он протянул руку за четвертой, то вытащил пригоршню песку.

Тогда Кауха взял свою мешалку для огня и снова присоединился к танцующим.

Он танцевал — «дзай, дзай, дзай, е-е-е-е-е, дзай, дзай, дзай, е-е-е, дзай, дзай, дзай, дзай, дзай, е-е-е», — пока одна из женщин не разомкнула перед ним круг танцующих.

Но Кауха сказал:

— Э! Эти мне не нужны! Мне нужна та высокая женщина, что стоит вон там, вот эта высокая. Мне нужна та девушка!

Но эта женщина так и осталась там и не подошла к нему.

Допев эту песню, они затагнули другую. Кауха опять принялся танцевать, он танцевал прекрасно! Пока он обходил так круг танцующих, другая женщина вышла и стала танцевать перед ним.

Но он сказал:

— Э! И что все эти женщины подходят ко мне сегодня?! Я хочу, чтобы вон та танцевала передо мной!

Но она все еще не соглашалась.

Допев и эту песню, люди запели другую, и Кауха продолжал танцевать. И сколько женщин, одна за другой, ни выходили танцевать перед ним, он всем им отказывал.

В конце концов та, которая была ему нужна, вышла из круга женщин и направилась к нему. Они танцевали вместе, бок о бок. Сначала Кауха кружил вокруг своей жены, потом она кружила вокруг него. Затем он опять танцевал вокруг нее.

И все это время он держал в руке свою мешалку для огня, и наконец он поднял ее и распорол ей живот. Птица гемша отпрыгнула от него в сторону и умерла. С тех пор танец стал отдельным.

Кауха кричал вслед разбегавшимся:

— Ура мне!

Вот что проделывал этот старый Цаиха.

Эти истории рассказывали мне старики, а я их слушал.

121. Как жены Кауха подшутили над ним

Как-то жены Кауха подшутили над ним. Вот что они устроили: его жены сделали детеныша жирафа. Они слепили его из своих испражнений и поставили его в зарослях.

Сделали они детеныша жирафа, а потом пошли домой и сказали Кауха:

— Мы обнаружили в зарослях детеныша жирафа. Завтра ты можешь пойти и убить его.

Всю ночь просидели жены, волнуясь и нетерпеливо ожидая рассвета.

— Когда же наконец настанет утро и он сможет отправиться, чтобы убить этого детеныша жирафа?! — спрашивали они друг друга.

В конце концов рассвело, и они отправились. Когда Кауха увидел жирафа, он хотел тут же забить его.

Но его жены сказали:

— Не бей детеныша жирафа! А то ты разорвешь его шкуру и ее зальет кровью! Лучше прыгни и схвати его голыми руками. Давай прыгай и хватай его!

Кауха удивился их просьбе, но все же прыгнул,

чтобы схватить детеныша жирафа. «Плюх!» — он упал прямо в кучу испражнений. Он беспомощно барахтался там, а его жены убежали и бросили его.

Женщины убежали и устроили другую проделку — они превратились в плоды китва, которые висели на вьющихся стеблях. Их колебал легкий ветерок, они висели и вызревали.

А тем временем Кауха наконец выбрался из кучи и отправился вслед за своими женами. Он увидел спелые китва, висящие на вьющихся стеблях, собрал и съел их. Когда он проглотил китва, жены оказались у него в животе и сказали:

— Гм!

— Я слышу вас! — сказал Кауха. — Я знаю, что вы здесь! Я вас слышу!

Тут мимо проходила совсем маленькая птичка, которую называют гдору, и она проклюнула живот Кауха. Птичка улетела, а его жены выпрыгнули оттуда.

Да, так все и случилось.

122. Кауха и Гонгончи-даси

Кауха и Гонгончи-даси¹ отправились выкапывать цару. Они выкапывали их, а потом легли спать.

Пока Гонгончи-даси спал, Кауха посмотрел на него и спросил себя, где же его глаза, потому что на его лице глаз не было.

— Где у этого парня могут быть глаза?

Кауха стал всего его ощупывать, отыскивая его глаза. Но он нигде не мог нащупать моргающих век.

— Где же он держит свои глаза?

Кауха дотронулся до запястий Гонгончи-даси, но и там ничто не моргнуло.

— Где же могут быть его глаза?

А Гонгончи-даси крепко спал все это время. Кауха добрался до его лодыжек и швырнул в них песок. И вдруг что-то заморгало!

— А! — сказал Кауха. — Так это здесь он держит свои глаза?!

И он посыпал песком на другую лодыжку. Когда и эта лодыжка заморгала, Кауха снова спросил:

— Неужели его глаза так всегда и были на лодыжках?

Кауха и Гонгончи-даси были первыми, кто стал играть в войну. Выигрывал все время Гонгончи-даси. Он выигрывал и выигрывал, потому что Кауха не знал, где находятся его глаза. Вот почему он и стал искать глаза Гонгончи-даси, припорошивая их песком.

«Ну, погоди: я с тобой разделаюсь!» — думал Кауха. Вот он и искал-искал, пока не нашел его глаза.

Тогда он сказал Гонгончи-даси:

— Давай пойдем выкапывать кцару.

И вот они выкапывали и выкапывали. Потом они отправились домой и развели огонь, чтобы испечь то, что они выкопали. Костер горел, пока не прогорел до углей.

Кауха не дал Гонгончи-даси положить кцару в огонь на угли — он сделал это сам. Он бросал кцару на угли — одну луковицу за другой. Вдруг он схватил Гонгончи-даси и бросил его на угли вместе с кцару! И своей мешалкой для огня стал забрасывать его тлеющими углями. Глаза Гонгончи-даси сгорели. Кауха испек их вместе с кцару.

Пока он все это проделывал, кцару лежали в огне и пеклись. Кауха выгреб их оттуда и положил остудить. Затем он наполнил ими свой мешок и ушел, оставив Гонгончи-даси лечить его обожженные глаза.

123. Как Кауха раздобыл огонь для всех у Тсаше-дзунини

Кауха и Тсаше-дзунини жили вместе. У Кауха не было огня, а у Тсаше-дзунини — был. Тсаше ел пищу, приготовленную на огне, а Кауха ел сырую пищу.

Как-то Тсаше дал своим детям вареной еды. Дети ели и играли в войну, а Кауха пришел и смотрел, как они играют.

— Дайте мне попробовать того, что вы едите, — сказал он.

Дети дали ему кусочек, и он воскликнул:

— Коо! Какую вкусную вареную еду едят эти де-

ти! А почему я ем сырую еду, в то время как другие люди едят вареную?!

Но у него не было огня, поэтому он так и ел все сырым, а Тсаше-дзунини и его дети продолжали есть вареное.

Однажды Кауха спросил себя:

— Интересно, а что этот парень, Тсаше, делает со своей едой, что она так вкусно приготовлена? Почему бы мне не последить за тем, что он делает? Тогда я смогу сделать так же!

И вот на следующее утро, когда Тсаше-дзунини со своими родственниками отправился собирать съедобные коренья, Кауха сказал, что он останется дома. Но когда все они пустились в путь, Кауха тайком последовал за ними. Он видел, как они выкапывали луковицы кцару. Он долго следил за ними.

Потом они стали один за другим перебираться в тень, чтобы там съесть свои кцару.

Кауха взобрался на дерево, чтобы проследить за ними.

— Сегодня я разузнаю, что эти люди делают со своей пищей!

Он сидел на дереве и наблюдал. Один за другим все перешли в тень. Когда все собрались там, Тсаше-дзунини подошел к дереву и выломал палочки из его сердцевины¹. Затем он уселся.

— Дзунини! Дзунини! — заработали палочки для добывания огня, — и появился огонь!

«Почему же не у всех нас огонь и не все едят вареную еду, как этот парень? — подумал Кауха. — Тсаше-дзунини, конечно, хорошо живется. Почему же я до сих пор ем сырую пищу, когда это так просто?!»

Тем временем Тсаше-дзунини подложил дров в свой костер, и он ярко разгорелся.

«Коо! — подумал Кауха. — И это все, что этот парень делает? И у него всегда был огонь, а я ничего не знал об этом?!»

Кауха следил за ними, пока они пекли кцару. Они испекли луковицы и сняли кожуру, а потом съели. Когда все было съедено, они отправились домой, в становище.

Кауха слез с дерева и проскользнул домой до их возвращения.

Когда явился Тсаше со своими родственниками, Кауха предложил:

— Давайте сделаем игрушку джани и будем подбрасывать ее в воздух.

Все согласились поиграть и привязали к джани перо птицы-носорога. Но джани с пером птицы-носорога не взлетала, и тогда они попробовали прикрепить перо птицы нем. Но и перо нем ничего не дало. Они испробовали перо цесарки, но джани все не взлетала. Тогда они испробовали все перья, которые только были. Ничто не помогало.

Наконец Кауха сказал:

— Послушайте! Давайте-ка привяжем перо кори-дрофы!

Все согласились. С пером кори-дрофы джани прекрасно взлетала. Кауха подбросил ее в воздух, а она улетела от них и направилась на восток. Кауха побежал за ней. Джани не опускалась на землю: она все кувыркалась в воздухе — вверх и вниз, вверх и вниз!

— Все идите сюда! Давайте поймаем джани! Куда это она направляется?

Тсаше-дзунини и Кауха и все дети побежали за джани. Она улетела далеко. Наконец она стала кружить над большим деревом, на котором было множество сухих ветвей. Кауха подбежал к дереву и набрал охапку ветвей.

Он стал разбрасывать этот хворост повсюду, крича:

— Пусть будет огонь на всей земле, чтобы он был у каждого! Почему это Тсаше придерживает его только для себя?!

Тут Тсаше стало стыдно.

С тех пор повсюду полно хвороста, и огонь есть у всех.

124. Как Цгаува отобрал мед у птицы гонгон

Как-то птица гонгон нашла на дереве мед и стала вырубать его. Звон его топора услышал Цгаува. Он услышал удары топора и пошел на эти звуки. Звон топора привел его прямо туда, где был гонгон.

Цгаува сел и стал смотреть, как он вырубает мед.

Он сказал себе:

— Надо бы и мне отведать этого меду!

Он взглянул на мед, который уже вырубил гонгон. Затем он попросил немного меду, чтобы поесть.

— Не дашь ли ты мне немного твоего меда?

Но гонгон отказал.

— Этот мед мой,— сказал он.— Это мой мед! И я не собираюсь тебе ничего давать.

Тогда Цгаува уселся и стал смотреть, как он рубит. Он рубил, пока совсем не устал, а потом вытащил весь мед, уложил его, поднялся и ушел.

Позже Цгаува пришел к дому гонгона и украл весь его мед. У гонгона не осталось ни капли меда. Цгаува забрал его весь целиком, ушел и съел его.

Гонгон стал с ним бороться из-за меда, но Цгаува уже весь его съел. Так гонгон и ушел ни с чем.

Вот что произошло с гонгоном и Цаиха, гонгоном и Кауха. Вот какая история произошла с этими двумя из-за меда. Цгаува унес мед у гонгона. И гонгону, которому принадлежал мед, ничего не досталось, и ему пришлось уйти ни с чем. Они боролись-боролись. Кауха забрал мед, и гонгон ушел ни с чем.

125. Как Цгаува обманул страуса

Цгаува взял да и спрятал своих детей в одном месте. Потом он пошел и сказал страусу, что он убил их,— для того, чтобы страус убил своих детей.

Ну а страус в те времена был человеком.

— Эй,— сказал он, когда понял, что произошло.— Как же этот парень обманул меня? Зачем он спрятал своих детей где-то в надежном месте, а потом уговорил меня, чтобы я убил моих детей?

Когда Цгаува отправился за водой, страус сел на дороге, ведущей от источника к становищу. Он скрестил свои длинные ноги, перегородив ими дорогу, и ждал, когда появится Цгаува с горшками с водой, которые он нес в сетке за спиной.

Цгаува подошел к страусу и сказал ему:

— Ты, негодяй ты этакий, убирайся с дороги и дай мне пройти! О чем ты только думал, рассевшись тут?

Тут страус поднялся и подумал: «Что бы мне сделать с этим парнем? Как мне быть, если он убил всех моих детей, а его дети остались живы?!»

И вот он улегся снова и перегородил своими ногами дорогу. Цгаува двинулся вперед.

Страус сказал:

— Ты думал, что делаешь, когда так со мной обошелся? Да что же это такое?!

Тут эти двое стали бороться — тшкса-тшкса! Они пытались схватить друг друга и гонялись друг за другом.

Потом они побежали к скале, и Цгаува протиснулся в расселину в скале. А страус схватил его за яйца и стал тянуть!

Цгаува закричал:

— Не надо! Обеги скалу спереди и хватай меня, когда я выйду отсюда!

И страус побежал вокруг скалы. Пока он ждал там, что Цгаува выйдет, скала сомкнулась, и Цгаува остался внутри.

Страус долго ждал там, но так ничего и не дождался. Тогда он стал лягать скалу. Он лягался с такой силой, что перебил себе ноги. В конце концов он сдался и пошел домой.

126. Как бушмены получили магию от Гануа

Гануа научил бушмена Тжи-тжи, как пользоваться маленьким магическим колчаном.

Как-то Тжи-тжи убил сернобыка.

Появился Гануа и сказал:

— Я пришел к тебе, не бойся! Мы оба будем тут спать.

После того, как антилопа была съедена и они поспали, Тжи-тжи сказал Гануа:

— Дай мне цаи — чудесное снадобье.

Тот ответил:

— Если я дам тебе цаи, чем ты мне отплатишь?

Тжи-тжи сказал:

— Я дам тебе рога!

Тогда Гануа взял рога, сделал из них маленькие

стрелы и вложил в них цаи. А перед тем как уйти, он научил Тжи-тжи танцу цаи. С тех пор бушмены научились применять магию.

127. Ветер и Цгаунва

Ветер — это человек. Вот он выходит. И вместе с ним в облике птицы выходит и Цгаунва, дух. У него два имени — Цгаунва и Хише.

Ветер вместе с Цгаунва отправляется, но он не ходит по земле, а поднимается над землей, в небо, он летает. Он хватает траву и кидает ее где-нибудь далеко от этого места.

Колдун может видеть эту птицу, когда она летает вместе с ветром. Эта птица — Цгаунва.

Цгаунва говорит:

— Я делаю ветер и так передвигаюсь!

Так рассказывают.

128. Гара и птица гонгон

Гара, великий бог, был тем, кто в самом начале устроил для нас землю. А птица гонгон расхаживала по земле и собирала мед.

Вот отправится гонгон на поиски меда, а когда найдет его, взлетит на это дерево и вырубает оттуда мед. Вырубит он мед и потом спустится с ним на землю. Тут появляется Гара, усаживается и просит меду. Но гонгон подберет куски коры, на которых он перенес вниз мед, и уйдет, забрав их с собой и оставив Гара сидеть там.

Но вот однажды Гара сам отыскал мед. Он нашел его на дереве сам и стал рубить его. И на этот раз гонгон пришел, да и сел там и попросил меду. Гара несколько раз поднимался на дерево и спускался вниз. Конечно, ему это было не так легко, как гонгону. И вот на третий раз, когда он уже было совсем поднялся, он вдруг упал, и живот у него лопнул. А гонгон подошел, забрал кусочки коры, в которых был мед, и убежал с ними.

Гара лежал там с разорванным животом. А над

ним собрались маленькие мушки и стали чинить ему живот.— Знаете, как всегда роятся мушки? — Они подходили и прикладывали свои лапки к его животу и зашивали ему живот. Они зашили ему пупок и сшили кожу над печенью.

Когда Гара был уже совсем зашит, он поблагодарил их и сказал:

— Мои племянники зашили меня!

Потом он поднялся и был совсем здоров.

Да, вот как все случилось.

129. История о Гара и лягушках

Вот что я слышал, сейчас я расскажу вам.

Жили в одном месте люди. Ну а у Гара не было жены, верно ведь? Вот он ничего и не знал о лягушках. Женщины убивали лягушек, они убивали их, убивали... тьфу, пропасть! Ну, а Гара-то ведь не был же настолько глуп, чтобы не видеть, чем они занимаются!

Ну вот, женщины убили лягушек, а потом еще убили лягушек, а Гара занялся тем, что убивал жаб!

Потом все они отправились домой и развели огонь, чтобы испечь то, что они добыли.

Женщины сидели вокруг своего огня, а Гара сел немного поодаль, у своего огня, и наблюдал за ними. Они стали печь лягушек. И Гара у своего огня положил жаб на угли, чтобы испечь. Спустя некоторое время он вынул своих жаб. Они оказались горькими на вкус.

Гара был поражен и сказал:

— Что за горькая еда?!

И он вскочил и направился к огню женщин. Он забрал всех лягушек, которых женщины убили и испекли на огне. Женщины сидели и плакали, жалуясь, что он украл их лягушек.

А Гара ушел, оставив их сидеть там.

130. История о Гара и его жене

Гара попытался влезть к своей жене в ноздри. Затем — в уши. Наконец — опять в ноздри. Но у него ничего не получилось.

Его жена посмотрела на него и сказала:

— Неужели ты совсем ничего не понимаешь? О чем ты думал, когда лез ко мне в ноздри и в уши? Ты что, не видишь, что здесь есть гораздо лучшее место, вот здесь?! Вот то, что ты ешь, болван ты эдакий!

Гара — это человек, который совершенно ничего не понимал. Он был совсем бестолковым и не знал, как что делается.

131. О Гара и кори-дрофе

Кори-дрофа был очень жирным. Жир висел у него под мышками, и он питал им огонь, который там прятал. Кори-дрофа был первым из всех животных, у кого был огонь.

Однажды Гара обнаружил высоко на дереве большой круглый ком съедобной смолы.

Он сказал кори-дрофе:

— Протяни крыло в ту сторону, где находится смола, а я взберусь и заберу ее.

Но когда кори-дрофа протянул свое крыло, Гара заметил, что у него из-под мышек вьется дымок. И он увидел висящий там жир. Он схватил его и пошел домой. Он поджарил его и съел. Потом все легли спать.

Утром Гара сказал кори-дрофе:

— Несколько дней тому назад я видел много смолы вон там. Я столкнул с дерева большой ком смолы, но он затерялся в кустарнике. Я искал его, но так и не нашел. Пойдем вместе и заберем его.

И вот они пошли туда, где была смола.

Когда они обнаружили, где она, Гара сказал:

— А ну, давай, кто быстрее схватит ее!

И они оба стали пробираться через кусты за смолой. Кори-дрофа прыгнул и схватил ее. А Гара схватил кори-дрофу и отнес его к себе на становище, с тем чтобы сварить его.

Дома он сварил кори-дрофу и стал пить его жир. Его жирные бока, живот, его жирные крылья — Гара все это съел.

Потом он вышел из становища, пошел в кусты, и его пронесло там.

А когда он уходил из становища, остатки коридрофы стали подпрыгивать в горшке. Гара побежал обратно посмотреть, что там происходит. Но потом ему снова пришлось бежать назад, в кусты, потому что у него опять схватило живот. Снова он поспешил к горшку посмотреть, там ли еще коридрофа.

Он все время бегал туда-сюда, а коридрофа все подпрыгивал в горшке. Наконец он вылез и бросился бежать.

Гара побежал за ним, но люди сказали:

— Вернись и возьми что-нибудь, чем его ударить! Вернись и возьми дубинку, вернись и возьми дубинку!

Гара побежал назад, как они ему велели, а коридрофа удирал в противоположном направлении. Гара бросил вслед ему дубинку, но коридрофа улетел. Ну а Гара остался и подпрыгивал на земле.

132. Слон и дети

Двое детей, мальчик и девочка, дожидались свою мать. Мать оставила их и пошла собирать пищу. Поблизости находился слон. Дети встали и вскарабкались на него, они взобрались ему на голову, чтобы посмотреть, где их мать.

Потом они попытались спуститься, но слон все поворачивался и не давал им слезть.

Дети заплакали и запели:

Камма хе, камма хе, камма хе!

Что за магическое дерево эта верблюжья колючка?!

Мать идет, стой спокойно, верблюжья колючка,

Чтобы мать могла дать мне напиток!

133. Об огромной змее

В пустыне Намиб водятся огромные змеи, которые оставляют след метровой ширины и кричат, как дети. Жир этих змей обладает удивительными свойствами. Когда бушмен убегает от кого-нибудь, он кладет немного этого жира на свои следы и поджигает его. Жир горит так ярко, что преследователь слепнет и уже не видит бушмена.

134. Хитрость медовой птицы

Медовая птица хотя и маленькая, но очень хитрая. Она летает вокруг и высматривает гнезда диких пчел, а обнаружив такое гнездо, приводит к нему людей. Люди очень любят мед, и, когда медовая птица приводит их к гнезду, они, достав мед, всегда дают ей немного сотов как ее долю.

Как-то один человек охотился. Ему не повезло, дичь была так пуглива, что ему не удалось никого убить. До смерти устав бегать по солнцу, голодный, он улегся спать под деревом.

В это время прилетела медовая птица, разбудила его и позвала:

— Пойдем, я покажу тебе, где гнездо пчел!

Человек очень обрадовался. Он был голоден и поэтому тут же вскочил и последовал за медовой птицей. Путь был долгим, и он уже стал уставать бежать за медовой птицей, когда наконец они добрались до большого утеса. Тут птица остановилась, а человек стал смотреть вверх, отыскивая пещеру, где пчелы устроили свое гнездо.

Медовая птица сидела возле него на кусте и выкрикивала:

— Дай мне меду!

А за этим кустом, у подножия утеса, спал лев, но человек об этом не знал. Услышав шум, лев проснулся. Он стал подстерегать человека, и, когда тот двинулся вперед, чтобы взобраться на утес, лев изготовился к прыжку. Но, уловив его движение, человек увидел его, повернулся и помчался прочь изо всех сил, а лев бросился за ним. Лев едва не схватил его, и тогда человек бросил свой лук, стрелы и колчан. Лев опять нагнал его, и человек сбросил свой кожаный передник. Тогда лев остановился, зарычал и стал рвать передник, а человек тем временем убежал. После этого он никогда больше не следовал за медовой птицей, и, если какая-нибудь из них подлетала к нему, он проклинал ее и бросал в нее камнями.

Вот потому-то мы очень осторожны, когда следуем за медовой птицей. Мы останавливаемся, как только она остановится, отступаем назад и хорошенько ос-

матриваемся вокруг, прежде чем двинуться дальше, чтобы птица не навела нас на льва.

Так что медовая птица иногда бывает очень злобой.

135. История о пантеровой черепахе

Как-то люди древнего народа отправились на охоту, и вот один из них охотился возле дома пантеровой черепахи. У черепахи болела шея, и она попросила человека натереть ей шею жиром. Он стал натирать ей шею жиром, а она втянула шею, крепко зажав его руки. И руки этого человека сгнили и отвалились — мышцы, кожа и ногти сгнили и отвалились, остались одни кости.

Случилось, что и другой человек охотился там. Завидев его издали, пантеровая черепаха также заговорила с ним и попросила:

— Натри меня немного жиром.

А тот человек, руки которого сгнили, зажатые шей пантеровой черепахи, при его приближении быстро выдернул свои руки и сел, спрятав их за спину, чтобы тот, другой, не заметил, что случилось с его руками. И он тоже сказал:

— Да, друг, натри-ка нашу старшую сестру жиром, уже одна луна умерла и появилась новая, с тех пор как она болеет. Ты тоже должен натереть нашу старшую сестру жиром.

А руки он держал за спиной, чтобы тот, другой, не видел их.

Пантеровая черепаха сказала:

— Когда будешь натирать меня жиром, положи свои руки на мою шею.

И вот он стал натирать ее жиром и положил свои руки на шею пантеровой черепахи, а та втянула шею вместе с руками. Он стал бить пантеровую черепаху о землю, чтобы вырваться от нее, но пантеровая черепаха крепко его держала.

А другой вытащил из-за спины свои руки и воскликнул:

— Испытай и ты то же, что и я испытал!

И он показал ему свои руки, а потом встал и от-

правился домой. Руки же второго человека были зажаты шеей пантеровой черепахи, и он все бил пантеровую черепаху о землю. А первый пошел домой, сказав, чтобы этот человек испытал то же, что и он сам. А испытание было не из приятных!

Он шел, пока не добрался до дома, и люди воскликнули:

— Где ты пропадал?

И он ответил им, он рассказал, что он не мог вернуться домой, так как пантеровая черепаха зажала шеей его руки.

А люди сказали:

— Ты что, глупец? Разве твои родители тебя ничему не учили? Пантеровая черепаха всегда притворяется умирающей, но она обманывает нас.

136. История о юноше древнего народа и корана

Одного юношу древнего народа послали за водой. Поднявшись на холм, он увидел у источника отряд воинов корана, и те тоже его заметили. Тогда он превратился в малыша и спустился вниз к источнику, покачиваясь и шагая вперевалку, как маленький ребенок.

Видя это, корана воскликнули с жалостью:

— О, вы только посмотрите! Почему это за водой послали его, а не кого-нибудь из взрослых?!

Мальчик действовал так неловко, что корана помогли ему наполнить водой сосуды из скорлупы яиц страуса и отпустили его, хотя один старик и велел им убить ребенка, чтобы тот не предупредил своих родителей.

Как только юноша перебрался на другую сторону холма, он снова принял свой обычный облик и поспешил домой, чтобы рассказать о корана.

Женщины убежали, чтобы спрятаться, а мужчины разожгли возле хижин костры, положив в огонь пни больших деревьев, чтобы огонь мог гореть долго, а потом присоединились к женщинам.

Так они обманули корана, которые, окружив хижины, обнаружили, что они пусты.

137. О двух братьях и корана

Два мальчика древнего народа ходили искать яйца страуса. Старший глотал их целиком, а младший складывал яйца в свою сеть и уносил, а дома съедал их содержимое, как положено.

Однажды им встретился отряд воинов корана, и те стали их преследовать. Младший бежал очень быстро, затем перепрыгнул через реку и спасся.

А старший бежал с трудом, яйца у него в животе грохотали при каждом его шаге. Когда же он попытался перепрыгнуть через реку, его тело разорвалось, и он упал на дно.

Один корана подбежал и хотел заколоть его, но он сказал, что все равно никуда не денется в таком беспомощном состоянии, и уговорил своего врага погнаться сначала за его младшим братом. Затем он зашил себя при помощи шипов и убежал.

138. Воскрешение страуса

Вот как бывает. Убьет человек страуса, когда он сидит в гнезде на яйцах, принесет убитого страуса домой, и они с женой съедят мясо страуса. А потом жена почистит сеть, сплетенную из сухожилий страуса, вытащит застрявшие в ней окровавленные перья и оставит их в кустарнике.

Тут налетает вихрь, совсем небольшой, и подхватывает страусиные перья. А одно окровавленное перышко вихрь уносит высоко в небо, и потом оно, кружась, падает вниз и попадает в воду. Намокнув, оно оживает. И вот, лежа в воде, оно становится страусенком. Он оперяется, у него появляются крылья и ноги. Тогда страусенок выходит из воды, ложится на берегу, греется на солнце и сушит свои перышки. Он еще совсем маленький страусенок, и у него пока только короткое оперение — перышки у него совсем маленькие и черные, потому что этот страусенок — самец¹. Ноги у него еще слабые и подгибаются, и он ждет, пока его ноги окрепнут и оденутся в страусиные башмаки². Он ходит, чтобы ноги стали сильными, и потом опять ложится и ждет, пока не окрепнет груд-

ная клетка и не заостенет грудина. Он идет кормиться и ест побеги кустарника и молодые растения, потому что он ведь маленький страусенок и это его пища. Он был когда-то перышком, которое унес вихрь, и вот теперь он превратился в страуса.

Так он живет и ждет, пока не подрастет. Тогда он сможет вернуться на то место, где был когда-то его дом. И он отправляется туда, а по пути выскребает в земле ямы и спит. Добравшись до места, он устраивает новый дом на месте старого, чтобы можно было привести туда своих жен. Кроме двух прежних жен он возьмет еще одну страусиху, и у него будет три жены. Он так сделает, потому что однажды уже умер.

Теперь он взрослый самец, его тело окрепло, он чувствует себя сильным, его ноги и колени стали большими, на крыльях у него уже выросли большие перья, как у взрослого страуса. Его грудина уже стала костью, ребра тоже окостенели и стали крепкими, и кричит он теперь громко и сильно. Криком он призывает своих жен-страусих. Когда же они появляются, он встречает их, бегаёт вокруг и оглядывает их, так как их оперение очень красиво. Он их не видел с тех пор, как умер когда-то.

Страус разгребает землю своими сильными когтями, чтобы устроить гнездо, а самки стоят и кормятся возле. Пока гнездо еще сырое и надо ждать, пока земля не подсохнет, поэтому страусихи сначала спят напротив гнезда. Потом страусихи оглядывают гнездо, одна из них ляжет, чтобы опробовать его и убедиться, что дом удобен и сух. Она рыхлит землю в гнезде, чтобы внутри стало мягче, и тогда приходит другая страусиха и откладывает яйцо в сухое гнездо. Потом приходит еще одна самка, хлопает крыльями и тоже кладет яйцо — теперь в гнезде уже два яйца. Она тоже ложится напротив гнезда. Самец всех их загоняет в дом, чтобы они там спали, теперь все самки дома. Когда и третья самка откладывает яйцо, самец выгоняет самок и сам ложится на яйца. А самки, одна за другой, приходят к гнезду, чтобы снова положить яйца, и прогоняют его. Тогда он уходит кормиться. Две его жены остаются и спят дома, а третья идет кормиться вместе с ним, а потом они спят вместе.

Рано утром самец возвращается вместе с самкой,

и они сгоняют тех двух жен, что спали в доме. И самка, пришедшая вместе с ним, откладывает новое яйцо. Потом все жены уходят, а он ложится на яйца и спит там. Если появляется шакал, страус лягается и отгоняет его от гнезда. Он оберегает яйца, потому что это его дети, и он не дает шакалу убить своих детей.

139. Об охотнике и льве

Как-то охотник древнего народа принес домой детеныша льва и сказал жене, что это собака. Но жена заподозрила, что с этой собакой что-то неладно, и была настороже. Когда львенок вырос, он убил охотника, однако его семья спаслась благодаря жене.

140. О том, как один человек обнаружил в пещере спящего льва

Вот такая история случилась в давние времена с одним человеком. Как-то в пути его застала ночь, к тому же пошел дождь, и он решил переночевать в какой-нибудь пещере.

А дождь наслал на него лев, который обитал в тех местах, для того чтобы его поймать: ведь этот человек не знал, в какой стороне его дом, и в темноте мог пройти мимо, попасть в незнакомое место, и тогда лев смог бы его схватить.

Было совсем темно, и человек пробирался через кустарник, не разбирая дороги. Он не мог отыскать в темноте свой дом и подумал: «Я должен постараться разыскать какую-нибудь пещеру, чтобы укрыться там от дождя и переждать до утра, а утром я смогу отыскать дорогу домой».

Но лев первым прибежал к пещере и уже поджидал там этого человека. Он вымок на дожде и, посидев немного в пещере, пригрелся и заснул, хотя собирался подстеречь человека и схватить его, как только он войдет в пещеру в поисках пристанища. Лев собирался так поступить, но заснул крепким сном.

И когда он заснул, пришел этот человек. Войдя в пещеру, он услышал чье-то дыхание и подумал: «Не-

ужели в пещере люди? Может, люди укрылись в пещере — и я слышу их дыхание?»

Но потом он подумал: «Но если это люди, почему тогда они не разговаривают? Может быть, они заснули и поэтому не заговаривают со мной?» И он решил: «Я не стану окликать их — ведь я не знаю, действительно ли это люди. Сначала я осторожно ощупаю их руками, чтобы убедиться в том, что это люди. Ведь если я их окликну, то разбужу их, а это могут оказаться вовсе не люди».

Он стал шарить в темноте руками и нащупал что-то покрытое шерстью. Тогда он потихоньку подошел поближе и опять стал ощупывать и понял, что это лев спит в пещере. Он осторожно отступил назад, повернулся и вышел на цыпочках.

Отойдя немного, человек пустился бежать, так как боялся, что лев учуял его запах, пока он ходил вокруг и ощупывал его, и бросится за ним.

Действительно, вскоре он услышал рычание — это лев учуял во сне запах человека. Пока он спал, его нос уловил запах человека — такой сильный, будто человек находится рядом, и лев вскочил и зарычал. Он чуял, что человек где-то здесь, и стал рыскать по пещере в поисках этого человека.

Услышав, как лев зарычал, человек воскликнул:

— Он рычит так, как будто учуял мой запах!

— Да,— сказал он сам себе,— слышишь, какой рык доносится из пещеры? Лев рычит так, будто его разбудил мой запах, он рычит так, будто он рыщет там, в пещере, разыскивая меня.

И тогда человек решил, что он не станет сейчас разыскивать свой дом, а побежит еще куда-нибудь — ведь лев будет его выслеживать. А когда рассветет — если, конечно, лев не убьет его до тех пор,— тогда утром он отыщет свой дом.

Занялась заря, а человек все бежал, слыша, как лев гонится за ним. На бегу он заметил вдали огонь, который разожгли какие-то люди, чтобы обогреться. И он подумал: «Я побегу вон к тому костру, я должен добраться до людей, которые развели костер, и провести с ними ночь».

Но тут же он сказал себе:

— Вспомни, как наши отцы говорили, что иногда

ночью глаз льва можно принять за огонь! Надо убедиться сначала, действительно ли это огонь горит там.

Человек побежал поближе, посмотрел и увидел, что возле огня лежат люди. Он решил: «Я пойду к ним, кажется, это действительно люди».

И он пришел к ним. Он рассказал обо всем людям:

— Вы знаете, я едва не погиб этой ночью! Но случилось так, что лев спал, поэтому-то вы и видите меня перед собой! Ведь если бы он не спал, вы бы меня не увидели. Я решил укрыться в пещере, но пришел лев и подстерегал меня там. А я не знал, что в пещере лев. Я собирался отыскать сухое место и расположиться в пещере. Но, войдя в пещеру, я вдруг услышал звуки, напоминающие чье-то дыхание. Сначала я подумал, что это люди решили переждать дождь в пещере, но я прислушался и подумал, что непохоже, что это дышит человек. И я решил ощупать это место, прежде чем расположиться там со своими вещами. Держа свои вещи, я стал осторожно пробираться ощупью. Я почувствовал, что трогаю чью-то шерсть, что это лев спит там в пещере. Убедившись, что это лев, я осторожно повернул обратно.

Потом он спросил этих людей: не слышат ли они, как лев рыщет вокруг? Теперь нужно следить, не появится ли лев, ведь он обязательно придет, как только выследит его.

И вот они услышали, как пришел лев. Лев спросил, где тот человек, который приходил в пещеру,— он чует, что его след обрывается у этого дома. Похоже на то, что он скрывается в этом доме. Хотел бы он его увидеть, чтобы добраться до него и схватить.

Лев все еще бродил вокруг дома и грозно рычал, пока не наступил день. Когда стало светло, лев ушел. Ведь взошло солнце, и теперь люди могли его видеть, а лев не любит показываться людям среди бела дня.

141. О юноше, которого унес лев

В прежние времена один юноша древнего народа отправился на охоту. В поисках дичи он поднялся на холм, чтобы осмотреться, присел там и решил немного отдохнуть. Он хотел просто прилечь, но на него вдруг

напала странная сонливость, и он заснул. Что это нашло на него? Никогда с ним такого не было¹.

И вот он лежал там и спал, и вдруг появился лев, который направился к водоему, измученный полуденным зноем и жаждой. Увидев спящего, он поднял его. Юноша проснулся и в испуге замер, обнаружив, что его тащит лев. Он решил не двигаться и прежде выяснить, что лев собирается с ним делать. Ведь лев считал его мертвым, но стоило ему пошевелиться, как лев тут же растерзал бы его.

Лев принес юношу к дереву и втиснул его головой меж стволов. Он решил сначала сходить и напиться, а потом уже съесть человека, так как его по-прежнему мучила жажда. И лев отошел. Но юноша немного повернул голову, потому что у него болел затылок, а сам, смежив веки, следил — не заметил ли лев.

Лев почувствовал, что он шевелится, и оглянулся.— Почему это голова шевелится? Он же ее крепко зажал меж стволами. Лев подумал, что, видно, не совсем удачно положил тело юноши и поэтому оно сползает. И он вернулся и опять придавил его, засунув голову поглубже в сплетение стволов. Юноша плакал от боли, так как какая-то палка вонзилась ему в затылок. Но он плакал молча. Ведь он понимал, какая ему грозит опасность, а лев слизывал его слезы.

Юноша испугался, что лев заподозрит, что он жив и только притворяется мертвым, и больше не двигался, хотя палка пробила ему затылок. А лев, кажется, решил, что теперь все в порядке, он сделал несколько шагов и снова взглянул на юношу, но тот не шевелился.

Тогда лев ушел, он спустился с холма, но потом украдкой снова поднялся с другой стороны и, укрывшись за вершиной холма, высунул голову и посмотрел на юношу. Но тот видел его уловку, так как следил за львом сквозь опущенные ресницы. Убедившись, что юноша лежит все так же неподвижно, лев побежал к водоему, чтобы наконец напиться и побыстрее вернуться и съесть свою добычу. Ведь он был голоден.

Увидев, что голова льва исчезла, юноша понял, что тот ушел. Но юноша решил выждать, так как он боялся, что лев опять вернется и станет за ним подглядывать. Ведь лев очень хитер и мог обмануть его. Так

прошло много времени, а лев все не появлялся. Юноша понял, что он действительно ушел.

Юноша поднялся, но не побежал прямо домой, а стал петлять, чтобы сбить льва со следа. Так он бежал зигзагами, пока не добрался до дома. Он спустился с холма и рассказал, что с ним случилось и как он был унесен, когда солнце было высоко, но имени льва он не называл. Он сказал, чтобы принесли шкуры антилоп и циновки и завернули его в них. Он надеялся, что так лев до него не доберется, когда придет за ним. Ведь известно, что лев не успокоится, пока не съест свою добычу.

И вот люди завернули его в циновки и шкуры антилоп, как он просил, а сверху завалили его кустарником, которым прикрывают жилища. Они решили хорошенько его спрятать, чтобы лев не смог до него добраться. Ведь люди не хотели, чтобы лев съел юношу.

Затем люди отправились собирать съедобные корни — гцуиссе. Когда они выкопали гцуиссе и принесли домой, был уже полдень. Один старик, собирая дрова, для того чтобы его жена могла испечь гцуиссе, заметил льва на вершине холма — как раз там, где проходил юноша.

Он рассказал всем об этом:

— Видите вон тот холм, откуда пришел юноша? Взгляните, кто это там, на вершине!

А мать юноши попросила:

— Не подпускайте льва близко к хижинам, убейте его до того, как он приблизится.

Люди взяли колчаны и пошли навстречу льву. Они стреляли в него, но не смогли его убить.

Тогда одна старуха предложила отдать льву ребенка, чтобы он ушел. Но лев сказал, что ребенок ему не нужен, единственное, чего он хочет, — это человек, слезы которого он слизывал. И лев все рыскал вокруг, не обращая внимания на детей, которых ему бросали.

Люди спрашивали:

— Почему вы не смогли убить льва, вы же стреляли в него из лука?

А один старик сказал:

— Разве вы не видите, что он колдун?

Лев все рыскал кругом. Тогда люди окружили его и решили попробовать убить льва ассегаями — они

бросали в него ассегаи и кололи его, но ничего не могли с ним поделаться, а он не трогал их и все продолжал разыскивать юношу. Он разворотил и разломал на куски их хижины.

Люди говорили:

— Вы видели, что он не захотел есть детей?

— Наверное, он действительно колдун.

— Давайте попробуем дать ему девушку — может, он ее съест?

Но лев не стал есть девушку, единственное, чего он хотел, — это юноша, которого он унес.

Люди не знали, как им избавиться от льва: ведь они с самого утра безуспешно пытались его убить. Лев отказался и от детей, и от девушки, он хотел забрать юношу, которого он унес, и все рыскал вокруг.

Тогда люди сказали:

— Давайте поговорим с матерью этого юноши. Она должна вытащить юношу из его убежища и отдать его льву, хотя она и любит сына. Ведь она видит, что уже и солнце садится, а лев все еще не уходит. И он не оставит нас в покое, пока не заполучит этого юношу.

Мать юноши сказала:

— Хорошо, отдайте льву моего сына, но убейте его, как только лев на него набросится, я не хочу, чтобы лев его съел. Пусть лев умрет, лежа на трупе моего сына.

И когда мать юноши сказала так, люди вытащили юношу из шкур антилоп, в которые он был завернут, и отдали его льву. Лев схватил его и стал кусать, и юноша умер. Тут люди набросились на льва — они стреляли в него и кололи его асsegаями. Тогда лев сказал, что теперь, когда он заполучил наконец того, кого он искал, он может умереть.

И он умер и лежал мертвый возле мертвого юноши.

142. Молитвы-просьбы о ниспослании пищи и дождя (1—11)

1. О луна, лежащая здесь,
Сделай так, чтобы я завтра рано утром увидел
страуса,

Когда страус сидит на яйцах.
Чтобы я мог взбить желток
Кисточкой из волос с хвоста сернобыка,
Которые прикреплены к маленькой палочке,
На которой хвост сернобыка.

2. О моя рука, вот эта,
Я застрелю газель моей рукой
При помощи стрелы.

3. Я ложусь,
Я хочу пораньше убить газель
Завтра.

4. О луна, лежащая здесь,
Позволь мне убить газель
Завтра,
Чтобы я мог съесть газель.
Вот этой стрелой
Позволь мне убить газель,
Вот этой стрелой.
Позволь мне съесть газель,
Позволь мне наесться вдоволь
Вот этой ночью,
Позволь мне насытиться.

5. О луна, лежащая здесь,
Я выкопаю съедобных термитов
Завтра,
Позволь мне съесть их.

6. О луна, лежащая здесь,
Я убью страуса завтра
Вот этой стрелой.

7. О луна, лежащая здесь,
Ты должна взглянуть на эту стрелу,
Чтобы я мог ею застрелить завтра газель.

8. Пусть солнце выходит,
Чтобы мы могли видеть.
Пусть солнце взойдет для нас.

Выходи, солнце,
Чтобы мы могли видеть, чтобы разыскать газель.

9. О звезда, проходящая здесь,
Позволь мне увидеть газель.
О звезда, проходящая здесь,
Позволь мне выкопать съедобных термитов¹
Вот этой палкой;
О звездное светило, проходящее здесь,
Позволь мне увидеть газель завтра.
О звезда, проходящая здесь,
Я отдаю тебе свое сердце,
А ты дай мне свое сердце;
О звезда, проходящая здесь,
Я мог бы увидеть протела завтра.
Позволь собаке убить его,
Позволь мне съесть его,
Позволь мне наесться вдосталь,
Чтобы я мог лечь и спать ночью.

10. Новая луна, выходи, дай нам воду.
Новая луна, пошли нам грозу с ливнем.
Новая луна, стряхни нам сверху воду.

11. О Кагн! О Кагн!
Разве мы не твои дети,
Разве ты не видишь, что мы голодны?
Дай нам пищу! — И он дает нам полными
пригоршнями.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Батсвана — народ, говорящий на юго-восточных языках семьи банту.

Гереро, (ова)гереро — народ, говорящий на юго-западных языках семьи банту.

Корана — готтентоты (койсанская семья языков), говорящие на почти исчезнувшем ныне языке кора (корана).

Ассегай — копье, длинное деревянное древко с железным клинком на конце.

Гадальные кости делались из копыт животных, кости, рога, дерева, кусочков кожи, косточек диких плодов и имели форму грубого треугольника; иногда были украшены рисунком — линиями, рядами точек. Различались «мужские», более широкие, и «женские», подлиннее и потоньше. Гадание происходило следующим образом: расчищали кусок земли от травы и камней, сметали пыль; гадальные кости (четыре-пять штук) вынимали из мешка, сделанного из шкуры, и с обеих сторон натирали снадобьем (которое хранилось в подвешенном на шее роге), затем дули на кости, несколько раз переворачивали их в руках и бросали на землю. Гадание производили также при помощи лопатки газели-антидорки, богомола, льва, шакала, змеи. Д. Блик, отмечая, что гадальные кости были известны северным и центральным бушменам (колоннальные — капские бушмены и бушмены Грикваленда их не употребляли), полагает, что бушмены заимствовали их у банту — батсвана и др.

Каросс — тип накидки, плаща из шкуры антилопы; служил также постелью.

Нга (бушм. п≠а) — дерево «буйволиная колючка».

Богомол — разновидность кузнечика или саранчи (Цагн, Кагн бушменских мифологических сказок).

Газель-антидорка, прыгун — единственный представитель подрода прыгунов, длиной 1,5 м; цвет желто-коричневый (красная газель). Эта маленькая газель примечательна своей грациозностью и неожиданными высокими прыжками — на 2 м в высоту и 4—5 в длину.

Гну — очень спокойная и любопытная антилопа, похожая на ло-

шадь с рогами, достигает около 165 см в высоту и около 180 см в длину; различаются два вида — белохвостый, или черный гну, и «голубой» (голубовато-серый).

Даман — небольшое животное, размером с зайца, повадками напоминает грызунов, питается растениями.

Дукер принадлежит к группе хохлатых антилоп, достигает в длину 1,1 метра. Прямые шиловидные рога в 7—10 см почти совсем исчезают среди волос хохла. Распространен по всей Калахари, живет обособленно (в одиночку или парами) среди высокой травы и низкорослого кустарника; окраска коричневато-желтая, с черными ногами, хвостом и носом.

Заяц-прыгун — капский (африканский) тушканчик, табарган. **Ихневмон**, **фараонова мышь**, **мангуста** — животное семейства куньих, длиной до 45 см от носа до основания хвоста; питается змеями, крысами, ящерицами и различными мелкими животными.

Каама — большая быстроногая антилопа с лирообразными рогами; до 165 см в высоту и около 140 см в длину; окраска серо-коричневая, с черной полосой, проходящей от кончика носа до хвоста и по ногам; обитает небольшими группами (от 15 до 20 особей).

Каменный козел — небольшая антилопа, водится на песчаных равнинах; окраска рыжевато-коричневая, светлого тона; у самца — маленькие острые черные выступы вместо рожек. Вспугнутая антилопа высоко подпрыгивает над травой и делает обманные прыжки то в одну, то в другую сторону.

Канна — крупнейшая из антилоп, размером с быка, достигающая 180 см в высоту; окраска серовато-коричневая.

Квагга — представитель африканских диких лошадей-зебр; по окраске отличается от прочих зебр: сравнительно узкие поперечные полосы сохранились лишь на голове, шее и передней части туловища, вся остальная часть — темная, одноцветная, ноги и хвост светлые, одноцветные.

Кори — гигантская дрофа, птица по размеру близкая к страусу, самец достигает до полутора метров в высоту.

Косуля антилопа, или **антилопа пелеа**, — маленькая южноафриканская антилопа с острыми рогами.

Куду относится к винторогим антилопам, достигает веса 300 кг и более. Длина старых самцов от носа до конца хвоста (50 см) составляет 3 м при 1,7 м высоты в загривке. Главное украшение самца — рога; таких великолепных рогов нет ни у одной антилопы. Высота их достигает 100 см, а расстояние между их концами от 70 до 80 см. Куду широко распространена в Южной Африке.

Протел, или **земляной волк**, принадлежит к семейству циветт, но по форме, величине и цвету напоминает гиену и роет норы, как лисы; питается главным образом падалью и мелкими вредителями, на поиски пищи выходит по ночам.

Сернобык, **горный козел**, **сабельная антилопа** — большая антилопа: до 120 см в высоту (вышина плеча), длина туловища 2,4 м, длина хвоста 40 см; длинные тонкие прямые и очень острые рога. Самая красивая и наиболее

распространенная из калахарских антилоп, светлая серая масть оттеняется черными полосами на хребте и на боках и снежнобелой полосой вдоль головы.

Суриката — хищное млекопитающее, принадлежит к семейству виверровых, вид ихневмона.

Трубка зуб (капский трубка зуб), ориктероп (греч. «роющая нога»). В длину достигает около 2,5 м, вес около 80 кг, спина — круглая; сильно вытянутая морда заканчивается пятчатком; когтями, длиной в несколько десятков сантиметров, способен одним ударом вспороть брюхо буйволу. Шелковистая шкура рыжевато-коричневого оттенка. За три минуты может зарыться в землю. При рытье нор приседает на задние лапы, упираясь хвостом в землю, копает передними конечностями. Одновременно острая мордочка буравит нору под углом 45°. Создает сложную систему подземных галерей на глубине 3 м с ответвлениями, тупиками, дополнительными выходами, основной кратер затыкается мокрой землей из глубины. Днем спит, на охоту выходит при луне. Питается термитами, при этом выбрасывает в глубь термитника длинный язык, густо покрытый клейкой слюной. Лапы расширяют проход, густые усы отсеивают землю, длинные ресницы, растущие на внешней стороне век, защищают глаза от укусов и кислотных выделений термитов.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 1 [Stow 1905, с. 130—131].

Мотив (1): о происхождении (появлении) людей и животных из норы в земле (у подножий дерева). Ср. № 2(1), 113(2). Мотив свидетельствует о возможном влиянии фольклора народов банту, для которых, как и для многих других народов Африки южнее Сахары, мотив происхождения людей как выхода из норы в земле, появления из дерева является типичным и достаточно широко распространенным.

Мотив (2): животные стали дикими, так как люди нарушили запрет — не разжигать огонь и распугали животных. Ср. № 3(3), 66(1). Вероятность заимствования вытекает из самого содержания мотива — предполагаемое разделение на диких животных и домашних (которых не знали в своем быту бушмены в отличие от готтентотов и народов банту).

Мотив (3): животные лишаются дара речи, которым были наделены изначально, от испуга, когда спасались от огня, разожженного людьми, нарушившими запрет. Ср. № 3(2).

№ 2 [Dornan, с. 170—171].

Текст бушменов Калахари.

Мотив (1): о происхождении (появлении) людей из пещеры. В зачине текста — прямое указание на заимствование у банту-батсвана. Ср. № 1(1), 113(2).

Мотив (2): изначально (когда жили в пещере) люди и животные не нуждались в пище и не умирали. Ср. № 6(1).

Мотив (3): следы людей вокруг пещеры, из которой они вышли. Заимствованный мотив (см. зачин текста), широко распространенный в фольклоре народов Африки южнее Сахары.

№ 3 [Stow 1905, с. 129—130].

Мотив (1): некогда животные были людьми.

Мотив (2): животные лишаются дара речи, которым были наделены изначально, из-за козней Хок-кхигана. Ср. № 1(3).

Мотив (3): животные прежде жили с людьми, но покинули их (стали дикими). Ср. № 1(2), 66(1).

№ 4 [Naron, с. 26].

Текст нарон, сравнительно поздний (фигурируют белые), вероятность заимствования у банту. См. № 5.

¹ Старейшина — в оригинале «captain» (вождь, глава). См. Предисловие, с. 10.

Мотив (1): прежде растения и животные были людьми, причина превращения — приказание Хише (о Хише см. Предисловие, с. 14—15).

Мотив (2): Хише разделил белых и черных, дав первым в пищу крупный рогатый скот, а вторым — антилоп, на которых надо охотиться с помощью ловушек. Ср. № 5(1) — (Гцуба) разделил белых и бушменов. Ср. также «разделение банту (батсвана) и бушменов» — № 109, 110(4).

№ 5 [Naron, с. 47].

Текст нарон на распространенный в фольклоре народов банту и некоторых других народов Африки южнее Сахары сюжет о перетягивании; вероятность заимствования. См. также № 4. Здесь, как и в тексте № 4, фигурируют белые (что указывает на сравнительно поздний характер текста), но наряду с людьми «древнего народа», т. е. теми, кто, согласно мифологическим представлениям, жили до бушменов и участвовали в сотворении мира. Согласно варианту [Naron, с. 41], вероятно, исходному, действующими лицами являются банту и бушмены; информанты считают текст «историей».

Согласно некоторым информантам (среднего поколения), Гцуба — это Хише (см. Предисловие, с. 14).

¹ Старейшина — см. примеч. 1 к № 4.

Мотив (1): разделение белых и бушменов (по приказанию Гцуба) в результате испытания — перетягивания. Ср. № 4(2), ср. «разделение банту — батсвана и бушменов» — № 109, 110(4).

Мотив (2): Гцуба сообщает свои установления белому во сне (белые должны забрать себе крупный рогатый скот, носить одежду из тканей, а в дождь заворачиваться в шерстяные одеяла, в то время как бушмены должны ставить ловушки на антилоп и питаться ими и другими дикими животными, а бушменские женщины — собирать корни и т. п.; одежда бушменов — кароссы).

№ 6 [Dognan, с. 175—177].

Текст бушменов Калахари.

Мотив (1): вначале люди жили без еды и питья, у них не было детей и они не умирали. Ср. № 2(2).

Мотив (2): животные не убежали от людей (не были дикими), так как люди не нуждались в пище и не охотились на них, и животные их не боялись. Ср. мотив «как животные стали дикими» — № 1(2), 3(3).

Мотив (3): происхождение деторождения: одна женщина пожаловалась на боли в животе — и вскоре у нее родился ребенок. Ср. № 11: происхождение брака.

Мотив (4): случайное открытие растений как пищи (одна женщина решила отравить «кодунью» — первую роженицу и дала ей поест «отравы», оказавшейся съедобными растениями. См. мотив (5). Ср. № 108(1). Ср. другие «случайные открытия» — № 9(1), 10(1), 107(1), 110(1).

Мотив (5): случайное открытие мяса убитых животных как пищи. См. мотив (4).

Концовка: упоминание о деревьях, земледелии (ср. аналогичные детали в тексте) указывает на заимствование.

№ 7 [Lebzelter, с. 35].

Текст кунг, заимствованный у хей//ом (хей//кум) — бушменов, говорящих на готтентотском языке (нама); возможное влияние готтентотского фольклора проявляется в форме имени мифологического персонажа, фигурирующего в тексте, — Хейсеб.

Мотив: Хейсеб хитростью добывает огонь для людей (он просит страуса, который носит под крылом головешку, взмахнуть крылом, хватает упавшую головешку и забрасывает на дерево). Ср. «огонь под крылом птицы» — № 131. Ср. № 58(1): человека, у которого светилась подмышка, пока он спал, люди «древнего народа» забросили в небо, где он стал солнцем.

Ср. № 8(1), 9: «добывание огня хитростью».

№ 8 [Lebzelter, с. 101].

Добывание огня — ср. № 7, 9.

Мотив (1): один бушмен хитростью украл огонь у леопарда (подбросив приманку — бабуина, лакомую пищу для леопардов). Ср. № 10(2) — украсть воду.

Мотив (2): научиться высекать огонь из камня.

№ 9 [Bieseles, № 23a].

Текст кунг (Ботсвана).

Добывание огня — ср. № 7—8.

Мотив (1): (случайная) находка огня женщиной. Ср. другие «случайные открытия» — 6(4) и (5), 10(1), 107(1), 108(1), 110(1).

Мотив (2): мужчина украл огонь у жены, применив хитрость — магическую игрушку — джани (см. № 123(1)), с тех пор огонь есть не только у женщин, но и у мужчин. Ср. «кража огня» — № 8(1), «кража воды» — № 10(2).

№ 10 [Bieseles, 23b].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): (случайная) находка воды слоном. Ср. другие «случайные открытия» — № 6(4) и (5), 9(1), 107(1), 108(1), 110(1).

Мотив (2): маленькие «птички дождя» украли воду у слона для всех. Ср. № 8(1), 9(2). Ср. № 48, где этот сюжет, записанный от тех же носителей, включен в историю Гцонцемдима (см. о ней Предисловие, с. 20—21): маленькие «птички дождя» — гхашехмси, братья Гцонцемдима, убили слона, мужа Гцонцемдима, за то, что он не делился найденной им водой с Гцонцемдима и ее семьей. А Гцонцемдима превратилась в каменного козла.

№ 11 [Dornan, с. 172—175].

Текст бушменов Калахари.

Мотив (1): происхождение брака. Ср. № 6 — происхождение деторождения.

Мотив (2): мужчины по одному отправляются к женщинам за огнем и не возвращаются. (Мотив фигурирует в фольклоре многих

народов Африки в форме: животные по одному отправляются к людям за огнем и не возвращаются, становятся домашними животными.)

Тексты № 12—20 (см. также № 102, 106) объединяет общий сюжет о происхождении смерти, где основными действующими лицами являются луна и заяц. Этот готтентотский, по мнению В. Блика, миф известен также как бушменским племенам, так и некоторым народам банту.

№ 12 [Nagon, с. 44; I вариант].

Текст нарон, первый вариант (см. № 13—14), наиболее краткий, мотивы даны в свернутом виде.

Мотив (1): происхождение смерти — спор зайчихи с луной (луна говорит, что люди не должны умирать, а зайчиха не соглашается). Ср. № 13(1). Ср. также спор о том, должны ли умершие вновь оживать, — № 15(1), 16(1), 17(1), 19(1), 106(2). Ср. «происхождение смерти вследствие неправильно переданного сообщения» — № 18(2), 20(1).

Мотив (2а): (этиологический мотив) о происхождении лунных пятен (зайчиха швырнула луне в лицо опаленный в огне каросс). Ср. № 14(1), 13(2а), 18(2b), также (заяц расцарапал луне лицо когтями) № 16(2b), 17(2b). Ср. № 77 (луна — сандалия Цагна, на которую налипли земля и пыль).

Мотив (2b): (этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы у зайца (луна разбила зайчихе рот топором). Ср. № 13(2b), 16(2а), 17(2b), 18(3а) и (удар сандалией) № 15(2), (удар кулаком) № 19(2), (удар камнем) № 20(2).

№ 13 [Nagon, с. 45; III вариант].

Текст нарон, второй вариант (см. № 12, 14); рассказчик соединил к нему текст о зайчихе — жене человека. Поскольку оба сюжета сравнительно мало разработаны и контаминация их представляется необоснованной, мы помещаем второй сюжет отдельно — см. текст № 43.

Мотив (1): происхождение смерти — спор зайчихи с луной (зайчиха за то, что люди должны умирать, а луна ей возражает). Ср. № 12(1). Ср. также спор о том, должны ли умершие оживать вновь, — № 15(1), 16(1), 17(1), 19(1), 106(2) и (происхождение смерти вследствие неправильно переданного сообщения) № 18(2), 20(1).

Мотив (2а): (свернутый этиологический мотив) о происхождении лунных пятен (зайчиха швырнула луне в лицо опаленный в огне каросс, засыпав ее горячей золой). Ср. № 12(2а), 14(1), 18(3b) и (заяц расцарапал луне лицо когтями) № 16(2b), 17(2b). Ср. № 77 (луна — сандалия Цагна, на которую налипла земля и пыль).

Мотив (2b): (свернутый этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы зайца (луна разбила зайчихе рот топором). Ср. № 12(2b), 16(2а), 17(2b), 18(3а) и (удар сандалией) № 15(2), (удар кулаком) № 19(2), (удар камнем) № 20(2).

№ 14 [Nagon, с. 44—45; II вариант].

Текст нарон, третий вариант (см. № 12—13, где мотив о проис-

хождении смерти вообще сведен к мотиву о смерти для «мужчины, который женится на многих женщинах» (смерть как наказание).

Мотив (1): (этиологический мотив о происхождении лунных пятен (зайчиха швырнула луне в лицо опаленный в огне каросс и обожгла ей лицо). Ср. № 12(2a), 13(2a), 18(3b) и (заяц расцарапал луне лицо когтями) № 16(2b), 17(2b). Ср. также № 77 (луна — сандалия Цагна, на которую налипли земля и пыль).

Мотив (2): спор зайчихи и луны — зайчиха против полигамии (мужчина, который женится на многих женщинах, должен умереть), а луна — за полигамию (мужчина даст детей каждой женщине, и в конечном счете станет много бушменов!).

№ 15 [Biesele, № 33].

Текст кунг (Ботсвана).

¹ Ср. текст кунг — № 106 (заяц возражает против воскрешения умерших даже тогда, когда умер его сын) и текст /кам № 19 (заяц возражает против воскрешения умерших, хотя умерла его мать).

Мотив (1): происхождение смерти — спор луны и зайца (луна предлагает, чтобы умершие вновь оживали, а заяц — против, так как умершие скверно пахнут). Ср. № 16(1), 17(1), 19(1) и текст кунг № 106(2). Ср. также спор о том, должны люди умирать или жить, — № 12(1), 13(1) и «происхождение смерти вследствие неправильно переданного сообщения» — № 18(2), 20(1).

Мотив (2): (свернутый этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы зайца (луна ударила зайца сандалией по верхней губе). Ср. (удар топором) № 12(2b), 13(2b), 16(2a), 17(2b), 18(3a), (удар кулаком) № 19(2), (удар камнем) № 20(2).

Концовка: с тех пор луна и заяц разделились — луна стала лунной и висела в небе, а заяц стал животным. Ср. № 16.

№ 16 [Biesele, № 32].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): происхождение смерти — спор луны и зайца (луна предлагает, чтобы люди после смерти оживали, как и она, а заяц возражает, так как умершие разлагаются и скверно пахнут). Ср. № 15(1), 17(1), 19(1) и текст кунг № 106(2). Ср. также спор о том, должны люди умирать или жить, — № 12(1), 13(1), «происхождение смерти вследствие неправильно переданного сообщения» — № 18(2), 20(1).

Мотив (2a): (этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы зайца (луна расщепила зайцу губу топором). Ср. № 12(2b), 13(2b), 17(2b), 18(3a), (удар сандалией) № 15(2), (удар кулаком) № 19(2), (удар камнем) № 20(2).

Мотив (2b): (этиологический мотив) о происхождении лунных пятен (заяц расцарапал луне лицо). Ср. № 17(2b). Ср. также (зайчиха швырнула луне в лицо опаленный в огне каросс) № 12(2a), 13(2a), 14(1), 18(3b). Ср. № 77 (луна — сандалия Цагна, на которую налипли земля и пыль).

Концовка: с тех пор заяц и луна разошлись. Ср. № 15.

№ 17 [Biesele, № 34].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): происхождение смерти — спор луны с зайцем (луна за то, чтобы умершие возвращались, как и она, но заяц возражает, что умершие не могут хорошо пахнуть, поэтому будут умирать навсегда). Ср. № 15(1), 16(1), 19(1) и текст кунг № 106(2). Ср. также спор о том, должны ли люди умирать, — № 12(1), 13(1) и «происхождение смерти вследствие неправильно переданного сообщения» — № 18(2), 20(1).

Мотив (2a): (этиологический мотив) о происхождении лунных пятен (заяц расцарапал когтями луне лицо) Ср. № 16(2b). Ср. также (зайчиха швырнула луне в лицо опаленный в огне каросс) № 12(2a), 13(2a), 14(1), 18(3b). Ср. № 77 (луна — сандалия Цагна, на которую налипли земля и пыль).

Мотив (2b): (этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы зайца (луна ударила зайца топором по губе). Ср. № 12(2b), 13(2b), 16(2a), 18(3a), (удар сандалией) № 15(2), (удар кулаком) № 19(2), (удар камнем) № 20(2).

№ 18 [Biesele, № 35].

Текст кунг (Ботсвана).

Зачин: луна и зайчиха, как и все животные, были людьми и жили вместе, луна — старик-бушмен, зайчиха — женщина.

Мотив (1): женщины наказывают своей мочой отвечать за них, а сами убегают, обманув зайчиху. Ср. Mot. D 1611 (магический предмет отвечает за беглеца).

Мотив (2): происхождение смерти — старик-луна посылает зайчиху к людям с сообщением, что они будут умирать и возвращаться к жизни, так же как и он, но зайчиха вместо этого сообщает людям, что они будут умирать навсегда, так как останки умерших скверно пахнут. Ср. № 20(1). Ср. также спор луны и зайца о том, должны ли оживать умершие, — № 15(1), 16(1), 17(1), 19(1), 106(2) и спор о том, должны ли умирать люди, — № 12(1), 13(1).

Мотив (3a): (этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы зайца (старик-луна рассек зайчихе губу топором за неправильно переданное сообщение — о смерти). Ср. № 12(2b), 13(2b), 16(2a), 17(2b) и (удар сандалией) № 15(2), (удар кулаком) № 19(2), (удар камнем) № 20(2).

Мотив (3b): (этиологический мотив) о происхождении лунных пятен (зайчиха бросила луне в лицо опаленный в огне каросс, испачкав пятнами сажи и копоты). Ср. № 12(2a), 13(2a), 14(1) и (зайчиха расцарапала луне лицо когтями) № 16(2b), 17(2b). Ср. № 77 (луна — сандалия Цагна, на которую налипли земля и пыль).

№ 19 [Specimens, с. 56—65 (11—22. L*.)]

Молитва, обращенная к новой луне (ср. № 142), и текст /кам.

¹ Ср. тексты кунг — № 106 (заяц оплакивает своего умершего сына) и № 15 (луна в ответ на возражения зайца спрашивает, будет ли он возражать против воскрешения умерших, если умрет сам. Заяц настаивает, так как умершие плохо пахнут).

* Буквы «L» и «B» в нумерации текстов ряда источников обозначают, кем из авторов была сделана запись: «B» — Bleek, «L» — Lloyd.

² Полоска мяса (biltong flesh) — мускул определенной формы, который соответствует у человека мускулу (musculus biceps femoris), находящемуся выше бедра.

Мотив (1): происхождение смерти — заяц оплакивает умершую мать, несмотря на уверения луны, что его мать «спит» и оживет вновь, подобно самой луне. Ср. № 15(1), 16(1), 17(1) и текст кунг № 106(2). Ср. также спор луны и зайца о том, что люди не должны умирать, — № 12(1), 13(1) и «происхождение смерти вследствие неправильно переданного сообщения» — № 18(2), 20(1).

Мотив (2): (этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы зайца (луна ударила зайца кулаком). Ср. (удар сандалией) № 15(2), (удар камнем) № 20(2), (удар топором) № 12(2b), 13(2b), 16(2a), 17(2b), № 18(3a).

Концовка: заяц прежде был человеком, но луна прокляла его: отныне ты будешь зайцем.

№ 20 [Dornan, с. 172, № 2].

Текст бушменов Калахари.

Мотив (1): происхождение смерти — луна отправляет посыльных к людям с сообщением, что они будут, умерев, воскресать, как и она. Сначала луна послала черепаху, но та передвигалась слишком медленно, забыла сообщение и вернулась. Затем луна послала зайца, который тоже забыл сообщение, остановившись покормиться травой, но побоялся вернуться к луне и передал неправильное сообщение — люди будут умирать навсегда. Позже пришла черепаха с первым сообщением и стала спорить с зайцем. Ср. № 18(2). Ср. также спор луны и зайца о том, должны ли оживать умершие, — № 15(1), 16(1), 17(1), 19(1), 106(2) и спор о том, должны ли люди умирать, — № 12(1), 13(1).

Вероятность заимствования: сюжет о происхождении смерти вследствие неправильно переданного сообщения, где в роли зайца могут фигурировать также хамелеон и другие животные, — широко распространен у бантуязычных народов Африки.

Мотив (2): (этиологический мотив) о происхождении расщепленной губы у зайца (люди рассердились на зайца за неправильно переданное сообщение, и один из них швырнул камнем и разбил губу зайцу). Ср. (удар сандалией) № 15(2), (удар кулаком) № 19(2), (удар топором) № 12(2b), 13(2b), 16(2a), 17(2b), 18(2a).

№ 21 [Lebzelter, с. 77, № 2].

Этиологическая сказка: характерные признаки животных (черные полосы на спине лягушки).

№ 22 [Lebzelter, с. 77, № 1].

Этиологическая сказка: характерные признаки животных. Отметины (меты огнем) получены гиеной и шакалом в наказание за то, что они пытались украсть добычу у птицы гуи. Ср. № 23 — гиена и шакал получили некрасивые меты, потому что люди не любят этих низких животных.

Ср. Mot. A 2218 (характерные признаки животных, полученные от ожогов), A 2230 (характерные признаки животных, полученные в наказание).

Мотив (1): почему у гиены черные ноги и она не осмеливается убивать ничто живое. Ср. также № 23(2) — почему гиена грызет кости и хромает — отметины на ноге (и нижнем веке). Ср. № 24. Мотив «меты гиены огнем» упоминается также в № 62, примеч. 4.

Мотив (2): черные полосы на спине шакала. Ср. № 23(1).

№ 23 [Bieseles, № 30].

Текст кунг (Ботсвана) на (этиологический) сюжет: меты животных (кори-дрофа создал всех животных и дал им меты — зебре, антилопам канна, каама, сернобыку, дукеру, страусу, шакалу, гиене). Ср. Mot. A 2217. Ср. № 22: птица гуи метит шакала и гиену в наказание за то, что они пытались украсть ее добычу. Ср. Mot. A 2230 (характерные черты животных, полученные в наказание).

Мотив (1): черная спина шакала. Ср. № 22(2).

Мотив (2): гиена грызет кости, которые бросают люди (так как ей вслед бросили мешок с костями), хромает (так как ей поранили ногу), отметины на нижнем веке гиены (ткнули кочергой в нижнее веко). Ср. № 24. Ср. также № 22(1) — черные ноги гиены и почему она ест падаль. Мотив «меты гиены огнем» упоминается также в № 62, примеч. 4. Ср. Mot. A 2218 (характерные черты животных, полученные от ожога).

№ 24 [Bieseles, № 31].

Текст кунг (Ботсвана) на (этиологический) сюжет: меты животных.

Гиена и шакал были людьми, но, после того как получили свои меты, выжженные огнем, превратились в шакала и гиену. Шакал, который получил меты огнем раньше гиены, предостерегает ее, но гиена все же отправляется и, после того как ее обожгли раскаленным железом, превращается в гиену, которая бродит вокруг, грызя кости (так как ей вслед бросили мешок с костями). Ср. № 23(2), ср. также № 22(1). Ср. упоминание о мотиве «меты гиены огнем» в № 62, примеч. 4. Ср. Mot. A 2218 (характерные черты животных, полученные от ожога).

№ 25 [Lebzelter, с. 101].

Этиологическая сказка (привычки животных): почему львы боятся страусов (по недоразумению: страусы размышляли, сунув клювы в песок, а львы подумали, что те точат на них клювы). Ср. № 26. Ср. Туре 125 Д* (осел пугает льва, выворотив свои уши).

№ 26 [Dornan, с. 177—178 (№ 5)].

Текст бушменов Калахари. Этиологическая сказка (характерные признаки животных): почему львы больше не боятся страусов и не охотятся для них (лев боялся шума крыльев страуса, но, обнаружив, пока тот спал, что у страуса нет зубов, перестал с ним охотиться, и страус вынужден кормиться травой). Ср. № 25 (львы боятся страусов по недоразумению).

№ 27 [Specimens, с. 126—137 (IV.—28^a. В.)].

Текст бушменов /кам дается с небольшими сокращениями и изменениями: так, в текст частично включены примечания.

Зачин: в те времена львы и страусы были людьми.

¹ Гэбби-гу — игра-танец, во время которого мужчины кричат, как самцы страусов, а женщины хлопают в ладоши. Мужчины вызывают женщин, и женщины танцуют. В основе гэбби-гу лежит, по-видимому, имитация брачных игр страусов. По свидетельству натуралистов, самцы страусов иногда рычат подобно льву.

² Гхатен-ту — кожистый мешок, которым снабжено дыхательное горло у некоторых видов страуса; помогает страусам издавать глухие звуки.

³ Тсванг-ту — значение слова в оригинале не приводится; «tlu» в конце слова означает, что это указание на какую-то впадину на теле человека.

Концовка включает этиологические мотивы:

Мотив (1): рубцы на теле страуса — следы львиных когтей.

Мотив (2a): с тех пор лев стал охотиться на страуса (чтобы съесть его легкое). Ср. мотив (2b).

Мотив (2b): старики учат детей есть легкие страуса, чтобы их голос был так же звучен. Ср. мотив (2a). Ср. Mot. D 1782 (симпатическая магия), D 1358.1 (съев сердце храброго животного, становишься храбрым), D 1357.1 (съев сердце свирепого животного, становишься жестоким).

№ 28 [Nagon, с. 50].

Текст нарон.

Ср. с более четко изложенным сюжетом — № 23(2), 24. Ср. также № 22(1).

№ 29 [Dornan, с. 178—180, № 6].

Текст бушменов Калахари.

Лев и шакал охотятся вместе: лев промахнулся, а шакал убил антилопу, но лев претендует, что это он убил. Тогда шакал обманывает льва, присваивая лучшие куски — жир антилопы. Ср. № 30 (шакал обманывает питона).

Этиологическая концовка: почему лев не позволяет шакалу есть дичь вместе с ним и шакал всегда доедает остатки.

№ 30 [Biesele, № 38].

Текст кунг (Ботсвана).

Шакал обманывает питона, отобрав у него сандалины. Ср. № 29 (шакал обманывает льва).

Концовка: шакал и питон, которые до этого были людьми, превратились в животных.

№ 31 [Nagon, с. 48—49 (I вариант)].

Текст нарон, первый вариант.

Страус обманывает дрофу, и та съедает своих детей, а страус — нет; страус ложится у источника, мешая дрофе пройти, дрофа бьет страуса палкой по ногам. Ср. второй вариант — № 32. Ср. также текст кунг (Ботсвана) — № 111, где Хейше (Тсума-тсумане) говорит страусу, будто он съел своих детей, затем они съедают детей страуса; обнаружив обман, страус не дает Хейше набрать воду, и тот избивает страуса палкой по ногам. Ср. Mot. K 944 [Обманное соглашение убить жен (детей). Трикстер делает вид, а обманутый простак убивает на самом деле].

Концовка: тогда дрофа и страус были людьми.

№ 32 [Naron, с. 49 (II вариант)].

Текст нарон, второй вариант.

Дрофа предложила страусу съест их детей, но страус обманул дрофу; страус хотел напиться, но дрофа столкнула его в воду, а затем избила страуса палкой и убежала от него, применив хитрость (обманное предложение: привяжи палку здесь...). Ср. первый вариант — № 31 и текст кунг (Ботсвана) — № 111, где Хейше (Тсума-тсумане) говорит страусу, будто он съел своих детей; затем они вместе съедают детей страуса; обнаружив обман, страус не дает Хейше набрать воды, и тот избивает его палкой по ногам. Ср. Mot. K 944 [Обманное соглашение убить жен (детей). Трикстер делает вид, а обманутый простак убивает на самом деле].

Концовка: в те времена страус, дрофа и все животные были людьми.

№ 33 [Naron, с. 50—51].

Текст ау//эн. Ср. более разработанную версию /кам — № 34.

Лев не угостил гиену (так как люди не любят гиену за то, что она кусается), и та отомстила ему: гиена пригласила льва в гости и убила его при помощи уловки (под предлогом того, что она всегда кладет пищу в рот, гиена взяла горшок и опрокинула его льву на голову).

№ 34 [Specimens, с. 122—127 (IV.—27.B.)].

Текст /кам, представляет собой контаминацию двух близких версий оригинального текста, с небольшими изменениями и сокращениями. Ср. с этим текст нарон (№ 33) — более краткую версию этого сюжета.

Гиена отомстила льву за жадность, опрокинув ему на голову горячий горшок с супом (уловка: позволь мне налить тебе суп прямо в рот), а потом стала бить его по голове палкой, пока лев не умер.

№ 35 [Bushmen, с. 274—275].

Текст бушменов южной Калахари. Ср. № 37 — как шакал обманул волка.

№ 36 [Bieseles, № 29].

Текст кунг (Ботсвана).

№ 37 [Bushmen, с. 264—265].

Текст бушменов южной Калахари. Ср. № 35 — шакал обманывает зайца.

Мотив: шакал хитростью (уловка: я болен, понеси меня) оседлывает волка, для того, чтобы отбить у него девушку. См. Туре, 72; Mot. K 1241.1.

№ 38 [Specimens, с. 154—163 (IV.—43.L.)].

Текст /кам, данный с небольшими изменениями.

Зачин: некогда животные были людьми.

№ 39 [Bushmen, с. 272—273].

Текст бушменов южной Калахари.

№ 40 [Biesele, № 2].

Текст кунг (Ботсвана), первый вариант. Ср. второй (№ 41) и третий (№ 42) варианты.

Во втором, более полном варианте (№ 41) вводится ряд деталей — 1) Гцонцемдима, с ее гладким лицом и плавной походкой, — питон и — 2) причина падения Гцонцемдима в воду — она оказалась неловкой, так как была беременной; соответственно потом из воды достают и мать, и родившегося в воде ребенка. Шакал во втором варианте умирает от игл дикобраза (ср. также № 43 — умереть от острых палок). Ср. Mot. K 1911 (подменная жена), K 1911.3. (восстановление в правах истинной жены), K 1911.3.3. (подменная жена не выдерживает испытания, которому подвергает ее муж).

¹ Передник из бус, «передник зрелости» — передник, который надевали на девушку с наступлением зрелости (см. Предисловие, с. 9).

№ 41 [Biesele, № 1].

Текст кунг (Ботсвана), второй и наиболее полный вариант. Ср. первый (№ 40) и третий (№ 42) варианты, согласно которым шакал пытается подменить питона — жену кори-дрофа. Испытание, благодаря которому выясняется подмена: провести по лицу кисточкой, обмакнутой в жир (жир стекает по гладкому лицу питона, а жадный шакал слизывает жир). Ср. Mot. K 1911 (подменная жена), K 1911.3. (восстановление в правах истинной жены), K 1911.3.3. (подменная жена не выдерживает испытания, которому подвергает ее муж).

В первом и третьем вариантах шакал умирает от стрел (с отравленными наконечниками), которые втыкают под его постелью. (ср. также № 43 — умереть от острых палок).

¹ Девушка, достигшая зрелости, в течение определенного периода не должна была выходить из специальной хижины и подлежала ряду других ограничений (см. примеч. 1 к № 59).

² См. примеч. 1 к № 40.

№ 42 [Biesele, № 3].

Текст кунг (Ботсвана), третий вариант. Ср. первый (№ 40) и второй (№ 42), наиболее полный вариант.

Текст представляет собой только первую часть сюжета: шакал хочет подменить свою сестру — жену кори-дрофы, но разоблачен, и муж сестры убивает его. Ср. Mot. K 1911 (подменная жена). Во втором варианте (№ 41) шакал умирает от игл дикобраза (ср. также № 43 — «умереть от острых палок»).

Концовка: кори-дрофа и шакал превратились в животных.

№ 43 [Naron, с. 45—46].

Текст нарон.

Зайчиха ведет себя «неправильно» (и муж от нее убегает): она не ест кишки, а, полизав их, натирает ими шкуру; бросает в воду корень (вместо того, чтобы съесть — ?); втыкает в землю палки и ложится сверху — и от этого умирает (ср. «неправильное поведение шакала — лижет жир», № 40—41; ср. «умереть от игл дикобраза, воткнувших в землю остриями вверх» — № 40—42,

где это делает не сама жертва, а тот, кто хочет ее извести), а ее мать велит поджарить ее и съесть (ср. № 40—41: бабушка шакала поджаривает и съедает его труп).

№ 44 [Biesele, текст 9].

Текст кунг (Ботсвана).

¹ Са — см. примеч. 2 к № 52.

Мотив (1): посещение дома львов (гиена боится львов). Ср. № 87(1а).

Мотив (2): оторвать нос в наказание. Ср. № 66(2).

№ 45 [Biesele, № 8].

Текст кунг (Ботсвана), первый и наиболее полный вариант, ср. второй (№ 46), третий (№ 47) и четвертый (№ 48) варианты.

Гцонцемдима убивает своего мужа за то, что тот, оскорбленный ее матерью, убил последнюю. Его братья отомстили за него, убив Гцонцемдима. Но Гцонцемдима ожила снова, возродившись из крови, вытекшей из ее сердца. Тогда братья мужа, видя, что ее нельзя убить, решили на ней жениться (она так прекрасна! — таких не убивают, на них женятся). Но Гцонцемдима уничтожила их и всю их родню при помощи магии (магический рог).

¹ Гоба (макоба) — наименование, относящееся к группе, говорящей на сетсвана и обитающей в районе болот реки Окаванго, но употребляющееся также по отношению к батсвана в целом. Бушмены, чьи отношения с народами семьи банту часто были враждебными, обычно употребляют это слово с оттенком «черные», «свирепые», «прожорливые» люди. — *Примеч. М. Бизеле.*

Мотив (1): уловка — я не плачу, это дым ест мне глаза.

Мотив (2): бросать назад колючки, шипы, чтобы сделать дорогу непроходимой (ср. в классической волшебной сказке — из брошенных символических предметов — гребешка, иглока и т. п. вырастает непреодолимая преграда — Mot. D 672).

№ 46 [Biesele, № 7].

Текст кунг (Ботсвана), второй вариант. Ср. четвертый вариант — № 48. См. первый и наиболее полный вариант — № 45, ср. третий вариант — № 47.

Первое убийство Гцонцемдима братьями мужа (как и в третьем варианте — см. № 47) не мотивировано — ср. первый (№ 45) и четвертый (№ 48) варианты.

Мотив (1): уловка (обманное предложение) — муж Гцонцемдима говорит теще, чтобы она наклонила голову, принимая от него подарки, — и ударяет топором по склоненной шее. См. № 47(1), 92(1), ср. также № 89(2).

Мотив (2): заброшенные в небо сандалии превращаются в грифов. Ср. № 47(2), 48. Ср. также (превратить куски каросса и сандалий в собак) № 68(2), (превратить заброшенные в небо перо, сандалию в луну) № 76(6), 77(5) и № 58(3), (превратить заброшенные в небо золу, коренья, кожуру в Млечный Путь, звезды, саранчу) № 59.

Концовка: 1) братья мужа в конце концов убивают Гцонцемдима (ср. первый и третий варианты, где Гцонцемдима сама убивает братьев мужа и их родню); 2) введение мифологического

персонажа — Цгаува, проделкам которого приписываются все эти истории. См. о нем — № 124—127. См. также Предисловие, с. 14.

№ 47 [Biesele, № 5].

Текст кунг (Ботсвана), третий вариант. См. первый и наиболее полный вариант — № 45, ср. также второй (№ 46) и четвертый (№ 48) варианты.

Первое убийство Гцонцемдима, как и во втором варианте (№ 46), но мотивировано (ср. первый и четвертый варианты — № 45, 48).

Мотив (1): уловка — муж Гцонцемдима говорит теще, чтобы она наклонила голову, принимая от него подарок, — и ударяет топором по склоненной шее. См. также второй вариант — № 46(1), 92(1), ср. также № 89(2).

Мотив (2): брошенные в небо сандалии превращаются в грифов (см. также № 46(2), 48). Ср. (превратить куски каросса и сандалий в собак) № 68(2); (превратить заброшенные в небо перо, сандалию в луну) № 76(6), 77(5) и № 58(3); (превратить заброшенные в небо золу, коренья, кожуру в Млечный Путь, звезды и саранчу) № 59.

№ 48 [Biesele, № 6].

Текст кунг (Ботсвана), четвертый (краткий) вариант. Ср. второй вариант — № 46. См. также № 45 — первый и наиболее полный вариант и третий вариант — № 47.

Мотив: забросить в небо сандалии, чтобы они превратились в грифов. Ср. № 46(2), 47(2). Ср. также (превратить куски каросса и сандалий в собак) № 68(2); (превратить заброшенные в небо перо, сандалию и луну) № 76(6), 77(5) и № 58(3); (превратить заброшенные в небо золу, коренья, кожуру в Млечный Путь, звезды, саранчу) № 59.

Эпизод (слон, муж Гцонцемдима, нашел воду, но пил ее один) ср. с записанной у кунг Ботсваны мифологической историей о том, как у людей появилась вода, — № 10. Однако в рассматриваемом тексте этот мотив демифологизирован, находка воды слонем вообще (как в № 10) предстает как обнаружение им источника (в период нехватки воды — ?), хотя отдельные детали — маленькие «птички дождя» (гхашехмси нашего текста) — сохранились.

Концовка: Гцонцемдима превратилась в каменного козла — антилопу штейнбок, ее сердце стало антилопой, эту антилопу убили, зажарили и съели люди.

№ 49 [Africa, с. 303].

Пересказ Д. Блик текста /кам из материалов, собранных В. Бликом и Л. Ллойд.

№ 50 [Specimens, с. 162—169 (IV.—37.L.)].

Текст /кам, данный с некоторыми сокращениями и изменениями (включение в текст пояснений рассказчика).

№ 51 [Africa, с. 302—303].

Пересказ Д. Блик текста /кам из материалов, собранных В. Бликом и Л. Ллойд.

№ 52 [Specimens, с. 192—199 (V.—49.L.)].

Текст /кам, данный с некоторыми изменениями (включение в текст пояснений рассказчика).

¹ Дождь (или воду) представляют в виде животного, живущего в водоеме, — бык-дождь (или корова) Когда он выходит, водоем пересыхает, а повсюду, где он проходит, идет дождь. Для того чтобы вызвать дождь, колдуны дождя («делатели дождя»), накинув ремень на рога, вытаскивают быка-дождь из воды и проводят по стране, стараясь охватить возможно большую территорию, чтобы дождь прошел повсеместно. Колдуны дождя убивают быка-дождь и разрезают его на части, чтобы он оросил землю и там вырос дикий лук — пища бушменов. Тогда все отправятся выкапывать его и будут сыты. Возвращаясь домой после этой церемонии, люди уже видят дождевые тучи, дождь следует за ними, он настигает людей.

² Бушú (бушм. tsá, sa) — ароматические растения и порошок из них, используемый для церемониальных целей и при совершении туалета: натирают лицо и тело жиром и припудривают бушú (в Сандфонтейне, как указывает Д. Блик, около дюжины ароматических растений называют готтентотским словом «Vichú»).

³ См. № 54; ср. примеч. 4 к № 54.

⁴ Кцху (/khou) — вероятно, грибок, плесень (низшие грибы).

Мотив «превратиться в лягушек» связан с мифологическими представлениями о воде, дожде. Ср. концовку: если бы эта женщина не вела себя так мудро, то все люди погибли бы и превратились в лягушек в наказание за то, что одна девушка убивала и ела детей Воды.

№ 53 [Specimens, с. 214—217 (V.—72.L.)].

Текст /кам.

Этиологическая сказка на сюжет: происхождение рельефа местности.

Зачин: в давние времена ящерица агама был человеком древнего народа.

№ 54 [Specimens, с. 199—205 (V.—41.B.)].

Текст /кам, данный с некоторыми изменениями (включение в текст пояснений рассказчика) и сокращениями.

¹ См. примеч. 1 к № 59.

² Т. е. ее мать и другие женщины.

³ Пояснение рассказчика: «Вода большая, как бык, а ее дети величиной с теленка; это красивые полосатые существа». См. примеч. 1 к № 52.

⁴ Согласно одной версии (Scharera, с. 167), девушки, унесенные дождем, превратились в прекрасные водяные цветы, которые исчезают, как только к ним приблизишься, не давая себя сорвать.

Мотив: люди превратились в лягушек в наказание за то, что одна девушка ела детей Воды. Ср. № 52.

№ 55 [Specimens, с. 207—215 (V.—70.L.)].

Текст /кам, который можно рассматривать как архаический вариант сюжета типа «чудесная жена»: муж не соблюдает предписываемых правил поведения (условие, запрет и т. п.) и лишается чудесной жены.

Ср. № 56: жена смеется над уродливостью своего мужа — осы-каменщика (у тебя слишком тонкая талия!).

¹ Птица гнерру описывается информантом следующим образом: клюв у гнерру очень короткий, а оперение напоминает страусиное, у самцов — черное, а у самок — белое. Свои гнезда они сооружают из травы прямо на земле, в кустах.

² Вероятно, речь идет о подземном гнезде термитов.

³ Маленький каросс — каросс из одной небольшой шкуры.

Зачин: в давние времена птицы гнерру были людьми.

№ 56 [Specimens, с. 170—172 (IV.—47.L.)].

Текст /кам. Сюжет построен на обыгрывании особенностей строения тела насекомого (ср. текст № 55).

Зачин: в давние времена оса-каменщик была человеком.

№ 57 [Specimens, с. 204—205 (V.—35.L.)].

Текст /кам — о дурне, на распространенный в фольклоре африканских народов сюжет «неудачное подражание» (см. Mot. J 2426).

№ 58 [Specimens, с. 44—57 (II.—15.B.)].

Текст /кам, данный с некоторыми изменениями и сокращениями. Более краткий вариант опубл.: Сказки, 1959, «Как дети забросили на небо солнце», с. 6 (пер. с англ. Н. В. Охотиной) и Сказки, 1976, № 12 («Как дети забросили на небо солнце»), с. 55—57 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

У различных бушменских племен отмечено множество версий о паре: солнце — луна. Согласно варианту, пересказанному Д. Блик (Africa, с. 304), луна — человек, соперник солнца, который бежит впереди него... По представлениям нарон (Africa, с. 27), луна — старик, а солнце — молодая девушка, его жена: они спускаются вниз, на запад, в свои жилища за горизонтом, а ночью летят обратно через всю землю в свои жилища, которые находятся далеко на востоке; мы их не видим, но можно слышать, как они проходят. По другим материалам (Lebzelter, с. 52), солнце-женщина и луна-мужчина жили сначала на земле, и люди носили их на плечах. Но солнце так жгло, что люди должны были часто меняться. Когда у всех были обожжены плечи, они оставили солнце в буше, не донся его до хижины. А луна, хотя и не такая горячая, как солнце, была слишком тяжелой, и люди устали от этой ноши, и тоже оставили ее. После этого солнце и луна поднялись в небо.

Мотив (1): дети «древнего народа» по приказанию старших забросили на небо Солнечную Подмышку — человека, от подмышки которого исходил солнечный свет, и велели ему стать солнцем. См. также упоминание этого мотива — № 77(6).

Мотив (2): солнце гонит луну и пронзает ее своим ножом, но луна просит оставить ей хотя бы спинной хребет, и затем оживает снова. Ср. № 106(5): смерть и воскрешение луны.

Мотив (3): луна — сандалия Цагна, которую он забросил в небо, приказав ей стать луной. Здесь мотив едва намечен — см. № 77(5), где он дается в полной форме, и № 76(6) — заброшенное в небо перо превращается в луну. Ср. также № 59 (девушка

древнего народа забрасывает в небо золу, коренья и кожуру — и они становятся Млечным Путем, звездами и саранчой); № 46—48 (забросить в небо сандалии, чтобы они превратились в грифов); № 68(2) (превратить в собак куски каросса и сандалий).

Мотив «солнце было человеком» ср. с мотивом «дождь был человеком» — № 60, также с мотивом «ветер был человеком» — № 61.

№ 59 [Specimens, с. 72—79 (III.—23.В.)]

Текст /кам; опубл. (в сокращенном варианте): Сказки, 1959, «Как девушка сделала звезды», с. 7 (пер. с англ. Н. В. Охотиной); Сказки, 1976, № 13 («Как девушка древнего народа сделала звезды»), с. 57—58 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

Девушка древнего народа, которая была первой девушкой, рассердившись на свою мать за то, что та принесла ей слишком мало еды, забрасывает в небо древесную золу (повелев ей стать Млечным Путем), коренья (повелев им стать звездами) и кожуру (чтобы она стала саранчой). Ср. № 76(6), 77(5) (забросить в небо перо, сандалию, повелев стать луной), № 58 (забросить в небо человека, у которого светилась подмышка, повелев ему стать солнцем), № 46—48 (забросить в небо сандалии, повелев им стать грифами). Ср. также (превратить в собак куски каросса и сандалий) № 68(2).

¹ С достижением половой зрелости девушку помещали в отдельной маленькой хижине, сооруженной ее матерью, с очень небольшим входным отверстием, которое закрывала за ней мать, когда она туда входила. Девушка могла иногда ненадолго выходить из этой хижины, но не должна была отходить далеко или бродить кругом и, выходя, должна была смотреть вниз, в землю, — ей не разрешалось смотреть вдаль. Возвращаясь в хижину, она садилась, опустив глаза. В это время соблюдался также ряд других ограничений: девушка не должна была смотреть на газели, так как в противном случае газели станут пугливыми, не должна есть мяса газели, убитой юношами (см. текст), и т. п. После более или менее продолжительного заключения в «доме зрелости» она считалась взрослой, и, когда ей снова разрешалось ходить свободно и смотреть вдаль, в первый раз она должна была взглянуть вдаль повернув руки своей матери. Согласно материалам В. Блика (см. Brief, с. 10—11), нарушение девушкой запрета смотреть вдаль привело к тому, что те, на кого она взглянула, — люди, которые сидели и ели возле сделанного из ветвей жилища дамана, вместе с жилищем превратились в звезды в небе (Sogona Australis). По другим текстам, мужчины, на которых смотрела девушка во время первой менструации, превращаются в камни или разговаривающие деревья (Scharaga, с. 119). По окончании срока изоляции девушки устраивали церемонию-танец. У северо-западных племен (нарон, ау//эн, кунг) в честь девушки исполнялся танец самца антилопы канна. Подобные церемонии для девушек были известны всем бушменским племенам, а церемонии, связанные с инициацией мальчиков, практиковались только у бушменов северной группы.

См. также текст № 54 — историю о другой девушке.

№ 60 [Specimens, с. 112—119 (IIIa.—35.L.)].

Текст /кам, данный с некоторыми изменениями (включение в текст примечаний и т. п.).

¹ Бушу — см. примеч. 2 к № 52.

Мотив «дождь был человеком» ср. с мотивами «солнце было человеком» (№ 58), «ветер был человеком» (№ 61).

Этиологическая концовка: когда видят молнии, сверкающие в грозовых облаках на востоке, то говорят, что это Гхагара и Гхауну борются друг с другом.

№ 61 [Specimens, с. 100—113 (III^a.—34.L.)].

Текст /кам, данный с некоторыми сокращениями и изменениями (включение в текст пояснений рассказчика и т. п.). Сокращенный вариант опубл.: Сказки, 1959, «Ветер», с. 7 (пер. с англ. Н. В. Охотиной).

¹ Растение кцуарри, которое считается ядовитым, бушмены не едят. Кцуарри скатывают в шар и устраивают игру-испытание: кто лучше целится.

Мотив: ветер был человеком, но потом превратился в птицу. Ср. текст нарон № 127. Ср. также мотив «дождь был человеком» (№ 60) и мотив «солнце было человеком» (№ 58).

№ 62 [Specimens, с. 11, 84—98 (III.—30.L.)]

Текст /кам на сюжет «подменная жена» (ср. Mot. K 1911): гиена околдовала Гцб-Гнуинг-Тара, и та превратилась в рысь, а гиена надела на себя ее украшения и села на ее место; обман раскрывает младшая сестра жены. Ср. № 40—42 (шакал подменяет свою сестру-питона, обман раскрывается с помощью испытания). Текст дан с некоторыми изменениями (введение в текст пояснений рассказчика и примечаний) и незначительными сокращениями.

¹ Юпитер.

² «Дочь Юпитера» идентифицируется с соседней звездой, предшествующей Юпитеру (в момент записи это была Regulus или Alpha Leonis).

Мотив (1): магическое значение пота подмышек. Ср. № 78(3), 80(2).

Мотив (2): гиена обожгла ногу в огне. Ср. «меты огнем на гиене» — № 22(1), 23(2), 24.

Мотив (3): Гцб-Гнуинг-Тара не могла больше есть личинок термитов, теперь она стала рысью, которая ест мясо. Ср. Mot. D 686.1 (отказываться от человеческой пищи, превратившись в животное).

№ 63—72: *Истории о Кагне*

№ 63 [Ogren, с. 143].

Текст бушменов Малуты: как Кагн создал мир.

(О жене Кагна, Коти, говорится также в № 66, 72, о сыне Когаце — в № 66—71, о сыне Гцви — в № 66, историю о Кванцикутшаа см. № 73).

¹ В тексте № 67 упоминается также дочь Кагна.

№ 64 [Ogren, с. 152].

Текст бушменов Малуты о танце уагома (уагома — Ogren,

с. 152 — название (ба сото), по другим источникам (Stow 1905, с. 119, 121 и др.) — мо'кома (то'кота), введение которого приписывают Кагну. Ср. текст кунг (Ботсвана) № 126: Кауха научил бушменов магическому танцу.

№ 65 [Огрен, с. 152].

Текст бушменов Малути.

¹ Описание Кадинтаа, существа с огненным глазом, который держит одну руку поднятой кверху, ср. с описанием человека-солнца («Солнечная Подмышка»); от одной из его подмышек исходило сияние. Когда он лежал, подняв руку, вокруг становилось светло, когда опускал руку — наступала тьма (см. № 58).

№ 66 [Огрен, с. 143—145].

Текст бушменов Малути: сотворение животных.

(О жене Кагна, Коти, см. также № 72, о сыне Когаце — № 63, 67—71).

Мотив (1): животные стали дикими из-за того, что люди (главный виновник — сын Кагна Гцви) хотели убить созданных Кагном животных без его ведома. (Ср. № 1(2), 3(3)). Ср. мотив «убить сделанную Цагном антилопу без его позволения» — № 76(3).

Мотив (2): оторвать (и приставить обратно) нос за проступок. Ср. № 44(2).

№ 67 [Огрен, с. 145—146].

Текст бушменов Малути: Кагн посылает сына Когаца за своей дочерью к людям-змеям. (См. также о Когаце № 63, 66, 68—71.)

Мотив (1): магический зуб Кагна. Ср. № 68(1).

Мотив (2): устроить потоп в наказание (Кагн в наказание людям-змеям устраивает потоп).

Мотив (3): выйти из змеиной кожи и превратится из змеи в человека. Ср. № 73(4).

№ 68 [Огрен, с. 146].

Текст бушменов Малути: Кагн уничтожает людоедов.

(Когац упоминается также в № 63, 66, 69—71.)

¹ Сото — принадлежит к юго-восточной группе языков семьи банту.

Мотив (1): магический зуб Кагна. Ср. № 67(1).

Мотив (2): превратить в собак куски каросса и сандалий и натравить их на людоедов. Ср. также (превратить сандалии в грифов) № 46(2), 47(2), 48; (превратить в луну перо, сандалию) № 76(6), 77(5) и № 58(3); (превратить золу, коренья, кожуру в Млечный Путь, звезды, саранчу) № 59.

№ 69 [Огрен, с. 149—150].

Текст бушменов Малути: как бабуины убили сына Кагна. См. текст /кам — № 80.

(См. также о Когаце № 63, 66—68 70—71.)

Мотив (1): (в свернутом виде) «вещий сон Кагна» (Кагн спал, а проснувшись, велел жене дать ему магическое снадобье и сказал, что бабуины убили Когаца). Ср. № 80(1), 90(1), 92(2), 94(1), 95. Ср. также № 96(5).

Мотив (2): происхождение бабуинов (Кагн превратил в бабуинов людей, убивших его сына). Ср. также № 73(3) — Кванцикутшаа превратил людей в бабуинов из-за того, что один из них преследовал девушку.

№ 70 [Огрен, с. 151].

Текст бушменов Малути.

(Когац упоминается также в № 63, 66—69, 71.)

Мотив (1): противники Кагна — люди-колючки (чтобы побороть их, нужно сделать вид, что хочешь ударить по ногам, и стукнуть по голове). Ср. текст /кам № 82(1): противник Цагна — Неуловимый (с глазами на ногах).

Мотив (2): смерть и воскрешение Кагна (люди-колючки и термиты убили и съели Кагна, и они же его воскресили, а Когац исцелил его и дал ему силу). Ср. № 128(2): мушки зашили разорвавшийся живот Гара. Ср. № 119(2): кусты гхнгдуа побили Кауха. Ср. также мотив «исцеление Цагна» в текстах /кам — № 80(4), 83(3). Ср. «воскрешение Тсуе» — № 106(4).

Мотив (3): советы Кагну (Когац советует Кагну, как можно побороть людей-колючек). См. также мотив (1). Ср. № 71 (1). Ср. также «советы Цагну» — № 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 97(2a) и (2b) и «советы Тсуе» — № 103(4).

№ 71 [Огрен, с. 150—151].

Текст бушменов Малути (добывание меда: Кагн и орел). Ср. тексты кунг (Ботсвана) — № 124 (Цгаува и птица гонгон) и № 128(1) (Гара и гонгон).

(Когац фигурирует также в № 63, 66—70.)

¹ См. текст № 134 (быличка бушменов Калахари): дикие пчелы устраивают свои гнезда в пещерах высоко в скалах.

² Вероятно, палки-колышки, при помощи которых, вбивая их в трещины скалы, поднимаются, чтобы достать мед диких пчел. Мед наряду с источниками воды считался у бушменов единственной личной собственностью, и потому, вероятно, наличие палок у гнезда пчел означало, что оно кому-то принадлежит, отсюда действия противника Кагна, выбрасывающего его палки.

Мотив (1): Когац дает советы Кагну (как спуститься со скалы, как освободиться от таинственного существа, схватившего его под водой). Ср. (советы Когаца Кагну) № 70(3), ср. также «советы Цагну» (№ 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 96(4), 97(2a) и (2b)), «советы Тсуе» — № 103(4).

Мотив (2): передвижение под землей — погрузиться в землю и выйти в другом месте. Ср. № 73(1).

Мотив (3): один потерпевший подставляет вместо себя другого. Ср. № 135.

№ 72 [Огрен, с. 151].

Текст бушменов Малути.

(О Коти см. также № 66.)

Мотив (1): женщина, которую подобрал Каги, прилипла к его спине. Ср. № 84(3).

Мотив (2): жена Кагна, Коти, помогает ему и избавляет от женщины.

№ 73 [Огрен, с. 146—149].

Текст бушменов Малути о Кванцикутшаа (см. также текст № 63).

Мотив (1): передвигаться под землей — погрузиться в землю и выйти наверх в другом месте. Ср. № 71 (2).

Мотив (2): спрятать в голове (в волосах).

Мотив (3): превратить людей в бабуинов (из-за девушки). Ср. № 69 (2) и вариант — текст /кам № 80.

Мотив (4): девушка снова превращает околдованного (отравленного) Кванцикутшаа из змеи в человека при помощи магического снадобья и сжигает его змеиную шкуру. (Ср. околдованную Гцо-Гнуинг-Тара, превратившуюся в рысь, — № 62). Ср. № 67 (3): выйти из змеиной кожи и превратиться в человека.

№ 74—97: Истории о Цагне

№ 74 [Mantis, с. 10 (№ 2)].

Текст /кам: Цагн дает антилопам их окраску в зависимости от цвета меда, которым он их кормит. Ср. № 77 (2), а также № 76 (2). Ср. Mot. A 2411 (происхождение окраски животных).

№ 75 [Mantis, с. 10—12 (№ 3)].

Текст /кам.

¹ Намек на сюжет № 81, см. также концовку текста.

Мотив (1): Цагн воскрешает антилопу (ударяя ее по рогу). Ср. мотив «воскресить, положив в воду» — № 78 (2), 80 (5).

Мотив (2): Цагн превращается в зайца, антилопу. Ср. № 81. Ср. «превращения Тсуе» — № 98—99, 100 (1), 101 (1), 103 (2a), 104 (1), 105 (1), 106 (6) и превращения сына Тсуе — № 103 (2b).
Концовка: намек на сюжет № 81 (как и в примеч.)

№ 76 [Mantis, с. 5—9 (№ 1, II вариант)].

Текст /кам: как Цагн сделал антилопу канна (первый вариант). Ср. второй, более полный вариант — № 77. См. также № 96, мотив (5). Сокращенный текст опубл.: Миф, № 3 («Как Цагн сделал антилопу»); вариант, с. 170—172 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

Мотив (1a): сделать антилопу канна из куска сандалии (Цагн подобрал кусок сандалии Квамманга и, замочив в воде, сделал антилопу канна). В варианте II (№ 77) Цагн украл сандалию Квамманга, который заподозрил его, стал за ним следить, обнаружил недостаток меда (который Цагн относил антилопе) и, подослав Ихневмона, нашел с его помощью свою сандалию, ставшую антилопой канна. См. также мотив (5).

Мотив (1): создать, положив в воду. Ср. № 77, мотив (1b), ср. также с мотивом «воскресить, положив в воду» — № 78 (2), 80 (5), 138; ср. мотив «исцеление в воде» — № 80 (4), 83 (3).

Мотив (2): натереть антилопу медом — дан здесь в свернутом виде. Ср. второй вариант — № 77 (2): кормить (и натирать) антилопу медом. Ср. также № 74: антилопы получают свою окраску в зависимости от цвета меда, который дает им Цагн.

Мотив (3): убить без позволения Цагна сделанную им антилопу канна. Ср. № 66 (1).

Мотив (4): Цагн проткнул желчный пузырь антилопы, и тот, разорвавшись, накрыл его голову, так что он ничего не видел. Ср.

второй вариант — № 77(4), где мотив носит более общий характер: Цагн проткнул желчный пузырь — и тьма накрыла солнце.

Мотив (5): выпущенная стрела возвращается в стрелявшего, Ср. № 84(2).

Мотив (6): подбросить вверх перо, чтобы оно стало луной. Ср. (подбросить вверх сандалию, чтобы она стала луной) № 77(5). Ср. также (подбросить вверх и превратить в Млечный Путь, звезды, саранчу — золу, коренья и кожуру) № 59; (подбросить вверх и превратить в грифов сандалию) № 46(2), 47(2), 48; (превратить в собак куски каросса и сандалий) № 68(2). Ср. также мотив (1): сделать антилопу из куска сандалини.

№ 77 [Mantis, с. 1—5 (№ 1, I вариант)].

Текст /кам: как Цагн сделал антилопу канна. Второй вариант, более полный (ср. первый вариант — № 76). См. также № 96, мотив (5). Сокращенный вариант опубл.: Сказки, 1959, «Как богомол создал антилопу и луну», с. 3—6 (пер. с англ. Н. В. Охотиной); Миф, № 3 («Как Цагн сделал антилопу»), с. 168—170 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

¹ Ср. мотив «происхождение темных пятен на луне — следы от опаленного в огне каросса, который зайчиха швырнула луне в лицо» — № 14(1), 12(2a), 13(2a), 18(3b) и мотив «заяц расцарапал луне лицо когтями» — № 16(2b), 17(2b).

Мотив (1a): сделать антилопу канна из сандалини — Цагн украл сандалию у Квамманга и, замочив в воде, сделал антилопу канна. (В первом варианте (№ 76(1)) — Цагн подбирает выброшенный Квамманга кусок сандалини.) Дальнейшее развитие сюжета: Квамманга посылает Ихневмона выяснить, почему Цагн приносит мало меда, и Ихневмон, притворившись спящим, обнаруживает «сандалию Квамманга» — антилопу. Ср. также мотив (5).

Мотив (1b): создать, положив в воду. Ср. № 76(1b), ср. с мотивом «воскресить, положив в воду» — № 78(2), 80(5), № 138, ср. «исцеление в воде» — № 80(4), 83(3).

Мотив (2): кормить (и натирать) антилопу медом. Ср. № 74: антилопы получают свою окраску в зависимости от цвета меда, которым кормит их Цагн. Ср. вариант I — № 76(2): Цагн натирает медом бока антилопы.

Мотив (3): «знаки смерти» — Цагн обнаруживает, что мед сухой, — значит, течет кровь. Ср. № 93(1). Ср. Mot. E 761.

Мотив (4): Цагн проткнул желчный пузырь антилопы — и тьма накрыла солнце. Ср. № 76(4).

Мотив (5): заброшенная в небо сандалия превратилась в луну. Ср. № 76(6) (заброшенное в небо перо превращается в луну); а также № 58(3); № 59 (заброшенные в небо зола, коренья и кожа превращаются в Млечный Путь, звезды и саранчу); № 46(2), 47(2), 48 (подброшенные в небо сандалини превращаются в грифов); № 68(2) (куски каросса и сандалий превращаются в собак). Ср. также мотив (1): превратить сандалию в антилопу.

Мотив (6): происхождение солнца (упоминание Солнечной Подмышки — солнца), ср. № 58(1), где этот мотив раскрыт.

№ 78 [Mantis, с. 26—27 (№ 9)].

Текст /кам: Цагн воскресил свою сестру — Голубую журав-

лиху. Ср. № 80 (5), 75(1). (Ср. № 79, 88, где также фигурирует Голубая журавлиха.)

¹ Трутница, Хозяин трутницы — прозвище Цагна, связанное с его умением добывать огонь (равноценно «хозяину огня»); упоминается также в № 81, примеч. 1. Ср. № 89, где указывается, что Квамманга «разжег огонь с помощью трутницы».

Зачин: Голубая журавлиха, лягушка и ее муж были людьми древнего народа.

Мотив (1): лвы (съевшие сестру Цагна — Голубую журавлиху) впоследствии превратились в звезды.

Мотив (2): Цагн воскресил свою сестру Голубую журавлиху, положив ее грудную кость, вилочку, в воду. Ср. № 80(5), 138. Ср. также мотив «создать, положив в воду» — № 76(1b), 77(1b). Ср. мотив «исцеление в воде» — № 80(4), 83(3).

Мотив (3): магические свойства «пота подмышек». Ср. № 62, 80(2), 85(2).

№ 79. [Mantis, с. 23—25 (№ 8)].

Текст /кам. (Ср. № 78, 88, где также фигурирует старшая сестра Цагна — Голубая журавлиха.)

Зачин: Вонючий Рот, Голубая журавлиха и девочки — все это люди древнего народа.

№ 80 [Specimens, с. 16—37 (I.—V. L.)].

Текст /кам (данный с небольшими изменениями и сокращениями): Цагн воскресил своего сына Гхауну-Тсацау, убитого бабунами. Ср. текст бушменов Малути на этот сюжет — № 69. Сокращенный вариант опубл.: Сказки, 1976, № 10 («Ггоуну-Тсацоу, бабуны и Цагн»), с. 47—51 (пер. с англ. Е. С. Котляр); Миф, № 1 («Ггоуну-Тсацоу, сын Цагна, бабуны и Цагн»), с. 161—164 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

¹ Ср. № 69: Кагн посылает своего сына за палками для изготовления луков.

² В минуту опасности Цагн достает свои крылья (перья) и улетает. Впоследствии Цагн превратился в «маленькое зеленое насекомое с крыльями» (богомол). См. № 95, 96.

Мотив (1): вещий сон Цагна (Цагн видит во сне, что бабуны убили его сына). Ср. (в свернутом виде) № 69, также № 90(1), 91(2), 92(2), 94(1), 95. См. также № 96(5).

Мотив (2): магические свойства пота (подмышек). Ср. № 62, 78(3), 85(2).

Мотив (3): Цагн сзывает свои вещи и улетает в минуту опасности. Ср. № 83(2), 86(2), 87(2), 89(3), 96(2). Ср. «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2) и «Цагн улетает в минуту опасности» — № 93(3), 94 (концовка).

Мотив (4): Цагн исцеляется в воде. Ср. № 83(3), 96(3). Ср. мотив (5).

Мотив (5): Цагн воскрешает сына, положив его глаз в воду (магическое значение воды) — № 78(2), 138; ср. также мотив «создать, положив в воду» — 76(1b), 77(1b). Ср. мотив (4).

№ 81 [Specimens, с. 2—17 (I.—13.B.)].

Текст /кам (данный с небольшими изменениями): Цагн пре-

вратился в мертвую антилопу каама, чтобы обмануть детей. См. № 75, примеч. 1 и концовка — отсылка к этому сюжету. Ср. текст кунг (Ботсвана) № 117: Кауха превратился в мертвую антилопу-прыгуна, чтобы обмануть девушку и овладеть ею. Ср. № 101: Тсуе обманывает отца, превратившись в умершего.

Сокращенный вариант опубли.: Сказки, 1976, № 11 («Как Цагн превратился в антилопу»), с. 51—55 (пер. с англ. Е. С. Котляр); Миф, № 2 («Как Цагн превратился в антилопу»), с. 164—167 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

¹ Хозяин трутницы, Трутница — прозвище Цагна. См. примеч. 1 к № 78.

№ 82 [Mantis, с. 13—15 (текст 4)].

Текст /кам. Ср. текст кунг (Ботсвана) — № 122.

Мотив (1): противник Цагна — Неуловимый (с глазами на ногах). Ср. противников Кагна в тексте бушменов Малуты — № 70(2): люди-колючки. Ср. — другие необычные противники Цагна — № 83(1), 84(1), 85(1), 86(1), 97(1).

Мотив (2): вещи Цагна следуют за ним. Ср. «Цагн созывает свои вещи и улетает в минуту опасности» — № 80(3), 83(2), 86(2), 87(2), 89(3), 96(2). Ср. также «Цагн улетает в минуту опасности» — № 93(3), 94 (концовка).

Мотив (3): Цагн побеждает Неуловимого благодаря совету Квамманга. Ср. другие советы Цагну — № 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 96(4), 97(2a) и (2b). Ср. также «советы Когача Кагну» в текстах бушменов Малуты — № 70(3), 71(1). Ср. «советы Тсуе» — № 103(4).

№ 83 [Mantis, с. 19—21 (№ 6)].

Текст /кам.

Мотив (1): противник Цагна — кот, который прячет голову в землю. Ср. — другие необычные противники Цагна — № 82(1), 84(1), 85(1), 86(1), 97(1). Ср. также № 70(1).

Мотив (2): Цагн сзывает свои вещи и улетает в минуту опасности. Ср. № 80(3), 86(2), 87(2), 89(3), 96(2). Ср. «Цагн улетает в минуту опасности» — № 93(3), 94 (концовка); ср. также «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2).

Мотив (3): Цагн исцеляется в воде. Ср. № 80(4), 96(3); ср. «воскрешение в воде» — № 78(2), 80(5), 138; ср. «создание в воде» — № 76(1b), 77(1b).

Мотив (4): Цагн побеждает кота благодаря совету Ихневмона. Ср. № 82(3), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 96(4), 97(2a) и (2b). Ср. также «советы Кагну» (в текстах бушменов Малуты) — № 70(3), 71(1); «советы Тсуе» — № 103(4).

№ 84 [Mantis, с. 28—30 (№ 10)].

Текст /кам.

Мотив (1): противник Цагна — магическая птица. Ср. — другие необычные противники Цагна — № 82(1), 83(1), 85(1), 86(1), 97(1). Ср. также № 70(1).

Мотив (2): выпущенная стрела возвращается в стрелявшего. Ср. № 76(5).

Мотив (3): яйца магической птицы прилипают к Цагну, так

как он ведет себя с ней неправильно. (Ср. № 72: женщина прилипает к Кагну.)

Мотив (4): Ихневмон учит Цагна, как обходиться с магической птицей. Ср. другие «советы Цагну» — № 82(3), 83(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 96(4), 97(2a) и (2b); ср. также «советы Кагну» (тексты бушменов Малути) — № 70(3), 71(1); «советы Тсуе» — № 103(4).

№ 85 [Mantis, с. 50—54 (№ 16)].

Текст /кам. Ср. № 86. Сокращенный вариант опубл.: Миф, № 4 («Цагн и птица коротвитен»), с. 172—175 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

¹ Один человек мажет другого потом своих подмышек, чтобы тот мог стать таким, как он сам: он кладет его руки себе под мышки, а другой переносит его пот себе на лицо.

Зачин: некогда птичка коротвитен была человеком.

Мотив (1): противник Цагна — птичка коротвитен (умеет входить и выходить из термитника, доставая личинки термитов без помощи палки-копалки). Ср. — другие необычные противники Цагна — № 82(1), 83(1), 84(1), 86(1), 97(1). См. также № 70(1).

Мотив (2): магические свойства пота подмышек. Ср. № 62, 78(3), 80(2).

Мотив (3): Квамманга (через Ихневмона) учит Цагна, что с коротвитеном следует делиться добычей. Ср. другие «советы Цагну» — № 82(3), 83(4), 84(4), 86(3), 88(2), 89(4), 96(4), 97(2a), и (2b). См. также «советы Кагну» (тексты бушменов Малути) — № 70(3), 71(1), «советы Тсуе» — № 103(4).

№ 86 [Mantis, с. 54—57 (№ 17)].

Текст /кам. Ср. № 85.

¹ Имеются в виду мешок Цагна, его каросс и т. п. — вещи, сделанные из шкуры антилопы каама.

Мотив (1): противник Цагна (партнер по совместной охоте) Тску-тен-гхауа умеет проходить сквозь пламя невредимым. Ср. другие необычные противники Цагна — № 82(1), 83(1), 84(1), 85(1), 97(1). См. также № 70(1).

Мотив (2): Цагн созывает свои вещи и улетает в минуту опасности. Ср. № 80(3), 83(2), 87(2), 89(3), 96(2); ср. также «Цагн улетает в минуту опасности» — № 93(3), 94 (концовка); ср. «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2).

Мотив (3): Квамманга (через Ихневмона) учит Цагна делиться добычей с Тску-тен-гхауа. Ср. другие «советы Цагну» — № 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 88(2), 89(4), 96(4), 97(2a) и (2b); см. «советы Кагну» (тексты бушменов Малути) — № 70(3), 71(1), «советы Тсуе» — № 103(4).

№ 87 [Mantis, с. 15—18 (№ 5)].

Текст /кам.

Мотив (1): (посещение дома львов) — (1a) Цагн боится львов. Ср. № 44(1): гиена, муж Гцонцемдима, боится львов, ее родственников; (1b) Цагн устраивает проделки в чужом доме. Ср. также № 88(1), 89(1), 96(1).

Мотив (2): Цагн созывает свои вещи и улетает в минуту опасности. Ср. № 80(3), 83(2), 86(2), 89(3), 96(2); также «Цагн улетает в минуту опасности» — № 93(3), 94 (концовка), ср. «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2).

№ 88 [Mantis, с. 47—50 (№ 15)].

Текст /кам.

¹ Голубая журавлиха — старшая сестра Цагна (См. также № 78—79, где фигурирует Голубая журавлиха.)

Мотив (1): посещение дома львов и даманоу: Цагн наказан (завален камнями) за то, что устраивает проделки в домах чужих людей. Ср. № 87(1b), 89(1), 96(1).

Мотив (2): советы Квамманга Цагну (через Ихневмона): не устраивать проделок в домах чужих людей. Ср. другие «советы Цагну» — № 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 89(4), 96(4), 97 (2a) и (2b); см. также «советы Кагну» (тексты бушменов Малуты) — № 70(3), 71(1); «советы Тсуе» — № 103(4).

(Этиологический) мотив (3): происхождение белого оперения на шее и груди пестрой вороны (люди повесили ей на шею жир для Квамманга).

№ 89 [Mantis, с. 21—23 (№ 7)].

Текст /кам.

¹ См. примеч. 1 к № 56.

Мотив (1): посещение дома тетки-протела (Цагн наказан за жадность, тетка-протел бросила его в огонь). Ср. № 87(1b), 88(1), 96(1).

Мотив (2): уловка (обманное предложение): тетка-протел делает вид, что протягивает Цагну ребенка, а сама другой рукой хватает Цагна и швыряет его в огонь. Ср. также № 46(1), 47(1), 92(1).

Мотив (3): Цагн созывает свои вещи и улетает в минуту опасности. Ср. № 80(3), 83(2), 86(2), 87(2), 96(2); ср. «Цагн улетает в минуту опасности» — № 93(3), 94 (концовка); ср. также «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2).

Мотив (4): Квамманга (через Ихневмона) советует Цагну, как обходиться с протелами. Ср. другие «советы Цагну» — № 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 96(4), 97(2a) и (2b). См. также «советы Кагну» (тексты бушменов Малуты) — № 70(3), 71(1); «советы Тсуе» — № 103(4).

№ 90 [Mantis, с. 65—66, № 20].

Текст /кам.

Зачин: длинноносые мыши некогда были людьми.

Мотив (1): вещий сон Цагна. Ср. (в свернутом виде) № 69, № 80(1), 91(2), 92(2), 94(1), 95, см. также № 96(5).

Мотив (2): «я убиваю сам, чтобы спасти моих друзей» (Цагн посылает полосатую мышь бороться с жуком, убивающим длинноносых мышей). Ср. № 91(3), 92(5).

№ 91 [Mantis, с. 58—59, № 18].

Текст /кам.

Мотив (1): гну, полосатая мышь, длинноносые мыши были людьми.

Мотив (2): вещий сон Цагна. Ср. (в свернутом виде) № 69, № 80(1), 90(1), 92(2), 94(1), 95; см. также № 96(5).

Мотив (3): Цагн посылает полосатую мышь к гну, убивавшему длинноносых мышей. Ср. № 90(2), 92(5).

№ 92 [Mantis, с. 60—64, № 19].

Текст /кам. Сокращенный вариант опубл.: Миф, № 7 («Ящерица, мышь и Цагн»), с. 181—183 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

¹ Мешком для воды служил желудок антилопы.

Мотив (1): уловка (обманное предложение): когда выходишь, поверни голову назад и закрой глаза (после чего убивают выполнившего указание). Ср. № 46(1), 47(1), ср. также № 89(2).

Мотив (2): вещий сон Цагна. Ср. (в свернутом виде) № 69, № 80(1), 90(1), 91(2), 94(1), 95, см. также № 96(5).

Мотив (3): прикинуться дурнем, чтобы не дать себя обмануть («покажи мне как»).

Мотив (4): девушка помогает герою, выступая против отца.

Мотив (5): «я убиваю сам, чтобы спасти моих друзей» (Цагн посылает полосатую мышь к ящерице, убивавшей длинноносых мышей). Ср. № 90(2), 91(3).

№ 93 [Mantis, с. 41—44, № 13].

Текст /кам. Сокращенный вариант опубл.: Миф, № 6 («Цагн и слоны»), с. 178—180 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

Мотив (1): «знаки смерти». Ср. также № 77(3). Ср. Mot. E 761.

Мотив (2): войти в пупок слонихи и разрезать ее изнутри, чтобы освободить проглоченную газель. Ср. также № 97(4). (Мотив «разрезать чудовище и т. п. изнутри» широко распространен в фольклоре африканских народов.)

Мотив (3): Цагн взлетает в воздух в минуту опасности. Ср. № 94 (концовка). Ср. «Цагн созывает свои вещи и улетает в минуту опасности» — № 80(3), 83(2), 86(2), 87(2), 89(3), 96(2); ср. также «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2).

№ 94 [Mantis, с. 45 № 14 (до ***)].

Текст /кам, первый вариант. См. второй вариант — № 95. Зачин: некогда птица кваи-кваи была человеком.

№ 95 [Mantis, с. 45—46, № 14 (после ***)].

Текст /кам, второй вариант. См. первый вариант — № 94.

¹ Впоследствии Цагн превратился в «маленькое зеленое насекомое с крыльями» (богомол). См. концовку № 96.

Мотив: вещий сон Цагна. Ср. (в свернутом виде) № 69, № 80(1), 90(1), 91(2), 92(2), см. также № 96(5).

Концовка: упоминание мотива «Цагн надевает перья и улетает в минуту опасности». См. № 93(3); ср. «Цагн созывает свои вещи и улетает в минуту опасности» — № 80(3), 83(2), 86(2), 87(2), 89(3), 96(2); ср. также «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2).

№ 96 [Mantis, с. 30—34 (№ 11)].

Текст /кам. См. № 97 — продолжение настоящего текста. Со-

кращенный вариант опубли.: Миф, № 5 («Цагн уводит чужих овец»), с. 175—178 (пер. с англ. Е. С. Котляр).

¹ Крааль (у некоторых народов банту) — деревня, состоящая из хижин, расположенных по кругу и обнесенных высоким плетнем (или глиняной стенкой), в центре краала находится загон для скота, также обнесенный плетнем.

² См. примеч. 1 к № 86.

Мотив (1): посещение дома клещей, в который не следует ходить. Ср. № 87(1), 88(1), 89(1).

Мотив (2): Цагн созывает свои вещи и улетает в минуту опасности. Ср. № 80(3), 83(2), 86(2), 87(2), 89(3); ср. «Цагн улетает в минуту опасности» — № 93(3), 94 (концовка); ср. «вещи Цагна следуют за ним» — № 82(2).

Мотив (3): исцеление в воде. Ср. № 80(4), 83(3). Ср. также «воскресить в воде» — № 78(2), 80(5). Ср. «создание в воде» — № 76(1b), 77(1b).

Мотив (4): Ихневмон поучает Цагна. Ср. другие «советы Цагну» — № 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 97(2a) и (2b); см. также «советы Кагну» (тексты бушменов Малути) — № 70(3), 71(1); «советы Тсуе» — № 103(4).

Мотив (5): магический сон Цагна (во сне он переносит к себе дома, имущество и овец клещей). Ср. также «вещие сны Цагна» (в свернутом виде) — № 69, № 80(1), 90(1), 91(2), 92(2), 94(1), 95.

Ср. перенос дерева со всем развешанным на нем добром в упоминаемом В. Бликком (Brief, с. 7) варианте текстов № 76—77 нашего сборника.

(Этиологический) мотив (6): происхождение овечьих клещей.

(Мифологическая) концовка: устройство мира (Цагн станет богомолем, Ихневмон, Даман, Дикобраз — животными и т. п.).

№ 97 [Mantis, с. 34—40 (№ 12)].

Текст /кам (продолжение текста № 96).

Мотив (1): партнер (противник) Цагна — Всепожирающий. Ср. другие необычные противники Цагна — № 82(1), 83(1), 84(1), 85(1), 86(1); ср. также № 70(1).

Мотив (2a): советы Цагну — Дикобраз отговаривает Цагна приглашать в гости ее отца Всепожирающего, так как он их всех проглотит. См. также мотив (2b): Ср. другие «советы Цагну» — 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 96(4), а также тексты бушменов Малути («советы Кагну») — № 70(3), 71(1).

Мотив (2b): Даман учит Цагна пить понемногу... См. также мотив (2a). Ср. текст бушменов Малути — № 72 (жена Кагна, Коти, поучает его).

Мотив (3): испытание силы (Дикобраз испытывает раскаленным копьём Цагна-младшего и Квамманга-младшего, чтобы узнать, могут ли они бороться с Всепожирающим (огнем — ?)). Ср. Mot. H 221.2.

Мотив (4): разрезать чудовище, чтобы освободить проглоченных. Ср. также № 93(2).

№ 98—106: *Истории о Тсуе*

№ 98 [Specimens, с. 404—405, № 1.L.].

Текст кунг.

Мотив: Превращения Тсуе (Тсуе превратился в растение гнацане). См. другие превращения Тсуе — № 99, 100(1), 101(1), 103(2a), 104(1), 105(1), 106(6) и превращения сына Тсуе — № 103 (2b). Ср. также превращения Цагна — № 75(2), 81.

№ 99 [Specimens, с. 404—405, № 2.L.].

Текст кунг.

Мотив: Превращение Тсуе (Тсуе превращается в растения — дуй, гнацане, дерево шао, людей — гереро, макоба). См. другие превращения Тсуе — № 98, 100(1), 101(1), 103(2a), 104(4), 105(1), 106(6) и превращения сына Тсуе — № 103 (2b). Ср. также превращения Цагна — № 75(2), 81.

№ 100 [Specimens, с. 406—407, № 3.L.].

Текст кунг.

Мотив (1): превращения Тсуе (Тсуе превращается в дерево цгуй, муху). Ср. другие превращения Тсуе — № 98—99, 101(1), 103(2a), 104(1), 105(1), 106(6) и превращения сына Тсуе — № 103(2b). Ср. также превращения Цагна — № 75(2), 81.

Мотив (2): проделки Тсуе (Тсуе превратился в дерево цгуй, чтобы заманить свою жену его плодами, а потом из цгуи превращается в муху — и жена умерла, плача, что цгуи исчезло). Ср. другие проделки Тсуе — № 101 (2a) и (2b), 104(1), 105(2).

Мотив (3): трава подломилась под Тсуе. Ср. № 104(4).

№ 101 [Specimens, с. 406—413, № 4.L.].

Текст кунг.

¹ Огонь добывают при помощи двух сухих кусков разных видов древесины. Большой кусок — плоский, из мягкой древесины, кладут на землю, вставляют в просверленное в центре этого куска маленькое круглое отверстие заостренный конец круглой палочки из твердой древесины и быстро вращают ее между ладонями, придерживая лежащий на земле кусок дерева ногой. Искра, высеченная трением, попадает на пучок сухой травы, положенной возле места соприкосновения деревянных палочек; затем подкладывают припасенные траву и ветки, чтобы поддерживать огонь. (Ср. № 104(3): Тсуе высекает огонь трением.)

² Концовка взята из записей Л. Ллойд, опубликованных Д. Блик (!Kung, с. 270). Развитие мотива об уподоблении луны Тсуе см. в № 106(5).

Мотив (1): превращения Тсуе (Тсуе может превращаться в умершего, в ящерицу, озерцо, птичек ну-срре, слезу бушмена). См. другие превращения Тсуе — № 98—99, 100(1), 103(2a), 104(1), 105(1), 106(6) и превращения сына Тсуе — № 103 (2b). Ср. превращения Цагна — № 75(2), 81.

Мотив (2a): проделки Тсуе (Тсуе превращается в озерцо, заросшее травой и тростником, и опутывает голубя, чтобы схва-

тить и съесть его). См. мотив (2b). Ср. другие проделки Тсуе — № 100(2), 104(1), 105(1).

Мотив (2b): проделки Тсуе (Тсуе превращается в ящерицу и умершего, чтобы обмануть отца). См. мотив (2a).

№ 102 [!Kung, с. 262—266.L.].

Текст кунг.

Мотив (1): Тсуе спорит с зайцем, вмешивающимся в дела устройства мира. Ср. спор зайца с луной о бессмертии для человека — № 106(2) и тексты № 12—20.

Мотив (2): Тсуе дает бушменам плоды в пищу, лук и колчан со стрелами и учит их убивать зайцев. Ср. «Кауха и заяц-прыгун» — № 115(2). Ср. другие деяния Тсуе-демиурга — № 103(1), 104(2) и (3), 106(1) и (7).

№ 103 [!Kung, с. 266—267.L.].

Текст кунг.

Мотив (1): Тсуе создает людей — бушменов, гереро (и он же убивает их). Ср. другие деяния Тсуе-демиурга — № 102(2), 104(2) и (3), 106(1) и (7).

Мотив (2a): превращения Тсуе (Тсуе превращается в растение шао, обезьяну). Ср. мотив (2b). См. другие превращения Тсуе — № 98—99, 100(1), 101(1), 104(1), 105(1), 106(6). Ср. также превращения Цагна — № 75(2), 81.

Мотив (2b): сын Тсуе превращается в растение бобо. См. мотив (2a).

Мотив (3): сын Тсуе вторит отцу в его деяниях — он делает бушменов. (Ср. в тексте /кам сын Цагна — молодой Цагн подражает отцу — № 97). Ср. также мотив (2b): сын Тсуе, как и сам Тсуе, может превращаться.

Мотив (4): сын Тсуе упрекает отца за трусость и успокаивает его. Ср. мотив «советы Цагну (Кагну)» — № 70(3), 71(1), 82(3), 83(4), 84(4), 85(3), 86(3), 88(2), 89(4), 97(2a) и (2b).

№ 104 [!Kung, с. 267—270.L.].

Текст кунг.

¹ Ку-цна-тсгаасинг — мать Тсуе. См. № 106.

Мотив (1): превращения и проделки Тсуе (Тсуе превращается в плод гнацане, бабочек, ребенка (Тсуе), луну, солнце, муху, чтобы обманывать людей). См. другие превращения Тсуе — № 98—99, 100(1), 101(1), 103(2a), 105(1), 106(6); ср. превращения сына Тсуе — № 103(2b). См. также проделки Тсуе — № 100(2), 101(2a) и (2b), 105(2). Ср. превращения Цагна — № 75(2), 81.

Мотив (2): Тсуе делает дождь (и останавливает его магическим рогом). Ср. № 106(7) — упоминание мотива. Ср. другие деяния Тсуе-демиурга — мотив (3) и № 102(2), 103(1), 106(1) и (7).

Мотив (3): Тсуе высекает огонь трением (и разводит огромный костер, обогревающий страну). Ср. текст № 101 (Тсуе высекает огонь трением). См. другие деяния Тсуе-демиурга — мотив (2) и № 102(2), 103(1), 106(1) и (7). Ср. «о происхождении огня» — № 7—9.

Мотив (4): трава сломалась под Тсуе. Ср. № 100(3).

№ 105 [!Kung, с. 283].

Текст кунг, записанный Л. Ллойд и опубликованный (частично в пересказе) Д. Блик.

¹ Дух (ганг-а) живет в маленькой травяной хижине, похожей на птичье гнездо. Он маленький и поэтому похож на бушмена, носит маленький передник, как бушмены, а на плечи накидывает шкурку мыши; он ничего не ест. Когда человек умирает, он становится ганг-а, он убивает бушменов, так как его сердце болит. Тогда колдун, который лечит больного, магическими жестами убивает духа, а мужчины и женщины поют.

Мотив (1): превращения Тсуе (Тсуе превращается в духа, в «другого человека», он «входит» в деревья). См. другие превращения Тсуе — № 98—99, 100(1), 103(2а), 104(1), 106(6) и превращения сына Тсуе — № 103(2b). Ср. также превращения Цагна — № 75(2), 81.

Мотив (2): проделки Тсуе (Тсуе подкрался и убил своего ребенка). См. другие проделки Тсуе — № 100(2), 101(2а) и (2b), 104(1).

№ 106 [!Kung, с. 271—281. L.].

Текст кунг (Д. Блик, которой принадлежит публикация, указывает, что текст дается с сокращениями — опущено описание других битв Тсуе с отцом и луной; часть примечаний включена мною в текст. — Е. К.).

¹ Ср. (текст/кам) № 19: заяц оплакивает свою мать, но все равно возражает против того, чтобы умершие оживали, поскольку они скверно пахнут. Ср. также (текст кунг Ботсваны) № 15: луна в ответ на возражения зайца спрашивает, будет ли он против воскрешения умерших, если умрет сам. Заяц настаивает, так как умершие скверно пахнут.

² Рассказчик развел руки на 1,2 м.

Мотив (1): Уве (Тсуе) сделал животных, которых едят, и много других вещей. Ср. другие деяния Тсуе-демиурга — № 102(2), 103(1), 104(2) и (3).

Мотив (2): спор зайца с луной о бессмертии для человека (заяц говорит, что бушмены должны умирать насовсем, так как умершие скверно пахнут). См. примеч. 1. Ср. № 102(1): заяц прячет дичь от людей, не хочет давать бушменам пищи, так как они «плохо пахнут». Ср. тексты кунг Ботсваны — № 15(1), 16(1), 17(1), ср. № 19(1), также (спор: должны люди умирать или жить вечно) № 12(1), 13(1) и (происхождение смерти вследствие неправильно переданного сообщения) № 18(2), 20(1).

Мотив (3): Тсуе разбил зайцу голову дубинкой, так что хлынула кровь, за то, что он против воскрешения людей, а заяц и его жена убили Тсуе, несмотря на возражения луны, но тот воскрес. (Ср. № 12(2а) и (2b), 13(2а) и (2b), 14(1), 15(2), 16(2а) и (2b), 17(2а) и (2b), 18(3а) и (3b), 19(2), 20(2).)

Мотив (4): смерть и воскрешение Тсуе (Тсуе многократно убивают — заяц, жена зайца, луна, но он воскресает). Ср. о Кагне — № 70(2).

Мотив (5): смерть и смерть и воскрешение (и превращения) луны (жена убивает луно, но та воскресает в виде маленькой луны, луны-ребенка, которого убивает мать (= жена большой луны), но он воскресает по ее просьбе; жена луны и ее род-

ственники убивают луну, снова превратившуюся в большую луну из маленького ребенка, она воскресает; люди убивают луну, превратившуюся в змейку, и бросают ее в огонь, но она воскресает как Тсуе; луна-Тсуе умирает и воскресает как луна, после того как ее убивают снова, она превращается в гереро и убивает Тсуе и его родственников — мать, отца, брата, но они воскресают; Тсуе убивает отца, но тот воскресает; Тсуе умирает, луна умирает, она становится Тсуе). См. об уподоблении луны Тсуе примеч. 3 к № 101. Ср. мотив (4). Ср. № 58(2).

Мотив (6): превращения Тсуе (Тсуе превратился в маленького ребенка). См. № 104(1). См. другие превращения Тсуе — № 98—99, 100(1), 101(1), 103(2a), 105(1), см. также превращения сына Тсуе — № 103(2b). Ср. превращения Цагна — № 75(2), 81.

Мотив (7): упоминается мотив «Тсуе делает дождь» — см. № 104(2).

№ 107—112: Истории о Тсума-тсума(не) (также Хейше)

№ 107 [Biesele, № 36(1)].

Текст кунг (Ботсвана) на сюжет: взаимоотношения между бушменскими племенами и скотоводческими (и земледельческими) народами банту. Ср. № 108, 110.

Мотив (1): (случайная) находка крупного рогатого скота. Ср. № 110(1), а также другие «случайные открытия» — № 6(4) и (5), 9(1), 10(1), 108(1).

(Этиологический) мотив (2): почему хозяином крупного рогатого скота стал батсвана, а Тсума-тсума стал его слугой и пас его скот (батсвана предложил Тсума-тсума поесть вместе с ним, но тот отказался — я вылижу горшок после тебя). Ср. 110(2) и (3), 108(1).

№ 108 [Biesele, № 36(2)].

Текст кунг (Ботсвана) на этиологический сюжет о занятиях батсвана и бушменов. Ср. № 107, 110.

Мотив (1): (случайная) находка сорго. Ср. № 6(4), а также другие «случайные открытия» — № 6(5), 9(1), 10(1), 107(1), 110(1).

(Этиологический) мотив (2): происхождение земледелия у батсвана (Тсума-тсума и батсвана обнаружили сорго — первый хотел поджечь поле, чтобы уничтожить «ужасные волосатые растения», а второй объявил, что будет охранять и возделывать сорго, чтобы использовать его в пищу, так же как и скот). Ср. № 107.

№ 109 [Biesele, № 36(3)].

Текст кунг (Ботсвана) на этиологический сюжет о занятиях скотоводческих и земледельческих народов банту (батсвана) и бушменов. Ср. № 108, 107.

Мотив: распределение обязанностей в результате испытания — перетягивания веревки: Тсума-тсума (бушмен) стал охотником, а батсвана (банту) — скотоводом. Ср. № 110(4). Ср. «разделение белых и бушменов» — № 5(1).

№ 110 [Biesele, № 37].

Текст кунг (Ботсвана) на сюжет о занятиях банту и бушменов и их взаимоотношениях. Ср. № 108.

Мотив (1): (случайная) находка коров. Ср. № 107(1). Ср. другие «случайные открытия» — № 6(4) и(5), 9(1), 10(1), 108(1).

(Этиологический) мотив (2): гоба объявляет себя хозяином найденного скота («так как он был богат»), а Тсума-тсумане — своим слугой, который будет стеречь коров. См. также мотив (3).

Мотив (3): Тсума-тсумане отказывается есть вместе с гоба и выскребает остатки после него. См. также мотив (2). Ср. № 107(2).

Мотив (4): распределение обязанностей в результате испытания — перетягивания веревки (Тсума-тсумане стал жить в буше и есть пищу буша, он стал слугой гоба (банту), а гоба ест плоды земледелия и скотоводства — мясо, сорго и пьет молоко). Ср. № 109. Ср. также «разделение белых и бушменов» — № 5(1).

№ 111 [Biesele, № 24].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): обманное предложение: Тсума-тсумане (Хейше) обманывает страуса, будто он съел своих детей, и предлагает страусу съесть его детей; обнаружив обман, страус не дает Хейше набрать воду, и тот избивает страуса палкой по ногам. Ср. текст кунг Ботсваны № 125, где страуса обманывает Цгаува, и тексты нарон № 31—32 (дрофа предлагает страусу съесть их детей, но страус обманывает дрофу, и та избивает страуса палкой по ногам). Ср. Mot. K 944 (обманное соглашение убить жен (детей). Трикстер делает вид, а обманутый простак убивает на самом деле).

(Этиологический) мотив (2): «сломанные ноги» страуса. Ср. № 125(4).

Концовка: страус превращается в птицу, а Хейше — в маленькую птичку с красными глазами.

№ 112 [Biesele, № 20].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив «проделки Хейше (Тсума-тсумане)» — Хейше поедает детенышей дикобраза в отсутствие матери, она подкарауливает Хейше и обдирает кожу у него с головы. (Мотив принадлежит к числу распространенных в фольклоре банту, как и некоторых других африканских народов, — «трикстер нянчит детенышей другого животного».)

№ 113—127: *Истории о Кауха (также Цауха, Хейше и Цгаува, Цгаунва, Гануа)*

№ 113 [Biesele, № 10].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): вначале люди и животные были похожи.

Мотив (2): люди вышли из норы в земле. Ср. № 1(1), 2(1).

Мотив (3): Кауха-дурень (Кауха не знает, как спать с женой). Ср. № 130.

Мотив (4): Кауха — демиург (Кауха создал людей и разные вещи и дал им имена). Ср. другие мифологические деяния Кауха — № 115(2), 116(1), 123(3) и № 126, 127(2).

№ 114 [Biesele, текст 28].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): животные (львы, черепахи) и птицы прежде были людьми.

Мотив (2): Кауха созывает птиц, чтобы те помогли ему отыскать сыновей (убитых и спрятанных львами в желудке антилопы). Ср. другие тексты кунг Ботсваны — № 41 и (в свернутом виде) № 40 (кори-дрофа созывает животных, чтобы те помогли ему отыскать его жену-питона (Гцонцемдима), упавшую в водоем).

№ 115 [Biesele, № 19].

Текст кунг (Ботсвана), первый вариант. См. № 116 — второй вариант.

¹ Для извлечения из нор зайцев-прыгунов, трубокзубов связывали сухожилиями три-четыре длинных стебля тростника и привязывали к одному концу крюк или рог.

Мотив (1): Кауха одалживает зайцу-прыгуну набедренную повязку своих сыновей, а тот не отдает ее. Ср. № 116(1) — Цаиха одалживает зайцу-прыгуну свою набедренную повязку...

Мотив (2): Кауха-демиург — происхождение зайцев-прыгунов и крючьев, чтобы охотиться на них (Кауха растерзал зайца-прыгуна и разбросал клочья его шкуры, чтобы зайцы-прыгуны жили повсюду и люди охотились на них при помощи крючьев). Ср. «разбросать дрова, чтобы у всех был огонь» — № 123(3). Ср. другие мифологические деяния Кауха — № 113(4), 116(1), 123(3) и № 126, 127(2). Ср. «Тсуе и заяц» — № 102(2).

№ 116 [Biesele, № 18].

Текст кунг (Ботсвана), второй вариант. См. первый вариант — № 115.

Мотив (1): Цаиха (Кауха) — демиург (Цаиха создал все). Ср. другие его мифологические деяния — № 113(4), 115(2), 123(3) и № 126, 127(2).

Мотив (2): Цаиха одолжил зайцу-прыгуну свою набедренную повязку, а тот отказывается ее вернуть. Ср. № 115(1) (Кауха одолжил зайцу-прыгуну набедренную повязку своих сыновей).

(Этиологический) мотив (3): происхождение хвоста у зайца-прыгуна — это набедренная повязка Цаиха.

№ 117 [Biesele, № 14].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив: проделки Кауха (Кауха превратился в мертвую антилопу-прыгуна, чтобы обмануть девушку и овладеть ею). Ср. № 118(3). Ср. текст /кам № 81: Цагн превратился в мертвую антилопу каама, чтобы обмануть детей (пугает девочку). Ср. другие проделки Кауха — № 119(3), 120(2) и (4), 122(3), 124—125.

№ 118 [Biesele, № 12].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): превращения Кауха (Кауха превращается в плоды гхнгдуа, китва). Ср. № 121(2). Ср. № 117 — Кауха превратился в мертвую антилопу-прыгуна.

Мотив (2): проделки девушки — девушка подстраивает так, чтобы Кауха упал в кучу испражнений. Ср. № 121(1). Ср. также № 119(2), 120(3), 121(2).

Мотив (3): проделки Кауха (Кауха в виде плодов гхнгдуа, китва забирается в живот к проглотившей его девушке). Ср. № 117. Ср. другие его проделки — № 119 (3), 120(2) и (4), 122(3), 124—125. Ср. № 121(2) — проделки жен Кауха.

№ 119 [Biesele, № 13].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): кусты гхнгдуа некогда были женами Кауха.

Мотив (2): кусты гхнгдуа побили Кауха. Ср. № 70 — люди-колючки побили Кагна. Ср. также № 118(2), 120(3), 121(1).

Мотив (3): Кауха велел кустам гхнгдуа побить его жен. Ср. другие проделки Кауха — № 117, 118(3), 120(2) и (4), 122(3), 124—125.

№ 120 [Biesele, № 15].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): птица гемша была человеком, женой Кауха.

Мотив (2): проделки Кауха (он утаивает от жены Цуше найденные им луковицы кцару). Ср. другие его проделки — мотив (4), № 117, 118(3), 119(3), 122(3), 124—125.

Мотив (3): жена Кауха съела его луковицы и, чтобы скрыть это, наполнила его мешок песком, положив три луковицы сверху. (Ср. Mot. K 143.1., K 144.2., K 144.3.)

Мотив (4): проделки Кауха (Кауха делает вид, что хочет танцевать с женой, съевшей его луковицы, и убивает ее). См. мотив (2).

(Этиологический) мотив (5): с тех пор (как Кауха убил в танце жену) танец стал раздельным.

№ 121 [Biesele, № 27(2)].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): проделки жен Кауха (жены Кауха подстроили так, что Кауха упал в кучу испражнений, — они слепили из испражнений детеныша жирафа и послали Кауха на него охотиться). Ср. № 118(2). Ср. мотив (2), а также № 119(2), 120(3).

Мотив (2): превращения жен Кауха (они превратились в плоды китва, чтобы Кауха съел их, — спасаются благодаря птице гдору, проклюнувшей живот Кауха). Ср. № 118(3). Ср. проделки жен Кауха — мотив (1), а также № 118(2), 119(1) и (2), 120(3).

№ 122 [Biesele, № 17].

Текст кунг (Ботсвана). Ср. текст /кам № 82.

¹ Букв: Глаза-на-Лодыжках.

Мотив (1): партнер (противник) Кауха — Гонгончи-даси.

Ср. № 82(1) — Неуловимый (с глазами на ногах) — противник Цагна.

Мотив (2): Кауха испытывает Гонгончи-даси, бросая в него песком, чтобы выяснить, где у того глаза. Ср. Цагна (Кагна), которому в аналогичной ситуации помогают советами его родственники — Квамманга, Ихневмон и др.

Мотив (3): проделки Кауха (Кауха бросает Гонгончи-даси в огонь и забрасывает тлеющими углями, чтобы сжечь его глаза). Ср. другие его проделки — № 117, 118(3), 119(3), 120(2) и (4), 124—125.

№ 123 [Biesele, № 22].

Текст кунг (Ботсвана).

¹ См. примеч. 2 к № 101.

Мотив (1): у Кауха не было огня, и он ел пищу сырой, а у Тсаше-дзунини был огонь, и он ел вареную еду. Ср. № 9 — у мужчины вначале не было огня, и он ел пищу сырой, а его жена и дети ели вареное.

Мотив (2): проделки Кауха (Кауха при помощи магической игрушки, джани, находит сухое дерево — топливо для огня). Ср. № 9(2).

Мотив (3): Кауха-демиург (Кауха достает огонь для всех — он повсюду разбрасывает хворост: пусть огонь будет у каждого на земле!) Ср. разбрасывание разорванного в клочья зайца-прыгуна: пусть зайцы-прыгуны водятся повсюду! — № 115(2). Ср. другие мифологические деяния Кауха — 113(4), 115(2), 116(1), также № 126, 127(2).

№ 124 [Biesele, № 26].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив «добывание меда — Цгаува и птица гонгон»: Цгаува (Кауха, также Цаиха) украл мед у птицы гонгон, которая не хотела с ним поделиться. Ср. № 128(1) — Гара и птица гонгон, № 71 — Кагн и орел.

№ 125 [Biesele, № 25].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): страус был человеком.

Мотив (2): Цгаува обманул страуса, будто он убил своих детей, для того чтобы страус сделал то же самое; обнаружив обман, страус уселся поперек дороги к источнику и не пропустил Цгаува, они стали бороться, и Цгаува хитростью спасся от страуса. Ср. текст кунг Ботсваны — № 111(1) и тексты на-рон — № 31—32. Ср. Mot. K 944 [Обманное соглашение убить жен (детей). Трикстер делает вид, а обманутый простак убивает на самом деле].

Мотив (3): «обманный довод» (отпусти меня и обегу скалу спереди, чтобы схватить меня, когда я выйду). Ср. (спасение благодаря обманному доводу) Туре 122, Mot. K 550.

(Этиологический) мотив (4): «перебитые ноги» страуса. Ср. № 111(2).

№ 126 [Native, с. 104].

Мотив: Гануа обучил бушменов магии (Гануа дал бушмену

Тжи-тжи магический колчан с магическими стрелами и научил его магическому танцу). Ср. текст бушменов Малути № 64 — Каги научил бушменов танцу мокома. Ср. другие мифологические деяния Гануа (Цгаува) — № 113(4), 115(2), 116(1), 123(3), 127(2).

№ 127 [Narop, с. 46].

Текст нарон.

Мотив (1): ветер был человеком. Ср. текст /кам № 61. (Ср. также № 60 — дождь был человеком, № 58 — солнце было человеком.)

Мотив (2): Цгаунва (Хише) летает вместе с ветром в виде птицы — он передвигается, делая ветер.

№ 128—131: *Истории о Гара (упоминается также в № 113)*

№ 128 [Biesele, № 27(1)].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив (1): добывание меда (Гара и птица гонгон). Ср. № 124 (Цгаува и птица гонгон) и № 71 (Каги и орел).

Мотив (2): мушки зашили разорванный живот Гара. Ср. № 137. Ср. также № 70(2) — термиты помогают людям-колючкам воскресить Кагна.

№ 129 [Biesele, № 16].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив «Гара-дурень»: Гара убивает вместо лягушек жаб, но, обнаружив, что их нельзя есть, отбирает у женщин пойманных ими лягушек. См. № 130. Ср. также № 113(3): Кауха-дурень.

№ 130 [Biesele, № 11].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив «Гара-дурень»: Гара не знает, как спать с женой. Ср. № 113(3): Кауха не знает, как спать с женой. См. также № 129.

№ 131 [Biesele, № 21].

Текст кунг (Ботсвана).

Мотив: огонь под крылом у птицы. Ср. № 7 (головешка под крылом страуса).

№ 132 [Narop, с. 48].

Текст нарон.

Песня часто поется отдельно.

№ 133 [Lebzelter, с. 101].

Ср. мотив «змеиный жир как магическое снадобье» (соперники Кванцикутшаа покапали змеиным жиром на мясо, и, когда он хотел съесть мясо, куски стали выпадать у него изо рта, а из носа хлынула кровь; тогда он бросился в реку, превратившись в змею) — текст бушменов Малути — № 73.

№ 134 [Dognan, с. 180—181, № 7].

Текст бушменов Калахари.

№ 135 [Specimens, с. 36—41 (I.—7.B.)].

Текст /кам.

В. Блик упоминает также миф о том, как Цагна обманула гигантская черепаха.

Мотив «один потерпевший подставляет вместо себя другого» ср. № 71(3) — Кагн и Куниси.

№ 136 [Africa, с. 309].

Пересказ Д. Блик текста /кам из материалов, собранных В. Бликом и Л. Ллойд. Д. Блик полагает, что это быличка, трансформировавшаяся в сказку.

Мотив «превращение (в маленького ребенка и др.) для того, чтобы обмануть», широко распространен в фольклоре бушменов и типичен для мифологических трикстеров типа Цагна, Тсуе, Кауха, Цгаува.

№ 137 [Africa, с. 309—310].

Пересказ Д. Блик текста /кам из материалов, собранных В. Бликом и Л. Ллойд.

Мотив: зашить разорвавшееся тело (при помощи шипов). Ср. 128(2).

№ 138 [Specimens, с. 136—145 (IV.—34.B.)].

Текст /кам.

¹ У самцов страусов все короткие перья туловища угольно-черного цвета, а у самок мелкое оперение серо-бурое.

² Имеется в виду кожа на ногах страуса.

Мотив «воскрешение в воде» типичен для бушменского фольклора. Ср. другие тексты /кам — № 78(2) (Цагн воскресил свою сестру Голубую журавлиху, положив ее грудную кость, вилочку, в воду), а также № 80(5) (Цагн воскрешает сына, положив его глаз в воду). Ср. «создание в воде» — № 76(1b), 77(1b) и «исцеление в воде» — № 80(4), 83(3), 96(3).

№ 139 [Africa, с. 309].

Пересказ Д. Блик текста /кам из материалов, собранных В. Бликом и Л. Ллойд.

№ 140 [Specimens, с. 260—269 (VII.—151.L.)].

Текст /кам.

№ 141 [Specimens, с. 174—191 (V.—37.B.)].

Текст /кам, данный с некоторыми изменениями (перестановка эпизодов).

¹ Согласно одной версии, на которую ссылается В. Блик, необычная сонливость была наслана на юношу львом.

№ 142 [1—9: Africa, с. 306—307; 10 — Schapera, с. 176, 11: Orpen, с. 142].

Молитвы 1—9 — из фольклора /кам (материал, собранный В. Бликом и Л. Ллойд и опубликованный Д. Блик), а 10 — из фольклора кунг Анголы (собранного Д. Блик). Молитва 9 обращена к Канопусу — «звезде съедобных личинок термитов». Молитва 11 бушменов Малуги (запись Ж. Орпена) обращена к центральному персонажу — Кагну. См. также молитву, обращенную к новой луне, — текст /кам № 19.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Волшебный рог — Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи. Собраны Л. Коль-Ларсеном. Пер. с нем. Г. Пермякова. М., 1962.
- Миф — Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки. М., 1975 [Приложения: тексты бушменов].
- Ольдерогге — Д. А. Ольдерогге. Проблемы этнической истории Африки, с. 3—17.— Этническая история Африки: Доклониальный период. Сборник статей. АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1977.
- Охотина — Н. В. Охотина. Бушменские языки. Койсанские языки.— Лингвистическая энциклопедия [в печати].
- Сказки, 1959 — Сказки народов Африки. Ред. переводов Д. А. Ольдерогге и Б. В. Замарина. М.—Л., 1959 [Переводы с английского текстов В. Блика Н. В. Охотиной].
- Сказки, 1976 — Сказки народов Африки. Перевод с африканских и западноевропейских языков. М., 1976.
- Africa — D. Bleek. Bushman Folklore.— «Africa». Vol. 2, 1929, № 3.
- Biesele — Megan Biesele. [Selection from] «Folklore and Ritual of Kung Hunter-Gatherers», dissertation. Vol. II.— Harvard University, the Department of Anthropology, 1975.
- Bjerre — J. Bjerre. Kalahari. L., 1960 [рус. пер.: И. Бьерре. Затерянный мир Калахари. М., 1963].
- Brief — W. H. I. Bleek. A Brief Account of Bushman Folk-Lore and Other Texts. Cape Town — London — Leipsic, 1875.
- Buschmänner — D. Bleek. Buschmänner von Angola.— «Archiv für Anthropologie». Bd. 21. N. F. 1927.
- Bushmen — Bushmen of the Southern Kalahari.— «Papers reprinted from Bantu Studies». 1937. Vol. 10, № 4, vol. 11, № 3.
- Central Angola — D. F. Bleek. Bushmen of Central Angola.— «Bantu Studies». Bd. 3, 1928, № 2.
- Dornan — S. S. Dornan. Pygmies and Bushmen of the Kalahari. L., 1925.
- Elefantenspiel — Das Elefantenspiel. Mythen, Riesen- und Stammes-sagen. Volkcrzählungen der Tindiga [Hrsg. von Prof. Dr. Ludwig Kohl-Larsen]. Eisenach — Kassel [1956].
- Ellenberger — V. Ellenberger. La fin tragique des Bushmen. P., 1953 [рус. пер.: В. Эллиенбергер. Трагический конец бушменов. М., 1956. Вступит. ст. Д. А. Ольдерогге].
- Greenberg — J. Greenberg. The Languages of Africa.— «Inter-

- national Journal of American Linguistics». Indiana University Press, 1963, Vol. 29, № 1, p. 2.
- !Kung — D. F. Bleek. !Kung Mythology.— «Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen». Bd 25, 1935, H. 4.
- Lebzelter — V. Lebzelter. Eingeborenenkulturen in Südwest- und Südafrika. Wissenschaftliche Ergebnisse einer Forschungsreise nach Süd- und Südwestafrika in den Jahren 1926—1928. Lpz., 1934.
- Mantis — The Mantis and his Friends. Bushman Folklore. Collect. by W. H. I. Bleek and Lucy S. Lloyd. Ed. by D. F. Bleek. Cape Town, [1923].
- Mot.— St. Thompson. Motif-Index of Folk-Literature. Vol. 1—6. Copenhagen and Bloomington, 1955—1958.
- Naron — D. Bleek. The Naron. A Bushman Tribe of the Central Kalahari. Cambridge, 1928.
- Native — The Native Tribes of South West Africa. Cape Town, 1928.
- Orpen — J. M. Orpen. Folklore of the Bushmen.— «Folk-Lore». Vol. 30, 1919, № 2.
- Schapera — I. Schapera. The Khoisan Peoples of South Africa. Bushmen and Hottentots. L., 1930.
- Specimens — W. H. I. Bleek and L. C. Lloyd. Specimens of Bushman Folklore. L., 1911.
- Stow, 1905 — G. W. Stow. The Native Races of South Africa. A History of the Intrusion of the Hottentots and Bantu into the Hunting Grounds of the Bushmen, the Aborigines of the Country. L., 1905.
- Stow, 1930 — Rock-Paintings in South Africa from parts of the Eastern Province and Orange Free State copied by George William Stow with an Introduction and Descriptive Notes by Dorothea F. Bleek. L., 1930.
- Tongue — Bushman Paintings copied by M. Helen Tongue. Ox., 1909.
- Type(s) — The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography Antti Aarnes's Verzeichnis der Märchentypen (FF communications, № 3). Translated and Enlarged by Stith Thompson, Second Revision. Helsinki, 1964 (-FFS 184).
- Westphal, 1956 — E. O. J. Westphal. The non-bantu languages of Southern Africa. A. N. Tucker and M. A. Bryan. The non-bantu languages of North-Eastern Africa. Ox., 1956.
- Westphal, 1962 — E. O. J. Westphal. On classifying Bushman and Hottentot Languages.— «African Language Studies», III, 1962, s. 30—48.
- Westphal, 1963 — E. O. J. Westphal. The Linguistic Prehistory of Southern Africa: Bush, Kwadi, Hottentot and Bantu Linguistic Relationships.— «Africa». Vol. XXXIII, 1963, c. 237—265.
- Zauberhorn — Das Zauberhorn. Märchen und Tiergeschichten der Tindiga [Hrsg von Prof. Dr. Ludwig Kohl-Larsen] [cop. 1956].

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Котляр. О фольклоре бушменских племен Южной Африки 5

МИФЫ И СКАЗКИ БУШМЕНОВ

1. О происхождении бушменов и животных и как животные лишились дара речи	24
2. О происхождении людей и животных	25
3. О Хок-кхигане	26
4. Как был устроен мир людей и животных	26
5. Как поделили землю	26
6. О происхождении детей	27
7. О происхождении огня	28
8. Леопард и огонь	29
9. Как мужчины раздобыли огонь	29
10. Как у людей появилась вода	29
11. Как мужчины и женщины стали жить вместе	30
12. Луна и зайчиха (I вариант)	32
13. Луна и зайчиха (II вариант)	32
14. Луна и зайчиха (III вариант)	33
15. О луне и зайце	33
16. О споре луны и зайца	33
17. История о луне и зайце	34
18. О старике-луне и зайчихе	35
19. Происхождение смерти	39
20. Почему люди умирают	41
21. Лев и лягушка	41
22. Почему у гиены черные ноги, а у шакала черные полосы на спине	42
23. Как животные получили свои меты	42
24. История о гиене	45
25. Лев и страусы	45
26. Как лев стал царем животных	46
27. О том, как львы убили страуса, позавидовав его голосу	47
28. Лев и гиена	49
29. Как шакал обманул льва	50
30. О шакале и питоне	52
31. Дрофа и страус (I вариант)	52
32. Дрофа и страус (II вариант)	53
33. Как гиена отомстила льву	53
34. Мечь гиены	54

35. Как шакал убил зайца	55
36. О том, как львы нашли воду	55
37. Как шакал обманул волка	58
38. О грифах, их старшей сестре и ее муже	59
39. О девушке и волке	61
40. История о Гцонцемдима и ее младшей сестре-шакале (I вариант)	62
41. История о старшей сестре-питоне и младшей сестре-шакале (II вариант)	64
42. История о старшей сестре-питоне и младшей сестре-шакале (III вариант)	67
43. Как умерла зайчиха	68
44. История о Гцонцемдима, ее братьях-львах и ее муже-гиене	69
45. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (I вариант)	71
46. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (II вариант)	81
47. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (III вариант)	88
48. История о Гцонцемдима, ее матери и ее муже (IV вариант)	92
49. О трубкозубе и рыси	94
50. Ди-Церретен, львица и дети	94
51. О матери-носороге и ее дочерях	96
52. О женщине древнего народа и быке-дожде	97
53. Смерть ящерицы	98
54. История о лягушках	99
55. О Гнерру и ее муже	100
56. Об осе-каменщике и его жене	102
57. О человеке, который велел жене отрезать ему уши	103
58. Как дети забросили на небо солнце	103
59. Как девушка древнего народа сделала звезды	106
60. О Гхагара и Гхауну, которые боролись друг с другом молниями	108
61. Сын ветра	109
62. О Гцо-Гнуинг-Тара, жене Сердца Утренней Зари	111
63. О том, как Кагн создал мир	115
64. О танце уагома	115
65. О Кагне и людоеде Кадинтаа	116
66. Как появились антилопы канна и почему они стали дикими	116
67. О дочери Кагна и о том, как змеи превратились в людей	119
68. Как Кагн уничтожил людоедов	120
69. О том, как бабуины убили сына Кагна — Когаца	121
70. О Кагне и людях-колючках	122
71. Как Кагн добыл мед	122
72. О Кагне и женщине, которая прилипла к его спине	124
73. О Кванцикутшаа и девушке	124
74. Как Цагн дал антилопам их окраску	128
75. Об антилопе каама и антилопе канна	128
76. Как Цагн сделал антилопу канна (I вариант)	130
77. Как Цагн сделал антилопу канна (II вариант)	135
78. История о журавлихе	139

79. Вонючий Рот, журавлиха и девочки	140
80. Гхауну-Тсадау, сын Цагна, бабуины и Цагн	143
81. Как Цагн превратился в антилопу каама	149
82. Цагн и Неуловимый	153
83. Цагн и кот	156
84. Цагн и чудесная птица	160
85. Цагн и птица коротвитен	162
86. Тску-тен-гхауа и Цагн	167
87. Как Цагн ходил в дом льва вместе с Квамманга и Ихневмоном	172
88. О том, как Цагна и Квамманга завалило камнями	176
89. Цагн и протел	179
90. Полосатая мышь и жук	182
91. Почему у гну светлый хвост	183
92. Ящерица, мыши и Цагн	185
93. Цагн и слоны	191
94. Птица кваи-кваи, Цагн и дети (I вариант)	195
95. Птица кваи-кваи, Цагн и дети (II вариант)	196
96. Как Цагн отобрал овец у клещей	197
97. Цагн и Всепожирающий (продолжение № 96)	202
98. Как Тсуе превратился в гнацане	211
99. Другие превращения Тсуе	211
100. О том, как Тсуе превращался в дерево цгуи и в муху	212
101. Как Тсуе превращался в воду, ящерицу, птиц и о том, как Тсуе добывал огонь и умер	212
102. Тсуе и заяц	214
103. Тсуе и его сын	216
104. Огонь Тсуе	218
105. Как Тсуе убил своего ребенка	219
106. Луна, заяц и Тсуе	220
107. Тсума-тсума и крупный рогатый скот	228
108. Тсума-тсума и сорго	229
109. Как Тсума-тсума и батсвана разделились	230
110. Как Тсума-тсумане лишился своих коров	230
111. Как Хейше обманул страуса	232
112. Прodelки Хейше	234
113. Как благодаря Кауха появились люди и все остальное	237
114. О том, как Кауха отыскал своих сыновей	238
115. История о Кауха и зайце-прыгуне (I вариант)	240
116. История о Цаиха и зайце-прыгуне (II вариант)	242
117. История о Кауха и девушке	243
118. Как Кауха превратился в гхнгдуа и китва, чтобы обмануть девушку	246
119. Кауха и его жены	247
120. Как Кауха убил свою жену	248
121. Как жены Кауха подшутили над ним	249
122. Кауха и Гонгончи-даси	250
123. Как Кауха раздобыл огонь для всех у Тсаше-дзунини	251
124. Как Цгаува отобрал мед у птицы гонгон	253
125. Как Цгаува обманул страуса	254
126. Как бушмены получили магию от Гануа	255
127. Ветер и Цгаунва	256
128. Гара и птица гонгон	256
129. История о Гара и лягушках	257

130. История о Гара и его жене	257
131. О Гара и кори-дрофе	258
132. Слон и дети	259
133. Об огромной змее	259
134. Хитрость медовой птицы	260
135. История о пантеровой черепахе	261
136. История о юноше древнего народа и корана	262
137. О двух братьях и корана	263
138. Воскрешение страуса	263
139. Об охотнике и льве	265
140. О том, как один человек обнаружил в пещере спящего льва	265
141. О юноше, которого унес лев	267
142. Молитвы-просьбы о ниспослании пищи и дождя (1—11)	270
Словарь терминов	273
Примечания	276
Библиография	313

М68 Мифы и сказки бушменов. Составление, перевод с английского, предисловие и примечания Е. С. Котляр. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

318 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Широкая публикация повествовательного фольклора бушменов — аборигенов Южной Африки. Сопровождается предисловием и примечаниями.

Рассчитана на взрослого читателя.

М 470300000—038
013(02)-83 204-82.

БКК 82.33

МИФЫ И СКАЗКИ БУШМЕНОВ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии «Сказки и мифы
народов Востока»*

Редактор И. Л. Елевич
Младший редактор Т. Н. Толстая
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Г. А. Дейгина

ИБ № 14572

Сдано в набор 11.02.82. Подписано к печати 21.01.83. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,64. Уч.-изд. л. 17,26. Тираж 75 000 экз. Изд № 5061. Зак. № 2057. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

